ЕЛИЗАВЕТА ДРАБКИНА

ЗИМНИЙ ПЕРЕВАЛ

Сентябрь — октябрь
Зимний перевал
На кронштадтском льду
В марте двадцать первого
Путешествие в иэп
Черная година
Всерьез и надолго
Раздумья в Горках
«Weiter... Weiter...»

ЕЛИЗАВЕТА
ДРАБКИНА

ЗИМНИЙ ПЕРЕВАЛ

Издание второе,
дополненное

Москва
Издательство
политической
литературы
1990

ББК 13.51
Д72

На первой стороне обложки:
репродукция с картины А. П. Левитина
«В. И. Ленин (Рассвет)».

Д $\frac{0103020000-020}{079(02)-90}$ 26—90

ISBN 5—250—00715—5

© ПОЛИТИЗДАТ, 1988

Если от главного дома в Горках свернуть налево, широкая прямая аллея приведет к беседке у края обрыва. Отсюда открывается просторный вид на холмистые поля, на леса, перелески, деревья, склонившиеся над прудом.

Эту беседку любил Владимир Ильич в те годы, когда он подолгу жил в Горках. В последние годы своей жизни.

Не знаю, почему,— быть может, потому, что все кругом тут так до боли прекрасно,— но мне кажется, что именно здесь, в этой беседке, он понял то, о чем сказал Григорию Ивановичу Петровскому:

— Болезнь у меня такая, что я или стану инвалидом, или меня не станет...

И добавил:

— ...Но только смотрите, чтобы вождями в ЦК были выбраны такие, которые не допустят раскола в партии, обеспечат ее единство. Наше дело верное. К социализму пойдут и другие страны, но если будет раскол в нашей партии, то может быть беда.

И когда я бываю в Горках, весной ли, летом или ранней осенью, здесь, в беседке, больше даже, чем в доме, где столь многое напоминает о его последних днях, меня охватывает бесконечная щемящая тоска...

В первый раз он тяжело заболел в мае двадцать второго года, но болезнь подкрадывалась к нему уже давно, исподволь, шаг за шагом и впервые громко возвестила о себе на переломе небывало тяжелой зимы двадцатого — двадцать первого года, который Глеб Максимилианович Кржижановский недаром называл «зловещим», «злосчастным».

Владимир Ильич много работал, много выступал, но всю зиму у него были головные боли и бессонница, он быстро уставал и мучился тем, что не может работать

так, как прнвык — с утра до ночн н с ночн до утра. Врачн не находнлн у него ннкакнх органнческнх пораженнй ни со стороны нервной снстемы, ни со стороны внутренних органов, однако ввнду крайнего переутомлення н острых головных болей предлагалн отдохнуть в теченне нескольknx месяцев.

Время от временн он уезжал нз Москвы, обычно в Горки. Но по-настоящему не отдыхал, а продолжал работать.

В мае двадцать второго года пронзошел первый прнступ болезнн — общая слабость, затрудненность речи, ослабленне деятельностн правой рукн н правой ноги.

Этот прнступ продолжался около трех недель. Потом не раз повторялнсь прнступы преходящего паралича — по часу, по два.

Больше всего страшнла его мысль, что ему грозит потеря речн. Ухаживавшую за ннм меднцннскую сестру Е. И. Фомнну он спроснл:

— А как вы будете поннмать меня, еслн я совсем перестану говорнть?

По предложению лечащнх врачей к Владнмнру Ильичу был приглашен крупнейшнй окулист профессор Мнханл Иоснфовнч Авербах, который у него уже бывал раньше.

Владнмнр Ильнч встретнл Авербаха как старого знакомого, был чрезвычайно к нему ласков н заботлив. Авербах сразу почувствовал, что он нщет возможностн остаться с ннм наеднне. Предвндя тяжелый разговор, Авербах всяческн нзбегал оставаться с Владнмнром Ильнчем с глазу на глаз. Все же такая мннута выпала. Схватнв Авербаха за руку, Владнмнр Ильнч с большим волненнем сказал:

— Говорят, вы хорошнй человек, скажите же правду: ведь это паралнч н пойдет дальше? Поймнте, для чего н кому я нужен с паралнчом?

Но тут вошла меднцннская сестра — и, к облегченню для Авербаха, разговор оборвался.

С помощью преданно ухаживавших за ннм Надежды Константнновны н Марнн Ильнннчны органнзм Владнмира Ильича совладал с болезнью. Весь август н сентябрь он чувствовал себя лучше н лучше и все энергнчнее включался в работу. В октябре он вернулся в Москву, стал много работать, хотя н не так много, как прежде. Но в начале декабря вновь появнлнсь приступы

преходящего паралича, а в иочь с пятиадцатого иа шестиадцатое декабря наступило резкое ухудшеиие состояиия его здоровья.

Весь январь и февраль двадцать третьего года его состояние то слегка улучшалось, то сиова ухудшалось. По рассказу иаходившейся при нем иеотлучно Е. И. Фомииой, был ои тогда в спокойиом иастроении, хотя все время довольио грустный. К увереииям врачей, что ои скоро поправится, отиосился иедоверчиво.

С иеобычайиым терпеиием переиосил подолгу мучившие его головиые боли, иикогда ие стоиал, ие жаловался, ие требовал облегчить его страдаиия. Ои лежал совершенно неподвижио, и от этого делалось за иего еще мучительиее.

В эти-то месяцы ои продиктовал свои последиие статьи и письма к партии, известные под имеием его завещаиия.

Десятого марта произошел иовый тяжелый приступ с полным параличом правых коиечиостей и потерей речи, которой ои больше всего страшился. И это при ясиом сознаиии и поиимаиии всего происходящего, в том числе и своей болезии.

«Положеиие было истиино трагическое,— рассказывал потом виовь посетивший его в это время Авербах.— Человек, который своим словом приводил в состояние экстаза массы и убеждал закалеиных в дискуссиях борцов и вождей, человек, иа слово которого уже так или иначе реагировал весь мир,— этот человек не мог выразить самой простой мысли, но в состояиии был все понять. Это ужасио! На лице его было иаписаио страдаиие и какой-то стыд, а глаза сияли радостью и благодарностью за каждую мысль, поиятую без слов.

Этот раздирающий душу благодариый взгляд испытал на себе и я, случайно угадавший одно его желаиие, которое ие поияли окружающие».

Два месяца Владимир Ильич пролежал в Москве, а в мае его перевезли в Горки. Там ему стало лучше, но иеиадолго. Во второй половиие июия произошло иовое обостреиие. На этот раз оио выразилось в сильиом возбуждении и бессоииице.

В это самое тяжелое время, когда ои по иескольку суток ие спал, ои, как рассказывает Е. И. Фомиа, оставался таким же иетребовательиым и иеприхотливым и таким же виимательиым к окружающим его людям, как и всегда.

Примерно с конца июля началось очень медленное, но непрерывное улучшение. Владимир Ильич катался в кресле по дому и по парку, постепенно начал с посторонней помощью ходить, в начале августа приступил к упражнениям для восстановления утерянной способности речи, которые Надежда Константиновна проводила с ним до декабря. В сентябре он мог уже, держась за перила, спускаться и подыматься по лестнице, в октябре ходил по комнате, опираясь на палку. Товарищи, встречавшие его в то время, когда он гулял в парке, рассказывали: «Та же улыбка, та же приветливость, только в глазах что-то печальное».

Благодаря неустанным упражнениям он начал внятно произносить некоторые односложные слова. Порой казалось, что он вот-вот заговорит. Часто брал он газеты, просматривал их, показывал статьи, которые просил прочитать ему вслух. Хотя медленно, с трудом начал писать левой рукой. А когда наступили солнечные зимние дни, стал ездить на санях в лес в сопровождении охотников и был во время этих поездок неизменно ровен, весел, оживлен.

Но близкие Владимира Ильича вспоминают, что он, когда оставался один, пытался напевать романс Балакирева на слова Лермонтова:

В полдиевиый жар в долиие Дагестаиа
С свиицом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилася моя.

Хотя врачи и близкие знали о глубоких поражениях, нанесенных болезнью, но ничто, казалось, не предвещало очень близкого конца.

Катастрофа наступила в понедельник двадцать первого января.

«Еще в субботу ездил он в лес, но, видимо, устал,— рассказывала потом об этих трагических днях Н. К. Крупская,— и, когда мы сидели с ним на балконе, он утомленно закрыл глаза, был очень бледен и все засыпал, сидя в кресле. Последние месяцы он не спал совершенно днем и даже старался сидеть не на кресле, а на стуле. Вообще, начиная с четверга, стало чувствоваться, что что-то надвигается: вид стал у Вл. Ильича ужасным, усталым, измученным. Он часто закрывал глаза, как-то побледнел, и, главное, у него как-то изменилось выражение лица, стал какой-то другой взгляд,

точно слепой. Но на вопрос, не болит ли что, отвечал отрицательно. В субботу, 19-го, вечером он стал объяснять Николаю Семеновичу [1], что видит плохо... В воскресенье пригласили профессора Авербаха. Владимир Ильич встретил его очень ласково, охотно отвечал на все вопросы, немного успокоился.

В понедельник пришел конец. Владимир Ильич утром еще вставал два раза, но тотчас ложился спать. Часов в одиннадцать попил черного кофе и опять заснул. Время у меня путалось как-то. Когда он проснулся вновь, он уже не мог говорить, дали ему бульон и опять кофе. Он пил с жадностью, потом успокоился немного, но вскоре заклокотало у него в груди. Все больше и больше клокотало у него в груди. Бессознательнее становился взгляд. Владимир Александрович и Петр Петрович [2] держали его почти на весу на руках; временами он глухо стонал, судорога пробегала по телу. Я держала его сначала горячую, мокрую руку, потом только смотрела, как кровью окрасился платок, как печать смерти ложилась на мертвенно побледневшее лицо. Профессор Ферстер и доктор Елистратов впрыскивали камфару, старались поддержать искусственное дыхание,— ничего не вышло, спасти было нельзя».

В шесть часов пятьдесят минут вечера Владимир Ильич скончался. Последний вздох был таким тихим, что его никто не услышал.

Товарищи, жившие в то время в расположенном на территории Горок санатории, до последней минуты не знали о случившемся. Вечером, около шести, отдыхавший в этом санатории московский партийный работник Владимир Гордеевич Сорин зашел в домик, в котором жил управляющий совхозом «Горки» А. А. Преображенский, друг Владимира Ильича еще по Самаре. Несколько минут спустя прибежал кто-то от Марии Ильиничны с просьбой прислать камфару. Сорин не знал, для чего вообще бывает нужна камфара, и спросил об этом. Ему шепотом ответили, что камфара бывает нужна для усиления деятельности сердца.

На душе у Сорина стало тревожно и беспокойно.

---

[1] Н. С. Попов — врач, ухаживавший за Владимиром Ильичем.— *Ред.*

[2] В. А. Рукавишников — санитар, П. П. Пакалн — начальник охраны в Горках.— *Ред.*

Он вышел из дому. Кругом стояла тишина и все казалось таким же, как всегда. Но иет! Было что-то иеобычиое, тревожиое. Что? Сории поиял ие сразу. Это были освещеииые окиа иаверху. В это время суток окиа иаверху никогда не бывали освещеиы и свет в иих озиачал, что там, иаверху, что-то происходит.

Сории вошел в Большой дом (так прозвали дом, в котором жил Владимир Ильич), посмотрел на часы. Было семь часов вечера. Прошло уже десять миют, как Владимир Ильич умер, ио в доме было до того тихо, так иичто ие говорило о смерти, что у Сориа даже ие возникло о ией мысли. Самое большее, что ои мог предположить,— это что у Владимира Ильича произошел иовый приступ болезии.

Ои вериулся в домик А. А. Преображеиского. Из Большого дома иикто ие приходил.

Вдруг резко, с размаху хлопиула дверь виизу. Все, кто был в домике, бросились к выходу. И через секуиду — Сории не успел еще выбежать иа площадку — раздался чей-то ужасиый крик, который без слов говорил, что в Большом доме произошло иепоправимое...

Едва стало известно, что Владимир Ильич умер, вся трудовая Москва в слезах и горе собралась иа фабриках и заводах. В Горки потяиулись делегации с веиками в трауриых леитах.

Среди иих была делегация Трехгориой маиуфактуры, которую тогда по привычке звали старым имеием — Прохоровка. Рабочие Прохоровки иеизмеиио выбирали Владимира Ильича своим депутатом в Московский Совет.

Сохраиился рассказ о поездке этой делегации одиого из ее участников — Григория Тимофеевича Семеиова, иаписаиный в 1924 году. Не могу ие привести его полиостью:

«Годов мне шестьдесят четыре,— рассказывал Григорий Тимофеевич.— На Прохоровке работаю пятьдесят годов. В первое время, как поступил, получал осьмиадцать копеек в деиь.

В революцию первое время фабрики иаши стали. Работать иачали в девятьсот двадцатом ие то в девятьсот двадцать первом. Вот тогда к иам иа завод и стал т. Ленин ездить. Говорил ои у иас иа собраииях. Мие все как-то не приходилось его послушать. Не то что охоты не было, а всегда так выходило, что я в отделеиии дежурным, а как дежурство-то оставишь?

А только понятие о т. Лениие у меия было правильное.

И зиал я, что ои есть рабочего класса защитиик, какого иикогда ие бывало.

Когда иа заводе объявили, что ои скончался, так мие страшно обидио стало. А тут как раз общее собраиие, и решили иа нем делегацию послать с венком в Горки. Я и вышел и говорю: «Мне товарища Лениия живым ие пришлось видеть, дайте хоть иа мертвого посмотреть». Что же, выбрали меия и еще двоих и поехали в Горки. Мороз был очень лютый, да о морозе ие думалось. Приехали мы, пошли. Вошли мы тихо. Лежит т. Леиин жалостливо так. Лицо желтое... У стола жеищиа стоит, глаза обпухшие. Я товарища спросил, жена, говорит, товарища Лениия. А я про иее зиал, что оиа всю жизиь с ним провела и всю тягость с иим делила. Поклоиился я ей иизко, погладил т. Леиину плечико и пошел.

У дома крестьян миого поиаехало, с розвальиями так и стоят. Утешеиие у меия было, что оии товарища Лениия помииать приехали, как и мы — рабочие.

Вот и все».

Владимир Ильич умер от склероза сосудов головиого мозга. Самый характер склероза определен в протоколе вскрытия, как «Abnützungs sclerose» — склероз изиашивания.

Врачи были поражеиы тем, как далеко зашел процесс: артерии, питающие мозг, были иастолько обызвествлены, что превратились в твердые шиурки, ие имеющие просветов. Профессор Ферстер говорил: нужно удивляться, что при таком ужасном разрушеиии мозга Владимир Ильич мог до последией миуты сохранить так миого иителлекта. Как огромна должиа была быть сила этого иителлекта, когда мозг был здоров!

На моей киижиой полке стоят пятьдесят пять томов в сииих переплетах, иа корешках которых иаписаио: «Леиии». Если присоедииить к ним и то, что ие обиаружеио и что не иапечатаио, таких томов, может, было бы больше шестидесяти.

Первая статья, включеииая в эти тома, иаписаиа весиой 1893 года, последняя — в марте 1923 года. Ров-

но тридцать лет. Шестьдесят томов за тридцать лет — это два тома в год.

Надо только подумать: два тома в год в тех условиях, в которых он жил, при той работе, которую он вел!

В дни, когда Россия прощалась с Лениным, я дважды стояла у его гроба. Сорок лет прошло с тех пор — и каких лет! — но будто не было этих лет: я вижу январскую Москву, морозный туман, покрытые инеем, словно поседевшие в эту ночь, стены Кремля, костры, разведенные на улицах, бесконечную человеческую ленту у Дома союзов, скорбные фигуры Надежды Константиновны и Марии Ильиничны. Я чувствую горький запах хвои, мороза и дыма, слышу шаги людей, медленно проходящих мимо гроба, и ту особенную тишину, которая остается тишиной даже тогда, когда ее прерывает женский плач или голос ребенка, который просит вложить в руку Ленина нарисованную им грустную звезду.

Но мертвого Ленина я не помню. Помню его только живого. И это не только я, но и многие другие.

«Был я тогда очень болен, лежал, но не утерпел и пошел прощаться,— рассказывает другой рабочий с Трехгорной мануфактуры, Федор Григорьевич Румянцев.— Только мертвого я его не запомнил. Запомнил его таким, каким он приходил к нам на Прохоровку, как усмехался и, прикрыв глаза рукой, смотрел, много ли рабочих собралось его послушать».

Снова и снова гляжу я на длинный ряд томов в синих переплетах, выстроившийся на моей книжной полке, читаю и перечитываю страницу за страницей. Снова и снова напрягаю память, чтоб вспомнить все, связанное с Лениным, все, что я видела, слышала, о чем мне рассказывали, вчитываюсь в воспоминания его родных, друзей, соратников. И сколько бы я ни читала, сколько бы ни думала и вспоминала, всегда я узнаю что-то новое, неожиданное, что берет за сердце, заставляет по-новому увидеть окружающий мир.

Сейчас, как никогда раньше, мы можем приобщиться к сокровищнице ленинской мысли: благодаря огромной работе, проделанной для издания Полного собрания сочинений Ленина, мы стали обладателями бесценного ленинского наследия.

Том за томом, год за годом...

«Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем»,— говорил Белинский.

Так вопрошаем мы Ленина.

Передо мной труднейшая задача — я хочу попытаться рассказать, как сумею, о тех годах, которые обычно называют годами перехода к новой экономической политике и которые были последними годами жизни Владимира Ильича Ленина.

Для одного человека эта задача непосильна по своей огромности и сложности. Чтобы выполнить ее по-настоящему, надо одолеть горы самых разнообразных материалов и долгие годы работать «во глубине архивных руд».

Пусть читатель не ждет от меня многого: я предложу ему не законченную картину, а лишь первоначальнейшую загрунтовку холста. Если же судьба подарит мне время и силы, я буду искать и искать новые факты, документы, линии, краски, которые сделают намеченные мною образы более живыми, глубокими, полновесными.

Но имею ли я право выносить на суд читателя произведение, которое — пользуясь терминологией проектировщиков — представляет собою лишь первую стадию проектирования, а не доведенный до рабочей стадии проект с полной разработкой узлов и деталей, как то положено в искусстве?

Поступаю я так потому, что меня торопит время — и то, что отпущено мне на земле, и то, в которое мы живем.

Да послужат мне оправданием замечательные слова одного из старейших членов большевистской партии, Пантелеймона Николаевича Лепешинского, сказанные им вскоре после смерти Владимира Ильича:

«Мы, современники Ильича, более или менее близко подходившие к нему и имевшие счастливые случаи видеть его, слышать его речь, наблюдать кусочки его работы или жизни, обязаны, хотя бы и неумелыми, детскими руками паки и паки пытаться воспроизвести этот образ, сделать сотни и тысячи хотя бы и очень несовершенных, эскизных зарисовок его, уловить как можно больше отдельных черточек, присущих ему, словом, сделать все возможное, чтобы подлинный, живой облик Ильича для будущих поколений не был бы окон-

чательно утерян и чтобы его интереснейшая индивидуальность не стерлась от времени, не растворилась бы в море легенд, которые, несомненно, будут в огромной мере накопляться около его имени».

Рассказывая о Владимире Ильиче, я буду рассказывать и о многом другом, связанном с тем временем, и о других людях, в том числе и о себе. Пусть читатель поверит мне: когда я говорю о себе или от своего имени, я делаю это лишь из желания воссоздать неретушированные черты эпохи, о которой веду я свое повествование, ее краски, шум и голоса во всей их неповторимой подлинности.

СЕНТЯБРЬ–ОКТЯБРЬ

1

С какого же времени начать речь?

Начну ее с осени двадцатого года. И даже точнее: с первого сентября.

Первого сентября двадцатого года Владимир Ильич Ленин написал в библиотеку Румянцевского музея записку, в которой просил выдать ему на ночь, когда библиотека закрыта, два лучших словаря греческого языка, с греческого на немецкий, французский, русский или английский; лучшие философские словари; словари философских терминов на немецком, французском, английском и русском языках и книги Целлера и Гомперца по истории греческой философии, обещая вернуть все эти книги к утру.

В этот день «Правда» вышла на двух страницах. В передовой статье «Очередная гибель Советской власти» говорилось о кампании лжи и клеветы, поднятой в заграничной печати против Советской России, а также о том, что панская Польша затягивает переговоры о мире. «В таких условиях наша задача ясна,— писала «Правда».— Все вопросы решаются реальным соотношением сил».

Под шапкой «НА ПАНА И БАРОНА» был помещен ряд заметок о партийных мобилизациях на Врангелевский фронт, проведенных в Петрограде, Ярославле, Казани, Тамбове, Екатеринбурге, Туле. Советы, профсоюзы, комсомольские организации также принимали постановления о мобилизации одной трети, а то и половины своего состава.

Оперативная сводка сообщала, что на Западном фронте в Белостоцком районе противник потеснил наши части, в Беловежской пуще наступательные попытки противника отбиты, в Хелмском районе противник, пытавшийся в нескольких местах наступать через реку Буг, отброшен, бой продолжается.

На первой же странице «Правды» была напечатана подборка под заголовком «Мировой пролетарский

фроит». Портовые рабочие Данцига отказались разгружать воеииые материалы, предиазиачеииые для Польши. Железиодорожиики Карлсруэ задержали следовавшие в Польшу траиспорты с военным сиаряжеиием. Съезд «Республикаиской федерации бывших воииов», собравшийся в Париже, решил в случае объявления иовой войиы сделать все, чтобы ее сорвать. Итальяиская всеобщая коифедерация труда заявила о своей солидариости с российским пролетариатом.

Вторая страиица «Правды» была посвящеиа событиям виутреиией жизии: сведеииям ие особо радостным — о поступлеии хлеба; сообщению о иормах отпуска продуктов иаселеиию Москвы: по карточкам для взрослых только хлеб на два дия; по детским карточкам — фуит сахару, полфуита сливочиого и растительного масла, полфунта кондитерских изделий, а для грудиых детей — сверх того три фуита керосииа и фунт простого мыла. Все это, разумеется, иа весь месяц.

Нижиюю часть этой страиицы заиимал раздел «Рабочая жизнь». В нем было напечатаио иесколько заметок, самая большая из иих — «Надо учиться». Рабочий корреспоидеит из мызы Раево писал, что у иих перерегистрация члеиов партии закоичеиа. Вопросы, задававшиеся комиссией во время перерегистрации, теперь у всех иа устах, каждый ищет иа иих ответа: почему наша партия называется партией большевиков? Кто был Карл Маркс? Что такое прибавочная стоимость? Партийиая масса зашевелилась, задумалась, стала понимать, что коммуиизм — это зиаиие.

Свою заметку автор закаичивал словами:

«Товарищи, иа коия! На Враигеля! Тыл, за книгу! За учебу! В пролетарское искусство! В партийиую школу!»

В этот деиь, первого сеитября, Леиин выступал с докладом о текущем момеите иа Втором Всероссийском съезде работиików просвещения и социалистической культуры и участвовал в заседании Политбюро Цеитральиого Комитета партии.

На заседаиии Политбюро обсуждалось миого вопросов: меры к более строгой охраие шифроваииых сообщеиий, идущих с воеиио-оперативиой и дипломатической почтой; поездка Михаила Иваиовича Калиииа с агитациоииым поездом иа Кубаиь; ходатай-

ство Наркомпрода о партнйной мобнлнзации на продовольственный фронт н об освобожденин продовольственных работников от военных мобилизаций; состав новой советской делегации для мирных переговоров с Польшей; созданне Комиссни по изучению историн Октябрьской революцнн; военное положение; закупка предметов военного снабженя; просьба Сталина об освобожденнн его от военной работы; созданне боевых резервов и еще много других вопросов, в равной степени далеких н от истории греческой философии, н от словарей фнлософскнх терминов.

Почему же Леннн в такой день проснл прнслать ему философские словарн н книгн по греческой философин?

В какой-то мере это было, вероятно, связано с тем, что он собнрался напнсать преднсловне к новому изданню своей книгн «Матернализм и эмпнрнокритицнзм».

Мысль о переизданин «Материализма...» зародилась у него еще летом в связи с тем, что А. Богданов, жнвший тогда в Москве, усиленно развил пропаганду свонх взглядов под вндом учення о «пролетарской культуре» н выпустнл в 1918—1920 годах целый ряд книг: второй том «Тектологии», «Вопросы соцналнзма», «Социалнзм науки», «Очеркн организацнонной наукн».

Сначала Леннн предполагал, что он займется разбором взглядов Богданова сам н сделает это в предисловии к новому нзданию «Материализм...», но из-за отсутствия времени поручнл этот разбор Владимиру Ивановичу Невскому.

К первому сентября статья Невского «Дналектнческий матернализм н фнлософия мертвой реакцин» была уже готова, н Ленин должен был написать только предисловне к новому нзданию своей книги. Он написал его то ли в ночь с первого на второе сентября, то ли утром второго сентября.

Преднсловие это небольшое, всего полстранички. Леннн выражает в нем надежду, что перенздаваемая кнпга будет «небесполезна» как пособие для ознакомлення с фнлософней марксизма и с фнлософскими выводами нз новейших открытий естествознания, н говорит, что последние произведения Богданова рассматриваются в печатаемой в качестве приложення статье Невского, который «нмел полную возможность убеднться в том, что под вндом «пролетарской культуры» про-

водятся А. А. Богдановым буржуазные и реакционные воззрения».

Чтобы написать такое предисловие, греческие и философские словари, равно как и книги по истории греческой философии, Ленину не были нужны.

Значит, была у него какая-то другая мысль, которая, быть может, родилась, когда он решил переиздать «Материализм...». О чем-то он думал или что-то задумал. Что? Этого мы не знаем и не узнаем никогда.

Как властно его потянуло к философии, если он решил отдать ей такую ночь, как ночь с первого на второе сентября двадцатого года!

Для присланных из библиотеки книг у него могло найтись время только после заседания Политбюро. Александр Константинович Воронский наблюдал однажды за Лениным, когда он в перерыве между двумя заседаниями, налив себе на ходу стакан чая, принялся рассматривать привезенные ему новые книги. Воронский отметил характерную, прочно установившуюся манеру, с которой Ленин обращался с книгой, быстро и бегло перелистывая и словно охватывая и прикидывая ее в уме. Такая манера вырабатывается только в результате долголетней дружбы с книгой.

А потом — сколько прошло времени? Час? Два? Вся ночь? — Ленин со вздохом попрощался с книгами: ничего не поделаешь, времени нет.

Было у него такое выражение лица, переданное одной из фотографий двадцатого года: он слегка наклонил голову, смотрит долгим, задумчивым, ушедшим в себя взглядом.

2

То ли в тот день, то ли накануне его мы, группа работников комсомола, случайно встретили Ленина. Было это в Кремле, неподалеку от Царь-колокола.

Только что закончился Второй конгресс Коминтерна, во время которого происходило несколько международных конференций, в том числе молодежная. На ней решено было каждый год в первое воскресенье сентября проводить Международный юношеский день.

В двадцатом году первое воскресенье пришлось на пятое сентября. В субботу четвертого был назначен Всероссийский молодежный субботник, весь заработок от которого поступал в фонд помощи молодежи капитали-

стических стран, а на воскресенье были намечены манифестация и празднества.

Мы шли от Большого Кремлевского дворца по направлению к Троицким воротам, когда увидели Владимира Ильича. Поравнявшись с нами, он остановился, спросил о наших делах.

Содержание этого разговора я не помню. Помню лишь, что Владимир Ильич по своему обыкновению выпытывал у нас все, в том числе то, что нам казалось мелочами. Помню также слова Гёте, которые он нам напомнил:

«Достигни сам того, что ты унаследовал от твоих отцов. Только тогда оно будет твоим».

Пока мы стояли и разговаривали, откуда-то из-за Царь-колокола вылез мальчуган лет шести в ситцевой застиранной рубашонке и длинных холщовых штанах, заплатанных на коленках. Он пролез у нас между ногами и подобрался к Владимиру Ильичу. Тот, продолжая разговаривать, положил руку на голову мальчугана и привлек его к себе.

— Ну что ж, Васютка, пойдем? — сказал Владимир Ильич, заканчивая разговор.

— А чай пить будем? — спросил Васютка.

— Будем,— сказал Владимир Ильич.

— С сахаром?

— С сахаром.

— А про комарище споем?

— Споем,— согласился Владимир Ильич, засмеявшись.

Эту песню я помню еще по далеким временам моего детства. Кто-то из товарищей привез ее из Обдорской ссылки, и Владимир Ильич любил распевать ее с ребятами. Первые слова ее были такие:

Как сел комар на дуб, на дубок, на дубище,
Как топнул комар своей ножкой, ногою, ножищей,
Как поднял комар свой голос, свой глас, голосище —
Хочу пищи!

Весело с нами попрощавшись, Владимир Ильич пошел, ведя мальчугана за довольно-таки грязную шершавую ручонку.

3

Владимиру Ильичу недавно исполнилось пятьдесят лет. Был он тогда на удивление молодой и живой — и в движениях, и в работе. Отчасти потому, наверно, что находился тогда в полном расцвете духовных и физических сил, но много значило и то, что положение в стране и в международном рабочем движении, оставаясь очень трудным, внушало надежды, что скоро станет легче.

Работал он столько, что, как тогда говаривали, в полночь мог сказать о себе: «Начинаю шестнадцатый час моего восьмичасового рабочего дня». Даже простой перечень дел и вопросов, которые он успевал решить за какую-нибудь неделю [1], потребовал бы нескольких страниц.

Престарелая актриса Малого театра Н. А. Никулина просила о помощи: ей угрожало выселение из собственного домика. «...Оставить ее в покое»,— написал на письме Никулиной Ленин.

Крестьяне деревни Богданово Подольского уезда Московской губернии писали Ленину о тяжелом положении их деревни. Ленин в телеграмме Подольскому упродкому подтверждал, что крестьяне пишут правду, и просил по возможности уменьшить разверстку, наложенную на деревню Богданово, в просторечии Богданиху.

Врангель перешел в наступление и занял Мариуполь.

Ленин предложил назначить командующим Южным фронтом Михаила Васильевича Фрунзе, членом Реввоенсовета фронта — Сергея Ивановича Гусева.

Горький просил о дровах для петроградских ученых. Ленин поддержал просьбу Горького.

Выступил на партийном собрании 6-й роты Первых московских пулеметных курсов.

Долго беседовал с Адольфом Абрамовичем Иоффе, назначенным председателем советской делегации для ведения переговоров и подписания договора о перемирии и мире с Польшей.

Совет Труда и Обороны. Совнарком. Политбюро ЦК. Пленум ЦК.

---

[1] Ниже говорится о событиях 1—26 сентября 1920 года.— *Ред.*

Выработка линии в переговорах с Польшей. Сбор сосновых и еловых шишек для топлива. Перепись на Кубани. Закупка у населения повозок с комплектами упряжи для Юго-Западного фронта. Усиление заготовок экспортного леса. Радиосвязь в Красной Армии. Хлеб для Донбасса. Восстановление железнодорожного транспорта. Мобилизация лошадей, необходимых для работ по разведке Курской магнитной аномалии. Проект постановления о Туркестанской Автономной Социалистической Республике. Письмо Центрального Комитета «Ко всем членам партии».

Разговор с Фрунзе, уезжающим на Южный фронт.

Комната для писателя Александра Серафимовича.

Беседа с делегатом из Сибири и написанное после этой беседы письмо в Сибревком, начинающееся словами: «Обратить внимание на сельскую бедноту Сибири, снабдить их продовольствием из местной разверстки» — и кончающееся вопросом: «Правда ли, что бывали случаи в Сибири употребления коровьего масла на смазывание телег (вместо дегтя)?»

Записка в Наркомнацдел:

«#т. Чичерин! Вот граница — maximum. Принято в Цека. Надо точно ее повторить.

Ленин».

Это — для переговоров с Польшей.

И так изо дня в день. Изо дня в день...

Работы было столько, что в сентябре он написал, пожалуй, меньше, чем в любой другой месяц своей жизни: лишь коротенькое предисловие к «Материализму...», письмо к немецким и французским рабочим по поводу решений о Втором конгрессе Коминтерна; ответ корреспонденту газеты «Дейли-Ньюс» господину Сегрю.

Этот господин Сегрю прислал Ленину радиотелеграмму, в которой иронизировал по поводу того, что отчеты иностранных рабочих делегаций, побывавших в Советской России, якобы принесли большевизму больше вреда, чем вся антибольшевистская пропаганда.

Ленин решил отплатить Сегрю веселой насмешкой.

«Давайте заключим договор,— предложил он,— вы — от имени антибольшевистской буржуазии всех стран, я — от имени Советской республики России. Пусть по этому договору к нам в Россию посылаются

нз всех стран делегацнн нз рабочнх н мелкнх крестьян (т. е. нз трудящнхся, нз тех, кто своим трудом создает прибыль на капнтал) с тем, чтобы каждая делегацня прожила в Россни месяца по два. Есл отчеты такнх делегаций полезны для дела антибольшевнстской пропаганды, то все расходы по их посылке должна бы взять на себя международная буржуазня».

«Однако,— добавнл Леннн,— прнннмая во вннмание, что эта буржуазня во всех странах мира крайне слаба н бедна, мы же в России богаты н снльны, я соглашаюсь исхлопотать от Советского правнтельства такую льготу, чтобы $^{3}/_{4}$ расходов оно взяло на себя н только $^{1}/_{4}$ легла на миллионеров всех стран».

В Москве смеялнсь, вспомнналн чье-то двустншне:

А в Кремле лукавый кто-то
щурит умный острый глаз...

То же веселье, энергичное настроенне чувствуется в ответах, которые дал Ленин в анкете проводнвшейся тогда перерегистрацнн членов Московской органнзацнн РКП(б) — той самой перерегнстрацнн, о которой писал в «Правду» рабочнй корреспондент нз мызы Раево.

На вопросы анкеты Ленин ответнл: пятьдесят лет, русский. На какнх языках, кроме русского, говорнте, чнтаете, пишете?

Французский, немецкий, английский; плохо все три. (Это он, свободно делавший доклады на всех этнх языках! — *Е. Д.*) *Кончил гимназию; сдал экстерном в 1891 году университетский экзамен по юридическому факультету. За границей был в 1895, 1900—1905, 1907—1917 годах в эмиграции (Швейцария, Франция, Англия, Германия, Галиция). В России жил только на Волге и в столицах.*

Какая основная профессня?

Литератор. Работает в Совнаркоме. Получает 13 500 рублей в месяц (в переводе на золотое нсчнсленне это составляло около трех рублей с полтиной.— *Е. Д.*).

С какого временн состонте в РКП?

С основания и раньше (1893).

Подвергалнсь лн партнйному суду, когда н за что?

Меньшевиками в РСДРП при расколах.

Какне документы илн удостоверения нмеются у Вас,

указывающие на Ваше пребывание в нашей нелегальной партийной организации?

История партии — документ.

Что прочитано Вами из сочинений Маркса, Энгельса, Ленина, Каутского и Плеханова?

Почти все (подчеркнутых авторов).

Пишите ли Вы статьи в газеты, где и на какие темы?

Редко, на политические темы.

Можете ли писать листовки, воззвания и что Вами написано в этой области?

Да. Перечислить нельзя, было многовато.

В какой области знания чувствуете себя особенно сильным и по каким вопросам можете читать лекции и вести занятия?

Больше по политическим вопросам.

4

Вышло так, что тогда, осенью двадцатого года, Ленина видели три человека, прибывшие в нашу страну из-за рубежа, и все три оставили о своих встречах с Лениным подробные записи. Первый человек — женщина, революционерка. Второй — мужчина, писатель, считавший себя социалистом. Третий... Впрочем, о третьем мы скажем в свое время.

В один из этих осенних дней в Кремле, в круглом зале Здания судебных установлений, который носит теперь имя Якова Михайловича Свердлова, шло заседание IX Всероссийской партийной конференции. Секретарь ЦК Николай Николаевич Крестинский делал отчет об организационной работе Центрального Комитета партии. Но вот растворилась боковая дверь, и в зал вошла белоснежно-седая женщина с горящими темными глазами — «юная старуха», как прозвали ее товарищи.

Крестинский умолк. Все поднялись. Раздался гром аплодисментов. Ленин, который вел заседание, выбежал из президиума и бросился ей навстречу, радостно ее обнял.

Эта женщина — Клара Цеткин.

Два дня назад она приехала из Германии в Советскую Россию. Из-за войны с Польшей ехала через Латвию и Эстонию. В Гатчине ее окружили красноармейцы, рабочие, работницы, старики, юноши, дети. Все они бурно ее приветствовали.

Такая же встреча ждала ее в Петрограде, где она провела день. Посетила текстильную фабрику. Присутствовала на собрании в Смольном. Побывала на Островах, в первых в Советской России домах отдыха для рабочих.

Поздно вечером Клара выехала в Москву. Там снова многотысячная толпа, запрудившая площадь, алые знамена, приветствия. Москва уже не раз переживала торжественные встречи, но так, как Клару, не встречала никого.

И вот Клара в Кремле. И видит Ленина.

Вспоминая об этих минутах, Клара потом рассказывала, что Ленин показался ей совсем таким, каким видела она его в последний раз за несколько лет до этого, не изменившимся, почти не постаревшим. И она могла бы поклясться, что одет он был в тот же скромный, тщательно вычищенный пиджак, что был на нем при первой их встрече в 1907 году на Штутгартском конгрессе Второго Интернационала. Тогда Роза Люксембург, обладавшая метким, наблюдательным глазом, обратила внимание Клары на Ленина, сказав при этом: «Взгляни хорошенько на этого человека. Это — Ленин. Обрати внимание на его упрямую, своевольную голову».

Сейчас, сидя в президиуме Всероссийской партийной конференции, которая продолжала свою работу, Клара Цеткин снова видела эту могучую, прекрасно вылепленную голову, вмещающую столько мыслей и знаний.

Клара наблюдала за каждым движением Ленина. Отметила, что он, как и раньше во время конгрессов Второго Интернационала, проявляет чрезвычайное внимание к ходу прений, порой становившихся очень оживленными. Полон самообладания и спокойствия, в которых чувствуется внутренняя сосредоточенность. Ничто не ускользает от его острого взгляда и ясного ума. Самая характерная его черта — простота и сердечность в отношениях с товарищами.

На следующий день Клара выступила перед конференцией с большой речью, посвященной положению в Германии и революционной борьбе германского рабочего класса, героически отразившего Капповский путч.

Автор газетного отчета пишет, что это была «речь, полная огня»,— и слова эти не метафора, которая может показаться банальной. Клара, активно участвовавшая на протяжении четырех десятилетий в международ-

ием рабочем движении, лично знавшая Фридриха Энгельса, Вильгельма Либкнехта, Августа Бебеля, дочь Маркса Лауру и ее мужа Поля Лафарга, соратница Карла Либкнехта и Розы Люксембург, увидела в Советской России воплощение тех идеалов, которым посвятили всю свою жизнь и она и ее великие друзья. И все ее речи, обращенные к русским рабочим и крестьянам, к руководителям нашей страны и ее рядовым труженикам, действительно были полны огня.

— Я боролась всю жизнь и делала это потому, что иначе не могла,— говорила она в одной из речей.— Так боролась я, ибо это отвечало моей природе... И я хочу умереть не иначе как на посту в революционной борьбе!

Во время конференции Клара обменялась с Лениным лишь несколькими словами. Чтоб поговорить с ней по-настоящему, Ленин пригласил ее к себе домой.

Первым, что отметила про себя Клара, придя в кремлевскую квартиру Ленина, была крайняя простота и непритязательность ее убранства.

Ленина в это время дома не было, были Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Они пригласили Клару поужинать. Теперь она отметила про себя, что весь их ужин состоит из чая, черного хлеба, масла и сыра.

Хотя она была мало знакома с Надеждой Константиновной, а Марию Ильиничну видела впервые, но сразу же почувствовала себя в этой семье как дома. Потом пришел Владимир Ильич. Следом появился рыжий кот, весело приветствуемый всей семьей.

Этот кот был любимцем Владимира Ильича, и на нескольких фотографиях того времени мы видим, как Ленин, разговаривая, сидит в кресле, а руки его ласково придерживают свернувшегося у него на колених пушистого кота. Когда Ленин шел в Совнарком, кот важно следовал за ним и усаживался под его креслом, зная, что оттуда его никто не выгонит.

Надежда Константиновна налила Ленину чая. Завязался общий разговор.

В тот же вечер Клара набросала на бумаге подробную запись этого разговора.

Когда же он происходил, этот разговор? Когда Клара была у Ленина?

Не раиьше двадцать третьего сеитября, ибо двадцать третьего сентября Клара приехала в Москву.

Но и ие позже двадцать шестого, ибо по всему рассказу Клары видно, что в тот вечер в семье Владимнра Ильича было спокойное, ровиое, счастливое иастроеиие.

Между тем в иочь с двадцать пятого иа двадцать шестое сеитября иа эту семью обрушнлось тяжелое горе, иадолго омрачившее ее жизиь. Горе, о котором Клара ие могла бы ие зиать и которое ие могла ие почувствовать.

Но сперва о разговоре, который происходил в тот вечер.

Леиии вошел в комиату в мииуту, когда Клара говорила о восторге и изумлеиии, испытываемых ею перед единствеииой в истории, поистине титанической, культурной работой большевиков и перед расцветом в стране творческих сил, стремящихся проложить иовые пути в искусстве и в воспитаиин иарода.

Со свойствеииой ей прямотой Клара говорила и об ииых своих впечатлеинях — о том, что в первых пробиых шагах молодого Советского государства в области искусства, по ее миеиию, много иеувереиности и неясиых иащупываиий. Что наряду со страстными поисками нового содержаиия, иовых форм, новых путей имеет место иарочитое «модничаиье».

Клара провела в Советской России лишь два нлн три дня, так что ее впечатлеиия об искусстве иашей страиы могли сложнться только из увндеиных ею яркнх, пестрых пятеи, ломаных лииий, кубов и квадратов, которыми кубисты н футуристы распнсалн деревяииые лавчоики Охотиого ряда и стеиы Страстиого моиастыря.

Вот с этих-то замечаиий Клары и иачался тот широкоизвестиый, большой, глубокий разговор ее с Леиииым об искусстве — разговор, в котором Лении говорил, что искусство прииадлежит народу и его глубочайшие кории должны проиикиуть в самую толщу трудящихся масс. Что оио должно объедииять чувства, мыслн н волю масс, пробуждать в иих эстетические иачала, развнвать и подиимать массы.

Имеино подиимать! Непремеиио подиимать! Популярность состоит не в популяриичаиье, а в доступности мнллиоиам, подчеркивал Леиии вскоре после разговора с Кларой Цеткин. Не опускаться до неразвитого читателя, а иеуклоиио — с очень осторожной постепеииостью — подиимать его развитие.

Чтобы нскусство прншло к народу н народ прншел к нскусству (в шнроко распространенном русском переводе тут употреблен глагол «прнблнзнться», тогда как в немецком орнгннале сказано «kommen», что должно быть переведено в данном контексте именно глаголом «прнходнть»), для этого,— говорнл Леннн Кларе,— надо повыснть общнй образовательный и культурный уровень народа, а это будет достигнуто только тогда, когда художннкн постоянно будут внденть перед собою рабочих и крестьян и творить ради ннх.

Разговор Ленина н Клары не ограннчнлся однпми лишь проблемами культуры и искусства. В Кларе Ленин видел самого близкого своего друга в международном рабочем движении, н он поделнлся с нею свонми заботамн н тревогамн.

Такой тревогой, которая всегда была для него словно занозой в сердце н не покндала его до самой смерти, был бюрократизм.

— Я его от душн ненавнжу,— восклнкнул Ленин и пояснил, что он имеет в внду не того нлн иного чиновника, который может быть дельным работнпком, а бюрократнческую государственную снстему.

(Заметнм в скобках, что распространенный русский перевод в данном случае неправнльно передает Bürokrat немецкого оригнпала, как «бюрократ». Слово «Bürokrat» в немецком языке нмеет два значения — чиновнпк н бюрократ, в то время как русское слово «бюрократ» прнобрело спецнфнческнй смысл: бездушный чиновнпк, чиновник-формалнст. Еслн б Леннн говорил с Кларой по-русски, он никогда не сказал бы — как то прнписывает ему русскнй перевод,— что бюрократ может быть дельным работнпком.)

— Я ненавижу систему,— говорил Ленин Кларе.— Она паралнзует н вносит развратт как внизу, так н наверху.

В чем же видел он решающнй фактор для преодоления н нскоренення бюрократнзма? В самом широком образованнн народа н поднятни его культуры.

Снова н снова говорнл он о том, насколько жизненно важно для построення коммуннзма просвещение народных масс и создание действительно нового, великого коммуннстнческого нскусства, форма которого будет соответствовать его содержанню. Поняв н решнв эту задачу, нптеллнгенцня выполнит свой долг по отно-

шению к пролетарской революции, раскрывшей перед нею вольные творческие просторы.

Поздней холодной ночью, когда Клара возвращалась в гостиницу, она думала обо всем, что было сказано в этот незабываемый вечер, о Ленине, о том, как непохож он на вождей, которые рассматривают людей лишь в качестве «исторических категорий» и бесстрастно играют ими будто бездумными и бессловесными «шариками».

Клара говорила о «шариках». Слова «винтики» по отношению к труженикам из народа тогда еще не существовало в употреблении.

5

Быть может, в эту ночь, быть может, в следующую в Москву пришла телеграмма с Северного Кавказа.

В ней было всего полторы строки:

«Товарищ Инесса умерла спасти не удалось».

И чья-то незнакомая подпись, видимо перевранная.

До чего жестока бывает судьба! После многих лет такой работы, о которой она говорила дочерям: «Мостовую мостить и то, наверное, легче...», Инесса Федоровна Арманд поехала на Кавказ отдохнуть и подлечить больного сына. Жили они в Кисловодске. Но в окрестностях Кисловодска появились контрреволюционные банды. Тогда они переехали в Нальчик. Там Инесса заболела холерой и умерла.

Словно она сама отыскала свою смерть.

Ее любили вся партия и рабочий класс нашей страны. Уже одно то, что и при жизни и после смерти все звали ее просто по имени, просто «Инесса», уже одно это говорит о том, как родна была она людям.

И не только любили ее, но были в нее влюблены. Все — молодые и старые, мужчины и женщины. Ибо нельзя было не влюбиться в эту обворожительно-прекрасную женщину, покорявшую окружающих и своим темпераментом революционерки, и блестящим умом, и прелестью необыкновенных глаз, то серых, то зеленоватых. Недаром тогда бытовала шутка, что товарищ Инесса являет собой редкостный случай полного единства формы и содержания и в качестве такого при-

мера должна быть включена в программы по диалектике.

С Надеждой Константиновной и Владимиром Ильичем Инессу связывала долгая дружба, пронесенная через годы, в которые всем им выпало немало невзгод и испытаний.

Они познакомились в 1909 году в Брюсселе. Сблизились в Париже. Инесса была одним из ведущих лекторов в созданной Лениным партийной школе в Лонжюмо. Особенно тесной стала их близость во время первой мировой войны, когда Инесса, ведя огромную работу по объединению истинных интернационалистов, «ткала, по выражению Н. К. Крупской, первую ткань международной связи». А когда произошла Февральская революция и правительства Антанты отказались пропустить большевиков в Россию, Инесса храбро поехала вместе с Лениным и Крупской через Германию в знаменитом «пломбированном вагоне».

Их сроднила совместная политическая борьба и глубокое духовное единство. «Уютнее, веселее становилось, когда приходила Инесса»,— писала Надежда Константиновна Крупская.

И вот страшная телеграмма: «Товарищ Инесса умерла спасти не удалось».

Невозможно было примириться с мыслью, что местом последнего ее успокоения будет могила на далеком безвестном кладбище.

— Мы похороним ее под Красной стеной,— писала Надежда Константиновна.

Но похороны состоялись не скоро: чтобы доставить гроб с телом Инессы из Нальчика в Москву, потребовалось без малого две недели.

Как раз в эти дни, числа восьмого октября, я приехала в Москву. Когда я пришла в районный комитет партии, чтобы встать на учет, меня тут же мобилизовали в Отряд особого назначения. Всех мобилизованных собрали в районном партийном клубе, где Ф. Э. Дзержинский выступил с сообщением, что, по полученным ВЧК сведениям, в Советскую Россию недавно прибыл представитель Савинкова, который устроил совещание со своей агентурой. На этом совещании решено воспользоваться усталостью масс и продовольственными затруднениями, чтобы подготовить ряд террористиче-

ских актов против вождей революции и свергнуть Советскую власть. Выступление савинковцев иазиачеио в ночь с девятиадцатого иа двадцатое октября.

Мобилизоваиные коммуиисты были переведеиы иа казармеииое положение. Сиова, как это бывало ие раз, мы патрулировали по иочиым улицам Москвы.

Вечером десятого октября патрульная группа, в которую входила я, вышла иа дежурство.

Ночь была по-осеииему сырой и темиой. Мы сильио продрогли и с иетерпеиием ждали утра.

Уже почти рассвело, когда, дойдя до Почтамта, мы увидели двигавшуюся иам навстречу похороииую процессию. Черные худые лошади, запряжеииые цугом, с трудом тащили чериый катафалк, иа котором стоял очеиь большой и поэтому особенно страшиый длииный свиицовый ящик, отсвечивающий тусклым блеском.

Стоя у обочиины, мы пропустили мимо себя этих еле переставлявших ноги костлявых лошадей, этот катафалк, покрытый облезшей черио́й краской, и увидели шедшего за иим Владимира Ильича, а рядом с иим Надежду Коистаитиновиу, которая поддерживала его под руку. Было что-то невыразимо скорбиое в его опущеиых плечах и иизко склоненной голове. Мы поияли, что в этом страшиом свиицовом ящике иаходится гроб с телом Ииессы.

Ее хоронили иа следующий деиь иа Красиой площади. Среди веиков, возложеииых иа ее могилу, был венок из живых белых гиациитов с надписью иа трауриой леите: «Тов. Ииессе Армаид от В. И. Леиииа».

6

В эти тяжелые для Леиина иедели события шли своей иепрерывиой чередой. Изо дия в деиь иадо было решать вопросы самого широкого диапазоиа — от производства коиской сбруи до переговоров с Аиглией.

Второго октября Леиии выступил иа Третьем Всероссийском съезде комсомола с речью «Задачи союзов молодежи».

В этот же деиь ои делал доклад на съезде рабочих и служащих кожевеииого производства.

Третьего октября заиимался ходом хлебиых заготовок и положеиием на Северием Кавказе.

Четвертое октября посвятил в осиовиом воеииым делам и дал телеграмму Реввоенсовету Первой конной

армии о необходимости ускорения передвижения армии на Южный фронт.

Пятого октября председательствовал на заседании Совета Народных Комиссаров.

Вопросом всех вопросов в то время были пан и барон. В первую голову пан.

Весной двадцатого года Польша, подстрекаемая империалистами Антанты, напала на Советскую Россию. Польские войска вторглись в пределы Украины и захватили Киев. В ответ на это наши армии перешли в контрнаступление.

Советская Россия не ставила перед собой завоевательных целей. Как в периоды военных побед, так и во время поражений она стремилась как можно скорее закончить войну и заключить мир. Пусть более выгодный для Польши и только приемлемый для нас. Обращаясь к красноармейцам, отправлявшимся на польский фронт, Ленин призывал их помнить, что с польскими крестьянами и рабочими у нас нет ссор. Солдаты Красной Армии идут в Польшу не как угнетатели, а как освободители.

Пилсудский и те, что действовали за его спиной, когда им изменяло военное счастье, искали мира. Но стоило этому счастью повернуться в их сторону, они срывали мирные переговоры.

В итоге долгой и упорной борьбы, в боях среди болот Полесья и тихих кабинетов на Даунинг-стрит, в поединках между британским премьером Ллойд Джорджем и дипломатом-большевиком Леонидом Красиным Советское правительство добилось того, что двадцать третьего сентября в Риге открылась конференция для переговоров о перемирии и предварительных условиях мира между Советской Россией и Украиной, с одной стороны, и Польской Республикой — с другой.

Решение Советского правительства вступить в мирные переговоры с Польшей было принято не без борьбы в руководящих партийных кругах.

— Известно ли вам,— рассказывал Ленин Кларе Цеткин,— что заключение мира с Польшей сначала встретило большое сопротивление, точно так же, как это было при заключении Брест-Литовского мира? Мне пришлось выдержать жесточайший бой, так как я стоял за принятие мирных условий, которые безусловно были благоприятны для Польши и очень тяжелы для нас.

Доводы противников мира с Польшей были простым перепевом идей «левых коммунистов»; никаких уступок белопольскому правительству, никаких договоров с классовым врагом.

Однако, в отличие от времен Бреста, в партии не возникло дискуссии. За эти годы партия выросла и поняла правоту ленинской точки зрения.

Объясняя Кларе свою позицию, Ленин говорил:

— ...Наше положение вовсе не обязывало нас заключать мир какой угодно ценой. Мы могли зиму продержаться. Но я считал, что с политической точки зрения разумнее пойти навстречу врагу, временные жертвы тяжелого мира казались мне дешевле продолжения войны... Могли ли мы без самой крайней нужды обречь русский народ на ужасы и страдания еще одной зимней кампании? Могли ли мы послать наших героев красноармейцев, наших рабочих и крестьян, которые вынесли столько лишений и столько терпели, опять на фронт? После ряда лет империалистической и гражданской войны — новая зимняя кампания, во время которой миллионы людей будут голодать, замерзать, погибать в немом отчаянии... Нет, мысль об ужасах зимней кампании была для меня невыносима. Мы должны были заключить мир.

Польская сторона, начав переговоры, все время их затягивала, вновь и вновь пересчитывая свои козыри против Советской России — Врангеля, засуху, тиф, голод и холод.

В ближайшие дни должно было стать ясно, быть или не быть зимней кампании.

Именно в это время Ленину сообщили, что в Советскую Россию приехал английский писатель Герберт Уэллс и желает его видеть.

7

Свою книгу о поездке в Советскую Россию Герберт Уэллс назвал «Россия во мгле».

Некоторые наши кинематографисты поняли слова о «мгле» буквально и, воссоздавая обстановку дней, в которые происходила встреча Ленина с Уэллсом, напустили на экраны мрак, зимнюю ночь, мороз, снег, сугробы.

Не было тогда мрака. Не было зимы. Не было снега

и сугробов. Не было и быть ие могло уже по одиому тому, что Уэллс приехал в Советскую Россию двадцать шестого сеитября и, по его собствеииому свидетельству, во время его двухиедельиого пребываиия в России стояли иеобычио ясиые и теплые погоды золотой осеии.

Мгла, образ которой возиик в душе Уэллса, была в иом.

Он приехал тем единственным путем, которым можио было тогда приехать с Запада в иашу страну, тем, которым за пять дией до иего приехала Клара,— через Эстоиию и Петроград. Ои ходил по тем же улицам, по которым ходила Клара, видел те же дома, те же мостовые, тех же прохожих, которых видела оиа, разговаривал с теми же людьми. Быть может, один и тот же корреспоидеит РОСТА задавал им один и тот же вопрос: «Каковы ваши впечатлеиия от Советской России?»

— Я приехала в вашу великую страиу, чтобы поучиться у русского пролетариата, как иужно строить иовую жизиь. Для этого я решила личио все осматривать, во все вникать, все изучать, чтобы извлечь наивозможио большую пользу для германского рабочего класса.

Так отвечала иа этот вопрос Клара.

— Я приехал сюда для того, чтобы увидеть, что такое Советская Россия. Слишком миого пропаганды, как белой, так и красиой, ведется за и против России, чтобы можио было составить себе о ией иастоящее представлеиие. В Аиглии о России почти ничего не зиают. И вот я приехал...

Это сказал Герберт Уэллс.

Прошло меиьше года с тех пор, как Петрограду угрожал Юдеиич. Хотя теперь иепосредствеииой угрозы городу ие было, ио до сих пор сохраиялись обороиительиые сооружения, создаииые руками питерских пролетариев.

— Неподалеку от Путиловского завода я видела развороченную мостовую и баррикаду, сложенную из камией в дии иаступлеиия Юдеиича. Перед моим виутрениим взором возиикли баррикады Парижской коммуиы. О, святые камии революции!

Так говорила Клара.

— Улицы находятся в ужасиом состояиии... Они изрыты ямами... Кое-где мостовая провалилась... Авто-

мобильная езда состонт нз чудовищных толчков н резкнх поворотов...

Это пнсал Уэллс.

Вндела лн это Клара? Да, вндела. «Я не хочу скрывать, что я наблюдала н нзможденные лица, н неисправленную мостовую, неотремонтнрованные дома»,— сказала она корреспонденту РОСТА. Она видела это, но...

Вот побывалн они оба в первых в Советской Росснн домах отдыха для рабочнх.

— Русская революция,— говорила Клара,— сделала то, что не сделала нн одна революцня в историн: дворцы богачей она превратнла в дома отдыха для рабочих.

— Я хочу сказать лишь несколько слов о доме отдыха для рабочнх на Каменном острове,— говорнл Уэллс.— Это начинанне показалось мне одновременно и превосходным и курьезным. Рабочнх посылают сюда на две-три недели отдохнуть в культурных условиях. Дом отдыха — прекрасная дача с большнм парком, оранжереей н подсобными помещеннями. В столовой — белые скатерти, цветы н т. д. И рабочнй должен вестн себя в соответствнн с этой изящной обстановкой; это один нз методов его перевоспнтання. Мне рассказывалн, что, еслн отдыхающий забудется и, откашлявшись, по доброй старой простонародной прнвычке сплюнет на пол, служитель обводнт это место мелом и предлагает ему вытереть осквернснный паркет...

Говоря это, Уэллс отнюдь не хотел оскорбнть нашу страну. Нет, он искренне чувствовал себя другом нашего народа, с глубоким сочувствнем относнлся к его страданням, возмущался вооруженным вмешательством в русские дела, проводившимся правнтельствами Антанты, в том чнсле правительством его собственной страны; признавал, что «большевнстское правнтельство — едннственное правительство, возможное в Россин в настоящее время».

Но прнзнавая это, он тут же подчеркнвал, что все это имеет лншь «второстепенное значенне». А что же главное? «Крах — вот самое главное в сегодняшней Россни»,— отвечал он. И чтобы англнйский читатель понял, насколько сокрушающе огромен этот крах, пояснял: «...такне вещн, как воротничкн, галстуки, шнуркн для ботннок, простынн н одеяла, ложкн н внлки, всяческую галантерею н обыкновенную посуду, достать невозможно...»

И ведь не был же он обывателем или вульгарным филистером, ведь способен был он и на смелую мысль, и на экстравагантнейшие высказывания. Как раз перед приездом в Советскую Россию он выпустил объемистую книгу «Контуры всемирной истории», опрокидывающую все существовавшие до того концепции исторического процесса.

— Я хотел бы,— сказал он, будучи в Москве, советскому журналисту А. Меньшому,— чтобы были написаны новые книги по истории по моей схеме и чтоб новое поколение училось по моей схеме, а все старые книги и учебники были бы уничтожены и сожжены.

Далеко хватил, ничего не скажешь! Но вот оказался он в стране пролетарской революции на исходе третьего года ее существования, что же он увидел?

— Советская страна обнимает по своему сознательному самоподчинению, по беспримерной преданности и энергии, по смелой инициативе и настойчивости, по безустанной работе, по силе убеждения, которая, подобно Фениксу, вновь и вновь возрождается из пламени, а также по положительной деятельности по поднятию культуры,— работу целых столетий. Она — титанический триумф духа и воли над «косностью материи», над неблагоприятными обстоятельствами. Она — утро для творения новых общественных отношений.

Нет, это сказал не Уэллс. Это сказала великая революционерка Клара Цеткин.

Уэллс сказал другое. Он сказал, что три года русской революции — это долгие, мрачные годы, в которые Россия неуклонно спускалась с одной ступени бедствий на другую, все ниже и ниже в непроглядную тьму.

Дальнейший путь России был ему неясен. Ее будущее затянуто мраком.

Вот откуда родился созданный Уэллсом образ мглы, окутавшей Россию.

8

Из Петрограда Уэллс поехал в Москву. Не скрывая своего раздражения, он брюзжал по поводу того, что ему пришлось потратить около восьмидесяти часов на разъезды, телефонные переговоры и ожидания для того, чтобы побеседовать в течение полутора часов с Лениным и Чичериным — и относил задержку за счет «рус-

ской неорганизованности». Но мы помним, как тогда жил, как работал тогда Ленин, и едва ли можем разделить чувства, владевшие Уэллсом.

Ленин принял его утром шестого октября.

— Наконец мы попали в кабинет Ленина, светлую комнату с окнами на кремлевскую площадь,— рассказывает Уэллс.— Ленин сидел за огромным письменным столом, заваленным книгами и бумагами... У Ленина приятное смугловатое лицо с быстро меняющимся выражением, живая улыбка; слушая собеседника, он щурил один глаз... Он не очень похож на свои фотографии, потому что он один из тех людей, у которых смена выражения гораздо существеннее, чем самые черты лица; во время разговора он слегка жестикулировал, протягивая руки над лежавшими на его столе бумагами; говорил быстро, с увлечением, совершенно откровенно и прямо, без всякой позы...

Идя к Ленину, Уэллс ждал, что увидит марксистского начетчика, и собирался вступить с этим воображаемым начетчиком в схватку. Вышло иное. «...Должен признаться,— писал в своей книге Уэллс,— что в споре мне пришлось очень трудно».

Разговор шел в стремительном темпе. Собеседники задавали друг другу вопросы, иногда отвечали, иногда парировали контрвопросами.

О содержании этого разговора мы знаем только по записи Уэллса. Ленин, читая книгу Уэллса о поездке в Россию, сделал на полях ее лишь несколько беглых пометок, причем ни одной из них в той главе, в которой Уэллс рассказывает о нем самом и о разговоре с ним, а потом ни в одной из своих речей и статей не вспоминал ни о встрече с Уэллсом, ни о его книге.

Как и всякая такая запись, она весьма субъективна. Наиболее интересно в ней широко известное место, в котором Уэллс излагает свои впечатления о ленинском плане электрификации.

«Дело в том,— пишет Уэллс,— что Ленин, который, как подлинный марксист, отвергает всех «утопистов», в конце концов сам впал в утопию, утопию электрификации... Он делает все, что от него зависит, чтобы создать в России крупные электростанции, которые будут давать целым губерниям энергию для освещения, транспорта и промышленности... Можно ли представить себе более дерзновенный проект в этой огромной, равнинной, покрытой лесами стране, населенной

неграмотнымн крестьянамн... не нмеющей технически грамотных людей, в которой почтн угаслн торговля н промышленность?»

Такне проекты, по убежденню Уэллса, реальны лишь для густонаселенных стран с высокоразвитой промышленностью. Такне проекты электрификацин осуществляются сейчас в Голландии, они обсуждаются в Англнн, н можно легко представнть себе, что в этнх густонаселенных странах с высокоразвитой промышленностью электрнфнкацня окажется успешной, рентабельной н вообще плодотворной. Но осуществленне нх в Россин «можно представнть себе только с помощью сверхфантазнн».

«В какое бы волшебное зеркало я нн глядел, я не мог увндеть эту Россию будущего,— пнсал он,— но невысокнй человек в Кремле обладает такнм даром. Он вндит, как вместо разрушенных железных дорог появляются новые, электрнфнцнрованные, он вндит, как новые шоссейные дорогн прорезают всю страну, как подымается обновленная н счастлнвая, ннндустрналнзнрованная коммуннстнческая держава. И во время разговора со мной ему почтн удалось убеднть меня в реальностн своего провндення».

Муза нсторнн — божественная Клно — позволяет себе нногда такне выходкн, которые в руках любого художнпка выгляделн бы грубым «нажнмом» н даже прнмнтнвной подтасовкой. Так и здесь: она взяла писателя, прославнвшегося своей безграничной и ненсчерпаемой фантазней, послала его в тогдашнюю Россию, свела его с Ленпным, дала ему услышать из уст Ленина план электрнфнкацнн н коммуннстнческого возрождення нашей разоренной страны, а потом сунула ему в рукн перо, чтоб он, нменно он, этот непревзойденный фантаст, объявнл ленинский план электрнфнкацин «сверхфантазней», осуществленне которой нельзя увндеть нн в каком волшебном зеркале. Сколько б нн чнтала об этом, каждый раз удивляешься наново!

9

Вечером того же дня, когда он был у Леннна, Герберт Уэллс уехал в Петроград. Он торопнлся, чтоб не опоздать на пароход, уходившнй нз Ревеля (Таллинна)

в Стокгольм, но до отъезда из Советской России успел побывать на заседании Петроградского Совета.

Заседание это проходило в Таврическом дворце. Зал был полон; две нли три тысячи человек занималн не только кресла, но все проходы, лестницы и хоры. Все это, как свидетельствует Уэллс, создавало обстановку «многолюдного, шумного, по-особому волнующего массового митинга».

После обсуждения вопроса о мире с Польшей председатель объявил, что слово предоставляется присутствующему в зале знаменитому английскому писателю товарнщу Уэллсу. Именно так: товарищу Уэллсу.

В своей книге Уэллс рассказывает об этом своем выступлеиии предельно сдержанно и иронично.

«Прежде всего,— пишет он,— я совершенно недвусмысленно заявил, что я не марксист и не коммунист, а коллективист и что русским следует ждать мира н помощи в своих бедствиях не от социальиой революцин в Европе, а от либерально иастроенных умеренных кругов Запада. Я сказал, что народы западных стран решнтельно стоят за мир с Россией, чтоб она могла идтн своим собственным путем, но что их развитие может пойти иным, совершенио отличным от России путем».

И все! Больше об этой своей речи Уэллс в книге не говорит.

На деле «товарищ Уэллс» сказал не только это. До нас дошел текст его речи, в которой звучат по-настоящему глубокие и прекрасные слова.

«Вы стоите перед созидательной работой, изумительной своим бесстрашием и силой,— сказал ои.— Эта работа не имеет себе равной в истории человечества. В ней — выраженне той гениальной способности России, которая давно проявлена русской литературой,— я говорю о бесстрашии мысли и безграничном напряжении сил».

Обращаясь к мужчинам и женщинам, которые слушали его с глубоким вниманием, Уэллс не читал им мелких нотаций, как то можно подумать по его книге. Нет, он говорил им о преступных действиях интервентов, вторгших Россию в ее бедствия, он обещал приложить все свои усилия, чтобы покоичить с войной против Советской России.

«Способность прощать характерна для великого народа,— говорил он.— И все, что я видел и слышал в России, убеждает меня в том, что Россия и Англия,

несмотря на все взаимные прегрешения, могут любить и понимать друг друга и вместе работать для человечества и для того нового мира, который рождается среди мрака и бедствий. Дайте мне еще раз сказать вам, что английский народ хочет мира, добивается мира и не успокоится до тех пор, пока не добьется мира».

Так говорил Герберт Уэллс на следующий день после своей встречи с Владимиром Ильичем Лениным.

10

Теперь о третьем иностранном госте, побывавшем в эти дни у Ленина.

В русском издании книги Уэллса «Россия во мгле» мы читаем, что, будучи в Москве, он жил в одном доме с «предприимчивым английским скульптором, каким-то образом попавшим в Москву», и что, придя от Ленина, он завтракал «с господином Вандерлипом и молодым скульптором из Лондона».

Как известно, английский парламент может сделать все на свете, кроме одного: превратить мужчину в женщину и женщину в мужчину. Переводчики книги Уэллса оказались-таки сильнее английского парламента: они превратили женщину в мужчину. Ибо этим скульптором была женщина — притом прелестная женщина! — Клэр Шеридан.

Прелестная и отважная. Надо было обладать незаурядной смелостью и бесстрашием, чтобы тогда, осенью двадцатого года, поехать в Советскую Россию, о которой приехавшие оттуда англичане рассказывали, что они собственными глазами видели в общественных столовых суп с плававшими в нем отрубленными человеческими пальцами.

Что же заставило ее совершить этот смелый поступок? Когда сейчас, почти полвека спустя, я читаю дневники, которые вела Клэр Шеридан во время своего путешествия в Советскую Россию, я нахожу ответ на этот вопрос не в тех словесных объяснениях, которые дает себе и людям сама Клэр, а в скульптуре, которую она тогда только что закончила и которую назвала «Победа».

Горькая, страшная эта победа! Обнаженная женщина полузакрыла глаза, лицо ее полно трагической скорби. В правой, безвольно опущенной руке она держит меч. Спина ее сгорблена, голова слегка откинута

назад, каждая линия худого, истощенного тела выражает предел человеческой муки.

«Я мало знала и еще меньше понимала как в коммунизме, так и в условиях, вызвавших его к жизни...» — пишет о себе Клэр. И откуда могла что-либо знать о коммунизме эта английская аристократка, близкая родственница Уинстона Черчилля? Но муж Клэр — Уилфрид — погиб на войне. Но у нее рос сын Дик, и она с тревогой думала о его будущем. И Советская Россия отвечала тому главному чувству, которым она тогда жила: жажде мира.

«Я была убеждена,— писала о себе Клэр,— как убеждена и до сих пор... что новая Россия никогда не пойдет ни на какие военные агрессии. Красная Армия существует для обороны. В необходимости иметь армию для обороны страны новая Россия убедилась на опыте, но каждый красный русский солдат знает, и все родные этого солдата знали и знают, что их никогда не пошлют поддерживать агрессивные действия за пределами родины.

Мое сердце постоянно, с тех пор как родился Дик, полно ужаса и страха перед войной. Что, если в один прекрасный день его заберут, чтобы сделать из него пушечное мясо, или заклеймят, как труса? Что, если на его долю выпадет худшее, чем смерть? Слепота, отравление газом, уродство?.. Когда я слышу, как маршируют солдаты, я всегда думаю о Дике и об Уилфриде, который был так ужасно обманут и отдал свою жизнь в тщетной надежде, что это была последняя война, «война за то, чтобы положить конец войнам»...»

Клэр была в Москве, когда туда приехал Герберт Уэллс, и жила в том доме на Софийской набережной, где он остановился. Они вместе позавтракали и долго разговаривали. Уэллс жаловался на бесконечные лишения, которые он переносил в Петрограде: по утрам он не мог принимать горячую ванну, почтальон не приносил газет, за завтраком он не наедался досыта. «Нет! — воскликал он.— Без этого я не могу жить и работать!» С юмором и даже сарказмом высмеивал он многое из того, что видел в России.

Легко смеяться над трагедией, когда она касается не тебя, а других. «Ах, дорогой мистер Уэллс! — записывала в своем дневнике Клэр.— Я очень вас люблю... Но если вы не можете жить без утренней ванны, сытного завтрака и газет, вам нечего делать в сегодняшней России!»

И она, страдавшая от отсутствия житейских удобств не меньше, чем Уэллс, желала остаться в России, чтоб принять участие в ее реконструкции, она хотела, чтобы именно в России получили образование ее дети.

Главной целью, которую ставила перед собой Клэр, когда ехала в Москву, было создать скульптурный портрет Ленина.

Через несколько дней после ее приезда комендант Кремля передал ей, что завтра с одиннадцати утра до четырех дня она сможет работать в кабинете Ленина.

Всю ночь она не могла сомкнуть глаз. Утром пошла в Кремль. Шла в страхе и глубоком волнении, чувствуя, что ей предстоит сейчас самая ответственная работа в ее жизни.

Ленин сидел за письменным столом, заваленным книгами и бумагами. Когда вошла Клэр, он взглянул на нее, улыбнулся, встал, пошел ей навстречу. Она принесла извинения, что беспокоит его. Он рассмеялся и сказал по-английски, что она может работать, сколько ей понадобится, но при одном условии: что и сам он будет сидеть за своим письменным столом и читать.

Клэр провела в кабинете Ленина два полных рабочих дня: седьмое и восьмое октября. Работа потребовала от нее напряжения всех сил. «Никогда не видела я стольких перемен выражения на одном лице,— записывала она потом.— Ленин то смеялся, то хмурился, казался задумчивым и печальным, грустным и насмешливым, все подряд. Я наблюдала за этой сменой выражений его лица, выжидала, колебалась — и вдруг стремительно, в каком-то неистовом воодушевлении сделала выбор. Да, я должна показать его внимательно-прищуренный, как бы ввинчивающийся в собеседника (screwed up) взгляд... Это будет замечательно! Ни у кого нет такого взгляда! Это его взгляд. Его и только его!»

В комнате все дышало покоем. Ленин полностью ушел в свою работу. Когда входили секретари с пакетами, Ленин не глядя расписывался на конверте. Время от времени раздавалось тихое жужжание телефона и одновременно над столом загоралась маленькая электрическая лампочка. Когда Ленин говорил по телефону, лицо его становилось особенно оживленным. Кончив разговор, он снова погружался в работу. Эта его способность сосредоточиваться и его огромный лоб больше всего поразили Клэр.

Часы проходили в молчаиии. Лишь изредка Ленин и Клэр обмеиивались иемиогословиыми фразами. Леиии спросил, верно ли, что Клэр близкая родствеиница Черчилля? Оиа ответила, что да, ио зато другой ее дядя — ирландский революциоиер-сиифейнер.

— Напишите письмо Черчиллю, я его передам,— предложила Клэр.

(В своей политической наивиости она даже не подозревала, что, узиав об ее отъезде в Россию к этим «кровавым большевикам», ее семья пришла в бешеиство, а Уиистои Черчилль заявил, что иикогда ие будет с ией разговаривать.)

— К чему? — спросил Леиии.— Я уже послал ему письмо с иашей делегацией, и он мне ответил, правда, ие прямо, а через газеты, статьей, в которой заявил, что я чудовище, а иаша армия...

Тут Леиии забыл иужиое ему аиглийское слово и, вопросительио глядя на Клэр, сказал по-фраицузски:

— ...L'armée de puces.

— Of fleas,— подсказала ему Клэр.

— Совершеиио верно, ап army of fleas, блошииая армия. Но я остался доволеи этим ответом. Черчилль показал, что мое письмо задело.

В другой раз разговор начала Клэр. Оиа спросила Леиина, почему все его секретари жеищины? Он сказал: потому, что мужчины иа войие. Они заговорили о войие с Польшей. Клэр предполагала, что мир уже подписаи. «Нет,— сказал Лении.— Существуют силы, которые стремятся сорвать мириые переговоры. Положеиие продолжает оставаться крайие трудиым. Кроме того, после того, как мы уладим дела с Польшей, иам предстоит еще разделаться с Враигелем».

Клэр показала Леииию фотографии иескольких своих работ. Это послужило поводом для разговора об искусстве. Если верить Клэр, все сказаниое по этому поводу Леииим сводилось к иападкам иа буржуазиое искусство. Но, видимо, она ие поияла или не сумела передать мысли своего собеседиика, ибо как раз в те дии, когда Клэр работала в его кабииете, Лении писал в проекте резолюции о пролетарской культуре:

«Марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое зиачеиие как идеологии революциониого пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил цеииейших завоеваиий буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было цеииого в более чем двухты-

сячелетнем развитии человеческой мысли и культуры».

Эти слова для Ленина не случайны. Вспомним хотя бы то, что говорил он за несколько дней до того Кларе Цеткин, вспомним его речь на Третьем съезде комсомола.

Когда бюст был готов настолько, насколько он мог считаться готовым в тех сложных условиях, Ленин тепло пожал руку Клэр и сказал, что она хорошо выполнила свою работу.

По возвращении в Англию Клэр по собственному желанию высекла бюст Ленина из мрамора.

Когда смотришь на фотографические снимки этого бюста, чувствуешь, что художник показал Ленина в минуту, когда тот был один, наедине с собой. Ленин приподнял голову, чуть прищурился, вот-вот протянет руку, чтоб взять перо и записать возникшую у него мысль.

«Лицо его выражало скорее глубокую думу, чем властность,— писала потом Клэр.— Мне он представлялся живым воплощением мыслителя...»

Таким запечатлелся Ленин в памяти трех свидетелей, видевших его ранней осенью двадцатого года.

Эти трое были очень разными, даже контрастными людьми. Тем примечательнее, что и страстная Клара с ее пылкой душой революционерки, и воспринимающая мир глазами художника, вдовы, матери, задумчивая, впечатлительная Клэр, и полный скепсиса и иронии Герберт Уэллс увидели в Ленине одного и того же человека, поразившего их духовной глубиной и силой интеллекта. Уж на что предубежден был Уэллс, но и тот признал: «...встреча с этим изумительным человеком, который откровенно признает колоссальные трудности и сложность построения коммунизма и безраздельно посвящает все свои силы его осуществлению, подействовала на меня живительным образом. Он, во всяком случае, видит мир будущего, преображенный и построенный заново».

Им бросились в глаза его энергия и работоспособность. Одна лишь Клэр своим проницательным взором художника подметила, что Ленин выглядит очень больным, лицо его бледно и даже желтовато, как слоновая кость.

Она решила, что эта бледность — последствие ранения 1918 года. Возможно, что это было так. Но возможно, что причиной было иное.

ЗИМНИЙ ПЕРЕВАЛ

1

Уж близок был тот долгожданный час, о котором в течение трех лет с таким нетерпением мечтал наш народ, час, когда где-то в Крыму последняя пушка выпустила последний снаряд гражданской войны и оставшийся неизвестным красноармеец воткнул штык в землю, сказав: «Все! Наша взяла!» Правда, впереди еще оставались бои в Приморье и ликвидация зеленых и белых банд в Белоруссии, на Украине, на Тамбовщине, в Туркестане. Однако основная борьба против российской белогвардейщины и иностранной интервенции была победоносно завершена. Страна могла приступить к мирному строительству.

Но что представляла собой страна? Мы привыкли, как к прописи, к словам, порой скользящим мимо сознания: «разоренная войной», «страдающая от разрухи» и прочее в этом же роде.

Там, где стерлись слова, иногда обретают силу цифры. По подсчетам крупнейшего советского ученого С. Г. Струмилина, за годы империалистической и гражданской войны Россия потеряла более четырехсот миллионов человеко-лет. И это только прямые потери!

По всему Уралу в декабре двадцатого года работало девять домен, десять мартеновских печей, два рельсопрокатных стана, один трубопрокатный, три листовых, один проволочный, десять кровельных. Общий же объем валовой продукции крупной промышленности по стране составлял к этому времени — восемнадцать процентов довоенного, а сбор хлебов — шестьдесят два процента.

Не нужно напрягать воображение, достаточно небольшого усилия, чтобы увидеть за этими цифрами незасеянные поля, омертвелые, веющие холодом заводские корпуса, окоченевшие станки, вереницы ржавеющих на кладбищах паровозов и вагонов.

Кто-то из товарищей, приехавших из Иваново-Вознесенска, рассказал то ли быль, то ли притчу, как трое тамошних жителей собрались на юг за продуктами

н стали спорнть, как им туда добнраться: по чугунке (так называлн тогда поезда), на лошадн нли пешком.

— Вы, братцы, катнте по чугунке,— сказал однн из ннх,— а я пешнй пойду.

— Пешнй? Так ты полгода проходишь.

— Не беспокойтесь. Раньше вашего вернусь.

— Ну, ладно, ступай. А мы поедем.

Пустнлнсь все трое в дорогу.

Тот, который пошел пешком, через два месяца возвратнлся домой н прнвез с собою три пуда пшена. А те двое, которые поехалн поездом, и по сей час ездят. Словно в воду канулн.

Редко-редко над заводскнмн трубамн затерянных в лесу застывшнх заводов курнлся легкий, слабенькнй дымок. Но зато в жнлых домах чуть лн не нз каждой форточкн торчалн жерла самодельных жестяных труб, нзвергавшнх густые струн вонючего дыма, который черными подтекамн оседал на замерзших стенах.

В ту знму я как-то зашла в единственное в Москве кафе, прннадлежащее поэтам. Называлось оно то лн «Стойло Пегаса», то ли «Домнно». На эстраде выламывалнсь молодые людн нз поэтнческой секты «ннчевоков». Тогдашняя мода почему-то требовала, чтоб стихи вылн. И вдруг какой-то человек обычным человеческнм голосом, очень печально н очень просто прочел стнхотворенне о том, что скоро, совсем скоро

Сам Ильич пройдет с Калитою
По заросшей мохом Москве.

В конце октября в Москве выпал снег. Сначала он лег ровной пеленой. Но шло время, снегу становнлось больше, н хотя его никто не убирал и не сметал, он сам собирался в сугробы. Постепенно улнцы превратились в длннные снежные траншен, посредине которых друг за другом тонкой нниочкой плелнсь людн. Фонарн не горелн, окна блестелн черным блеском зашторенных нзнутри стекол. Под угрюмым знмннм небом лежала нзраненная, голодная, холодная, босая, прнкрытая рваным рубищем Россня, дошедшая до последнего предела нужды и лишеннй.

В эту Россню пролетарская революция должна была вдохнуть снлы н жнзнь. Но как?

Только геннй Леннна мог найтн ответ на этот вопрос.

Какое сравнение тут наиболее подходит? Пожалуй, такое: бесконечно длинная, запутанная и перепутанная цепь, каждое звено которой — заколдованный круг.

Чтобы восстановить железные дороги, нужно было топливо. А подвезти топливо было невозможно, пока не будет восстановлен транспорт.

Города голодали, деревня изнемогала под бременем разверстки. Уменьшить разверстку — деревне станет легче, но города будут обречены на еще более тяжкие муки голода. Увелнчить разверстку — в городах станет сытнее, но деревня будет полностью опустошена.

Можно бы получить из деревни какое-то количество хлеба с помощью товарообмена. Но для товарообмена нужны ситец, спички, деготь, сапоги. Куда же отдать с трудом добытые вагоны угля и дров — на восстановление снтценабнвных фабрик или на ремонт паровозов? Будут паровозы, не будет ситца. Будет ситец, не будет паровозов. Как же наладить товарообмен?

Страна должна стать грамотной. На какие же средства учить людей? Отнять средства у промышленников? Оторвать от сельского хозяйства? Или, что предлагают некоторые товарищи, закрыть Большой театр и продать за границу, как предметы ненужной роскоши, сокровища Эрмитажа и драгоценные скрипки Страдивари?

Каждый день возникали вопросы, которые требовали немедленного, безотлагательнейшего решения. И каждый из этнх вопросов вырастал в неразрешимую дилемму, возникавшую когда-то перед героем народной сказки: пойдешь направо — коня потеряешь; пойдешь налево — себя потеряешь; пойдешь прямо...

Разорвать цепь заколдованных кругов могло только одно: тот крутой поворот в экономической политике, который был найден гением Ленина и был потом прозван «новой экономнческой политикой».

Но прежде чем продолжать повествование, задумаемся на минуту над тем, какую роль играет и может играть в истории отдельная человеческая личность.

Опыт последних десятилетий далеко увел нас от вульгарно-социологических схем, по которым личность представлялась лишь пассивным «продуктом» своего класса и даже отдельной его прослойки,— чем-то вроде

микрофоиа, через который вещают безликие закоиы исторического процесса. Но иам чужды и иародиически-идеалистические воззреиия о героях — творцах истории, вершащих ход и иаправлеиие исторического процесса.

Посоветуемся об этом с Леииим.

Мы зиаем, как оцеиивает ои зиачеиие исторической деятельиости народиых масс. Политика для него иачиается «ие там, где тысячи, а там, где миллиоиы».

Но вместе с этим ои подчеркивает: «История вся и состоит из действий личиостей...» И видит задачу обществеииой иауки в том, чтобы «объясиить эти действия».

Вот Леиии перечитывает письмо Маркса к Кугельмаиу, в котором Маркс пишет, что история имела бы мистический характер, если бы «случайиости» не играли иикакой роли. В числе этих «случайиостей» Маркс иазывает характер людей, стоящих вначале во главе движеиия,— и Леиии отчеркивает эти слова.

Вот Леиии анализирует сложиейший момеит в истории России девятиадцатого века, так иазываемую «крестьяискую реформу». Показав путаиицу, которая царит по этому поводу в головах «друзей иарода», Леиии пишет:

«Нужиа была имеиио геииальиость Черыишевского, чтобы тогда, в эпоху самого совершеиия крестьяиской реформы (когда еще ие была достаточио освещеиа оиа даже иа Западе), поиимать с такой ясиостью ее осиовиой буржуазиый характер».

Вот Леиии размышляет о Толстом:

«Эпоха подготовки революции в одиой из страи, придавлеииых крепостииками, выступила, благодаря геииальиому освещеиию Толстого, как шаг вперед в художествеиием развитии всего человечества».

Вот ои провожает в последиий путь Якова Михайловича Свердлова и говорит, стоя у его открытой могилы:

«История давио уже показывала, что великие революции в ходе своей борьбы выдвигают великих людей и развертывают такие талаиты, которые раиьше казались иевозможиыми».

Запомиим эти леииские слова и ие стаием докучать читателю разжевывающей скукой коммеитариев.

2

Крым был еще в руках Врангеля, линия Южного фронта проходила в Северной Таврии, до штурма Перекопа предстоял почти месяц упорных кровавых боев, когда Ленин набросал краткие заметки об очередных задачах партии:

«19 октября 1920

Главные вопросы по окончании войны с Врангелем (и для партсъезда 1921):

1) борьба с бюрократизмом и волокитой советских учреждений; проверка реальных успехов борьбы;

2) укрепление социалистического фундамента: 7 миллионов членов профсоюзов. Равенство на место ударности.

Развитие самодеятельности 7 миллионов членов профсоюзов;

3) связь профсоюзов (ВЦСПС) с трудовым, не эксплуататорским, не спекулирующим крестьянством. Форма и способы.

Укрепление связи Советской власти с крестьянством.

Тракторы и колхозы».

Это — первые наметки, поразительные силой ленинского провидения. В немногих строках сформулированы основные задачи Советской власти на долгие десятилетия.

Пока Ленин их только перечисляет, но не указывает решений. Это — впереди. Ленин найдет эти решения в напряженном творческом поиске, который займет весь остаток его дней.

А сейчас мы в Москве двадцатого года. Зима, мороз, снег. Из-за отсутствия топлива замерла работа электростанций. Большинство домов погружено в темноту. В том числе и дом на Мясницкой, в котором одетые в шубы, шапки, перчатки люди при свете коптилок, именуемых то «моргаликами», то «мышиным глазком», склоняются над чертежами с надписями: «План электрификации Р.С.Ф.С.Р.».

В одной из служебных комнат Совета Народных Комиссаров заседает комиссия. Она носит название «Комиссия об отмене денежных налогов», но замыслы ее членов идут дальше: видя в деньгах последний пережиток частнособственнических отношений, они считают делом ближайшего же будущего полное исчезновение денег. Михаил Юрьевич Ларин на страницах газет

пнзывает полностью уничтожить «денежный туман». «Успехи нашн в стронтельстве соцналнзма,— пншет он,— можно нзмерять, между прочим, степенью отмнрання значення денег в нашей жизни».

Ленин знает о существовании этой комнсснн н умонастроеннях ее участнников, но пока не требует прекращения ее деятельности. Он сделает это трн месяца спустя, когда будет решено отменнть разверстку, заменнв ее натуральным налогом. Но уже сейчас он пнзывает членов комиссии к сугубой осторожностн: «Надо побольше вдуматься (н детальнее нзучнть соответствующие *факты*) в условнях переходной эпохн...— пишет он председателю комнсснн С. Е. Чуцкаеву.— Отменнть суррогат (деньги), пока крестьянству не дални еще того, что устраняет надобность в суррогате, *экономически* неправнльно.

Надо это обдумать *очень* серьезно».

Ленин вслушнвается в то, о чем говорнт деревня, он прнслушивается к ее шепоту н к ее молчанню. Неурожай, бескормнца, падеж скота. Засуха н пожары. И разверстка, разверстка, разверстка, прямо невмочь. «Не двадцать у нас шкур, а одна, да н та дырявая».

Площадь посева повсюду падает, урожай сам-трн, а то н сам-два. Деревня почти не сеет нн льна, ни конопли, нн подсолнуха, а хлеба старается сеять ровно столько, сколько нужно для собственного прокорма. Крестьянское хозяйство, по выраженню того временн, сделалось «самоедским». «И чего нам спнну гнуть, все равно выметут все под метелку. Отсеемся по ленивке, наволоком, прямо по жнвью, пусть н на том спаснбо скажут».

И тут же: «Имеем по декрету, жнвем по секрету». Внешне покоряясь требованням города, порожденным суровой обстановкой гражданской войны, деревня создала свою особую, подпольную экономнку, символом которой является неистребнмое ннкакнмн снламн и ннкакимн средствамн мешочннчество.

Где же выход? Как возроднть у мелкого пронзводнтеля поблекшне, а то н вовсе увядшие стнмулы к посеву сверх его лнчной потребнтельской нормы н нужд его хозяйства? Чем предупреднть утечку продуктов по каналам мешочничества н спекуляцни?

Выражая настроення продовольственных и земельных «аппаратных» работников, да н не их однн, Н. Осинскнй выступает на страннцах «Правды» с рядом

статей, в которых предлагает туже и туже закручивать пресс. Государственное регулирование, доведенное до каждого крестьянского двора,— вот спасение от всех бед.

Но раздаются и иные голоса: партийные работники Сибири и ряда других мест предлагают заменить разверстку продовольственным налогом, при котором государство будет брать у крестьянина не все излишки его хозяйства, а лишь определенную часть урожая.

Эта же мысль все чаще встречается в письмах крестьян, которые почта каждый день приносит Ленину. Описав все бедствия, которые они испытывают от «разверсточной паутины», крестьяне Панфиловской волости Грязовецкого уезда Вологодской губернии в длиннейшем послании, в котором нет ни единой точки и запятой, пишут Ленину, что вся посевная кампания будет «ни к чему», если вместо разверстки крестьян не обложить «податью, только не денежной, а хлебной». «Когда крестьянин будет знать свою норму налога и время его,— говорится в этом письме,— тогда нам не нужно будет держать в волости десятки продагентов».

«Мы, трудовое крестьянство, середняки и бедняки Никольской волости Тотемского уезда, считаем себя друзьями Советской власти и товарища Ленина,— говорится в другом письме.— Разверстка, как она указана в центре, дело революционное, но применение ее на местах — дело контрреволюционное и ведет скорыми шагами к гибели Советской власти».

С особой силой тревога и боль звучат в письмах деревенских коммунистов. «Я — коммунист с 1918 года,— пишет один из них.— Мои убеждения ничто не изменит. Коммунистический дух во мне крепок, но сердце разрывается на части, когда я гляжу на то, что творится у нас в деревне...»

Ленин упорно раздумывает над политикой Советской власти по отношению к крестьянству. Копии с полученных им крестьянских писем он рассылает товарищам, направляет для обсуждения и напечатания в газету «Беднота». Больше всего остерегается он поспешности, поверхностных, скоропалительных выводов. Он ищет, пробует, советуется, взвешивает, прикидывает.

Весь в поисках приходит он на Восьмой съезд Советов, надеясь во встречах и общении с делегатами съезда, и в первую очередь с беспартийными крестьянами, найти искомое решение.

3

В бурном потоке ленинской жизни есть периоды, когда напряжение ее достигает особенной силы,— эпоха «Искры», Второй съезд партии, девятьсот пятый год, июльские дни, Октябрь семнадцатого.

К таким «пиковым» периодам относится и последняя декада декабря двадцатого года, во время которой происходил Восьмой съезд Советов.

Этот съезд вошел в историю в образе парящей над сценой Большого театра и словно летящей в будущее карты России, усыпанной огнями электрических станций, сооружаемых по плану электрификации нашей страны.

И сам план электрификации, и обстановка, в которой он был принят, так необыкновенны, что не только потомки, но и современники и даже непосредственные участники событий как-то забыли о сложнейшем сгустке исполненных драматизма событий, с которыми был связан этот съезд.

На нем были приняты предложения Ленина о премировании крестьянских хозяйств, являвшиеся первым шагом на пути перехода к новой экономической политике.

На нем Троцкий выступил со своей платформой по вопросу о задачах профессиональных союзов, после чего партия была ввергнута в острейшую внутрипартийную дискуссию.

На нем Ленин в речи «О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках тов. Троцкого» [1] дал глубочайший анализ сущности Советского государства, его взаимных отношений с рабочим классом в переходный период и в «переходный период в переходном периоде».

И все это, от доклада о международном и внутреннем положении и плане электрификации и до заключительных слов в речи об ошибках Троцкого,— на предельно коротком отрезке времени, всего в девять дней.

Дорого дались Ленину эти «девять дней одного года»: выступая на соединенном заседании делегатов Восьмого съезда Советов, членов ВЦСПС и МГСПС — членов РКП(б), Ленин впервые сказал, что он болен.

---

[1] У автора допущена неточность. Эту речь В. И. Ленин произнес на соединенном заседании делегатов Восьмого съезда Советов, членов ВЦСПС и МГСПС — членов РКП(б) 30 декабря 1920 года.— *Ред.*

4

Из далеких глубин моей памяти возникает переполненный зал Большого театра. Полутемно: горят не все лампочки, да и те, что горят,— вполнакала. Я слышу сосредоточенную тишину, возникающую тогда, когда затаено дыхание нескольких тысяч человек. Я вижу лица людей, которые в глубоком внимании слушают доклады Ленина и Кржижановского. Чтоб определить социальную принадлежность этих людей, не надо заглядывать в анкеты: о ней говорят их рабочие куртки, крестьянские зипуны, красноармейские шинели, матросские бушлаты.

Эти люди — кровь от крови, плоть от плоти народа. Каждая рана, нанесенная России, оставила рубцы на их собственном теле. Лучше, чем кто бы то ни было, знают они всю меру нужды, голода и разорения, к которым привели страну война и интервенция. Но по движению, пробегающему в зале в ответ на слова ораторов, по живой реакции аудитории, по вспыхивающим время от времени аплодисментам чувствуется, что своим духовным взором они видят преображенную страну, покрытую густой сетью проводов, по которым пробегает животворный и созидающий электрический ток; он освещает города и деревни, приводит в движение поезда, станки, машины, ставит на службу человеку неисчерпаемые силы природы.

Но полно. Не обманывает ли меня память? Не приписываю ли я этим усталым, голодным, измученным людям те чувства, которые испытывали не они, а я и мои друзья, переживающие тогда пору молодости, которая счастлива уже одним тем, что шагает из неизвестного в неведомое?

Чтоб проверить себя, я беру наугад полтора десятка газетных подшивок того времени и читаю отчеты делегатов Восьмого съезда Советов перед их избирателями. Тут Новгород и Васильсурск, Орел и Кинешма, Липецк, Прилуки, Кемерово.

«...Первым докладывает т. Гольдин. Прежде всего он отметил то особенно бодрое, волнующее, радостное настроение, которое царствовало среди делегатов этого, собравшегося впервые в условиях мирной обстановки съезда...»

«...На конференции представителей всех волостей от сохи выступил товарищ Куликов, который присутст-

вовал на Восьмом съезде Советов и видел воочию товарища Ленина. «Не пересказ будет,— сказал товарищ Куликов,— не враньё, а чистая правда».

«...Пришло много женщин в полушубках и валенках. «Правда ли, что в деревню дадут электричество?» — «Да, правда. Сам Ленин об этом толковал, только не сразу это делается».

«А... А насчет лампочек? Неужто сам Ленин сказал, чтобы у нас в деревне были лампочки? Или все это для бумажки, чтоб пришпилить?» — «Нет, не для бумажки. Ленин так сказал, так оно и будет...»

Во время Восьмого съезда Советов произошел примечательный эпизод. Я знаю о нем со слов моего отца С. И. Гусева, который был членом президиума съезда.

После того заседания, на котором Глеб Максимилианович Кржижановский делал доклад о плане электрификации, Ленин задержал отца, чтоб поговорить с ним и с Анатолием Васильевичем Луначарским о каком-то деле. Когда они стояли и разговаривали, к ним подошел известный меньшевик Николай Николаевич Суханов.

Как всегда налитый до краев иронией, желчью, сарказмом, Суханов, щеголяя своим «знанием подлинной жизни», стал высмеивать план электрификации, аттестуя его блефом, миражем, утопией. Ленин слушал его молча, насупившись. Потом ему надоело, и он коротко оборвал:

— Вы рассуждаете как труп. Как живой труп...

Неожиданно для Ленина эти слова подействовали на Суханова, словно удар хлыстом. Он вздрогнул, задергался, вскричал: «Это нечестно» (а может быть: «Это бесчестно») — и бросился прочь.

Ленин, пораженный случившимся, с недоумением посмотрел на Луначарского. Тот нахмурился и что-то негромко ему сказал. Отец не расслышал его слов, только увидел, как краска сбежала с лица Ленина.

— Но я же этого не знал,— сказал Ленин.— Я б никогда не сказал... Мне нужно ему объясниться... Просить прощения...

И кинулся вслед за Сухановым. Луначарский с ним вместе.

Отец мой запомнил этот эпизод, но так и не узнал, что же тогда произошло.

Разгадка этого такая: настоящая фамилия Суханова была не Суханов, а Гиммер. Он был сыном тех мужа и жены Гиммеров, чья трагическая история послужила Льву Толстому материалом для его драмы «Живой труп».

5

Снова Большой театр. Заседает совещание беспартийных крестьян — делегатов Восьмого съезда Советов, созванное Михаилом Ивановичем Калининым по просьбе Ленина. Передние ряды занимает бородатая хозяйствующая деревня.

Все одеты в обычную крестьянскую одежду того времени — армяки, зипуны, полушубки, в темные, как мокрая глина, дерюжные куртки. Лишь немногие обуты в сапоги, на большинстве лапти и онучи, ловко подвязанные оборами вперекрест накрест до колена.

Сбоку, совсем неприметно, сидит Ленин. Слушая ораторов, он делает в своем блокноте быстрые, беглые записи. После совещания он прикажет секретарям размножить эти записи и разослать их членам ЦК и наркомам с пометкой: «К осведомлению цекистов и наркомов. Следующие заметки о прениях и заявлениях на беспартийном совещании крестьян составлены Лениным, который просит ознакомиться с ними».

Делая запись, Ленин указывает не фамилию оратора, а губернию, из которой тот приехал. Записи его предельно лаконичны, но в то же время передают своеобразие крестьянских речей; тщательно записывает Ленин крестьянские жалобы и замечания крестьян о советских работниках:

«Более к жизни близко и к сердцу бедных крестьян... Хлеб, железо, уголь — вот что нам нужно. Инвентарь нужен».

«Бывает, что называют лодырем. А нет на деле и сохи и бороны. На бедняка нельзя валить и много взыскивать.

Отметить в законе, что надо поддержать бедняка».

«Заинтересовать надо крестьянина. Иначе не выйдет. Я дрова пилю из-под палки. Но сельское хозяйство из-под палки вести нельзя».

«Мы три года равнялись.

Как заинтересовать? Просто: процентную разверстку хлеба, как на скот...

Лодыря подстегнуть... 10 пудов на семена — посей и дай, что следует».

«Пусть будет палка, но для нашего содействня. Чтобы старательный жал на нестарательного».

«Перехозяйствовалн банды весь транспорт. Разруха. Надо строить государственную жнзнь».

«Хлеб собиралн под метлу. Ннчего не осталось. Скотоводам надо помочь. Хозяйство разрушено войной. Пропаганда нужна».

«Была производящей губернней. Теперь потребляющая. Лншь бы обсеменнться. Пострадали от контрреволюцнн».

«Разверстка: у нас такой *нажим* был, что револьверы к внскам прнставляли. Народ возмущен...»

«Скот берут чрезмерно. Берут помольные сборы. Берут за дезертира. Непоснльные сборы уменьшнть».

Точной, краткой пометкой Ленин передает настроенне аудитории.

Крестьянин говорит, повторяя слова самого Леннна, сказанные Ленпным на съезде: «Прннужденне необходнмо обязательно».

Приведя эти слова крестьянина, Ленин делает пометку:

«Крнки: довольно. (NB)».

Крестьяннн говорнт: «Кулачество (как н дезертнрство) *есть*».

Ленин подчеркнвает слово «есть» н отмечает: «Гром аплоднсментов».

А на следующнй день после крестьянского совещання, выступая на съезде Советов с заключительным словом по докладу ВЦИК н СНК, Леннн говорнт:

— Я вчера нмел удовольствне прнсутствовать... на небольшом частном совещании беспартнйных делегатов нашего съезда — крестьян и вынес чрезвычайно много нз нх дебатов по самым больным вопросам деревенской жнзнн, по вопросам продовольствня, разорения, нужды, которые вы все знаете.

Беспартийные же делегаты съезда, как, например, новгородский крестьяннн Поспелов, вернувшнсь домой, рассказывали землякам, как Ленин прнсутствовал на заседаннн нх беспартнйной фракцнн н внимательно прнслушнвался к словам ораторов.

— А мы тоже отнеслись к товарищу Ленину с открытым разговором,— сказал Поспелов.

Десять лет спустя, в сентябре 1930 года, Надежда Константиновна Крупская в письме к Михаилу Степановичу Ольминскому вспоминала, как много дала Владимиру Ильичу встреча с беспартийными крестьянами — делегатами Восьмого съезда Советов.

«Сила Ильича,— писала Надежда Константиновна,— была именно в том, что он умел слышать голос жизни в ничего не значащих словах людей с мест, умел, как бы это выразиться, прикладывать ухо к земле... Перед нэпом Ильич попросил Калинина собрать беспартийных крестьян... просил их ответить на ряд вопросов и внимательно прослушал их выступления. После этого собрания он много решительнее стал высказываться за нэп. Что же, какой отсюда вывод?.. Что Ильич умел слушать и беспартийных, мелкособственнически настроенных и слышать то, чего не слышали другие, умел из их разговоров делать свои выводы».

6

На своем заключительном заседании Восьмой съезд Советов принял обращение ко всем трудящимся России.

Поздравив трудящихся Республики с великой победой, одержанной над врагами, съезд счел своим долгом воздать благодарность всем, кто своим потом и кровью, тяжелым трудом и терпением, мужеством и самопожертвованием способствовал победе общего дела.

Было что-то напоминавшее Смольный в великие дни Октября в том большом и чистом чувстве, которое охватило всех, слушавших это обращение. Повинуясь глубокому внутреннему порыву, делегаты встали и слушали его стоя.

«Трудящиеся России! Этими тремя годами величайших лишений, кровавых жертв вы завоевали себе право приступить к мирному труду. Отдадим же этому труду все силы... Еще год, и, если мы напряжем наши силы, мы не будем мерзнуть в неосвещенных домах. Еще два-три года, и мы восстановим железные дороги и пустим в ход все заводы страны. Еще три-четыре года, и в Республике не будет раздетых и разутых. Еще

пять лет, и мы окончательно залечим раны, нанесенные войной нашему хозяйству.

К труду же, рабоче-крестьянская Россия!»

Я стояла в эти минуты неподалеку от Ленина. Я видела его лицо.

Кто это придумал, что Ленин будто бы был спокойным, всегда спокойным, каким бы трагизмом, торжеством, величием ни был исполнен момент, о котором идет речь?

Да ничего подобного! Не был он спокойным, не мог быть спокойным, никогда не бывал спокойным.

Недаром же Надежда Константиновна, которая знала его лучше всех на свете, говорила, что он очень остро на все реагировал, был очень впечатлителен, очень эмоционален, а когда волновался — сильно бледнел.

Сейчас он стоял бледный, весь в напряжении, стиснув кулаки, закусив нижнюю губу. Взволнованный, наверное, больше, чем кто бы то ни было в этом зале...

7

Только вчера в зале Большого театра звучали слова торжественного обращения Восьмого съезда Советов: «К труду же, рабоче-крестьянская Россия!»

Сегодня, тридцатого декабря двадцатого года, здесь звучали иные речи — речи дискуссии о роли и задачах профессиональных союзов в социалистическом строительстве, главным застрельщиком которой был Троцкий.

На протяжении почти трех лет, прошедших со времени споров о Брестском мире, Троцкий в основных вопросах внутренней и внешней политики поддерживал линию Ленина. Бывали, конечно, между ними споры и расхождения, но они находились в тех естественных пределах, которые существуют в совместной работе.

Но поздней осенью двадцатого года между Троцким и Лениным пролегла трещина, которая по вине и по воле Троцкого стала становиться все глубже и глубже.

Началось это в первые дни ноября. Троцкий был тогда народным комиссаром путей сообщения.

Придя на железнодорожный транспорт, он застал там существовавший еще с девятнадцатого года Главный политический отдел — Главполитпуть, преобразо-

ванный затем в так называемый Цектран. Созданный как временный политический орган для проведения чрезвычайных мер, которые спасли бы транспорт от разрухи и полного развала, Главполитпуть ввел на железных дорогах военную дисциплину и всецело подчинил их задачам военного времени.

В тех исключительных обстоятельствах такие чрезвычайные меры были необходимы. Но, как и сами исключительные обстоятельства, они были бедой. Троцкий возвел эту беду в достоинство и даже в общий закон. В его глазах и в глазах его сторонников обычные демократические формы работы профсоюзов выглядели как кустарничество, комитетчина, бессистемность и безвластие, с которыми необходимо покончить, и чем скорее, тем лучше, и поставить во главе всей работы политических комиссаров с соответствующими полномочиями.

А профсоюзы?

«Власть комитетов, профсоюзов, выборных делегатов по отношению к вмешательству в технические и административные вопросы аннулируется».

Такова была практика, запечатленная в одном из приказов, изданных по Главполитводу — сектору Главполитпути. Обобщением же этой практики было выступление Троцкого на V Всероссийской конференции профсоюзов, в котором он бросил «крылатое», по выражению Ленина, словечко о «перетряхивании» профсоюзов и призвал «завинтить гайки» военного коммунизма.

Выступление Троцкого вызвало резкий отпор со стороны значительной части профсоюзников. Вопрос перешел в Центральный Комитет партии. Там он породил острейшие прения. В итоге тезисы Троцкого были отклонены. Десятью голосами против четырех была принята резолюция Ленина. В ней подчеркивалось, что время специфических методов управления начинает проходить и что необходима самая энергичная и планомерная борьба с вырождением централизма и милитаризованных форм работы в бюрократизм, в самодурство, казенщину. В ответ на это Троцкий отказался работать в созданной ЦК комиссии по профсоюзам, членом которой он был избран.

Именно этот поступок, ведущий к фракционности, Ленин прежде всего ставил в вину Троцкому.

«Без этого шага,— писал он,— ошибка т. Троцкого (предложение неправильных тезисов) — самая неболь-

шая, такая, которую случалось делать всем цекистам без всякого изъятия». «Если Цектран сделал ошибку,— каждому случается увлекаться,— надо было ее исправлять. Но когда эту ошибку начинают защищать, то это делается источником политической опасности».

Уже невхождение в комиссию, созданную ЦК, было со стороны Троцкого срывом партийной дисциплины. Но на этом он не остановился. Все более и более оформляясь в особую фракцию, он и его сторонники перешли от теоретических рассуждений к прямым фракционным действиям.

Положение усугубилось тем, что многие члены ЦК партии заняли в дискуссии неустойчивую, колеблющуюся позицию. Ленин не раз оставался в меньшинстве. На пленумах ЦК (Ленин назвал их потом «печальными пленумами») голоса делились на «семерки» и «восьмерки». Бухарин создал «буферную группу» якобы для примирения Ленина и Троцкого, на деле же целиком поддерживающую Троцкого, что дало Ленину повод высмеять этот буфер, который, по его словам, следовало бы изобразить так: перед пылающим огнем стоит человек с ведром керосина, на котором написано: «Буферный керосин», и подливает этот керосин в огонь.

В итоге, как говорил Ленин, «получилась в Центральном Комитете каша и кутерьма; это в первый раз в истории нашей партии во время революции, и это опасно».

Самое опасное в фракционной борьбе то, что фракционные интересы становятся для ее участников превыше всего. Так было и на этот раз.

Двадцать пятого декабря сторонники Троцкого распространили среди делегатов Восьмого съезда Советов написанную Троцким «брошюру-платформу» о задачах профсоюзов, а тридцатого декабря по их требованию было созвано соединенное заседание коммунистов — делегатов съезда и членов Всероссийского и Московского советов профессиональных союзов.

Дискуссия вышла за рамки Центрального Комитета.

8

И вот на широкое обсуждение вынесены вопросы, от правильного или неправильного решения которых зависит, будут или же не будут найдены правильные

методы подхода к массе, овладения массой, связи с массой. А следовательно, будут ли претвореиы в жизиь те великие идеи, которые были провозглашеиы иакаиуие в обращении Восьмого съезда Советов ко всем трудящимся России.

Электричество горело вполиакала. Только помост, иа котором стоял стол президиума, был ярко освещеи лампочками, горевшими снизу. У самого края помоста — кафедра. Рядом с кафедрой стоит Троцкий.

Ои стоит очеиь прямо и в то же время очеиь свободио. На нем френч защитиого цвета, сапоги. Густые, иачииающие седеть волосы откииуты иазад, левая рука опущеиа, правую он положил на край кафедры.

Заседают коммуиисты — делегаты Восьмого съезда Советов и члены Всероссийского и Московского советов профессиональиых союзов.

— Мы собрались, чтобы обсудить вопрос о роли и задачах профессиоиальиых союзов,— иегромко говорит Троцкий. Так негромко, что миогие прикладывают ладоиь к уху, чтоб лучше слышать.

Троцкий резко меияется, протягивает к залу обе руки, сильным голосом рассекает тишиу:

— Товарищи делегаты съезда! Товарищи рабочие! Товарищи работники партии, советов, профессиональиых организаций!

Этот голос, этот жест великолепиы. Троцкий вообще великолепиый оратор, иепохожий ии на одиого другого. Оио и поиятно: ораторский талаит, присущий ему от рождеиия, ои отшлифовал, обучаясь в Париже в школе ораторского искусства.

— Профсоюзы,— говорит ои,— переживают кризис... И чтоб преодолеть этот кризис, иадо покоичить с тем, что профессиональные союзы в иашем рабочем государстве, как и в капиталистическом государстве, видят свою задачу в защите иитересов рабочих. Пора покончить с тем, что профессиоиальиые союзы существуют отдельио от государствеииых оргаиов. Их иужио слить воедиио, произведя сращиваиие профсоюзов и государствениого аппарата, огосударствить профсоюзы, превратить их в аппарат рабочего государства, управляющий производством...

Сейчас от размеренного спокойствия, которым Троцкий начал свою речь, не осталось и следа. Голос его то понижается до шепота, то бьет, как тяжелый молот. И каждый такой переход сопровождается точ-

ным, выверенным жестом. Только одно не дается ему: шипящие звуки. Они у него слишком резки, слишком шипят. Парижский профессор дикции бился два года, но так и не смог устранить этот недостаток.

Зал слушает Троцкого не шелохнувшись. Когда он кончает, одна часть его провожает Троцкого аплодисментами и восторженными возгласами, другая застывает в невеселом молчании.

Которая из них больше? Сейчас это еще неясно.

Внешне в концепции Троцкого все словно бы подчинено той цели, во имя которой готов отдать жизнь каждый присутствующий: построению социализма. Но как холоден, чужд, не мил сердцу этот военно-административный социализм, в котором действуют не люди, а покорные множества: «Die erste Kolonne marschiert... Die zweite Kolonne marschiert...» — «Первая колонна выступает... Вторая колонна выступает...» Социализм, лишенный того, что Н. К. Крупская так прекрасно назвала тайной одухотворения, очеловечения жизни масс, при котором жизнь очищается, осмысливается, преобразуется благодаря таланту, энергии, высоким идеалам тех, кто ее творит...

Троцкий покидает трибуну и пересекает сцену, чтобы пройти за стол президиума. В это время — уже около полуночи — появляется сильно опоздавший к началу собрания Ленин.

Наклонившись к кому-то, сидящему с краю, Ленин, видимо, расспрашивает о том, что было на собрании до его прихода. Потом поднимает голову. Пристально смотрит на приближающегося к нему Троцкого.

Ленин попросил слова.

— Товарищи,— сказал он,— я должен прежде всего извиниться, что я нарушаю порядок, ибо для участия в прениях, конечно, следовало слушать доклад, содоклад и прения. К сожалению, я чувствую себя настолько нездоровым, что не в состоянии выполнить этого...

И сразу приступил к существу дела.

— Основным моим материалом является брошюра т. Троцкого «О роли и задачах профсоюзов»... Я удив-

ляюсь, какое количество теоретнческнх ошнбок н вопнющнх неправнльностей сконцентрнровано в ней.

Незадолго перед тем, как Леннн начал говорнть, на мгновенне погас свет, потом он загорелся, но не везде — сцена утонула в полумраке, н фнгура Леннна была теперь освещена светом однн лншь нижних ламп слева.

Сначала Леннн говорнл с трудом, голос его звучал глуховато, руки неподвнжно поконлись на кафедре. Чувствовалось, что он устал, нездоров. Но по мере того, как он говорнл, усталость, видимо, отступала — н, все более увлеченный, он становился такнм, каким всегда был на кафедре: весь в своей речи, в ее содержании, в ее мыслях.

Сохраннлся набросанный Ленннным конспект этой речи. Внднмо, те самые лнсткн, которые он держал, когда подходнл к кафедре. Он положил их на пюпнтр н нн разу в них не заглянул, а уходя, небрежно сунул в карман.

Еслн сопоставнть этот конспект с той речью, которая была произнесена Ленннным, нельзя не поразнться тому, как он сумел, ни разу не посмотрев в конспект, столь точно следовать намеченному в нем плану н в то же время в процессе самой речн найтн столь много новых образов, сравнений, характернстнк.

И в конспекте, н в речн говорнтся, что профсоюзы — это почтн поголовная организацня ннндустриального пролетарната, прнтом органнзация своеобразная. С одной стороны, это организация правящего, господствующего, правительствующего класса, но не органнзация прннуждения, не государственная организацня, с другой стороны, это органнзация воспитання, вовлечення, обучения, школа управлення, школа хозяйннчанья, *школа коммунизма.*

Но образ «ряда зубчатых колес», «сложной снстемы нескольknх зубчатых колес», «прнводов» от авангарда к массе передового класса, от него к массе трудящихся, без которых нельзя осуществлять диктатуру пролетарната в крестьянской стране,— этот образ родился уже во время речи.

И точно так же в процессе речн, быть может, под влняннем ответного двнження, которое возннкло в это время в зале, нмеющаяся в конспекте краткая запнсь:

«Союзы в «рабочем государстве»? А в рабочем государстве с *бюрократическими извращениями?* Есть от кого защищаться! а в рабоче-*крестьянском* государстве?»

Эта краткая запись вырастает в речи в следующую развернутую характеристику:

«У него (Троцкого.— *Е. Д.*) выходит, что защита материальных и духовных интересов рабочего класса не есть роль профсоюзов в рабочем государстве. Это ошибка. Тов. Троцкий говорит о «рабочем государстве». Позвольте, это абстракция. Когда мы в 1917 году писали о рабочем государстве, то это было понятно; но теперь, когда нам говорят: «Зачем защищать, от кого защищать рабочий класс, так как буржуазии нет, так как государство рабочее», то тут делают явную ошибку. Не совсем рабочее, в том-то и штука... У нас государство на деле не рабочее, а рабоче-крестьянское — это во-первых. А из этого очень многое вытекает (Бухарин: Какое? Рабоче-крестьянское?). И хотя т. Бухарин сзади кричит: «Какое? Рабоче-крестьянское?», но на это я отвечать ему не стану. А кто желает, пусть припомнит только что закончившийся съезд Советов, и в этом уже будет ответ.

Но мало этого. Из нашей партийной программы видно... что государство у нас рабочее *с бюрократическим извращением.* И мы этот печальный,— как бы это сказать? — ярлык, что ли, должны были на него навесить. Вот вам реальность перехода».

А отсюда вывод: при такого рода практически сложившемся государстве рассуждения, что профсоюзам нечего защищать, что в заботе о материальных и духовных интересах пролетариата без них можно обойтись,— эти рассуждения теоретически неверны и переносят нас в область абстракции или идеала, которого мы достигнем через пятнадцать — двадцать лет.

Ленин делает короткую паузу и добавляет:

— Но я и в этом не уверен, что достигнем в такой именно срок.

Прнмечательио иепрерывно повторяющееся в речи Лениия столкиовеине и соединиеиие поиятий «практически» и «теоретически».

Десятки раз, то так, то этак, ои повторяет: «перед иамн же действнтельиость», «вот вам реальность», «таковы практические выводы», «нзучн *практический опыт*», «переходиый период в переходиом периоде». И так же десятки раз, то обрушиваясь иа идейиую путаиицу, словесиые выкрутасы, теоретическую фальшь, то подчеркивая важиость правильной теоретически постаиовки вопроса,— Леиии показывает иеразрывное единство теории и практики. А также практикн и теории.

И совсем как тот стакаи, обыкиовеииый стекляииый стакан, который, когда Лении взял его в руки, чтобы показать сущиость диалектики, волшебно занграл сверкающимн граиями связей и опосредствоваинй, так частиый вопрос о роли, месте, задачах профсоюзов, благодаря свету мысли, которым озарил его Леиин, вырастает в общий вопрос о методах и формах осуществлеиия пролетарской диктатуры в крестьянской страие.

Такова была девятая речь Лениия, произиесеиная нм за последние девять дией двадцатого года.

9

Так, вопрекн предостережеииям Леиииа, спор о роли профсоюзов вышел все же за рамки Цеитрального Комитета партии.

Такого ие было никогда — ни до, ни после. Волиа, шквал, цуиами, дискуссии. Рождающиеся чуть лн не каждый день «платформы» и «платформочки». Утопающие в облаках табачного дыма собрания. И споры, споры, чуть ли ие с утра до вечера и с вечера до утра.

В бурном процессе «тезисотворчества» за каких-иибудь две недели на свет появилось ие менее восьми «платформ» («тезисы» тож) со всяческими июаисами, оттенками, оттеиочками, в которых сам черт мог сломить иогу — и неискушеиные в этаких тоикостях товарищи должиы былн тратить время и ломать в этой «чехарде платформ» головы, чтоб хотя бы отличить одну «платформу» от других. Хотя многие нз этих «платформ» ии иа одном собраиии ие получали ни одного

голоса, они упорио выдвигались и защищались их авторами.

Потом произошел как бы естествеииый отбор — и все оппозиционные группы стяиулись к двум полюсам: иа одиом Троцкий с «перетряхиванием» и «сращиваиием», иа другом — «рабочая оппозиция» с аиархосиндикалистской идеей: «управление иародным хозяйством должио прииадлежать самим производителям».

И против всего этого фроита «платформ» и «платформочек» — Лении. И с иим — все более и более явиое большиистио партии.

В мою задачу ие входит изложение истории виутрипартийных разногласий и аиализ их существа. Это — дело историков партии. Моя задача в ином: в воссоздаиии человеческих характеров, в воскрешеиии атмосферы эпохи.

Поэтому я позволю себе вспомиить одно из любопытиых свидетельств того времеии — стихотвореиие Демьяна Бедного «С болота иа грунт», опубликоваиное тогда в газетах и читавшееся иа партийиых собраииях под дружиый хохот присутствующих:

Чего только иет иа большевистской грядке?
Пишу стихи — в «дискуссиоиием порядке».
Со миой приключилась такая история:
После «дискуссий» Зиновьева Григория
И Троцкого Льва
У меия так замутилась голова,
Что ие дошла до полиого просветлеиия
Даже после лениискоro выступлеиия.
И это — ие со миой одиим.
Товарищ Томский — я встретился с иим —
Сам председатель Ве-це-эс-пе-эса,
Уже ие смыслит, видать, ии бельмеса,
Как «срастить» разиогласья такие:
«Путаю коицы, брат, в биллиардиом кие,
Не отличаю правой от левой лузы,
Как шары, в голове смешались профсоюзы!»
Дискуссии иаши — пока лишь цветочки,
Досель различал я какие-то точки,
Но, попавши иамедии иа иовые преиия,
Перепутал я все точки зреиия.

Правда, беда приключилась эта
И с председателем Московского Совета:
Товарищ Камеиев стал говорить,
Пытаясь всех примирить,
Примирял замечательио —
И заблудился в трех точках окоичательио.

Тут откуда ии возьмись товарищ Сосиовский...
Скосивши глазок иа комитет Московский
И изобразивши большого забияку,
Полез ои на Зиновьева в драку
(благо Зиновьев оказался в отлучке!):

«Укажите место безответственной кучке!
Пусть иас за иос ие водят петроградцы!
Не сдавайтесь, братцы!»

Услышав такую приятиую фразу,
Обрел я ие точку, а линию сразу.
Решил держаться старого правила:
Раз меия сметка оставила,
Раз дорога дает разветвление,
Нюхом испытаиным брать иаправление —
Засучив рукава, спокойио иди,
Особливо, когда... Ильич впереди!

10

В субботу первого января Ленин уехал в Горки. Считалось, что он по случаю нездоровья находится в отпуске, на отдыхе.

Однако, как видно из хроники жизни и деятельности Ленина, составленной работавшей в его секретарнате Марией Игнатьевной Гляссер, этот «отдых» выглядел так:

Воскресенье, 2 января. Горки. Просмотрел и направил управляющему делами Совнаркома Н. П. Горбунову письмо шведского Красного Креста по поводу академика И. П. Павлова, поручив снестись с наркомом здравоохранения...

Понедельник, 3 января. Кремль. Прнехал из Горок в 12 часов 20 минут.

Напнсал пнсьмо... Просмотрел и направил... Поручнл... Подписал...

Вторник, 4 января. Москва, Кремль. От одиннадцати утра до четырех дня председательствовал на заседанин Пленума ЦК партии. Просмотрел н дал поручения по восьми документам. Подпнсал протокол Малого Совнаркома. С шести вечера председательствовал на заседанни Совета Труда и Обороны. В девять вечера уехал в Горки.

Среда, 5 января, Горки...

Впрочем, не будем продолжать: изо дня в день одна и та же картина, одна и та же напряженнейшая работа — находится ли Владимнр Ильич в Горках, выезжает ли он в Москву.

Но и этого мало: за время своего пребывания в Горках Ленин сверх всего прочего написал статью «Кризис партии» и основную часть брошюры «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина».

Только против одного дня этого трехнедельного «отдыха» Ленина в записях секретарей нет пометок о его работе: против воскресенья шестнадцатого января.

Видимо, именно этот день мой отец по просьбе Надежды Константиновны провел в Горках: она знала, что Владимир Ильич очень любил слушать его пение, и хотела таким, как она выразилась, «форсмажорным» способом заставить Владимира Ильича хотя бы один день не работать.

Отправился отец туда еще в субботу после обеда вместе с Николаем Васильевичем Крыленко. Приехали уже вечером. Владимир Ильич стал их о чем-то расспрашивать, но они заявили: «О делах ни слова». Владимир Ильич засмеялся: «Попробуем».

Уговор был выдержан, но, видимо, только насчет слов, а не мыслей. Потому что, когда Владимир Ильич уселся с Крыленко за шахматы, в самый разгар игры он обмолвился и вместо шаха королеве объявил: «Шах Коллонтай».

(Александра Михайловна Коллонтай была одним из лидеров «рабочей оппозиции»).

В тот вечер отец много пел. А утром, еще затемно, они отправились втроем на охоту.

Охотничье счастье им не улыбнулось, дичи было мало, да и стреляли они плохо, больше мазали. Только Крыленко подстрелил пару зайчишек.

Возвращались прямиком через лес. Шли и пели «Смело, товарищи, в ногу...».

11

Двадцать второго января Ленин вернулся в Москву, и, как пишет М. И. Гляссер, «с этого времени начинается снова «бешеный» темп его работы: приемы, выступления, заседания, ежедневные комиссии и т. д.».

Некоторое улучшение с поступлением продовольствия и топлива в конце двадцатого года сменилось новым ухудшением. «...У нас продовольственный кризис отчаянный и прямо опасный»,— восклицает Ленин в конце февраля в письме к украинским товарищам.

Где же искать выход? На старых путях? Еще круче завинчивать гайки военного коммунизма?

Нет!

Ленину ясно, что вырваться из этого положения, говоря словами Дзержинского, нельзя «без хирургии, без смелости, без молнии...».

К необходимости крутого поворота подводило все, услышанное на Восьмом съезде Советов. О нем говорили и сообщения с мест, и беседы с крестьянами, и письма коммунистов, болевших за дело партии и народа и делившихся с Лениным своими сомнениями и тревогами.

Перед Лениным сидел член Сибирского ревкома В. Н. Соколов, который предлагал теперь же, еще до посева, объявить, что на Сибирь устанавливается разверстка в сто миллионов пудов, а весь хлеб, который крестьяне соберут сверх этого, останется в их полном распоряжении.

— Вы полагаете, что тут можно ограничиться Сибирью? — быстро спросил его Ленин.

— Нет, Владимир Ильич,— отвечал Соколов.— Сибирь — начало, подход, опыт...

— Вы думаете, если объявить заранее, будут сеять больше?

— Несомненно будут, Владимир Ильич. Хозяйственный инстинкт...

Крестьяне-коммунисты из Бакурской волости Сердобского уезда Саратовской губернии писали Ленину, что, по их мнению, Советская власть, чтобы выйти из хозяйственной разрухи, должна опираться на крестьянство, «как на костыль».

«Это совершенно верно,— отвечал им Ленин.— Об этом сказано в нашей партийной программе и в постановлениях партийных съездов».

Об этом говорят и решения последнего съезда Советов.

Во время заседания Политбюро шестнадцатого февраля Ленин получил записку от секретаря ЦК Н. Н. Крестинского, участвовавшего в этом заседании. Крестинский писал Ленину, что в «Правду» поступила статья о преимуществах продналога перед продраз-

версткой, авторами которой являются московский губпродкомиссар П. Сорокин и заведующий московским губземотделом М. Рогов. Член редколлегии Н. Л. Мещеряков сомневается в необходимости срочной публикации этой статьи. Он, Крестинский, в основном согласен с Мещеряковым.

«Я статьи не видал,— ответил запиской Ленин,— но, полагаясь на Каменева (что *вредного* он не рекомендовал бы), подаю голос за то, чтобы *печатать завтра*». И предложил: статью опубликовать, как статью частных литераторов, а не как должностных лиц, сделав при этом оговорку, что статья дискуссионная.

На это Крестинский написал Ленину:

«Сталин считает стратегически невыгодным, чтобы канву для неизбежной дискуссии дали не мы; поэтому он за то, чтобы этой статьи не печатать без предварительного просмотра ее нами».

Судя по тому, что на этом же заседании Политбюро было вынесено решение, что статья П. Сорокина и М. Рогова может быть напечатана, Ленин не согласился с мнением Крестинского и Сталина.

В этой статье, появившейся на следующий день в «Правде», называвшейся «Разверстка или налог», П. Сорокин и М. Рогов, подвергнув критике систему разверстки, указывали на необходимость «найти такие формы, при которых наша продовольственная работа в деревне не убивала бы в производителе желание увеличить и развить свое производство». Такой формой они считали налоговую систему на все виды продовольствия, сырья и фуража.

Коммунист Д. И. Гразкин, который побывал в Вологодской губернии, прислал М. И. Калинину и Н. Н. Крестинскому большое письмо. В нем он рассказывал о тяжелом положении сельского хозяйства и предлагал установить «процентную норму» взимания продуктов. Крестинский передал это письмо Ленину, и дня через два Ленин пригласил Д. И. Гразкина к себе.

— Вы в письме предлагаете заранее установить норму взимания продуктов с крестьянского хозяйства,— сказал Ленин.— А куда крестьяне будут девать излишки? Продавать? Значит, нужна торговля?

И он вызвал члена президиума ВСНХ Владимира Павловича Милютина. Осторожно, очень осторожно расспросил, как тот относится к допущению «местного рынка».

Долго беседовал он с крестьянином из Владимирской губернии Иваном Афанасьевичем Чекуновым. Тот сказал, что крестьяне потерялн доверие к Советской властн. Ленин спросил, можно лн поправить дело налогом? Чекунов сказал, что, по его мнению, да, можно.

Выступнл на Московской широкой конференцни металлистов, созванной для обсуждения продовольственного положения, вопросов об отношении рабочего класса к крестьянству, о ролн профсоюзов в пронзводстве, о тарифах н др.

Конференция заседала в Колонном зале Дома союзов. Присутствовало на ней около тысячн делегатов. Заседала эта конференцня трн дня — и все этн три дня бурлнла, кнпела, клокотала, металась, заходнлась в крике, слушала только тех, кто раздраженно н гневно бичевал недостаткн Советской власти, требовала всех поравнять, всех накормнть, удовлетворить нужды города, но не трогать при этом деревню, хлеб дать, но хлеб не отбирать. Не верила конференцня никому — нн правленню профсоюза, нн нзбранному ею же самою президнуму, ни результатам голосованнй, нн даже себе самой — и несколько раз прерывала заседания, чтоб делегаты занялнсь взанмной проверкой мандатов. А после заключительного слова основного докладчнка по вопросу продовольствня н снабжения представнтеля Наркомпрода А. Я. Вышннского конференция заявила, что выслушанные доклады ее не удовлетворяют и она требует, чтобы перед ней выступнл Ленин.

Владимнр Ильнч появился в зале заседания во время речн рабочего Левашева, облнчавшего действня посевных комитетов. Воспаленность н раздражение конференцни к этому времени достиглн высшей точкн.

Стенограмма речн Ленина не велась, до нас дошла лншь краткая протокольная запнсь.

— Я извнняюсь, что не могу участвовать в работе конференцнн,— начал он,— а только изложу свой взгляд.

И конференция, которая только что устраивала обструкцин всем ораторам и заявляла, что она не вернт ннкому, кроме беспартийных, услышав эти слова, сразу же стала с напряженным вниманнем слушать Ленина.

Он не сулнл рабочнм ннкаких благ в сколько-нн-будь блнзком будущем, он прямо говорнл: «Мы не

обещали легкую власть... Мы не обещаем молочных рек...» Совершенно откровенно он признавал: «Никто так не страдал, как рабочий... Рабочий класс за три года обессилел, а для крестьян настала самая тяжелая весна».

Сила Ленина, как и всегда, была в том, что он говорил людям правду. И пока он говорил, настроение конференции менялось буквально на глазах. А закончил он под дружные аплодисменты и пение «Интернационала».

Конференция приняла резолюцию, в которой одобряла политику Советского правительства. По отношению к крестьянству она признала необходимым перейти от разверстки к налогу.

Среди писем, полученных Лениным в эти месяцы, было письмо старого питерского рабочего Василия Николаевича Каюрова, работавшего тогда в Сибири.

Рассказав Ленину о положении в сибирской деревне, Каюров спрашивал:

«Почему нельзя применить тот метод (хотя бы временно), к которому с колыбели привыкло крестьянство и который психологически воспринимается им как наиболее законный и справедливый, а именно: установление определенного налога с десятины, обязательно заранее декретированного?.. Этот метод мог бы дать самые положительные результаты и почти безболезненно».

Вслушиваясь во все эти голоса, советуясь с этими людьми, вникая в их мысли, обобщая их и переосмысливая, Ленин не только сделал вывод о необходимости крутого поворота экономической политики, но все более ясно видел, какой именно поворот и каким именно образом надо произвести.

Восьмого февраля двадцать первого года Политбюро ЦК, заслушав доклад Н. Осинского о подготовке к весенней посевной кампании и положении крестьянства, приняло принципиальное решение о необходи-

мости изменения экономической политики по отношению к деревне.

Обсуждение этого вопроса на Полнтбюро протекало бурно. «Началось заседание...— рассказывает в своих воспомннаннях Александр Дмнтриевич Цюрупа, который был тогда народным комиссаром продовольствия.— Владимир Ильич ругал нас бюрократами, распекал нас. Говорил: «Вы ошибаетесь; то, что раньше было правильным, теперь уже не подходит!» Оказалось, что я был не прав... Владимир Ильич выступал три раза, я тоже... Однако эта перебранка совершенно не повлияла на наши отношения. Итак, Политбюро решило отменить продразверстку и перейти к продналогу... Владимир Ильич заходил к нам на квартиру и по $^1/_2$ — 2 часа проснживал с нами, доказывая необходимость введения продналога. Я говорнл: «Владимир Ильич, я не буду делать доклада, а выступлю лишь содокладчиком к Вашему докладу». Он сказал: «А все-таки между прочим скажите, что Вы за свободу торговлн».

Решение Пленума ЦК РКП(б) о переходе от разверстки к налогу было прннято двадцать четвертого февраля и должно было быть утверждено партийным съездом, назначенным на начало марта.

12

Трудность положения в стране в десятки, в сотни раз усугублялась положением в партии.

«Надо иметь мужество смотреть прямо в лицо горькой нстине,— писал Ленин в статье «Кризис партии», за три дня до своего возвращения из Горок в Москву.— Партня больна. Партию треплет лихорадка».

Несмотря на то что уже со всей очевидностью выявилась победа ленинской точки зрения, поддержанной основной массой членов партии, все оппозиционные группы продолжали свою активнейшую деятельность, размножали все новые и новые «тезисы», рассылали по всей стране докладчиков, стараясь как можно сильнее разжечь огонь дискуссии.

Еще девятнадцатого января Ленин предупреждал, что болезнью нашей партни, несомненно, постараются воспользоваться н капнталнсты Антанты для нового

нашествия, и эсеры для устройства заговоров и восстаиий.

Говоря это, ои тут же выражал глубокое убеждеиие, что иам это не страшно, «ибо мы сплотимся все, как одии, не боясь признать болезни, но сознавая, что она требует от всех большей дисциплины, большей выдержки, большей твердости иа всяком посту. Партия ие ослабиет, а окрепиет к мартовскому X съезду РКП и после иего».

Прошло всего полтора месяца — и гром кроиштадтских пушек подтвердил правильиость обоих прогиозов Леииия.

13

Еще в коице января из Петрограда стали поступать тревожиые сообщения: с хлебом и топливом очеиь плохо. Часть заводов, видимо, придется закрыть. Рабочие сильно возбуждены отсутствием хлеба и закрытием заводов. Возбуждеиие подогревают выиыриувшие из подполья эсеры и меиьшевики.

Лении поставил вопрос о Петрограде на Совете Труда и Обороиы. Решеио было закупить за границей восемиадцать с половииой миллиоиов пудов угля и прииять героические меры, чтобы довести до максимума погрузку и отправку хлеба пролетарским центрам из Сибири и с Кавказа. В течеиие месяца Леиин буквально бомбардировал сибирских и кавказских работииков телеграммами, требуя сделать все возможное, дабы ускорить отправку хлебных эшелоиов. В конце февраля Совет Труда и Обороиы прииял виесеииое Лениным предложение ассигиовать иа покупку за границей хлеба и предметов первой необходимости до десяти миллиоиов рублей золотом и немедленио же послать туда закупочную комиссию.

Как ии эиергичиы были эти решеиия, иа то, чтобы хлеб и уголь дошли до Петрограда, требовалось время, и к тому же иемалое. Между тем на некоторых петроградских заводах началось то, что тогда же было прозваио метким словом «волынка». Это была своеобразная форма ничегоиеделания: рабочие ие бастовали, но и не

работали. Они приходили иа заводы, целыми днями митинговали. Ораторов, прямо призывавших к свержеиию Советской власти, гнали с трибуны, ио и коммунистам зачастую не давали открыть рта.

В шумной, бурлящей толпе то на одиом, то на другом заводе появлялись меиьшевистские и эсеровские лидеры — нелегально приехавший в Петроград видный меньшевик Даи и эмиссары правоэсеровского цеитра. Распространялась составленная Даиом листовка, обращенная к «Голодающим и зябнущим питерским рабочим». В ней говорилось, что дело не в отдельных замииках и перебоях, а в «крахе коммуиистического эксперимента». Штопаньем и заплаточками ничего не исправишь. Рабочие и крестьяие не должны больше жить по большевистской указке. Пусть оии требуют освобождения всех арестоваиных социалистов, свободы слова, печати и собраний, пусть будут иемедленно произведеиы полиые перевыборы Советов, завкомов и профсоюзов. Эсеровская листовка, повторяя меньшевистскую, требовала также созыва Учредительиого собраиия.

Оживились и открыто черносотенные элементы: по иочам на стенах домов и заборах расклеивались прокламации, подписанные «истинно-русскими людьми» и какой-то партией «Лови момеит», а также обычиые в таких случаях лозунги: «Долой комиссародержавие!» и «Бей жидов, спасай Россию!»

Призывы и требования в том виде, в каком их виосили послаицы антисоветского подполья, ие были приияты нигде. Но то, что говорилось в распространявшихся по городу листовках о холоде и голоде, нашло отклик. В Питере действительио было люто и голодно, люто и холодио.

Когда все это заварилось, в Петроград по предложению Леиииа поехал Михаил Иванович Калинин, который, как иикто, умел разговаривать с рабочими.

Михаил Иванович знал в Питере каждый дом, каждый завод и чуть ли не каждого коренного питерского рабочего. А уж его-то каждый рабочий зиал иаверияка. И самым горьким из всего, что выпало ему на долю в этот приезд в Питер,— а горького выпало немало,— было, пожалуй, то, что когда ои пришел иа «волынив-

шие» заводы, он увидел вокруг себя чужие, незнакомые лица.

Рассказывая потом об этих днях, Михаил Иванович не скрывал, как сильно разбередило ему сердце то, что Питер опустел,— как он выражался, оголел,— потерял самое дорогое, что у него было: цвет своего пролетариата. Вспоминая об этом, Михаил Иванович горестно вздыхал, снимал очки, доставал носовой платок, протирал очки, снова начинал говорить, не разъясняя того, что слушавшие знали и так: что в годы гражданской войны петроградские пролетарии на всех фронтах, по всей стране трудом, кровью, ценой жизни завоевали победу революции.

Петроградские пролетарии и кронштадтские матросы...

К концу февраля напряженность положения в Петрограде несколько ослабела: большую роль тут сыграла работа коммунистов и приезд Калинина. Имело значение и появившееся в газетах сообщение, что продовольственная разверстка будет заменена натуральным налогом. Но вечером двадцать восьмого февраля стало известно, что на стоящем на кронштадтском рейде линкоре «Петропавловск» чуть ли не двое суток подряд идет непрерывный митинг, на котором принята враждебная Советской власти резолюция.

Два дня спустя в кабинете Ленина раздался телефонный звонок. Звонивший в крайнем волнении сообщил о последних событиях в Кронштадте: на Якорной площади состоялся митинг «беспартийных моряков»; на нем принята резолюция, предложенная писарем с «Петропавловска» Петриченко. Приехавшего в Кронштадт Калинина встретили дружелюбно, но слушать не захотели. Кронштадт отказался признавать Советское правительство; образован мятежный «временный революционный комитет»; большую роль в событиях играет бывший царский генерал Козловский, который, по всей видимости, является одной из главных фигур заговора; в городе Кронштадте и крепости происходят аресты коммунистов.

Третьего марта газеты вышли с напечатанным на первых полосах правительственным сообщением о новом белогвардейском заговоре и мятеже, поднятом в Кронштадте, а несколько часов спустя по улицам Москвы по направлению к Николаевскому вокзалу уже

шагали отряды коммунистов, отправлявшиеся под Кронштадт.

С одним из этих отрядов шагала и я. Позволю себе поэтому сделать довольно большое отступление, чтобы рассказать о событиях тех дней, как они запомнились мне, рядовому участнику подавления Кронштадтского мятежа.

НА КРОНШТАДТСКОМ ЛЬДУ

1

Помню, накануне мы допоздна просидели над книгой Артура Арну о Парижской коммуне, готовясь к завтрашнему дню: восемнадцатого марта исполнялось пятьдесят лет со дня провозглашения Коммуны и Иван Иванович Скворцов-Степанов проводил в Свердловском университете, в лекторской группе которого я тогда училась, несколько семинаров по Коммуне, занимаясь с нами не только как со студентами, но и как с агитаторами, ибо мы должны были выступать с докладами во время торжественного празднования пятидесятилетия.

Хлеба утром нам не выдали, и мы отправились на семинар, попив голого кипяточку. Иван Иванович пришел с набитым книгами портфелем, разложил книги перед собой и начал говорить. Предыдущие занятия были посвящены деятельности Коммуны, на этом занятии речь шла о начале ее борьбы с версальцами. И вот как раз в ту минуту, когда Иван Иванович говорил о том, какой ошибкой со стороны Коммуны было то, что, проявив великодушие по отношению к своим врагам, она позволила буржуазии покинуть Париж и создать в Версале контрреволюционное правительство, в коридоре послышался шумный топот, дверь аудитории распахнулась и вбежал кто-то из наших студентов, размахивая газетой и крича: «Товарищи! Правительственное сообщение! В Кронштадте мятеж!»

Занятия семинара были, конечно, смяты. По рукам пошел вырванный из тетради листок, на котором записывались добровольцы, желавшие ехать под Кронштадт. Появился секретарь партийной ячейки университета. Ему уже звонил секретарь Краснопресненского райкома партии Беленький, которого вся Москва звала уменьшительным именем Гриша. Гриша Беленький сказал, что первая партия добровольцев отправляется через два часа. Мужчин брать всех, а женщин — только тех, кто могут быть сестрами или санитарками.

Потом все было, как всегда в таких случаях: из-под матрацев извлекалось нехитрое имущество; кто укладывался, кто делил полученные в каптерке хлеб и сахар; кто писал письма; кто, забыв обо всем на свете, «доспоривал» оставшиеся невыясненными положения изучавшегося тогда нами «Капитала». Как ни коротко было отпущенное на сборы время, но сами сборы оказались еще короче, так что мы успели и посмеяться, и погрустить, и спеть «Варшавянку».

Потом, закинув за спины тощие вещевые мешки, мы шагали по коричневой снежной жиже через всю Москву, стараясь как можно более четко отбивать шаг и держаться так, что все, мол, нам нипочем. Но на душе скребло: мы ехали под Кронштадт, гордость революции Кронштадт, славу революции Кронштадт, и в мятеже участвовали не только царские генералы и офицеры, но и кронштадтские матросы — матросы, матросы, матросы, разворачивайтесь в марше, вы птицы морей альбатросы, кто там шагает правой? левой, левой...

2

В Питере на вокзале наш эшелон встречали Михаил Иванович Калинин и член штаба обороны Петрограда Лашевич. Собрание было устроено в одном из залов ожидания. Здесь мы и узнали первые подробности того, что произошло в Кронштадте.

Первым говорил Калинин. Видно было, что он сильно измучен. К тому же у него были сломаны очки, от одного стекла остался лишь осколок, дужки были замотаны суровой ниткой. Михаил Иванович говорил недолго. Остальное досказал Лашевич.

Дело началось, собственно, задолго до самих событий. Еще в середине февраля, то есть тогда, когда в Кронштадте было еще спокойно, в парижских газетах появились телеграммы от «собственных корреспондентов из Гельсингфорса», в которых описывалось восстание в Кронштадте против Советской власти, причем некоторые детали этого описания в точности совпадали с тем, что произошло две недели спустя.

Было ли это обычной газетной уткой? Едва ли. Больше похоже, что заговорщики попросту выболтали планы мятежа.

Сами события в Кронштадте начались двухдневным митингом на линкоре «Петропавловск», к которому

присоединилась также и команда стоявшего рядом на рейде лннкора «Севастополь». Приняв враждебную Советской властн резолюцию, мнтннг решил предложить эту резолюцию общегородскому собранию матросов, рабочих н красноармейцев и созвать это собранне на следующнй же день, в воскресенье первого марта.

Открытые волнения на «Петропавловске» и в Кронштадте могли привести к вооруженным столкновениям. Чтоб не допустить до этого, Михаил Ивановнч Калинин решил немедленно же отправиться в Кронштадт. Вместе с ннм поехал комиссар Балтфлота Николай Николаевич Кузьмин.

Добиралнсь они долго и трудно. Машина буксовала в снегу, не дотянула даже до вокзала. В Сестрорецк ехали на паровозе, а оттуда на лошади. Но лошадь вязла в сугробах, так что большую часть пути они прошлн по льду пешком.

По дороге их кто-то обогнал, и, когда они добрались наконец до Кронштадта, Якорная площадь была полна народу. Собралось тысяч пятнадцать, не меньше. Играл духовой оркестр, все выглядело вполне мирно.

Калинина и Кузьмина встретнли доброжелательно — здоровались, расступались, освобождая проход к трибуне. А когда они поднялись на трибуну, устроили овацию.

Сначала выступнл Калинин. Он говорил о положенни в стране и о том новом, что намерена в ближайшее же время провести Советская власть. Объяснил, что «волынками» н беспорядками трудности не преодолеешь, а только усугубишь. Говорить ему было трудно, ветер относил слова, но слушали неплохо.

Однако тут в толпе прошло какое-то едва приметное, словно подводное, движение.

— Вот так бывает, когда глядишь на реку и тенью проплывет крупная рыба,— пояснил Калинин, прервав Лашевнча.

Люди, окружавшие трибуну, были оттеснены, и на их месте уже стояли другне, в большинстве из тех, кого тогда прозывалн «жоржиками» и «Иванморами». Кто-то крикнул Калннину:

— Хватит басни разводить, баснями нас не накормншь! Ты хлеба давай!

После Калнннна выступил Кузьмин. Его все время перебивали выкрнками, а когда он кончил, председатель

митинга, судовой писарь с «Петропавловска» Петриченко — бушлат картинно распахнут, тельняшка от плеча до плеча открыта, бескозырка лихо заломлена,— закричал:

— Братва! Товарищи! Братишки! К нам прибыли делегаты петроградских рабочих!

На трибуне появились эти самые делегаты.

— Я человек беспартийный,— начал первый из них.

Тут Калинин снова прервал Лашевича.

— Там, на Якорной площади,— сказал Калнинн,— лишь коммунисты говорили от имени своей партии. А остальные все, как один, называли себя беспартийными, хотя мы поименно знаем, что все это старые меньшевики, анархисты, эсеры...

— Вот и в Питере так же,— сказал Лашевич и продолжил свой рассказ.

Оратор, называвший себя представителем петроградских рабочих, сообщил, что Петроград охвачен всеобщим восстаннем против Советской власти. Восставшне заняли почтн весь город, советские войска удерживают только Смольный и Петропавловскую крепость. Это же подтвердили и его спутники. Говоря так, они в то же время подчеркивали, что они не против Советской власти, нет, ни в коем случае! Они, мол, «для лучшего». Они — за Советы, но только «свободные».

В толпе все время происходило какое-то движение, то стягивающееся к центру, то расходившееся кругами и спиралями. Настроение становилось все более взвинченным.

Теперь Петриченко решил, что настало время внести резолюцию, принятую на «Петропавловске».

Все пункты этой резолюции, по выражению Лашевича, делились на «Даешь!» и «Долой!»

Даешь перевыборы Советов тайным голосованием! Даешь свободу слова, печати, собраний, союзов, крестьянских объединений! Даешь свободу торговли!

Долой политотделы! Долой «заградиловку»! Долой коммуннстические боевые отряды!

А за всем этим — за «Даешь!» и «Долой!»,— конечно, одно: долой коммунистов!

Резолюцню проголосовали не руками — глотками... Калинин потребовал еще раз слова н сказал, что сегодня кронштадтцы хоронят свое славное прошлое. «Ваши сыновья и дочери,— сказал он,— будут прок-

линать вас за сегодняшний день, за эту минуту, когда вы предаете рабочий класс!»

Его слушали теперь плохо, а Кузьмина и председателя Кронштадтского исполкома Васильева слушать и вовсе не захотели. Поднялся шум, толпа сорвалась с места и куда-то ринулась.

На Калинина никто не обращал внимания. Вместе с товарищами он зашел куда-то неподалеку. Обсудив положение, решили, что он должен уехать в Питер, а Кузьмин и Васильев останутся в Кронштадте.

К этому времени все выходы из города были уже заняты караулами мятежного «Петропавловска». Когда Калинин подъехал к заставе, его задержали и потребовали, чтоб он предъявил пропуск от штаба мятежников. Он вернулся в крепость, позвонил на «Петропавловск», назвался и сказал, в чем дело. Его попросили подождать у телефона. Ждал он довольно долго, пока уже другой голос не сказал, что он может ехать, и даже попросил у него извинения.

Выходя из Кронштадта, Калинин спросил матросов, дежуривших в карауле у заставы, неужели же они не видят торчащие за их спинами черные уши меньшевиков, эсеров, царских генералов? Матросы хмурились, отмалчивались.

На следующий день, второго марта, около полудня в Петроград позвонил остававшийся в Кронштадте Кузьмин.

Он сказал, что с самого утра началось собрание делегатов судовых команд и мастерских по вопросу о перевыборах Советов. Как и на всех тогдашних собраниях в Кронштадте, председательствовал Петриченко.

Не обращая внимания на протесты Петриченко, Кузьмин взял слово и добился того, что собрание стало склоняться на его сторону. В тот момент, когда он звонил в Петроград, ему даже казалось, что все обойдется.

Но он ошибался. Несколько минут спустя ворвались какие-то люди, крича, что к «Петропавловску» приближается огромный отряд вооруженных коммунистов. Перекрывая шум, Петриченко предложил немедленно же создать повстанческий ревком, а так как положение критическое,— утвердить в качестве ревкома президиум этого собрания.

На деле никакой вооруженный отряд не подходил и слух о нем был пущен только для того, чтобы оглушить собрание и создать мятежный ревком, который тут же арестовал Кузьмина, Васильева и остальных коммунистов, находившихся на собрании.

Таким образом, события развивались в точности так, как за две с лишком недели до того их описывала парижская газета «Утро»: «Восстание Балтийского флота против Советского правительства. От собственного корреспондента.

Стокгольм, 13 февраля. Уже в течение некоторого времени циркулируют слухи о серьезных беспорядках, происходящих в Кронштадте. Согласно данным, полученным эстонской печатью, Кронштадтский совет отказался подчиняться центральной власти. Матросы, поддерживая Совет, арестовали верховного комиссара Балтийского флота и повернули пушки своих дредноутов на Петроград...» [1]

Волин [2] счел нужным довести о событиях в Кронштадте до сведения Исполкома Петроградского Совета. Связь шла через форт «Краснофлотский». К аппарату подошел начальник форта Николай Сладков.

Докладывая в Петроград об этом разговоре, Сладков сообщил:

«Хотя они и старались меня обозвать, но сочли вести со мной разговор чисто искренне — дружеский. Я им ставил вопрос: «Зачем в Кронштадте переворот? Кому переворот нужен?» На это Волин, называя меня Колькой, заявил, что, мол, ты наш корабль знаешь, мы были и будем красным кораблем. На мой вопрос в ругательной форме: «Зачем вы арестовываете коммунистов и даете власть золотопогонникам, зачем допустили генералов и офицеров управлять этим переворотом, которые уже о перевороте сообщили Антанте?» — Волин ругательно заявил: «Что ты, Колька, говоришь? Неужели мы поддадимся золотопогонникам?.. Да ты должен понять, Колька...» На вопрос: «Ведь золотопогонники могут убежать в Финляндию, что вы будете делать, остолопы одураченные?» Ответ: «Мы как были, так и будем красным «Петропавловском» и не дадим над нами господствовать буржуям». Я им ставил еще вопрос: «Ведь форты, которые около Кронштадта, на-

[1] Перевод с французского автора.— *Ред.*

[2] Волин — председатель ревкома линкора «Петропавловск».— *Ред.*

пнчканы эсерами и меиьшевиками. Не подумайте, что вы с вашим клешем упрыгаете далеко». На это Волни спросил, как смотрнт на инх «Краснофлотский»? Я ему ответнл: «Свирепит злобой сиести вас, как предателей революции, за авантюру в такой тяжелый момеит революции». Дальше я их стал ругать выражеииямн Степана Разииа н потребовал от ннх, чтобы оии освободнлн арестоваиных коммуиистов, иемедлеино собралн бы собраиие, выстроились бы невооружеииые под красным зиамеием, шли бы в сторону, обязательно взяв с собой всех нзмениików н провокаторов. Ответ Волииа: «Ведь вы нас тоже будете расстреливать». Я нм ответил: «Дуракам только влепнть по шапке, честным морякам честь н слава в Красной Армии, а провокаторам, буитовщикам и агеитам Антанты дадим иародный суд».

Тут Волнн запустнл миогоэтажиую трель «в разннскнх выражениях» н дал отбой.

На этом связь Петрограда с Кроиштадтом была оборваиа.

Так произошла та «передвижка власти», о которой на Десятом съезде партии в разделе своего доклада, посвящеиием Кроиштадтскому мятежу, Леиии говорнл, что как бы оиа ни была виачале мала или иевелнка, как бы иезиачнтельиы ии были поправки, которые делали кроиштадтскне рабочие и матросы, казалось бы н лозунги остались прежиие: «Советская власть», с небольшим изменением или только исправлеииая,— а на самом деле беспартийные элементы служили здесь только подножкой, ступеиькой, мостиком, по которому явились белогвардейцы, что совершеино иеизбежно полнтнчески. Об этой новой форме контрреволюцни — контрреволюции мелкобуржуазной, Ленин иа Десятом съезде партин сказал, что в страие, где пролетарнат составляет меньшннство, «она более опасна, чем Деинкин, Юдеиич и Колчак вместе взятые».

Калиинн встал.

— Вот какая невеселая исторня, товарищи,— сказал ои.— От Кронштадта до Петрограда двадцать пять верст, так что поннмаете сами... Похоже, что нам придется перейтн к решнтельиым действиям...

3

В иетоплением вагоне уходившего из Петрограда поезда — из тех, что иосили тогда прозвище «Максим Горький»,— было темио, из щелей дуло. Прижавшись друг к другу, чтобы хоть чуток согреться, мы то дремали, то просыпались, вздрагивая от толчков.

Время от времеии кто-иибудь вскакивал:

— Приехали?

— Да иет еще... Спи!

Поезд шел медлеиио. Дула метель, путь заиосило сиегом. Не раз иам пришлось выходить из вагонов и, вооружившись лопатами, расчищать путь.

До Ораиieибаума поезд так и ие дошел, а остаиовился верстах в двух от станции, в чистом поле.

Железнодорожиая лииия шла у самой кромки берега Фииского залива. Слева от нас взбирались иа пологие холмы дома Ораиieибаума. Справа был лед. А вдали за сиежиой пелеиой — погружеииый в предрассветиый сумрак Кроиштадт...

Четвертого марта Петроградский Совет обратился с письмом «К обмаиутым кроиштадтцам». В ием ои предупреждал рядовых участиików мятежа об участи, которая ждет их, если они иемедлеиио же ие порвут со своими главарями:

«Все эти геиералы Козловские и Буркссры, все эти иегодяи Петриченки и Туриины в последиюю миуту, коиечио, убегут в Фииляидию. А вы, обмаиутые моряки и красиоармейцы, куда деиетесь вы?»

На следующий день мятежному Кроиштадту был предъявлеи ультиматум: в двадцать четыре часа сдаться, сложить оружие и выдать зачиищиков. Одновременио ему было сообщеио, что отдаи приказ подготовить все для разгрома мятежа вооружеииой силой. Выполиеиие приказа было возложеио иа иазиаченного комаидующим Седьмой армией Михаила Николаевича Тухачевского.

Ультиматум ие возымел действия. Чтобы исчерпать все, ои был продлеи еще иа двадцать четыре часа.

В Ораиieибауме мужчин из иашего отряда иемедлеиио иаправили в воинские части, а девушкам — Асе

Клебаиовой, Леле Лемковой и мне — велели идти иа стаицию, где формировался полевой летучий госпиталь.

Не помню уж, кто там распоряжался. Пожалуй, иикто. Хотя дело было днем, в помещеиии было темно, горели свечи. Выясиилось, что медикаментов и перевязочиого материала почти нет, зато есть довольио много рваного, но чистого больничиого белья. Нам предложили иайти себе место и сесть щипать корпию — заиятие, о котором мы знали только по ромаиам времен Севастопольской обороны и войиы 1812 года.

Как ни мало мы — растрепанные, еле умытые, одетые в шинели ие по росту, обутые в громадные солдатские ботиики,— как ии мало мы были похожи на прелестных барышеиь Ростовых, ио мы прииялись за дело, которым заиимались их прелестиые ручки.

Щиплем, щиплем, щиплем — и, иавострив глаза и уши, стараемся не упустить иичего происходящего вокруг.

Появился какой-то ордииарец и кого-то куда-то вызвал...

Привели человека, облеплеииого снегом. Он мотает головой и мычит сквозь стисиутые зубы. Наверное, от боли. Его усадили иа табуретку, врач разрезал рукав. Все в крови. Раиеи в предплечье. Врач пинцетом вытаскивает пулю, раиеный кряхтит. Узиаем, что он — перебежчик из Кроиштадта.

Мы щиплем, щиплем, щиплем. Ох, и медленио же растет кучка этой проклятой корпии!

— Что в Кроиштадте? — спрашивает врач у перебежчика.

Тот только машет здоровой рукой.

Пришли двое красиоармейцев, просят вазелину, чтобы смазать щеки. Обморозились. Выясияется, что они разведчики. Этой иочью подползли по льду к самому Кронштадту. В Кроиштадте весь берег оцеплеи и видио, что ведутся воеииые приготовлеиия.

Прибежала какая-то девица, постукала сапожками, сбивая снег, что-то простреkотала и убежала.

Бородатый дядя в полушубке и розовых сибирских пимах виес двухведерную бутыль карболки.

Мы щиплем, щиплем, щиплем... Кучка корпии еле растет. А стрелки висящих иа стеие часов-ходиков все ближе и ближе подползают к часу, когда истечет срок второго ультиматума.

До конца срока два часа... Час... Полчаса... Четверть часа. Все!

Что же будет дальше?

И тут мы услышали протяжный голос снаряда. Это орудия, установленные на холмах Ораниенбаума, открыли огонь по Кронштадту.

Телефонный звонок. Приказ командования: врачам и санитарам-мужчинам с санитарным имуществом прибыть в штаб. Женщин не брать. Женщинам подготовить госпиталь к приемке раненых.

Мы возмущены. Особенно негодует Леля Лемкова. Как?! Подобное отношение к женщинам на четвертом году революции и к тому же в самый канун Восьмого марта?!!

Но приказ есть приказ, а работы много: и вымыть полы, и постелить на столах и лавках постели, и подготовить операционный инструмент.

Наша артиллерия продолжает обстрел Кронштадта. Ей начала отвечать артиллерия мятежников. Неподалеку от станции разорвалось несколько снарядов.

Потом настала долгая-долгая тишина. И вдруг еле слышно задребезжали оконные стекла.

Мы выбежали на улицу. Из влажной мартовской мглы доносились приглушенные туманом и расстоянием звуки далекого боя...

В эту ночь наше командование сделало первую попытку овладеть мятежным Кронштадтом. В бой были посланы курсанты военных школ. Пользуясь туманом и метелью, они подползли по льду к самым стенам Кронштадта, но были обнаружены прожекторами противника, который открыл по ним интенсивный огонь. Несмотря на это, они с криками «Ура!» ворвались в город.

Тут откуда-то из укрытия перед ними выросла фигура человека в матросской робе. Это был член Кронштадтского Ревкома Вершинин. Размахивая руками, Вершинин закричал:

— Стой! Стой!

Курсанты приостановились.

— Товарищи! Братцы! — взывал к ним Вершинин.— Вы рабочие — мы рабочие, вы крестьяне — мы крестьяне. Так чего ж нам бить друг друга? Не лучше ль бить жидов и коммунистов?

Курсанты обезоружили Вершнннна. Он отчаянно матерился, пробовал вырваться и бежать, но был благополучно доставлеи в Оранненбаум.

Эта первая попытка овладеть Кронштадтом оказалась иеудачиой. Победа требовала иных снл н средств.

Мы ждалн раиеиых, ио подошел санитарный поезд н увез нх в Петроград. Нам осталось убрать прнготовлеиные для раиеиых постелн, щнпать корпию н ждать.

И мы щнплем, щнплем, щнплем... Вдруг распахнвается дверь и появляется Тухачевскнй...

Он входит — и сразу становнтся тнхо. Он говорнт вполголоса, но все его слышат.

Ои обходнт помещеине. Мы щнплем, щиплем, щиплем свою корпию. Ои прнблнжается к нам. Мы все щнплем, щнплем, щнплем ту же корпню. Он останавлнвается перед иами. Мы продолжаем щнпать, щнпать, щнпать корпню...

— Кто вы такне? — отрывисто спрашнвает Тухачевскнй.

Мы объясняем.

Лицо Тухачевского темнеет.

— Почему вы посаднлн иа эту ерунду людей, годиых для боевой н полнтнческой работы? — говорнт ои здешнему иачальнику.

И тут же прнказывает откомаидновать нас в распоряжеине штаба, а на щипание корпнн мобнлнзовать женщнн из местиого иаселення.

4

Тухачевскнй шагал так быстро, что мы еле за ннм поспевали. Придя в штаб, ои спроснл, хотнм лн мы есть? Конечио, хотим. Но еще больше хотим помыться.

— Устройте все для товарнщей,— сказал Тухачевский вестовому. Но, заметив лукавый взгляд, который тот на нас бросил, добавил:

— Только ие в «Помпее».

Потом уже мы узиалн, что «Помпеей», а вернее «Последннм днем Помпеи», в штабе уже успели прозвать ваиную комнату бывшего владельца дачн, распнсанную совершеиио иепотребнымн картннамн.

Часа через два иас позвалн на совещанне командного состава н политическнх работников Ораниенба-

умской группы войск, иа котором выступил Тухачевский.

Ои сказал, что брать крепоcть, а тем более крепость первоклассиую,— дело нелегкое. Перед иами же стоит задача, примера которой не знает история войи: взять морскую крепость со льда, силами пехоты. Сегодняшняя наша иеудавшаяся атака показала, что овладеть Кроиштадтом с иалета не удастся. Нужно найти иовые формы тактического использоваиия частей на льду, отличиые от тех, которые примеияются иа суше. Но иас подпирает время. От захвачеииого этой иочью в плен члеиа Кроиштадтского ревкома Вершиииа мы узнали, что главари мятежиików решили придерживаться обороиительиой тактики, рассчитывая на то, что, пока мы подготовим штурм, троиется лед и мы ие сможем иаступать. Дорогá каждая миута, каждая секунда. Вот-вот иастаиет весна, оттепель, ледолом, ледоход. Тогда на рейд мятежного Кроиштадта придут суда империалистических держав и Кроиштадт превратится в очаг граждаиской войиы и иитервеиции...

— Вас посылают в воинские части в качестве саиитарок,— говорил, иапутствуя нас, иачальник Политотдела Ораиеибаумской группы войск товарищ Лепсе.— И во время боя вы будете саиитарками. А пока — побольше разговаривайте с красиоармейками, постарайтесь получше поиять их душу, помогите им во всем разобраться.

И вот с иаправлеиием в кармаие я стою посредиие Ораиеибаума и спрашиваю, как пройти в назиачеиное мие место.

— Вот туда, виз, иалево,— говорит одии.— Да нет, направо, иа горушку,— утверждает другой.— Да ие иаправо, ие налево, а топай прямо, во-ои к тому домику, потом пройди через двор, увидишь дом с башенкой, подойди, спроси: «Это у вас курича иа уличе яйчо сиесла?» Тебе скажут: «У иас». Вот ты и пришла, куда иадо.

Так я и сделала. И действительио, пришла туда, куда мие было иужио. Только вот иасчет «куричи» ие спросила и хорошо сделала: этой «куричей» с присущей русскому иароду любовью к высмеиваиию местных говоров

дразнили красноармейцев нашей части, в которой было немало псковичей.

Часть была молодая, сборная. Создана она была ее командиром Михаилом Степановичем Горячевым.

Весть о событиях в Кронштадте застала Горячева в Старорусском военном госпитале, куда он попал после ранения на Польском фронте. Он тотчас потребовал, чтобы его выписали, забрал с собой выздоравливавших, явился вместе с ними к губернскому военному комиссару, за два дня сколотил отряд, в который была влита рота красноармейцев из местного гарнизона, и, раздобыв два пулемета и небольшую пушчонку с прислугой и четырьмя обозными лошадьми, отправился вместе со своим отрядом под Кронштадт.

Постоянного названия эта часть так и не получила. За то время, что я в ней была, несколько раз ее то куда-то «вливали», то к ней что-то «придавали». В зависимости от этих перемен, происходивших не столько в реальной жизни, сколько в штабных бумагах, перед ее названием появлялись приставки: то «арт», то «мор», то еще что-то. Командиром все время был Горячев, а комиссара дали только тогда, когда под Кронштадт прибыли делегаты Десятого съезда партии.

Размещалась она, как и все новоприбывшие в Ораниенбаум воинские части, в большой старой даче и в избах местных жителей.

Идти в новую воинскую часть девушке всегда страшновато. И не из-за собственно военных дел.

До сих пор мне везло: куда бы я ни попадала, всегда находился пожилой солдат, который брал меня под свою опеку. Нашелся такой и здесь. Звали его Флегонтыч. Он воевал еще в японскую войну.

Спать меня он устроил в кладовушке, а для себя соорудил в коридорчике перед кладовушкой лежак. Тут же мы с ним оборудовали и медпункт, который по старому обычаю назывался «околоток».

Дом был старый, запущенный, с щербатыми стенами и тугими дверьми, отворяющимися в мрак сырой черной лестницы. Но у нас в околотке всегда топилась «буржуечка» и вечно было полно народу. Я более или менее впопад выдавала имевшиеся у меня лекарства — хину, касторку и бром,— мазала кого йодом, кого вазелином и всячески старалась то что называется «вести политическую агитацию».

Все последующие события уложились в десять дней и десять ночей. Из них девять суток подготовки и одни сутки штурма.

Сводки военных действий за дни подготовки лаконично сообщают об артиллерийских перестрелках, преимущественно мелких и средних орудий. Ораниенбаум, Красная Горка и форт «Краснофлотский» обстреливают Кронштадт, батареи Кронштадта и «Петропавловска» и «Севастополя» ведут обстрел Ораниенбаумского побережья.

Обе стороны действуют явно не во всю свою огневую мощь. Само бесстрастие военных сводок свидетельствует, что главное, что происходит в эти дни, не в этих — далеко не ежедневных — артиллерийских поединках. Главное...

Далеко, насколько видит глаз, простерлось беспредельное белое пространство, освещенное луной. Лед, лед, лед... О, этот лед Финского залива!

Перед командным составом и политическими работниками поставлена задача: в самые сжатые сроки превратить находящуюся в распоряжении командования живую силу в воинские части, способные к боевым действиям на льду — в любую погоду и в любых условиях.

А это значит, что каждый — и ты в том числе — должен перебороть свой страх перед льдом —

льдом, который представляется тебе настолько тонким и слабым, что вот-вот он провалится и все, что на нем находится, будет поглощено морской пучиной;

льдом, который настолько крепок, что в нем нельзя вырыть не только окоп, но хоть какую-нибудь ямку, чтобы спрятать в ней голову;

льдом, таким белым, таким плоским, что ты весь, от макушки до пят, находишься на виду у невидимого для тебя противника.

Красноармейцы не говорят слова «лед». Они величают его «ОН»!

«ОН» все время среди нас. О «НЕМ» постоянно думают, к «НЕМУ» непрерывно прислушиваются, говорят о «НЕМ» шепотом:

«ОН» трещит... «ОН» вздыхает... «ОН» побелел, потемнел, посерел, потолщал, потоньшал... «ОН» помокрел, зазернился, шуршит, пухнет, млеет, преет, слезится...

Городская жительница, я знала о снеге, что он снег, а о льде — что он лед.

Теперь я узнала, что в завнснмости от того, ндет ли снег с дождем нли туманом н изморосью, падает ли хлопьями нли легкимн снежинками, лег ли он пушистой пеленой или же смерзся в плотный пласт, он именуется лепень, чичега, искра, блестка, пороша, наст, пушной кид, падь. Что бураном называется метель, во время которой снег ндет н крутнтся сверху, а когда метет по земле, это называется поземкой или понизовкой.

А вешнний лед! Он бывает рыхлый, рассыпчатый, игольчатый, крупеннстый. Но каким бы он ни был, он лжив и неверен, как бабья любовь, как кукушкино горе.

Вспоминалн всякне прнметы. И все онн, проклятые, сулили на этот год раннюю весну.

И еще отравлялн жизнь святые.

Вдруг оказывалось, что через несколько дней, семнадцатого марта, будет день Алексея Теплого или Алексея-с-гор-вода. А значит — жди скоро оттепели.

— Но ведь этот Алексей по старому стнлю,— выворачивалась я.

Но тогда вылезал Василий Теплый, который по старому стилю двадцать восьмого февраля, а по-новому тринадцатого марта. Получалось одно на одно с Алексеем.

В штабе армнн также были озабочены прогнозами погоды. Запросили знаменитого Кайгородова. Увы, его приметы тоже предвещали, что весна будет ранней.

Медлить с наступлением было нельзя!

Мало того, что красноармейцы должны были преодолеть страх перед льдом, у них должна была выработаться маневренность, выносливость и умение действовать и побеждать в бою на ледяной равнине.

Каждую ночь, а в туман — и днем, бойцов выводили на прибрежный лед. Сперва проводили обычные строевые занятия: важно было втянуть людей в действия на льду. Остальное время посвящалось упражнениям с новыми средствамн, придуманными для будущего боя, которому суждено было протекать в столь необычных условиях.

Что это были за средства? Длинные лестницы — мостки для перехода через рыхлый снег н полыньи, образовавшиеся в местах разрыва снарядов. Неуклюжее сооружение, прозванное «утюгом»: на треугольник нз бревен и досок накладывали камнн, впрягали лошадей,

они волокли его и таким образом утюжили дорогу, по которой потом тащили пушки.

Занятия на льду порой проходили негладко: лед-то ведь и на самом деле и дышал, и трещал, и слезился, и даже охал. Людей охватывал страх. Но тут всегда выручал какой-нибудь смельчак из тех, что кидаются в огонь и воду. Приговаривая не слишком-то цензурную приговорку, он вылетал на лед, мчался по нему вприсядку, хлопал, топал, кружил юлой. Мелкие льдинки взметывались из-под его каблуков, а он победно отстукивал дробь: гляди, любуйся, честной народ,— не проваливаюсь же!

Но самым трудным, самым особенным в то время был все же не лед.

Обычно это случалось среди ночи. Я спала в своей кладовушке. Вдруг меня будил Флегонтыч.

— Что такое?

— Вставай. Подметные листки...

Это значило, что ночью к нашему расположению подкрались кронштадтские лазутчики и раскидали листовки или свою газету «Известия временного Кронштадтского ревкома».

Некоторые не в меру ретивые политработники полагали, что эти «подметные листки» надо молча уничтожать. Но высокое наше начальство правильно рассудило действовать в открытую. Листки все равно проникнут к красноармейцам. Поэтому когда они появляются, политработники должны сами читать их красноармейцам и тут же полемизировать с их авторами.

Дело это было не легкое. Листовки кронштадтцев обладали манящей прелестью простых решений: сними заградиловку — будет хлеб, отмени разверстку — крестьянин вздохнет с облегчением; повысь заработную плату — тогда рабочий сможет купить на рынке все, что ему нужно. А так как весь нажим, зажим и прижим идут от коммунистов, выгони коммунистов и выбери «свободные Советы».

Конечно, мы убеждали и разубеждали. Легче всего было спорить с политической программой кронштадтцев. Тут главари мятежников, среди которых было много эсеров, анархистов, меньшевиков (а председатель ревкома Петриченко успел побывать и анархистом, и эсером, и махновцем, и петлюровцем), допустили явную

промашку, выдвинув идеи, не вызывавшие сочувствия массы. И уж совсем бездарно повели себя те, кто стоял за их спиной. Им бы держаться в тени, а они поперли вперед и с глупейшей развязностью раскрыли все свои карты.

Так что спасибо бывшему великому князю Дмитрию Павловичу, который, едва узнав о событиях в Кронштадте, пожаловал своей августейшей особой в Берлин, чтоб заявить о своих претензиях на российскую корону. Спасибо и Виктору Михайловичу Чернову, вылезшему с Учредительным собранием. Спасибо Гучкову и Рябушинскому, Второву и Путилову, Гукасову и Манташеву — этим новым «Мининым и Пожарским земли Русской», которые в патриотическом усердии, а также на радостях, что парижская биржа вновь стала котировать акции российских промышленных и финансовых компаний, развязали мошны, чтоб помочь «кронштадтским братьям».

Но самое большое спасибо капитану первого ранга барону фон Вилькену! Как он, нам не помог никто.

До революции барон фон Вилькен был командиром линкора «Севастополь». В февральские дни он едва спасся от рук матросов, которые хотели спустить его за борт. А через неделю после начала мятежа он собственной персоной пожаловал в Кронштадт, обошел крепость, познакомился с планом обороны, сообщил командованию мятежников, что в Финляндии формируется для помощи кронштадтцам офицерский батальон, а затем отправился на «Севастополь».

Старые матросы тотчас узнали барона. Они хмуро смотрели на то, как он ходил по кораблю, прошел в кают-компанию, побывал на верхней палубе и в капитанской рубке, потрогал пальчиком штурвал. Барон был весел, насвистывал игривый мотив, а уходя, подарил матросам по серебряному рублю царской чеканки.

5

Я видела такой рубль, подаренный бароном фон Вилькеном матросам с «Севастополя»,— блестящий серебряный рубль с двуглавым царским орлом на одной стороне и профилем Николая Второго на другой.

Вот как это было.

По установленному в те дни порядку каждый вечер

в штабе Ораниенбаумской группы войск (теперь она называлась Южной группой) проводилось нечто вроде летучек. Низовые армейские работники информировали о положении в воинских частях, командование рассказывало им последние новости и давало директивы. Проводил эти летучки то командующий Южной группой Седякин, то кто-нибудь другой.

В тот вечер я пришла на летучку рано, народ только начинал собираться. За столом командующего сидел Павел Ефимович Дыбенко и разговаривал с людьми, в которых сразу, даже не видя якорь, вытатуированный на запястье, можно было узнать бывших матросов. В Ораниенбауме тогда вообще было много бывших матросов, особенно кронштадтцев, и даже сугубо штатские люди порой усваивали от них походку вразвалочку и привычку окликать словом «Эй!» подобно тому, как с корабля на корабль окликают: «Эй, на «Гангуте»!»

Дыбенко и его товарищи разговаривали весело, громко смеялись. Тем временем с улицы доносились звуки пушечной пальбы. Это Кронштадт вел обычную в те дни артиллерийскую дуэль с Ораниенбаумом.

Вдруг Дыбенко умолк, прислушался, вскочил, распахнул окно. Вместе с морозным воздухом в комнату ворвался ставший гораздо более слышным гром пушек.

Дыбенко схватил за руку одного из своих собеседников.

— Эй, слушай! — вскричал Дыбенко.— Слушай внимательно! Ты слышишь, как бьют? Очередями? Кто может дать команду: «Очередями»? Матрос? Матрос не знает такой команды! Матрос знает команду «рассеянным огнем»... А где вели стрельбу очередями? На офицерском полигоне, да на царских смотрах, да еще когда нашего брата расстреливали...

Тут вошел кто-то из штабных и доложил Дыбенко, что только что на льду возле берега захвачены два кронштадтца.

Дыбенко приказал их привести. Он снова сел, его собеседники раздвинули стулья, расположившись полукругом.

Ввели пленных. Поставили напротив Дыбенко.

Один был худой, высокий, смуглый. Он стоял неподвижно, глядя мимо, в одну точку, и за все время не произнес ни слова. Только пальцы левой руки у него дергались.

Другой был губастый, рыхлый, с чубчиком, в широчеинейшем клеше. Идеальиый подоиок образца 1921 года.

Красноармеец, который привел плеииых, выложил на стол перед Дыбеико все, что при них было обнаружеио: листовки, прокламации, нарисоваииый от руки плаи Ораиieибаума, несколько номеров «Известий Кроиштадтского ревкома», кисеты с махоркой и, иакоиец, серебряиый рубль.

Дыбеико сиачала не понял, что это за рубль, взял его, показал соседу.

— Знаешь этот фокус? — спросил ои.— Если вот этаким маиером к императорской башке приложить палец, получается свинья. Ей-богу, гляди-кось!

Потом ои спохватился.

— Откуда этот рубль? — спросил он.

Выяснилось, что его отобрали во время обыска у губастого кронштадтца.

— А у тебя он откуда?

И тот, красуясь, похвастал, что этот рубль подарил ему барои фои Вилькен.

Никогда ии до, ни после этого я не видела, чтоб иесколько человек одновремеиио могли так прийти в ярость.

Эта ярость проявила себя не столько зримо, сколько иа слух. На какое-то время образовались как бы три звуковых плана — задиий, за окиом, где грохотала артиллерийская каионада; второй — в комиате, в которой иастала словио звенящая тишина. И самый передиий — тяжелое дыхаиие людей, сидевших полукругом у стола.

Но вот Дыбеико, а за иим и остальные в одии голос, и слушая и ие слушая друг друга, загремели так, что заглушили и рев пушек, и гром разрывов.

— А ты зиаешь, сопля иедорезанная, как этот фон Вилькен на «Севастополе» иашего брата мухрыжил?

— А за вице-адмирала Роберта Николаевича Виреиа ты слыхал? А по приказу Вирена ты спускал посреди Кроиштадта штаны, чтоб его буркалы твой штамп увидели? А мадам Виреииха тебя по морде зонтиком лупцевала?

— А боцмаискую цепочку ты пробовал? А медяшку, чтоб блестела, как «чертов глаз», драил? А что такое фельдфебельские «три счета», тебе известио? И что значит «сушиться»? И как под ружьем стоят? И как в уголь-

ных ямах гниют? И как пули адмирала Непенина по тебе щелкают?

К кому они обращались? К этому пащеику, что и сейчас смотрел на них с высокомерной насмешкой?

Нет! В их вопросах прорвалась безмерная горечь за позор, которым мятежиики покрыли Кроиштадт,— Кроиштадт, который был гордостью революции, Кронштадт, когда-то расстрелявший Непенина и Вирена, а ныне почтительио прииимавший барона фон Вилькеиа...

Двенадцатое марта. Дождь и туман. Красноармейцы принюхиваются к ветру и определяют, что это «вешияк», то есть теплый южный ветер, приносящий вместе с собою весиу.

Дальше становится известно, что двенадцатое марта — деиь святого Феофана. Феофан и тумаи — рифма. Это значит, что жди приметы. Вдруг она будет вроде: «На Феофана туман — лед как рваиый кафтан»?! Я сама это только что придумала и сама пугаюсь: Феофаи — Феофаиом, а приметы-то ведь правильные...

Пронесло благополучно и даже без рифмы: «На Феофана туман — урожай на лен и коноплю».

Но есть и вторая примета: «Если лошадь на Феофана заболеет, то все лето работать не стаиет».

Флегонтыч со вздохом отрезает добрую половину своей хлебной пайки, делит на четыре части и относит иа коиюшню нашим одрам Машке, Серому, Чернышу и Спотыке.

Дием совсем тепло. Дождь перестал. Небо поголубело. Ясно виден золотой купол Кроиштадтского Морского собора. Светит солице. Сосульки. Капель.

Как там лед? Что будет, если он разойдется?

6

В первые же дни, когда с иашей стороны начали выходить на лед разведывательиые партии, они заметили людей, пробиравшихся по льду из Кронштадта в Финляндию и из Финляндии в Кронштадт. В дальнейшем разведка обиаружила иа льду Финского залива хорошо наезжеиную дорогу из Кронштадта в Териоки.

Перебежчики из Кроиштадта рассказывали, что в

Кронштадт чуть ли не ежедневно прнбывают какие-то лица в форме амернканского Красного креста, не скрывающие, что они — белые офицеры. Офнцерская группа, актнвнзнровавшаяся в Кронштадте с самого начала мятежа, теперь действует уже совершенно в открытую. На одном нз заседаннй ревкома генерал Козловскнй, отстранив председательствовавшего ревкомовца, громко сказал: «Ваше время прошло, я сам сделаю что нужно».

В зарубежной печатн промелькнулн сообщения, что военные суда, которым после очисткн Фннского залнва от льда предстоит доставнть в мятежный Кронштадт десантные войска, оружие и продовольствие, уже разводят пары.

Фактор временн прнобретал для нас все более властную снлу.

На одной из летучек кто-то вспомннл, как Леннн в пернод подготовкн Октябрьского штурма сказал: «Промедление смертн подобно».

И сейчас в каждом нашем докладе, в каждом выступленнн звучалн ленинские слова: «Промедление смертн подобно!»

День н ночь, порой под артнллернйским огнем, по железной дороге, по шоссе н проселкам, к Оранненбауму двнгалнсь войска и транспорты с оружием, боеприпасамн, продовольствнем.

Из людей, что прнбывалн тогда в Ораниенбаум, мне особенно запомннлнсь рабочие какого-то петроградского завода, доставившие в Оранненбаум прожекторы и электроосветительные установкн. Заказ на них был дан заводу уже после начала мятежа н, чтобы выполннть его в срок, рабочие работалн, почти не уходя нз цехов. А сейчас нх представнтелн с гордой радостью доставнлн в Оранненбаум то, что было сделано с такнм большим трудом.

Встречал их сам командующий Южной группой Седякнн. Он расцеловался с рабочимн, а потом они выступалн в воннскнх частях н рассказывалн, как жнвет Петроград: вопрекн распространяемым кронштадтцамн слухам, что Петроград охвачен всеобщнм восстанием, на самом деле «волынкн» прекратнлнсь н заводы работают...

Но однажды, когда я проходнла мнмо станции, подо-

шли два воинских эшелона. Они остановились — один в хвост другому. Вагонов было много, так что, пока я шла мимо, уже началась выгрузка. Что-то было странное в этой выгрузке, а что — я сразу не поняла. Лишь потом до моего сознания дошло: угрюмая тишина и безмолвие, в которых она происходила.

Вернувшись к себе в часть, я увидела Флегонтыча. Вопреки своему обыкновению, он сидел без дела и на какой-то мой вопрос буркнул что-то вроде: «Будем еще поминать, когда станем кобылу за хвост подымать».

Ну, раз Флегонтыч заговорил присловьями, значит, жди беды!

Это бывало уже не раз: хорошо, тихо, спокойно (в том относительном понимании тишины и спокойствия, какое возможно на открытом берегу, прямо под прицелом неприятельских орудий) и вдруг словно набежит туча и накроет все своей тенью.

Флегонтыч в таких случаях бывал верным барометром. Если он вместо обычной своей речи перешел на иносказательную, это значит, что хозяйка какой-нибудь избы, где стоят на постое наши красноармейцы, забаламутила им души слухами и сплетнями; либо же из деревни пришло письмо, в котором после всех поклонов горем горьким льются жалобы на голодуху да на неуправства местных властей; либо ночью к нашим ребятам пробрался какой-нибудь кронштадтец, переодетый, как они теперь обычно делали, в красноармейскую форму, и, прикинувшись бойцом из соседней части, наплел им сорок бочек вранья.

А это уж значило, что снова завьются веревочкой разговоры о том, что мы, мол, люди молодые, неопытные, в боях не участвовали, воевать не умеем, обороняться с берега готовы в любую минуту, а по открытому морю идти боимся.

Удивительно не то, что время от времени вспыхивали такие настроения. Удивительно другое: то, что мы могли их преодолевать своей — чего греха таить! — достаточно неуклюжей агитацией. Поговоришь с красноармейцами — и они уже смеются и дразнят друг друга теми самыми разговорами, которые сами только что вели.

Однако на этот раз взволнованность Флегонтыча была вызвана иными причинами: по «солдатской почте»

уже докатились вести о трагических событиях, разыгравшихся вскоре после прибытия в Ораииеибаум двух полков, входивших в 27-ю Омскую стрелковую дивизию. Тех полков, выгрузку которых я случайио видела.

Существует рассказ тогдашиего иачальиика 27-й Омской стрелковой дивизии Витовта Казимировича Путиа о причииах этих событий.

Вышло так, что миогое сплелось в одио.

До переброски в Кроиштадт 27-я дивизия стояла в Гомельской губериии. Условия были тяжелые: красиоармейцы голодали, были раздеты, разуты, истощеиы до крайиости. Старых бойцов, проделавших вместе с дивизией ее славиый боевой путь, осталось иемиого, их смеиили иовобраицы. Расквартироваиа дивизия была в деревиях, среди иаселеиия, мало благожелательиого к Советской власти, а политическая работа велась плохо.

Все же части отправились под Кроиштадт в хорошем иастроеиии. Но в пути ждали иовые тяготы: теплушки грязиые, тесиота, горячей пищи иет, воды нет, хлеб когда дадут, а когда и ие дадут, да и тот, что дадут, сырой, а о куреве и ие мечтай. А только остаиовится поезд иа стаиции, со всех сторои ползут слухи и страхи: вас везут иа гибель... Поверх льда иа аршии воды!.. Лед под вами подломится! Там уже пошли иа дио кормить рыб пять тысяч... иет, семь... иет, десять тысяч курсаитов... Кроиштадт вам ие взять... да и зачем вам его брать? Зачем губить свои молодые жизни? Ведь матросы восстали ие против Советской власти, а потому что хотят Советов без коммуиистов...

Чем ближе к фроиту, тем сильиее стаиовился иапор этой агитации. И когда 235-й Невельский и 237-й Мииский полки выгрузились из эшелоиов и получили приказ заиять участок иа берегу, часть красиоармейцев, выкрикивая: «Слыхаио ли дело, чтобы пехота иа флот ходила?», «На лед ие пойдем!», «Нас гоият, чтобы утопить!», «Не желаем воевать против иаших братьев-матросов!», устремилась по шоссе из Ораииеибаума к Петергофу, делая попытки сиимать встречиые части и артиллерию.

Чтоб в полиую меру оценнть серьезность положеиия, иадо учесть, что все эти события разыгрывались на Ораинеибаумском побережье, отлнчио просматрнваемом из Кронштадта, а также и то, что в Кронштадте непремснио услышалн бы стрельбу, если б оиа подиялась. К каким последствиям это могло привестн, объясиять не нужно.

Но обошлось без стрельбы и столкиовеиий. В неповииовавшиеся полки выехал Аидрей Сергеевич Бубиов, пытавшнйся обратиться к ннм с речью. Потом их нагиал Климеитий Ефремовнч Ворошилов. Оба оин только что прибылн из Москвы. С большим трудом, но они добились того, что их стали слушать. Тем временем в обход, бегом по глубокому сиегу наперерез броснлнсь курсаиты. Увндев иа своем пути заслои, оба полка повернули к казармам н там по приказу командоваиия сдали зиамеиа и оружне.

Вероятио, все эти событня не случились бы, если б начальник днвизии Путиа в то время иаходился в Ораииеибауме. Но ои прнбыл в Ораииеибаум лншь на другой деиь, пятнадцатого марта. Узиав о случнвшемся, он был поражеи поведением полков н счел первым своим долгом поговорить с красноармейцами. Днем шестнадцатого марта 235-й Невельский и 237-й Мннский полки были выстроены иа площадн перед Ораиненбаумскими казармами, чтоб встретиться со своим комаиднром.

Горькая это была встреча! С болью вспомннает о ией Путиа.

«Жалкнй н без того пришиблеииый вид разоружеиных солдат,— пишет ои,— усиливался еще тем, что при оборваииости обмуидироваиия красиоармейцы были сильно нстощеиы физически продолжительиым хроиическим иедоедаиием в прошлом. Я был взволноваи и виутрение жалел их. Я зиал, что, будь им своевремеиио разъясиеио дело, эксцесса не было бы. Несокрушимость силы Красиой Армин ведь заключалась в том, что красиоармеец всегда зиал, с кем н за что он борется. Он привык зиать, а в даином случае этого ие было».

Первым выступил Ворошилов, который указал красиоармейцам иа исключнтельную тяжесть их виины н заявил, что прн всем великодушии пролетарской власти все же с иих будет взыскаио по закоиам воеииого времеии, а с активиых зачиищнков и подстрекателей — сугубо.

Потом со словом к бойцам обратился Путна.

Он говорил о боевом прошлом 27-й Омской дивизии, о тяжелом пути, пройденном ею в боях за Поволжье, Урал и Сибирь, о тех испытаниях, которые она перенесла, о той настойчивости, которая привела дивизию к взятию Омска и победам над Колчаком. Он вспоминал, как тогда, когда панская Польша напала на Советскую Россию и дивизия была переброшена с Восточного фронта на Западный, в трагических для нас боях на Буге, под Варшавой Омская дивизия проявила стремительность в атаках, чем заставила противника ввести против нее резервы армии и фронта — но даже в моменты тяжелейшего разгрома сохранила способность драться, подчас с ощутительным для врага успехом.

Затем Путна перешел к тому, что случилось в Ораниенбауме.

Он сказал, что подобного позора еще не было в истории ни одной из составных частей дивизии. Никогда красноармейцы дивизии на виду у неприятеля не выражали недоверия командному и комиссарскому составу, и он, начальник дивизии, объят справедливым негодованием против тех, кто опозорил честь ее знамен.

Путна помолчал, заговорил снова.

Теперь он говорил, что в проступке, совершенном красноармейцами, он видит лишь минутное малодушие и как начальник жалеет тех, кто его совершил. (Помню, как тут дрогнул его голос.)

— Как командир дивизии,— сказал он,— я просил командование Южной группы дать вам возможность искупить свою вину при штурме Кронштадта. Пусть же сейчас те, кто хочет идти в первых рядах дивизии, поднимут руку.

И все, как один человек, подняли руки...

По ходатайству Путны полкам было возвращено оружие и вновь вручены боевые знамена. При развертывании полков для штурма 235-й Невельский и 237-й Минский полки были назначены в головную колонну. Путна решил идти на лед вместе с этими полками.

Когда я сейчас вспоминаю этот день, который для меня, как, наверно, для всех коммунистов, что находились тогда в Ораниенбауме, был одним из труднейших дней в жизни, когда я минуту за минутой, слово за словом перебираю все, что тогда было, я почти физически помню, как события в 27-й дивизии вызвали у красно-

армейцев желаиие поскорее пойти в бой и покончить дело.

Но люди не истукаиы, а люди. Выступление полков Омской дивизии их глубоко переволновало. Нужио было, очеиь иужно, чтоб произошло иовое, совершенио особеиное событие, которое, подобио летиему дождю, смыло бы тяжкие чувства этого дия.

Такое событие произошло. На Кронштадтский фроит прибыли делегаты Десятого съезда партии.

Они шли большой, шумиой гурьбой по улицам Ораниенбаума, шли посередиие мостовой, рядом с бескоиечиым обозом деревеиских розвальией. Накатаниая сиежиая дорога блестела. С крыш свисали зубчатые гирляиды сосулек.

Кто был одет в шинель, кто в темиое пальто. У одиих за плечами горбились солдатские вещевые мешки, другие держали под мышкой портфели — не с бумагами, коиечио, а с перемеиой белья и пачкой махорки. Все кругом вызывало их живой интерес: и встречиые люди, и обозы с ящиками виитовок и боеприпасов, и сам город, в мгновеиие ока превратившийся из чииовиичьедачиого захолустья в плацдарм будущей великой битвы.

Среди иих были члеиы Всероссийского Цеитральиого Исполнительного Комитета и члены губкомов партии, воеиные комиссары дивизий и комаидиры бригад, начальники политических отделов армий и редакторы газет. Оии прибыли со всех концов страиы — с Урала и Кавказа, Крыма, Украины, Белоруссии, Поволжья.

Миогие иесли тючки с листовками. Это было отпечатаииое в Петрограде письмо, с которым делегаты партийного съезда обращались к мятежиым кронштадтцам.

— Что будет, если чериое дело, иа которое вас толкнули, одержит верх? — спрашивало письмо.

И отвечало:

«Десять шкур спустят прежние хозяева с рабочих и крестьяи, если вериутся... И тогда, очнувшись, протрезвев, вы поймете, что были орудием врагов иародных, а дети ваши и те из вас, кто остаиется жив, будут с проклятием вспомииать про кроиштадтцев, убивших рабоче-крестьянскую республику. И тогда в истории будет написано:

«Первого марта 1921 года одураченные кроиштадт-

цы, подойдя вплотную к возможностн стронть новую жизнь, вместо этого пошлн протнв Советской властн н тем самым проложнлн дорогу белогвардейцам».

Но этого не будет! Вы должны одуматься!»

Увы, онн не одумалнсь н на этот раз...

Кронштадт утопал в туманной мгле. Все его пушки былн нацелены в сторону Оранненбаума н Сестрорецка. А когда спускалась ночь, голубоватые лучн кронштадтскнх прожекторов непрерывно шарнлн по льду Фннского залива.

Делегаты Десятого съезда пробылн в штабе недолго. Еще в путн онн прннялн решенне, что под Кронштадтом будут сражаться в качестве рядовых бойцов. И сейчас онн потребовалн, чтоб нх немедленно отправнлн в воннскне частн.

Весь этот вечер прошел в беседах. Собраннй не устранвалн, просто делегаты ходнлн по нзбам н прн свете лучнн разговарнвалн с красноармейцамн, которые, растянувшнсь на полу, слушалн нх рассказ о заседаннях партнйного съезда, о докладе Леннна, о прннятых съездом решеннях храннть как зеннцу ока едннство партнн.

Делегатов было немного — в нашей Южной группе человек двестн. Но в подготовке штурма онн сыгралн ту же роль, какую в хнмнческой реакцнн нграют каталнзаторы. Пронзошел какой-то незрнмый процесс — н армня стала внутренне готова к бою...

Прежде чем говорнть о дальнейшнх событнях, необходнмо ясно представнть себе, какнм должен был быть этот будущнй бой.

Кронштадт — первоклассная морская крепость, защнщающая Петербург с моря. Основанная Петром Первым в 1703 году, она много раз укреплялась н перестранвалась, чтоб быть способной выдержать многомесячную осаду со стороны флота любой крупнейшей военно-морской державы своего временн.

Кроме крепостных сооруженнй на острове Котлнне Кронштадтская крепость включает в себя бетоннрованные форты, расположенные на мелкнх, частью нскусственных островах в фарватере Фннского залнва.

К момеиту мятежа в Кронштадте насчитывалось более ста сорока действующих орудиӣ, в том чнсле более восьмидесятн тяжелых. Кроме того у стенок крепости швартовались мятежиые линкоры «Петропавловск» и «Севастополь», способные сосредоточнть артнллерню на любой борт, а также ряд меиее крупных воениых судов. Хотя все оии вмерзлн в лед, нх снльиая морская артнллерия активио действовала в бою.

Поскольку Кроиштадт иикогда не прииимал участия в боевых действнях и ие расходовал боеприпасов, запас сиарядов и взрывчатых веществ, которым располагали мятежиики, можио было считать практнчески иенсчерпаемым, а глубокие каменные казематы н пороховые погреба и обороиительные стенкн давалн гарннзону надежиое укрытие от огия и, употребляя выражение Путны, обеспечивалн ему «жнзнь н боевую упругость».

В период подготовки к предстоящему нм бою мятежиики усилили обороннтельные сооружеиня в восточной части острова, со стороны Петроградскнх ворот, откуда они с осиоваиием ждалн нападенння; постронли блокгаузы с восемью — десятью пулеметнымн гнездами в каждом, обиесли их колючей проволокой. Чтобы дать лиикорам «Петропавловск» и «Севастополь» иекоторую возможиость маневра, оии взорвали сковывающнй их ледовый припай.

Гариизои крепостн, фортов и воеиных кораблей составлял более двадцатн тысяч человек, в том числе около десяти тысяч отборных бойцов.

Вспомиим, что эта гигантская человеческая и материальиая снла была окружена насквозь просматриваемой, иасквозь простреливаемой ледяной равиниой, по которой иаступающне войска должны были пройти около десяти километров, не имея ни едииого укрытия, ии едииого мертвого пространства. Вспомиим, что каждый метр этой плоскоӣ белоӣ равинны был пристреляи артиллерией Кроиштадта. Вспомним, что мятежиикам иужио было продержаться в практнчески иепрнступной крепости лишь несколько дней, всего лншь несколько дией, пока чуть потеплеет и лед сделается абсолютно иепроходимым.

Вспомиим все это — и мы поймем, перед какой совершеиио иеобыкиовенной по своеӣ трудиости задачей стояли иаши войска.

Какими материальными средствами располагала Красная Армия?

Основную массу ее артиллерийских средств составляла артиллерия Южной группы войск, сосредоточенная на небольшом сравнительно участке Мартышкино — Малая Ижора (примерно 9—10 верст по фронту и 3 версты в глубину). Она насчитывала около ста двадцати орудий, из них около пятидесяти легких. К этому надо добавить около пятидесяти орудий Северной группы, в районе Сестрорецка. Но по Кронштадту могли бить только дальнобойные орудия Южной группы, в пределах действия артиллерии Северной группы находились лишь второстепенные периферийные форты — так что фактическое превосходство артиллерии мятежников над нашей было еще большим, чем количественное.

Пехотные силы Южной группы составляли около десяти тысяч штыков, Северной группы — около двух тысяч.

Эти силы должны были дойти до Кронштадта по льду и штыковым ударом овладеть крепостью и ее фортами.

8

Настало шестнадцатое марта, девятый день подготовки.

Сводка военных действий за этот день гласит:

«Весь день шестнадцатого марта прошел в ожесточенной артиллерийской перестрелке с Кронштадтом. Начавшись рано утром, после двухдневного затишья, она продолжалась с большой силой в течение всего дня. С двух часов дня она стала особенно энергичной и не прекращалась с обеих сторон до поздней ночи»...

В ночь на шестнадцатое ни один коммунист не ложился.

Последнее партийное собрание. Последние вопросы. Последние напутствия. «Интернационал», спетый как клятва.

А под утро — ожидание разведчиков, возвращающихся из ночного поиска.

Их нет, нет, нет... Наконец, они появляются — потные, обмерзшие, улыбающиеся: лед крепкий!

По установленному у нас обычаю они сначала делают доклад о состоянии льда командованию, потом рассказывают о нем на собраниях красноармейцев.

Это был тот самый день, в который решалась судьба вышедших из повиновения 235-го Невельского и 237-го Минского полков и Ворошилов и Путна выступали перед ними на площади.

Наши красноармейцы считали, что справедливое решение состоит в том, чтоб наказать виновных. Но еще более справедливое — простить вину.

Когда стало известно, что они не только прощены, но им возвращены знамена и оружие, все кругом словно осветилось. Но не солнцем (не дай бог, чтоб оно показалось), а человеческой радостью.

Все было как будто готово, но — так всегда бывает — оказалось, что еще много работы. Я долго возилась с бинтами, ватой, корпией. Поругалась с несколькими красноармейцами, пытавшимися обмишурить меня, захватив лишние индивидуальные пакеты.

Был, наверное, третий час дня, когда я вышла посидеть во дворе. За последние дни снег сильно осел и кое-где стал совсем редким.

Хотя сильно била артиллерия, во дворе шла обычная жизнь: дымилась походная кухня, повар орудовал поварешкой, сновали красноармейцы.

Но вот неподалеку разорвался снаряд и поднялось высокое пламя. Это загорелась мельница. Та самая, у которой несла охрану наша часть.

Если когда-нибудь будет создан «Лист героев» и на нем будут записаны те, кто в годы гражданской войны совершил особые подвиги, пусть не забудут внести в него рабочих Ораниенбаумской мельницы!

Эта мельница была, по сути дела, единственным в Ораниенбауме военным объектом. Прекрати она работу, Южная группа была б обречена на полный голод.

Мятежники понимали значение мельницы и во время артиллерийских дуэлей направляли огонь прежде всего на нее. Но рабочие продолжали работать, не обращая внимания на обстрел. Только если уж очень близко разрывался снаряд, выбегал какой-нибудь обсыпанный

мукой дядя и кричал товарищам в открытую дверь: «Недолёть!», «Перелёть!».

Я сидела на бревие. Двор опустел, все бросились тушить пожар. Рассеяииым взглядом смотрела я иа землю — и вдруг увидела, как тоикая плеиочка сиега в одном месте расползлась и прямо передо миой появилась чериая плешина, посредиие которой проклюнулся зеленый росток.

Ои был совсем хилый и слабенький, и даже скорее ие зелеиый, а белый, чуть отсвечивающий желтизной и зелеиью.

Но что если этот росток примета? Что если, увидев его, кто-нибудь иапугает красноармейцев, говоря, что раз появился росток, то земля, значит, прогрелась н лед вот-вот тронется?!

Я протяиула руку, чтоб вырвать росток. Но ие смогла. Ои был так беззащитеи. Я ие могла его убить.

Сгребая с боков сиег, я стала прикрывать им плешину и росток.

Проходивший мимо Флегоитыч застал меня за этим занятием.

— Ты что? — сказал он.— В сиежки играть собралась? Тоже... Агитаторша называется...

Вообще Флегонтыч относился ко мне хорошо, по-отечески обо мне заботился, жутко материл мужиков, если они позволяли себе хотя бы посмотреть иа меия мужским взглядом. И в то же время совершеиио презирал меия как агитатора: и писклява я, и тресклява я, и о чем говорить не понимаю.

В политчасы, когда я проводила беседы с красиоармейцами, Флегоитыч усаживался чуть в стороике, посматривал, кривился, а стоило мие сделать паузу, тут же встревал в разговор и полиостью завладевал положеиием.

Единственной достойной темой бесед ои считал рассказы про то, как Красиая Армия била Колчака и Юденича. О Деникине разговору ие было, так как Флегоитыч иа Южиом фронте ие воевал.

Рассказывал ои так: «Вот тут это стояли мы... А тут, стало быть, беляки... Ну, как мы выбежали на бугор — и сразу: хлоп, щелк, бац... Беляки и побежали...»

Дальше следовало находящееся за пределами любой цензуры описанне того, что творнлось с беляками (а больше с их штанами) после поспешного бегства. Красноармейцы гоготали, а Флегонтыч глядел на меня с победоносным вндом: «Вот, мол, как надо агнтнровать, а не талдычить о «текущем моменте».

Я жаловалась на него Горячеву. Горячев его журил. Он хмуро слушал, потом вытягивал из-за пазухи медную цепочку для нательного креста, раскрывал нечто вроде большой ла́данки, извлекал оттуда свой партийный билет.

— Ты партнйный? — задавал он Горячеву риторический вопрос.— Так я тоже партийный. И партнйность не хуже твоего поннманию.

После этого он гордо уходнл. А назавтра все повторялось в том же виде.

По решению политотдела темой бесед с красноармейцами шестнадцатого марта было пятидесятилетие Парнжской Коммуны.

Как любили мы тогда Коммуну! Как восхищались ее бессмертным делом! Как преклонялнсь перед ее мужеством! С какой радостью давали предприятиям ее имя, имя Парижской Коммуны, а не «Парткоммуны», в которое потом превратил его бюрократнческий волапюк. И сейчас, в канун ее пятидесятилетия, когда мы шли в бой, из которого многим из нас суждено было не вернуться, свое последнее слово мы обращали к ней, к Коммуне...

Доклад свой я делала чуть не дословно по книге Арну и по лекцням Скворцова-Степанова. Говорила о парижанах, штурмовавших небо. Кончила призывом: «Даешь Кронштадт!»

«Даешь Кронштадт!» — ответила мне аудиторня. Даже Флегонтыч на этот раз остался мной доволен.

Едва кончилась беседа, во двор въехали розвальни, на которых высокими стопками лежалн белые маскировочные халаты. Их тут же роздали красноармейцам. Получила халат и я.

Раз привезли халаты, значит, штурм близок...

Девятнадцатилетняя санитарка Н-ской части Южной группы Кронштадтского фронта со всем, что у нее было хорошего и плохого, умного и глупого, так далека от меня сегодняшней, что я без стыда признаюсь в том, что первым душевным движением, которое возникло у нее, когда она получила халат и поняла, что штурм близок, было желание посмотреться в зеркало.

Своего зеркала у нее не было. Засунув халат под мышку, она побежала квартала за три к своей подружке Леле Лемковой.

Там она застала и Асю Клебанову. Девушки по очереди примерили халат, вертясь, чтоб разглядеть себя в крохотном зеркальце. Потом посидели, поговорили. Выяснилось, что все они за это время успели отчаянно влюбиться. Но о любви нужно говорить вполголоса, а за окном так грохотали пушки, что настоящего разговора не получилось.

Насколько я помню, это была моя третья любовь за эти дни. Как и предыдущие — тайная, безмолвная, безнадежная, вечная.

Там, под Кронштадтом, было в кого влюбиться!

Уже начинало темнеть. Вдруг все кругом озарилось плящущим оранжевым светом. Это загорелись от прямого попадания расположенные на самом берегу деревянные постройки спасательной станции.

Хорошо, что я не задержалась дольше. Только я вернулась, был передан приказ Командарма-7 Тухачевского: «Частям быть готовыми к атаке, о начале которой последует дополнительное распоряжение».

9

В этот самый час в Кронштадтскую следственную тюрьму явился член мятежного ревкома Романенко.

В тюрьме содержалось около двухсот арестованных коммунистов. Из них семьдесят в смертной камере.

Условия были тяжелые, отвратительная пища, холод. К тому же по решению ревкома у арестованных была отобрана теплая одежда и обувь.

Романенко прошел в смертную камеру и огласил только что вынесенный ревкомом приговор о расстреле двадцати трех коммунистов. При слабом свете тюрем-

ного фонаря он долго читал список этих двадцати трех, с трудом разбирая имена. Закончив чтение, добавил, что приговор будет приведен в исполнение в три часа утра семнадцатого марта.

Когда он ушел, заключенные снова принялись за прерванную его приходом работу; они готовили завтрашний номер выпускавшейся ими рукописной газеты, название которой у каждого номера было другим: «Тюремный вестник», «Тюрьма и коммунары», «Тюремный луч коммунара», но подзаголовок оставался неизменным: «Издание политузников Кронревкома».

В связи с новостью, принесенной Романенко, название номера завтрашней газеты, той, что должна была выйти семнадцатого марта, было изменено на новое: «Красный смертник».

Передовую статью для этого номера писал Николай Николаевич Кузьмин, чье имя было первым в списке приговоренных к расстрелу.

Писал он легко, быстро и закончил словами, которые были повторены в стихотворении, появившемся в этом же номере: «Грянь же над Кронштадтом красная гроза!»

Дописав передовую, Кузьмин принялся за статью о пятидесятилетии Парижской коммуны.

Эту статью он писал для того номера, который должен был выйти послезавтра, восемнадцатого марта.

Кузьмин торопился: до трех часов утра оставалось совсем немного времени, а никто из сидевших в смертной камере, кроме него, статью о Коммуне написать не мог.

10

По получении приказа Командарма-7 из цейхгауза, устроенного на веранде, стали таскать ящики с боеприпасами. Красноармейцам были розданы ручные гранаты и ножницы для резки проволоки. Все это происходило в темноте, озаряемой отблесками пожаров.

Мы с Флегонтычем тоже сделали последние приготовления: поледенили полозья розвален, полив их водой, чтобы лучше скользили, накормили коня, погрузили перевязочный материал и медикаменты. «Мы» тут сказано не слишком точно: почти всю работу делал Флегонтыч, а я была, как говорится, «на подхвате».

Темиый сарай. Звездочкн цнгарок-самокруток. Дверь, распахнутая в огненное зарево.

Такое бывает лишь одиажды... Недаром эту иочь иазывали потом «Ночь велнкнх нсповеданнй».

Люди открывалн самое сокровеииое. Рассказывали свою жизнь со всем темным и светлым, что в ней было. Просили считать их коммуиистамн.

Так было у иас. Так было и иа противоположиом берегу Фннского залива, где Северная группа войск ждала приказа к атаке.

Но имелся в иашей частн человек, которого ие захватил общий порыв.

Страниый это был человек. Крестьянии нз деревни Ясиая Поляиа, ои какой-то нсступлеиией иеиавистью неиавидел Льва Толстого. Называл его только «граф». Звучало это у иего как «грэффсс».

Излюблеинейшим его удовольствием было рассказывать, как «грэффсс» выходнл вместе с яснополяискими мужиками иа покос. Косил «грэффсс» иаравне со всеми, а когда иаступало время полдничать и от деревии к покосу тяиулись ребятишки с узелками, в которых оии иесли отцам квас и хлеб, «грэффииясс» присылала «грэффусс» завтрак, завериутый в белую крахмальиую салфетку.

«Грэффсс» завтракал рядом с мужнкамн, а коичив — так же, как и мужики, не вытряхивал из бороды застрявшие в ней хлебиые крошкн.

— Только у мужиков-то крошкн были аржаиые, а у грэффасс сдобиые,— со злобиым наслаждеиием закаичивал рассказчик.

Вот и сейчас, в эту великую ночь, ои вылез со своим рассказом о крошках. Но его не захотели слушать и прервали возгласами: «Ладно!», «Хватнт!»

Было бы, коиечио, замаичиво узнать, как ои вел себя в бою. Но я этого ие зиаю. Не знаю и того, какова была его дальиейшая судьба.

Вот только разве это: несколько лет спустя в каком-то журиале — если мие не нзменяет память, это была «Красная нива» — появился очерк журналиста, посетившего Ясиую Поляну.

В числе другого прочего этот журналист описывал свою встречу с ясиополянским крестьянином, который знал Толстого, косил рядом с ним на покосах.

А дальше слово в слово следовал рассказ об этих погаиых крошках.

Одии за другнм рассказывали людн свою жнзиь. У большиинства оиа была бесхнтростно-проста: вырос в деревие, взяли в солдаты, потом война, революция, пошел в большевики, записался в Красную Армию. Но вдруг оказывалось, что какой-ннбудь ннчем не выделяющийся красиоармеец во время первой империалистической войиы был отправлен с русскнм экспедициоиным корпусом во Фраицию, сражался под Верденом, после революцин с другимн русскими солдатамн потребовал возвращеиия иа родину, был брошен как «бунтовщик» в воеииую тюрьму н отправлен в коицеитрациоиный лагерь где-то в Северной Африке, бежал, прятался в листьях пальм, добрался до Александрии, залез в трюм стоявшего иа рейде парохода, зарылся в уголь, шесть суток не пил, ие ел, был бы иож, кажется, отрезал бы иогу и съел, доехал до Одессы, был приговореи деиикинцами к смертиой казни, сиова бежал, перешел фроит, вступил в Красиую Армню, отправнлся на польский фроит, оттуда попал в госпнталь — н под Кронштадт.

Вот вышел Горячев. Рядовой солдат царской армии, ои за участие в Свеаборгском восстаини был осужден иа восемь лет каторги, там встретнлся с полнтнческими, стал большевиком, по окоичаинн срока каторги бежал с поселеиия в Америку, работал на заводах Форда в Детройте, после революцин вернулся в Россню, поступил иа Сестрорецкий завод, ушел в Красную гвардию, воевал с Колчаком, Деиикниым, с польскими паиами...

Вот заговорил Леия Сыркнн — делегат Десятого съезда партии, иаправленный в нашу часть. Большие глаза его блестят, вязкий желтый свет фонаря падает иа взвихреиные волосы.

— Я ие хочу больше обманывать, сегодня я должеи сказать правду...— иеожидаиио иачннает он.

Какой обмаи? Какая правда?

Оказывается, три года тому иазад, когда во время германского иаступлеиия на Петроград Леия Сыркии записывался в Красную Армию, ои прнбавнл себе годы и вместо пятнадцати лет иазвал восемиадцать, боясь, что иначе его ие возьмут.

Едва вступив в ряды Красиой Армин, Леня был избран председателем ротиого комитета. Вместе с частями Красной Армни прошел боевой путь от берегов рекн Вятки до берегов Байкала. В семиадцать лет был иачальииком политического отдела 30-й стрелковой диви-

зин, а затем — помощником начальника политотдела 4-й армии. Во время разгрома Врангеля вместе с 30-й дивизией штурмовал Перекоп и ворвался в Крым. От 4-й армии был избран на Десятый съезд партии, а со съезда отправился под Кронштадт.

Но все эти годы его томил тот «обман», который он совершил во время вступления в Красную Армию, а потом и в партию. И сейчас, охваченный торжественностью минуты, он решил рассказать об этом «обмане» товарищам.

Вот подошла очередь Флегонтыча.

В двух словах он описал свою крестьянско-солдатскую жизнь и хотел тут же сесть, но собрание загудело:

— Ты кто как пьян бывает скажи...

— Да вы что? Ошалели? — сердито спросил Флегонтыч.

Но собрание добродушно смеялось и настаивало. Флегонтыч отказывался и дал согласие только когда сам Горячев попросил его «уважить товарищей».

Про то, «кто как пьян бывает», Флегонтыч рассказывал лишь в особых случаях, да и то после долгих упрашиваний. Знал он об этом досконально, пожалуй, не хуже самого Даля.

— Пьяны, значит, бывают так,— начинал он.— Сапожник, когда пьян,—накаблучился, портной — наутюжился, столяр — настукался, музыкант — наканифолился, купец — начокался, приказчик — нахлестался, лакей — нализался, барин — налимонился, а солдат...— Тут голос Флегонтыча звучал торжественно, даже патетически.— Солдат — употребил!..

— Ста-но-вись!

Мы выстроились во дворе при свете железнодорожного фонаря, светившего в одну сторону желтым, в другую — зеленым, в третью — красным светом. Горячев прочитал боевой приказ Командарма-7 Тухачевского:

«В ночь с шестнадцатого на семнадцатое марта стремительным штурмом овладеть крепостью Кронштадт...»

11

Общий замысел нашего командования состоял в нанесении удара с юга и стремительном захвате Кронштадта путем атаки с трех сторон.

При этом Южная группа войск выступала двумя колоннами прямо на Кронштадт и, пройдя семь верст по льду, должна была взять крепость приступом, со стороны Петербургских ворот, а Северная группа должна была повести удар с Лисьего Носа на северо-восточную часть острова Котлин, занять форты северного фарватера залива и вместе с тем отвлечь на себя значительную часть сил противника.

Важнейшим фактором победы была внезапность нападения. Сближение с неприятелем приказано совершить в предельно сжатые сроки. Войскам идти со скоростью пять верст в час.

Но они шли быстрее.

Было около двух часов пополуночи, когда наша часть выступила к назначенному ей исходному рубежу у кромки льда залива.

Артиллерийская перестрелка к этому времени замолкла. С запада дул сильный ветер. Спустился плотный, густо-белый туман, клубившийся голубым, когда сквозь него пробивались лучи кронштадтских прожекторов. Спасательная станция продолжала гореть, озаряя берег и лед летучим огненным светом.

Впереди колонн шли созданные по приказу командования штурмовые отряды. Их задачей было устранять препятствия на пути штурмующих колонн — перебрасывать мосты через воду и проруби и преодолевать проволочные заграждения и стены крепости.

За ними двигались остальные красноармейцы, а в интервалах — розвальни с санитарами и перевязочным материалом.

Ездовым у меня был Флегонтыч, а в розвальни впряжен был глупый, добрый, старый конь Спотыка. У него были опухшие больные ноги, покрытые незаживающими ранами. Ступал он плохо, часто спотыкался, за что и заслужил свое незавидное имя.

В других розвальнях были сложены еловые вехи, которыми колонны отмечали свой путь по льду.

Пулеметы и патроны везли на ручных санках.

К тому времени, когда мы подошли к берегу, прошло уже более часа с тех пор, как первая колонна вышла на лед и растворилась в тумане. Впереди было тихо. Что крылось за этой тишиной?

Исходный пуикт для спуска нашей части иаходился неподалеку от Спасательиой станции. Рядом с иами должны были выступать полки 27-й Омской стрелковой дивизии.

Курить запрещеио. Разговаривать тоже. Но оказавшийся рядом со миой Леия Сыркии, показывая иа Спотыку, театральио вздымает руки к небесам и беззвучио вопрошает: «Куда ты скачешь, гордый конь, и где опустишь ты копыта?»

— Брысь отсюда,— шипит Флегоитыч, которому иет дела до того, что Леия вроде бы иачальство. И, по своему вредному обыкновению, добавляет: — Тоже... делегат партийиого съезда иазывается.

Последияя реплика — удар под вздох.

А впереди тумаи. Тумаи и тишиа.

Но вот колоина приходит в движеиие. Настала минута, которой мы так долго ждали: мы спускаемся на лед.

Берег в этом месте пологий. Но Спотыка не упускает случая споткиуться. Розвальни съезжают на лед боком и продолжают катиться. В это самое время туманную мглу прорезает луч кроиштадтского прожектора, делает несколько слепых движеиий и словно облизывает иашу колоиию.

Все замирают. Все, кроме иас с Спотыкой, который иикак не может удержать свои расползающиеся иоги.

Представляю, что мы услышали б, если б запрещеиие разговаривать ие распространялось бы также и иа мат.

Прожектор еще иесколько раз проводит по колоиие своим голубым жалом и исчезает.

Нащупал он нас или иет? Об этом сейчас скажут кронштадтские пушки.

Они молчат... Можио выступать.

Туман по-прежнему плотен, но теперь ои стал дымчато-синим. Это взошла луна.

Мы идем по льду, по твердому льду, плотиому льду, крепкому льду, по твердому, плотному, крепкому льду Фииского залива.

Кругом бескрайиее ледовое поле. А по нему — белым по белому, как туманы по снегу,— бесшумиые белые теии красиоармейцев.

Не сдавлеииая обычиой тесиотой узких прифроитовых дорог, колоииа свободио движется по этой просториой ледяиой равиииие, покрытой тонким слоем снега.

Прожектора противника нервно нащупывают то лед, то иебо. Но колоина с моиотоииым шуршанием продолжает свой путь к окутаииой иочиым тумаиом мятежиой крепости.

Красиоармейцы идут налегке, даже без вещевых мешков. Только оружие да ломоть хлеба и баночка солдатских мясиых коисервов.

А впереди тишииа...

Но что со Спотыкой?

Закииув голову, ои вдруг рваиулся и помчал размашистой рысью, обгоияя колоиию.

Заворожила ли его эта тишииа? Пригрезился ли ему какой-то лошадииый сои? Вспомиил ли ои свою далекую боевую молодость?

Напрасио Флегоитыч, хрипя и тужась, натягивал вожжи. Розвальии бросало из стороиы в сторою, я повалилась иа дио, а Спотыка, ёкая селезенкой, продолжал мчать прежиим аллюром. Остаиовил его какой-то красиоармеец, схватив под уздцы.

Воображаю, что творилось в душе у Флегоитыча, лишеииого самого простого человеческого счастья — громко выругаться и вдобавок ко всему слышавшему позади себя шепоток:

— У иих курича иа уличе яйчо сиясла, вот их и понясло...

12

Вообще же мы должны были бы сказать Спотыке спасибо: благодаря его иеждаииой выходке мы с Флегоитычем из того весьма арьергардиого положеиия, ко-

торое занимали в колонне, оказались теперь во вполне авангардном. И поэтому увидели Витовта Казимировича Путну, который встречал на льду свон полки.

Он обратнлся к красноармейцам с речью. Что он говорнл? Этого я не помню. Пожалуй, сами слова тут былн не так уж важны. Важен был теплый звук его голоса, его волненне, которое передалось солдатам. Даже он сам, всегда такой сдержанный, с особенным чувством вспомннает эту минуту.

«Когда, уже будучн на льду, я встретнл головную колонну 237-го Мннского полка,— пишет он,— я сказал несколько напутственных слов... Колонна, как бы подтолкнутая какой-то невндимой снлой, быстро приобрела большую стройность и ускорила двнжение... Настроенне частей, ндущнх на штурм крепости, было напряженно-бодрое...»

Это былн те самые частн, которые лншь немного часов тому назад, прншнбленные, подавленные, лишенные самой высокой солдатской чести — знамен н оружня,— выстроившнсь на Ораниенбаумской площади, ждалн решения своей судьбы.

Тишина...
Тншнну разрывает гром!

Сперва резко бьют два винтовочных выстрела. Это головные колонны 236-го Оршанского полка незаметно для протнвника подошлн к форту № 1 Кронштадтской крепостн н только теперь былн обнаружены наблюдателямн.

И словно этн два случайно данных выстрела были заранее намеченным снгналом, все нашн береговые батарен н все пушкн, выкаченные на лед, а также все батарен противника одновременно открыли огонь. На какую-то долю мгновення нз тумана вознпк Кронштадт, опоясанный сплошной лентой орудпйных вспышек. Но тут же мы были ослеплены пронзнтельным светом: это мятежнпкн пустнли в действне все средства, дающие возможность осветнть наступающне колонны.

Триста одновременно бьющнх орудпй — это довольно много. Но особенную музыку кронштадтского боя создавало то, что в нем действовалн орудия самых различных калибров н тнпов, прнчем стрельба пронз-

водилась самыми разнообразными снарядами. Особенно это относится к мятежникам, которые помимо обычных орудийных снарядов вели стрельбу морскими минами и бризантными снарядами, прозванными во время русско-японской войны «шимозами».

Никогда в жизни не видела я ничего подобного этому, казавшемуся теперь не белым, а синим, беспредельному ледовому полю, над которым плясали лучи прожекторов, рвались снаряды и вспыхивали красные, белые, желтые, зеленые ракеты.

Даже Путна, когда он вспоминает об этих минутах, изменяет своей обычной сдержанности. Он говорит о них языком художника. Это не случайно: свой жизненный путь он начал, поступив в училище живописи и ваяния.

«Перед нами разыгралась картина красивого боя по своим внешним формам,— пишет он.— Два ярких полукольца почти не потухающих выстрелов, грохот и треск рвущихся снарядов, визг их, сверлящий воздух, и вой отскакивающих от гладкой поверхности льда, вырастающие и рассыпающиеся столбы воды и льда от подводных взрывов, содрогание льда на общем фоне ночи — все это произвело неизгладимое впечатление. Все, взятое вместе, больше воодушевляло, чем удручало».

Вслед за артиллерийской канонадой заговорили пулеметы. Потом донеслись звуки стрельбы далеко справа. Это вступила в бой первая колонна Южной группы войск.

И появились раненые.

Лучше всего я запомнила первого, которого перевязывала. Ему оторвало руку, кровь била струей и залила мне лицо и халат.

И еще одного. Он лежал на спине, неловко согнувшись, и было так светло от разрывов, что видно было, как он медленно открывал и закрывал глаза. Он умер раньше, чем мы с Флегонтычем успели снять с него шинель.

Пулевых ранений в это время еще не было, были только осколочные, очень разнившиеся между собой в зависимости от того, каким снарядом они были причинены.

Меньше всего среди раненых было таких, которые пострадали от снарядов тяжелых орудий. Снаряды это-

го калибра, ударнвшись об лед, взрывались, уходя под воду вместе с огромной массой льда и увлекая за собой на дио людей, повозки и лошадей. Раиеиых после себя онн почти не оставлялн, а еслн н были после инх раиеные, то чаще осколками льда.

Иное дело шнмозы. Оии летят с произительиейшнм внзгом, разрываясь ие иа земле, а в воздухе, иа миожество разлетающихся во все стороиы осколков. В отличие от тяжелых сиарядов, после разрывов которых оставались полыиьи со страшиой черной, полиой смерти водой, в тех местах, над которымн разрывались шимозы, лед бывал почтн ие повреждеи, но круг за кругом лежали ранеиые н убитые мелкими и мельчайшнмн осколками, чаще всего в голову.

Артиллернйскнй огоиь продолжался с неубывающей снлой, ио все громче звучал рокот пулеметов. Теперь бнли не только пулеметы противиика, ио и иаши: наши войска подошли уже к Кронштадту и приступили к штурму крепостн.

Бой ушел вперед, оставнв позадн себя разворочеиный лед, темиеющие проруби, мертвых, раиеиых и саиитаров.

Флегонтыч дежурил около розвалеи, иа которых лежало двое раненых с очень тяжелыми раиеинями, а я ходила по льду одиа, перевязывала раиеиых, и мие было очеиь страшно.

Переходя от одиого раиеного к другому, я дошла до лежавшего иичком человека. Сперва я подумала, что ои убит, ио ои застоиал — зиачит, жив. Я попыталась его перевериуть, мие ие хватнло снлы, н я, размахнвая шапкой, подозвала к себе Флегоитыча. Мы вместе перевернулн ранеиого. Хотя ои уже очеиь переменился, я его узиала: это был делегат Десятого съезда от Донской армин Линдеман. Мы его перевязали — раиеине было в грудь, осколочиое,— положили иа носнлкн н хотели иестн.

В это время в той сторое, где стояли иаши розвальии, послышался взрыв и подиялся высокий водяной столб. Мы броснлнсь туда.

Сиаряд угоднл в розвальнн прямым попаданнем, ио разорвался, видимо, ие сразу, а уже подо льдом. Поэ-

тому на месте разрыва осталась ие особеиио большая круглая прорубь, а от иее по льду по всем направленням разбежалнсь трещниы.

Самн розвальнн н лежавшие иа иих раиеиые сразу ушлн под лед, а Спотыка застрял в трещнне.

Жалобно крнча, он цеплялся за лед передннмн иогамн, пытаясь выкарабкаться. Но трещнна сжнмалась н, подбежав поближе, мы услышали, как хрустят его костн.

Когда мы вериулнсь к Лиидемаиу, ои уже умер.

Что ж нам было делать? Раздумывать не прншлось.

На одних розвальиях убило ездового, а раненых надо было срочно доставить в госпиталь, н Флегонтыч повез нх в Ораниенбаум.

На другнх розвальнях контузнло саинтарку, тоже москвнчку, Рнву Купермаи. Оиа отказалась уходнть, н мы стали перевязывать раиеиых вместе.

Теперь нашн береговые батареи прекратнлн огонь, а со стороны кронштадтцев стрельба переместнлась на одиу сторону. Потом мы узналн, что это было потому, что к этому временн ее вели только лникоры «Петропавловск» н «Севастополь», стоявшне на углу Воеиной гаванн.

Тут онн пустнлн в ход миииые аппараты, иаправляя мнны чуть выше поверхности льда, как бы бреющим полетом.

В отлнчне от обычного снаряда, для которого первоначальный толчок при артнллерийском выстреле является еднственным движущим усилием иа протяженнн всего его полета, для такой мнны выстрел — только нмпульс, прнводящий в действие ее собствеииые механнзмы, дающне ей способиость к самостоятельному двнженню.

Этн мнны, подобно смерчу, неслись по иескольку верст, образуя воздушную волну невероятиой снлы, а потом взрывалнсь где-то в глубние залива. При нх прнближеннн слышался нарастающнй вой н было вндио, как онн сметают на своем путн буквальио все.

Воздушной волной задело и меня. На какое-то время я потеряла созиаине и потом мие долго казалось, что все ледовое поле, от края до края, качается, как палуба корабля.

Было уже светло, когда мы с Ривой подошли к стеиам Кронштадта.

Впрочем, иазвать то, что мы увидели, стенами можно только условно. Это был миогоэтажиый ряд бетоиных блокгаузов с встроеииыми в иих пулеметными гиездами, опутанный по всем иаправлеииям электрическим кабелем и колючей проволокой.

Чем ближе к Кронштадту, тем больше было на льду убитых и раненых. Метрах в двухстах от стеиы убитые, скошенные пулеметами, лежали тремя ровными рядами, с правильиыми иитервалами.

Сейчас эти пулеметы кроиштадтцев молчали. Наши войска стремительиым натиском ворвались в крепость севернее Петербургских ворот и продолжали развивать иаступление. Шел уличный бой.

В мертвое пространство под стенами крепости сползлось миого раиеиых. У этих были уже только пулевые ранения. Мы с Ривой кое-кого перевязали, но у нас кончился перевязочный материал. Тогда, завладев бесхозными розвальнями, мы уложили в иих двух тяжелораненых, а третьего, раненного в ногу, взяли ездовым и поехали в Ораииеибаум.

Когда мы вошли в устроеиный в помещении вокзала госпиталь, мы испугались: так там было душно, так ужасно пахло, так страшио кричали люди. А там испугались, увидев иас: мы с ног до головы были покрыты липкой кровью.

Мы помылись, иам дали чистые халаты. Рива осталась в госпитале, там не хватало персонала, а я решила вернуться в Кронштадт.

Патроиная двуколка, иа которой я пристроилась, выехала иа лед около полудия. Небо расчистилось от облаков, грело солнце, и вся поверхность льда блестела и парила. Во многих местах лед был покрыт водой. «Петропавловск» и «Севастополь», окутавшись искусственной дымовой завесой, продолжали вести огонь. Но мы не так боялись их снарядов, как бесчислениых прорубей и полыней, образовавшихся в эту ночь.

Кроиштадт был виден как на ладони: купол собора, форты, сторожевые башни.

Еще шел уличиый бой, еще продолжалась агония последних несдавшихся фортов.

13

Когда через Петербургские ворота мы въехали в город, я решила первым долгом разыскать своих. Мне повезло, я нашла их быстро в караулке какой-то казармы неподалеку от тюрьмы.

В караулке было шумно, тесно, накурено. Свет масляного моргалика с трудом пробивался сквозь плотные облака махорочного дыма. Хотя бойцы только что вышли из жестокого боя и знали, что через несколько минут им снова идти в бой, но, как всегда в таких случаях, уже был найден повод для смеха — и все потешались, уверяя, что кто-то из отряда, очутившись посреди ледяной равнины, вел себя совсем как тот чумак, который заночевал в степи, развел костер, повесил над огнем котелок с кулешом, потянулся к огню, чтоб прикурить люльку, задел котелок, опрокинул кулеш и выругался: «От, бисова теснота!»

Мне обрадовались: думали, что меня убило. Тут же рассказали, кого ранило, кого контузило, кто убит насмерть. В числе контуженных был Леня Сыркин.

Рассказали и про бой: как бешеной атакой взяли форт «Павел», а потом повели наступление на крепость и под сильнейшим пулеметным огнем прорвали несколько рядов проволочных заграждений. Как, преодолев городской вал, ворвались в город. В данную минуту была утеряна связь с командованием. Горячев с группой красноармейцев пошел искать штаб, а остальным приказал ждать.

За это время бой ушел еще дальше. Наши взяли уже много пленных и привели их в тюрьму. Что делать с ними, никто не знал.

Потом Горячев вернулся, указал бойцам, куда им надо идти и что делать, а сам вместе с кем-то остался в караулке. Мне он задал несколько вопросов и велел, чтоб я легла поспать.

Я легла на стоявший тут же топчан, но от усталости долго не могла заснуть. Потом заснула и проспала, видимо, около часу.

Наконец я проснулась. Сон мне не помог, голова стала совсем тяжелая. Я все слышала, но ничего не соображала.

Горячев увидел, что я не сплю.

— Ну как? Отошла? — спросил он.

— Отошла,— сказала я.

Ои заговорил с собравшимися в караулке товарнщами. Потом повернулся ко мие и сказал:

— Зиачит, тебе поручается вот такое вот дело...

Пожалуй, на это дело лучше бы послать кого другого. Многне так н счнтални.

— Нет,— сказал Горячев.— Пойдет оиа. Им (ои подчеркиул это «им») тяп-ляп не годнтся. Им иадо, чтоб было «Шапки долой!» н побольше всего эдакого.

— Не вышло бы чего,— сказал кто-то.— Да и ей, иаверно, страшно...

Но ои был неправ: мне ие было страшно. И не из-за какой-иибудь там моей храбростн, а просто потому, что я иичего не поннмала. Не поннмала, зачем мие велели сдать револьвер н провернлн, не завалялся лн у меня в карманах случайный патрон. Не поннмала, почему надо спускаться вииз и вииз по крутой камениой лестиице с выбитыми, скользкими ступенямн. Не поиимала, почему, пока я нду, впередн н позади меия гремят железные засовы.

Прийтн в себя помоглн мне шапкн, те самые шапки, которые так пленилн Горячева, слышавшего меия иа красиоармейском собрании в Ораииеибауме,— бессмертиые шапки нз книгн Артура Арну:

«Шапки долой! Я буду говорнть о мертвецах Коммуиы!»

Сколько раз этн велнколепиейшне слова помогали мне, агитатору-неумехе, мгиовенно овладевать виимаииием аудторни. Имн я хотела иачать н сейчас.

Но вдруг я увидела, что у людей, к которым я должна была обратиться, ие было шапок!

Да, у иих не было шапок, и мертвениый свет утоплениого в стеие и зашнтого тюремной решеткой ацетнлеиового фоиаря падал на иепокрытые, коротко острнженные головы, кое у кого замотаниые грязиыми тряпками с пятиами засохшей крови.

У них ие было шапок, лишь у одиого иа лоб был ннзко иадвинут ободок бескозыркн, на ленточке которой едва угадывалось слово «Петропавловск». Он сндел на иарах, подогнув ногу так, что подбородок его упирался в острое, худое колено, н смотрел иа меия темиым, неиавидящим взглядом.

— Товарнщи,— сказала я по привычке и тут же осеклась, чувствуя, что говорю что-то не так.— Завтра,

восемиадцатого марта тысяча девятьсот двадцать первого года, пролетарии и угиетеиные всего мира, сияв шапки, отмечают...

Так иачала я доклад о пятидесятилетии Парижской коммуиы, который мие поручеио было сделать в тюремиом каземате Кроиштадтской крепости перед плеиными матросами — активиыми участииками Кроиштадтского мятежа.

Теперь я уже иачала различать окружающее: глубокая камера, покрытые тряпьем иары, мокрые стеиы, белые пятиа лиц. Что и говорить, все это ие могло ие произвести впечатлеиия даже после всего пережитого в последиие две иедели и в последиюю иочь!

Но приказ есть приказ и его иадо выполиять. Собравшись с духом, я иачала говорить. Разумеется, я ие помию точио сказаиных миою тогда слов, и могу лишь представить себе, что и как я могла говорить.

— Парижская коммуиа,— сказала я,— была великим выступлеиием аваигарда рабочего класса всего мира, подиявшегося иа беспощадиую борьбу против буржуазии и всех эксплуататоров чужого труда, всех паразитов, привыкших за счет пролетария...

Тот, иа голове которого был иапялеи ободок бескозырки, поиимающе усмехиулся.

— Я-то думаю, что это за явлеиия такая,— сказал ои.— А это богоиоска партейиая, как вошь иа чело, приползла...

Буржуазия лютой иеиавистью иеиавидела Коммуиу. И когда после иедели кровопролитиых боев, вошедшей в историю под имеием «Кровавой иедели», парижские пролетарии потерпели пораженне в иеравиой борьбе, версальцы предали рабочие райоиы города смерти и уиичтожеиию. Свыше ста тысяч рабочих, жеи и детей коммуиаров отдали жизиь иа баррикадах Парижа или же погибли в застеиках и иа каторге. Трупы валялись повсюду: иа улицах, в домах, в квартирах. Воды Сены покрасиели от крови. «Что бы ты ии делал, ты погиб! — так говорит об этих диях участиик Парижской коммуиы Артур Ариу.— Если тебя возьмут с оружием в руках — смерть! Если ты сложишь оружие — смерть! Если ты ударишь — смерть! Если ты умоляешь — смерть! В какую бы сторою ты ии повериул глаза —

направо, налево, вперед, назад, вверх, вниз — смерть, смерть, смерть!»

Такая же — нет, в тысячу раз более страшная судьба была суждена пролетариям революционного Петрограда, если б находящийся от Петрограда на таком же расстоянии, на каком Версаль находится от Парижа, мятежный Кронштадт...

Теперь я уже хорошо видела лица людей, сидевших напротив меня,— презрительно-горделивое лицо молодого матроса у стены, искаженное животным страхом лицо мальчишки справа, непроницаемое лицо пожилого матроса, слушавшего меня, опустив глаза.

Но вот он поднял глаза — и безысходный их взгляд полоснул меня по сердцу...

— Парижская коммуна просуществовала всего семьдесят два дня. Однако за это короткое время она провела ряд законов, которые громче всяких слов говорят о великих замыслах пролетарской власти. Именно поэтому ее так ненавидит буржуазия всего мира. Именно поэтому ее так ненавидел и мятежный Кронштадтский ревком...

В первый раз за все время по застывшим на нарах фигурам пробежало какое-то движение.

— Смотрите! Вот последний номер «Известий Ревкома»! Смотрите, что здесь напечатано! Здесь напечатано объявление Ревкома о том, что по его решению празднование пятидесятилетия Парижской коммуны отменяется. Теперь вы не можете не понять...

Но в это мгновение откуда-то сверху послышалась стрельба, дверь стремительно распахнулась, кто-то схватил меня и выволок прочь из камеры.

Это был Флегонтыч. Он возвратился из Ораниенбаума, отыскал наших, узнал, что я в каземате, спустился вниз и все это время стоял под дверью, чтоб кинуться мне на выручку, если что случится.

Наверху стреляли. Послышался крик: «Санитара! Санитара!» Мы бегом бросились по лестнице.

Какая-то группа мятежников пыталась прорваться через наше сторожевое охранение, чтоб выйти на лед и уйти в Финляндию. Завязалась перестрелка. У нас было трое убито и ранен в грудь навылет Горячев.

Я наложила первую повязку, а потом мы понесли Горячева в госпиталь.

Из ружей и шинели соорудили носилки. Горячев усмехнулся бескровными губами: «Совсем как у атамана Чуркина».

Когда мы несли его в госпиталь, мне показалось, что бой стал ближе, чем раньше. Так и было. Мятежники, мобилизовав все свои резервы, перешли в контратаку и потеснили наши части.

Госпиталь был переполнен. С большим трудом мы нашли для Горячева место в коридоре, на полу, и решили не уходить, пока не устроим его как следует.

Мы провели около него всю ночь. Звуки боя то приближались, то уходили дальше. Все время приносили новых раненых. От них мы узнавали новости... Из Ораниенбаума прямо по льду прискакал кавалерийский полк... Подошел отряд петроградских рабочих... Бой идет на Песочной улице... Наши заняли Песочную улицу... Мятежники засели в здании Машинной школы... Наши выбили мятежников из Машинной школы... Бой идет на линии канала...

Потом в другом, почти противоположном направлении возник новый очаг стрельбы — отчасти винтовочной, но больше пулеметной. «Петропавловск» и «Севастополь», орудия которых не умолкали ни на минуту, также усилили огонь.

О том, что происходило в эти часы, мы узнали лишь наутро. Это войска Северной группы, продолжая захват фортов, ворвались в Кронштадт с северо-востока и к полуночи захватили помещение штаба крепости.

Последним оплотом мятежников остались те, кто первыми подняли знамя мятежа: линкоры «Севастополь» и «Петропавловск». Но, оставшись одни, они продержались недолго.

Первым сдался «Севастополь».

С самого начала боя команда корабля, ведя огонь, находилась в казематах и погребах, люки которых были задраены. На верхней палубе, в боевой рубке, оставался лишь командный состав, передававший свои приказания вниз по телефону. Поэтому матросы ничего не знали о том, что происходит снаружи.

Узнали они об этом только поздно вечером, когда к ним явился командир линкора Христофоров и предложил им покинуть корабль, чтоб взорвать его.

Большииство офицеров уже удрало, остальиые собирали моиатки.

Взбешеиные матросы арестовали офицеров и выслали к иашим парламеитера с заявлением, что оии сдаются, ио просят обещаиия, что им будет сохранена жизнь.

Примерно в это же время разведка одиой из иаших частей донесла, что иа «Петропавловске» слышиы крики и перестрелка. Как выяснилось потом, под влиянием старых матросов среди комаиды начались волнения, вылившиеся в открытое возмущеиие против офицерского состава.

В пять часов утра «Петропавловск» сдался, выдав всех своих офицеров.

К момеиту сдачи ои был со всех сторои иа близком расстояиии окружеи иашими войсками, подошедшими к самым бортам корабля.

Когда наши вступили иа палубу корабля, один из офицеров вскричал: «Где это видаио, черт возьми, чтобы пехота брала дредиоуты?!»

При осмотре кораблей были обиаружеиы заложеиные в различиых местах пироксилиновые шашки: суда были подготовлеиы к взрыву.

В Кроиштадте и иа воеиных кораблях наши взяли миого плеиных, в том числе трех члеиов мятежиого ревкома.

Но Петричеико среди плеиных ие было, ие было и Романенко, ие было Турииа. Не было ни генерала Козловского, ии капитаиа Буркссра, ии пожаловавшего в Кронштадт бароиа фон Вилькеиа.

Все оии заблаговремеиио укрылись иа крайнем кроиштадтском форте и под покровом иочи бежали в Финляндию. С иими бежали и несколько тысяч матросов — и всю иочь восемиадцатого марта финские пограничиые патрули собирали иа льду брошенное беглецами оружие и подбирали замерзших и раненых кроиштадтцев.

И чуть ли ие иа следующий же деиь началось обратное бегство этих матросов в Советскую Россию. К середине лета вернулось около семисот человек. На устроенном ими собраиии возвратившиеся прииняли резолюцию «искупить свою виiу перед Республикой иа трудовом фроите и стоять иа страже ее иитересов от иападения виешиих и виутрениих врагов».

Резолюция эта была приията едииогласио, и чтеиие ее покрыто криками «ура» и пеиием «Иитериацииала».

Судьба тех, что ие вериулись, сложилась трагически: их иасильствеиио вербовали в белую армию, в штрейкбрехеры, посылали иа самые тяжелые работы в рудииках.

Но Советская родииа протяиула им руку помощи. Исходя из того что «разбросаииые по разиым страиам участиики кроиштадтского восстаиия, рабочие и крестьяие, вовлечеиные в движеиие путем обмана и по своей иесознательиости, подвергаются эксплуатации, как дешевая рабочая сила, той же буржуазией, которая в свое время вовлекла их в борьбу против власти трудящихся», Президиум ВЦИК в озиамеиоваиие четвертой годовщииы Рабоче-Крестьяиской власти, то есть через полгода после подавлеиия мятежа, объявил полиую амиистию всем рядовым участиикам мятежа, за исключеиием главарей, руководителей и комаидиого состава, и предоставил им возможиость вериуться в Советскую Россию иа общих осиоваииях с воеиноплеиными.

14

Но переиесемся сиова в Кроиштадт в деиь восемиадцатого марта.

Когда мы с Флегоитычем уходили из госпиталя, уже сдались последиие форты — «Милютин», «Коистаитии» и «Обручев», уже закоичился последиий эпизод сухопутиых боев — арьергардиое дело у батареи «Риф», прикрывавшей отход бежавших застрельщиков мятежа.

Утро вставало ясиое, ио солице еще ие взошло. Повсюду видиелись следы иочиого боя: изрешечеиные пулями стеиы, валяющиеся иа сиегу ружейные гильзы, черные, замерзшие лужи крови. На углу воеиной гаваии угрюмо серели молчаливые «Петропавловск» и «Севастополь».

Мы шли, ие зиая дороги, да и плохо зиая, куда, собствеиио, иам иадо идти. Прошли вдоль гаваии. Услышали протяжиый чистый звук — это иа кораблях медлительио пели скляики. Повериули к городу. Долго плутали, спрашивая у встречиых, как иам иайти то, что мы ищем: стоит казарма, рядом с ией тюрьма, тут же такой белеиький домик. Впрочем, может и ие белеиький...

Так, кружа и плутая, мы очутились в каком-то саду. Флегонтыч зорко посмотрел на деревья.

— Гляди, — показал он мне на густую прозрачную каплю, блестевшую на коричневой коре дерева. — Клен плачет...

И объяснил, что, если клен «плачет», пришла весна.

Из сада мы еще куда-то пошли — и в конце концов вышли на Якорную площадь. Ту самую, на которой восемнадцать дней тому назад собрался митинг, выступал Калинин и начался мятеж.

Сейчас площадь была пуста, утоптанный снег подернулся ледяной корочкой.

Мне показалось, что я узнаю дорогу.

— По-моему, нам сюда,— сказала я, показывая налево.

— Нет, сюда,— возразил Флегонтыч и показал направо.

Я собиралась заспорить, но тут мы увидели большую группу людей, вошедших на площадь.

Они шли навстречу нам, мы шли навстречу им. Солнце уже поднялось, оно светило прямо на них — и мы хорошо видели этих необыкновенных людей, приближавшихся к нам быстрым, легким шагом. И хотя я по ходу своего повествования уже употребляла выражение: «никогда ни до, ни после этого», но я не могу удержаться и сейчас, чтоб не сказать — никогда ни до, ни после этого я не видела такого средоточия мужества и силы, воли, ума и бесстрашия, какое являли собою эти люди.

Это были прославленные полководцы и лучшие боевые военно-политические работники Красной Армии — Тухачевский и Путна, Бубнов и Рухимович, Федько и Ворошилов, Дыбенко и Кузьмин — тот Кузьмин, что был приговорен кронштадтским ревкомом к расстрелу, за несколько минут до приведения приговора в исполнение освобожден подоспевшими вовремя красными бойцами и тут же схватил винтовку и бросился в бой.

Сколько раз уже Советская Республика вручала им свою судьбу, полностью доверяя их чести, знаниям, таланту, воинской отваге, безграничной энергии и умной находчивости,— они оправдывали оказанное им доверие, находили выход из безвыходных положений, побеждали казавшегося непобедимым противника и увенчивали Красную Армию новой и новой славой.

Такое же доверие было оказано им и в час тяжелей-

шего испытания, каким был для Советской России Кронштадтский мятеж. Это они своим смелым поиском новых способов ведения боя в никогда не бывалых условиях, своим революционным бесстрашием, отважной мыслью и глубоко задуманным планом операции, своей верой в силу коммунистических идей сплотили массу красноармейцев, внушили им уверенность в победе и, сражаясь подчас плечо к плечу с рядовыми бойцами, осуществили героический штурм и овладели Кронштадтом.

...Страшно, немыслимо, невозможно примириться с тем, что все они,— все, кроме одного,— в один и тот же час истории пали одной и той же смертью, самой ужасной смертью, какая только может выпасть на долю человека, коммуниста, бойца...

15

Проводив их взглядом, мы, как то предлагал Флегонтыч, пошли направо, потом еще раз направо.

Ну конечно же он оказался прав: прямо перед нами были казармы, тюрьма, беленький домик — все, что мы искали.

Переступая через спавших на полу бойцов, мы пробрались к печке, топившейся в глубине караулки. Боже, как тепло, как хорошо!

— Пополдничаем? — спросил Флегонтыч.

— Пополдничаем,— согласилась я.

— Мой паек, твой приварок,— как всегда сказал Флегонтыч.

— Мой приварок, твой паек,— сказала я.

Флегонтыч достал из вещевого мешка баночку мясных консервов и стал готовить суп.

Ели ли вы когда-нибудь суп из солдатских мясных консервов?

Чтоб приготовить его, надо поставить на огонь котелок с водой и открыть консервную баночку — такую высокую, скользкую от тавота белую жестяную баночку. Только открывать ее надо умеючи — с верха, а не с донышка. И когда нож взрежет жесть и приподнимет зазубренный по краям, чуть выгибающийся белый кружок, сверху вы увидите слой застывшего желтоватого жира, на котором лежит лавровый листок и чернеют три блестящих черных перчинки. Этот жир надо

сиять ложкой и опустить в кипящую воду, а когда он распустится, выложить в иее остальное содержимое банки.

И когда вода снова закипит и пойдет крупными пузырями и вы зачерпиете ее ложкой, вы узнаете, какая это необыкиовеиио вкусиая штука — суп из солдатских мясных консервов!

У этого супа только один иедостаток: ои слишком быстро съедается. Давно ли иачали, а уже доиышко котелка!

Корочками хлеба мы досуха вылизали котелок и ложки. Теперь оставалось сидеть у печки и ждать приказов начальства.

Флегоитыч скрутил цигарку, подымил, потом сказал:

— Загадаю я тебе загадку: велико поле колыбаиское, много на ием скота астраханского, одии пастух, ровно ягодка, летят за пастухом птицы, несут в зубах спицы. Что это такое?

— Знаю я эту загадку, ты уже загадывал. Поле — это небо, скот на нем — звезды, а пастух — месяц.

— Вот и дура,— довольным голосом сказал Флегоитыч.— Думаешь, раз говоришь докладно, так умиа, а все равно дура. Пастух — это товарищ Леиин, птицы летят за ним — трудящийся народ.

— А спицы в зубах?

— То плотницкий ииструмеит... Для устроеиия социализму.

Флегонтыч был плотиик, о себе говорил: «Мы плотиички — беспорточники» — и профессию свою считал лучшей в мире.

Когда я вышла иа улицу, все кругом было залито солицем и дул «вешняк» — тот самый теплый, иесущий весиу «вешняк», которого мы так все это время боялись. Это значило, что лед вот-вот начнет таять.

Ну и пусть себе тает! Пусть преет, млеет, трещит, ломается, кувыркается, мнется, гнется, к дьяволу несется! Плевать! Кроиштадт наш!

Шапки долой! Сегодня пятидесятилетие Парижской коммуны!

В МАРТЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО

1

Утром восьмого марта в Москве начал свою работу Десятый съезд партии. По одному из тех совпадений, которые кажутся случайными, но в которых, при всей их случайности, заложен особый, глубокий смысл, Десятый партийный съезд открылся в тот самый день, когда наши части сделали первую попытку овладеть мятежным Кронштадтом. Последнее его заседание состоялось в канун решающего штурма.

Выступая в день открытия съезда с отчетом о политической деятельности Центрального Комитета партии, Ленин выразил надежду, что восстание в Кронштадте «будет ликвидировано в ближайшие дни, если не в ближайшие часы». Эта надежда не оправдалась.

Вскоре после съезда Ленин писал в одном из писем:

«Съезд Коммунистической партии отнял у меня так много времени и сил, что я теперь очень устал и болен».

Когда вспоминаешь то время, когда читаешь оставшиеся после него документы и думаешь о Ленине в те дни, понимаешь, каким сверхчеловеческим напряжением порождено это скупое признание.

Обстановка в стране была архитяжелой. Помимо Кронштадта контрреволюционные мятежи полыхали в ряде других мест. Делегация Сибири ехала на партийный съезд вся вооруженная, готовая пробиваться с боем через широкую полосу восстаний — от Омска до Урала.

Даже после всего пережитого и перевиденного в годы гражданской войны потрясала жестокость расправ, учиняемых над коммунистами. Захватив коммуниста, восставшие выпускали ему кишки, набивали живот соломой и бросали умирать мучительнейшей смертью, называя это «начинить коммуниста развертской».

В начале марта, еще до открытия съезда, Ленин записал в плане своей речи о замене разверстки натуральным налогом:

«3. Кто кого? 2 разных класса.

Урок «Кронштадта»

— — — в политике: больше сплоченности (и дисциплины) внутри партии, больше борьбы с меньшевиками и социалистами-революционерами.

— — — в экономике: *удовлетворить* возможно больше *среднее* крестьянство».

Близко наблюдавший Ленина в дни съезда Карл Христианович Данишевский рассказывает, что Ленин был весь в движении, быстр, иногда даже нервен, зол, резок. Эти настроения сменялись в течение короткого времени в зависимости от темы разговора, от собеседника, от только что полученных сведений. Он внимательно, сосредоточенно следил за работой съезда. Часто уходил, накинув на плечи старенькое, изношенное пальто. Неожиданно появлялся в президиуме. Выступал в комиссиях по резолюциям, совещался с товарищами, с представителями отдельных делегаций, с ближайшими друзьями. Просматривал материалы, которые привезли с собой делегаты съезда о положении на местах, о сборе продразверстки и настроениях деревни, прислушивался к их раздумьям, как же быть дальше.

Ни одна, даже лучшая, стенограмма не способна передать живую ленинскую речь — так много значили в этой речи интонации, тембр, жест. Но когда читаешь отчеты Десятого съезда партии, то словно видишь, как Ленин, получив слово, торопливо выходит на трибуну, как, не дождавшись конца приветственных аплодисментов, он начинает говорить, как он тонким шнурком прикрепил к ладони левой руки карманные часы и посматривает на них, чтобы не нарушить регламент и в то же время успеть сказать все главное и основное.

Видишь Ленина — и слышишь. Слышишь горечь, которая звучит в его голосе, когда он называет дискуссию, два месяца трепавшую партию, «непомерной роскошью», «совершенно непозволительной» для партии, окруженной врагами, «могущественнейшими и сильнейшими врагами, объединяющими весь капиталистический мир»; партии, которая несет на себе «неслыханное бремя». Слышишь паузу, сделанную им перед тем, как сказать: «Я не знаю, как вы оцените теперь это. Вполне ли по-вашему соответствовала эта роскошь

иашим богатствам материальиым и духовиым? От вас зависит оцеиить это...» И чувствуешь иепреклоииую убеждеииость, с которой ои произиосит: «...я должеи сказать одио, что здесь, иа этом съезде, мы должиы поставить своим лозуигом, своей главиой целью и задачей, которую мы во что бы то ии стало должиы осуществить, это — чтобы из дискуссии и споров выйти более крепкими, иежели тогда, когда мы их иачали».

С присущим ему политическим бесстрашием Леиии говорит съезду: мы сделали такие-то ошибки. (Имеиио мы! Никогда Леиии ие сваливает вииу иа кого-то, у кого произошло «головокружеиие от успехов» или что-иибудь в этом роде!) Перед иами стоят такие-то трудиости. Мы добились таких-то успехов. Теперь мы должиы решить такие-то задачи. Главиый политический вывод из событий последиих месяцев — сплочеиие партии. Главиый экоиомический вывод — ие удовлетворяться тем, что сделаио для соглашеиия рабочего класса с крестьяиством, искать иовых путей, примеиять и испытывать это иовое.

Уже задолго до съезда отчетливо выявилось, что в дискуссии о роли и задачах профсоюзов подавляющее большиистве партии — с Леиииым. На съезде были произиесеиы последиие речи этой дискуссии, проведеиы последиие голосоваиия. Леиииская «платформа десяти» собрала триста тридцать шесть голосов, платформа Троцкого и Бухарииа — пятьдесят, резолюция «рабочей оппозиции» — восемиадцать.

До иаших дией сохраиилась «общая» учеиическая тетрадь в черием клееичатом переплете, заполиеииая записями, сделаииыми характериым жеиским почерком. Это — диевиик Александры Михайловиы Коллоитай.

Неделю спустя после окоичаиия съезда Коллоитай, которая была одиим из лидеров «рабочей оппозиции», записала в этом диевиике:

«X съезд партии. «Рабочая оппозиция» выступила оформлеииой группой... Спешио издали мою брошюру «Что такое «рабочая оппозиция»?». Атмосфера сгущеииая и трудиая: за иесколько дией до съезда — Кроиштадтское восстаиие. Съезд идет под зиаком тяжелых событий. Моя брошюра в руках Леиииа. Ои быстро, быстро листает ее и качает неодобрительио головой. Гроза гряиула: речь Леиииа иа три

четверти громит «рабочую оппозицию» и мою брошюру. Я сижу... Владимир Ильич подходит: «Понимаете, что вы наделали? Ведь это призыв к расколу. Это платформа новой партии... И в такой момент!»

С предельной резкостью ополчаясь против идей «рабочей оппозиции», считая их пропаганду несовместимой с пребыванием в рядах Коммунистической партии, Ленин делал в то же время все, что только мог, чтобы убедить сторонников «рабочей оппозиции» в ошибочности их взглядов и сохранить для партии и рабочего движения этих людей, многие из которых были старыми и преданными членами партии.

После первого же выступления сторонников только начинавшей складываться «рабочей оппозиции», окончившегося для них полным поражением (было это на Всероссийской партийной конференции в сентябре двадцатого года), Ленин внес в Политбюро ЦК проект постановления, предложив, как особое задание для Центральной контрольной комиссии партии, «рекомендовать внимательно-индивидуализирующее отношение, часто даже прямое своего рода лечение по отношению к представителям так называемой оппозиции, потерпевшим психологический кризис в связи с неудачами в их советской и партийной карьере. Надо постараться успокоить их, объяснить им дело товарищески, подыскать им (без способа приказывания) подходящую к их психологическим особенностям работу, дать в этом пункте советы и указания Оргбюро ЦК и т. п.».

В партийных архивах среди ленинских документов хранится письмо Ленина к Юрию Христофоровичу Лутовинову. Письмо это большое, занимает оно четыре с половиной страницы убористого печатного текста. Написано оно в конце мая двадцать первого года.

«т. Лутовинов! — пишет Ленин.— Прочел Ваше письмо от 20.V и нахожусь под очень грустным впечатлением. Ожидал я, что в Берлине, отдохнув немного, поправившись от болезни, посмотрев «со стороны» (со стороны виднее) и подумав, Вы придете к ясным и точным выводам. Здесь у Вас было видно «настроение» недовольства. Настроение — нечто почти слепое, бессознательное, непродуманное. Ну, вот, думаю,

вместо иастроения будут теперь ясиые и точиые выводы. Может быть, думал я, мы и разойдемся иасчет этих выводов, но все же будут точные и ясные выводы одиого из «осиовоположиикоВ»... оппозиции (каким Вы сами в письме себя признаете).

Грустиое впечатлеиие от Вашего письма потому, что иет ии ясиости, ии точности, а опять только темиое иастроеиие и в придачу «сильиые слова».

Нельзя так».

Юрий Лутовииов, которому адресовано это письмо,— рабочий из Донбасса, члеи партии с 1904 года, профессиоиальный революциоиер, в царское время не раз был арестоваи, из ссылки в места «столь» и «ие столь отдалеииые» иеизмеиио бежал и сиова прииимался за иелегальиую партийиую работу. В восемиадцатом году, во время германской оккупации Украиины, входил в подпольный Цеитральиый комитет Коммуиистической партии Украины.

Нет нужды говорить, как дорог был Леиину рабочий, прошедший такой жизнеиный путь, к тому же умный и самобытиый человек и талаитливый массовик, тесно связаииый с пролетариями Доибасса.

И вот теперь, в мае двадцать первого года, после того, как Лутовииов иа протяжении ряда месяцев отстаивал взгляды «рабочей оппозиции», после того, как партийиый съезд признал, что эти взгляды выражают аиархический и синдикалистский уклои и их пропаганда несовместима с принадлежиостью к партии, после всего этого Лутовииов прислал Леиину письмо, полиое старых ошибок, старых обвинений, старой фракциоиности.

В ответ иа это Леиии, ие пожалев времени («Хоть изредка отвечу полио — другой раз часа на это не хватит»), пуикт за пуиктом разобрал в письме Лутовииова все, что хотя бы отдаленно походило иа подлиииые факты, чтоб показать ему, что все эти факты — «иоль, иоль и иоль».

Сиова и сиова повторял ои в письме к Лутовинову мысль, которую ие раз уже высказывал в ответ на демагогические, ие обосиоваиные фактами обвииеиия, исходившие со стороиы оппозиции:

«Пролетарий (ие по бывшей своей профессии, а по действительиой своей классовой роли), видя зло,

берется деловым образом за борьбу: поддерживает открыто и официально кандидатуру хорошего работника Ивана, предлагает сменить плохого Петра, возбуждает дело — и ведет его энергично, твердо, до конца — против проходимца Сидора, против протекционистской выходки Тита, против преступнейшей сделки Мирона, вырабатывает (после 2—3 месяцев обучения новой работе и практического ознакомления с новой средой) деловые, практические предложения...»

Вскрыв все гнилое, мелкое, меньшевистское, к чему привело Лутовинова желание во что бы то ни стало играть в оппозицню, Ленин заканчнвает свое письмо такими словами:

«Вот Вам мой откровенный ответ... По старой дружбе скажу: нервы надо полечить. Тогда явится рассуждение, а не настроение.

С товарищ. приветом

Ленин».

Когда читаешь эти ленннские строки, увидевшие свет только после Двадцатого съезда партии, и думаешь — не можешь не думать — о снегах Колымы, о людях, которые...

Нет, здесь, рядом с Лениным, не надо об этом.

2

С того заседания Десятого партийного съезда, на котором происходило голосование по вопросу о роли и задачах профсоюзов, мой отец вышел вместе с Лениным. Ленин предложил ему пройтись по Кремлю, подышать воздухом.

Сперва онн шли молча, потом Ленин заговорил — и отец впервые узнал от него широко известную теперь по рассказу Н. К. Крупской историю о том, как в девятьсот седьмом году он уходил из России во вторую свою эмиграцию.

Жил он тогда в Финляндни, снимал комнату у двух сестер-финок, целыми днями сидел дома и работал, на улицу почти не выходил, но тем особым чувством, которое вырабатывается у революционера-подпольщика, ощущал, как теснее и теснее сжимается вокруг него кольцо полицейской слежки. Вестн нз России приходили грустные. Ясно было, что реакцня затянется надолго н что снова суждена постылая эмиграция.

Владимир Ильич условился с Надеждой Коистаитиновиой, которую задерживали дела в Питере, что оии встретятся в Стокгольме, чтоб оттуда уехать в Швейцарию, и стал собираться в путь-дорогу. Но к этому времеии круг слежки сомкиулся иастолько тесио, что ехать обычиым путем — пароходом, отходящим из Або,— зиачило почти иаверио быть арестоваииым: в Або было уже иесколько случаев ареста при посадке иа пароход. Тут кому-то из фиисках товарищей пришла в голову мысль — садиться иа пароход ие в Або, а иа ближайшем острове, добраться до которого можио было пешком, по льду Фиисского залива. Леиии сразу согласился иа это; остаиовка была за проводииками. Дело было в декабре, ио зима в тот год была поздияя, лед еще плохо схватился, и охотиików рисковать жизиью ие было. Похоже было, что иичего ие получается, ио в каком-то трактире обиаружилось двое подвыпивших фиисках крестьяи, которые взялись за это дело.

Вышли оии иочью. Стоял густой тумаи, позади переливчато светились расплывшиеся в белесой мгле огии Або, а впереди ие было иичего, кроме тумаиа.

У берега лед был крепкий. Но потом стало слышио, как ои потрескивает и слабо шуршит, кое-где иа его смутиой белизие проступила чериым блеском вода. Вдруг лед иачал уходить из-под иог. К счастью, льдиа, осев, ие проломилась, и Леиии и его спутиики хоть и с трудом, ио выбрались.

— Вот так я узиал, что зиачит идти по иевериому льду,— закоичил свой рассказ Леиии. И когда ои произиес эти слова, отец поиял, что и воспомииаиие это, и весь рассказ Леииа возиикли из ие покидающей его ии иа мииуту тревоги, как сложатся дела под Кроиштадтом.

С присущей ему быстротой переходов мысли по путям отдалеиных ассоциаций Леиии сказал:

— Только одиого этого голосоваиия по вопросу о профсоюзах иам мало. Дискуссия иас слишком искромсала. Тут иужио что-то еще. К примеру, решеиие, особое решеиие съезда о едиистве партии...

И, повериувшись к отцу всем корпусом, спросил:

— А как бы вы, Сергей Иваиович, отиеслись к совещаиию делегатов съезда — подпольщиков? Встретиться чтоб да потолковать по душам... Как вы думаете?

Такое совещаиие состоялось. В продолговатом Митрофаииевском зале в Кремле задолго до иазиачеииого часа встретились те, кто вступили в партию еще в годы царского подполья.

Владимир Ильич пришел миюта в миюту. Быстро, пальто виакидку, прошел ои через зал до мест президиума, иа мгиовеиие, мельком, вскииул глаза иа кафедру и сел, как ои любил садиться, иа приступках лесеики, ведущей иа помост. «Так просто это было, так сближающе,— рассказывает об этом К. Х. Даиишевский.— Все сразу почувствовали себя в старой общей подпольиой среде».

Собраиие открылось. Владимир Ильич произиес вступительиое слово, затем выступили представители оппозиции, затем Леиии выступил еще раз, с заключительиым словом.

Разговор, по выражеиию Леииа, шел «иачистоту». Стеиограммы или хотя бы секретарской записи не велось. Едииствеиное, что осталось после этого совещаиия,— иаписаиные Леиииым первоиачальные проекты резолюций о едиистве партии и о сиидикалистском и аиархистском уклоие, одобреиия которых Леиии просил у старейших деятелей партии.

По этим докумеитам и по воспомииаииям участиików совещаиия видио, что разговор там шел о том же, о чем ои шел иа съезде: о положеиии в партии и страие, об опасиостях, которыми угрожают пролетарской революции колебаиия мелкобуржуазиой стихии, ио прежде всего, больше всего, раиьше всего — о едиистве партии!

Мы иикогда ие узиаем в точиости, что имеиио говорил об этом Леиии и как ои говорил. Но едва ли сказаиное им могло быть миого сильиее и горше того, что ои сказал иа съезде. Почему же совещаиие старых подпольщиков и Леиии, каким ои был иа этом совещаиии, так по-особеииому запомиились всем там присутствовавшим?

Несколько лет спустя я задала этот вопрос моему отцу. Ои ответил:

— Это трудио объясиить... Я почувствовал, как ему тяжело... Мие стало страшио, что придет час, когда его ие будет с иами...

3

Восемнадцатого марта днем в Кроиштадте состоялось партийиое собраиие, которое было, вероятио, первым партийиым собраиием в страие после Десятого съезда партии. Оио показало, какие чудеса способиы совершить коммунисты, когда они спаяиы едииством воли, мысли, действия.

На этом собрании встретились те, кто иазывал себя «Кронштадтской секцией партийиого съезда» — делегаты Десятого съезда партии, прииимавшие участие в подавлении Кроиштадтского мятежа.

Они пришли, еще полиые огием только что закоичившегося боя — усталые, иебритые, почерневшие от бессоииицы и порохового дыма, в прострелеииых шиielях, в рваиых полушубках, кто с перевязаиной головой, кто с забиитоваииыми руками, кто опираясь на самодельный костыль, чтобы ие ступать иа раиеиую иогу.

За последиие сутки «Кроиштадтская секция партийного съезда» сильио поредела: таких потерь, как политические работиики-коммунисты, не поиесла ни одиа группа участииков подавлеиия мятежа. Объясияя причиiу этих потерь, одии из документов того времеии говорит, что «коммуиисты шли под огоиь, ие соблюдая необходимых правил осторожиости», ио имеино благодаря этой, казалось бы безрассудиой, отваге увлекали за собой полки.

Среди тех, кто пришел на эту встречу, а также тех, кто остался бездыханным на кроиштадтском льду или покоился, затяиутый в прорубь, на дне Финского залива, были коммуиисты, примыкавшие во время предсъездовской дискуссии к различиым точкам зреиия. Но под Кроиштадтом они были едины — и в кануи боя, и в самом бою, и сейчас, после боя. И все оии в едииодушном порыве подияли руки, когда было поставлено иа голосование обращеиие к Центральиому Комитету партии.

«Выдержка и спайка коммунистов еще раз победили,— говорилось в этом обращеиии.—...Кроиштадт сиова в наших руках. Операция представляла громадиые, казалось, иепреодолимые трудности. Кроиштадт был сильно укреплеи, его гариизои, дравшийся с мужеством отчаяния, находился в руках опытиого комаидоваиия...

Мы, члеиы съезда, работавшие в Кронштадте, при-

ветствуем нзбранный X съездом ЦК и поздравляем его с Красным Кронштадтом.

18 марта, 13 час. Кроиштадт. бывшее Морское собранне».

4

Я уходнла из Кроиштадта раниим утром, когда еще только начниало светать и лед прихватило иочиым морозцем.

В Оранненбауме полагалось отметиться, отчнслить-ся, сдать, получить и все такое прочее. Пока я возилась со всем этнм, утренний поезд иа Петроград ушел, надо было ждать диевиого.

Маневровый паровознк, нмеиуемый в просторечии «кукушкой», пыхтя и посвнстывая, бегал по путям, собирая состав. Я притулилась иа солнце у какой-то стенки н блаженно дремала. До чего же прнятио, когда тепло, да к тому ж ие с одиого бока, как около желези-иой печкн, а со всех сторои!

Рядом со миой снделн покурнвали какне-то двое, судя по одежде, из местиых жителей. Одни молчал, другой иепрерывио говорнл.

— Вот н мухн весеиние уже повыползлн,— говорил ои, показывая грязным корявым пальцем на блестящих зелеиоватых мух, ползавшнх по пригретой солицем стене.— Разве ж видаио, чтоб они в марте выползалн? Вот н передовые грачи прнлетели, иа иеделю вперед времеии...

Низко над лесом, едва не задевая голые вершиы деревьев, в слегка сннеющем, принимая весеииюю окраску, иебе летела темная птичья стая и слышался хрнплый крик.

«К чему же эта прнмета? — подумала я.— Спро-сить? Нет, не стоит...»

Так я не узнала про беду, которую предвещали эти ранине жнвые мухн н тяжело машущне крылами черные птицы.

До Петрограда добирались без малого суткн, а там вокзальное начальство заявило, что поезд на Москву («Ночной Максим») пойдет часов через двенадцать. Валяться на вокзале ие хотелось, и я решнла сходить

в свой старый райком партии, авось иайду кого-нибудь из прежиих друзей. Но мне ие повезло: там сидели новые, иезиакомые люди.

Увязая в талом сиегу, я плелась иа вокзал. С Ладоги сильно дуло, я очеиь устала, хотела есть и ие обратила виимаиия иа человека, который шел мие иавстречу, шлепая калошами.

— Послушай, большевичка, это ты? — услышала я вдруг.

Я подияла глаза и увидела по-бабьи повязаииую платком голову с торчащей козлиной бородой.

— Не узиаешь? — произиесла голова.

На улице было еще светло, но я узнала его ие сразу. О, господи, так это ж «дядя Федя», как я, когда была девочкой, звала пользовавшегося в те времеиа шумной славой поэта-декадеита С. Моя мама училась в гимназии с его женой, была с ией дружиа и, случалось, «подкидывала» меия к иим. В последний раз я зашла к супругам С. незадолго до Октября. С. стал проезжаться по адресу большевиков, в ответ иа это я произнесла пламениую большевистскую речь. С. дико озлился и выставил меия за дверь. И вот надо ж было мне сейчас с иим встретиться!

— Ну так как же, комиссарша, узнала меня?

— Да, узиала, дядя Федя.

— «Дддя-ддя Фе-дддя»! А ты помнишь, как этот дядя Федя твой сопливый иос утирал?

Я этого не помнила, но из вежливости сказала, что помню.

— А как ои тебя, комиссаршу, на горшок сажал? Это помиишь?

Ну, это уж было абсолютиейшее враиье, никогда такого не бывало. Но все же я сказала, что и это тоже помию.

То, что произошло дальше, походило иа сцеиу из дурацкой пьесы, разыгрываемой бездарными актерами. Совершенно оторопев, я стояла, как чурбан, и слушала С., а он, размахивая руками, в одиой из которых болталась соломеииая кошелка с продуктами, а в другой — иабитый бумагами облезлый портфель, подобно провиициальиому трагику выкрикивал какой-то патетический монолог, непрестанно иажимая на раскатистые «р» — «крррровавый ррржим терррорррристической диктатурррррры»,— и подчеркнуто употребляя суффикс «цкий»: «большевицкий», «совецкий»... Все это происхо-

днло на том совершенно театральном фоне, который так умел создавать старый Петербург: мостик, колонна, чугунная решетка, фонарь, раскачивающийся на ветру.

Упившнсь своим монологом, С. сделал слишком резкое движенне, кошелка приоткрылась н нз нее посыпалась вобла — фантастнческий каскад сухих, плоскнх, вяленых рыб с открытымн ртамн и выпученными глазами. Онн с глухнм стуком ударялнсь о землю, подпрыгивали от удара, отскакнвалн, а потом замнралн, раскннув веером свои крнвые серебрнстые тела.

Высокие страсти были на время забыты. С. броснлся подбнрать свои сокровища, я ему помогала. До чего же мне хотелось стащить хотя бы самую малюсенькую рыбешку!

Когда воблины былн собраны, С. заговорнл снова, но теперь речь его стала иной. Похоже было, что покннутый дочерьмн король Лнр горестно жалуется на свою судьбу. Делал он это довольно-такн бессвязно, так что я почти ничего не поннмала. Впрочем, душа моя была полна одной лишь воблой...

Потом я уловила, что он читает стнхн. Какой-то Сильвандр. Какая-то Фнлис. Барашкн, рощн, пастушки...

«Что за чушь,— подумала я тогда.— Тнпичный взбесившийся мелкий буржуа с буржуазно-помещичьей идеологией».

«Что за чушь,— подумала я теперь, вспоминая эту встречу.— Откуда может быть у мелкого буржуа, да к тому же «тнпнчного» буржуазно-помещичья идеология? Просто ты смотрела на несчастного старика глазамн юношеской нетерпимости н возвела на него напраслину».

Но нет, в библиотеке я нашла книжку С. «Свирель» со стихами, написанными весной двадцать первого года. И вот он здесь, Сильвандр, а вот — Филис и барашки!

В лугу паслись барашки.
Чуть веял ветерок.
Фнлис рвала ромашки,
Плела из них веиок.
Снльвандра
Она ждала,
Филнс Снльваидру,
Сильваидру
Венок плела.

Тирсис под сенью ив
Мечтает о Наиетте
И, голову склонив,
Выводит на мюзетте:
Любовью я — тра, та, там, та,— томлюсь,
К могиле я — тра, та, там, та,— клонюсь...

Все точно — и даже дата проставлена: 23 апреля 1921 года.

Подумать только: сидел это он, жуя воблу в своей нетопленой башне из слоновой кости, кропал эти стишки — и был ведь при этом искреннейше убежден, что эти его стишки служат высшим идеалам,— правде, которая выше нашей правды!

ПУТЕШЕСТВИЕ В НЭП

1

Москва, как это всегда бывает после Питера, и особенно весной, показалась светлой, солнечной, шумной, тесной, многолюдной. Трамваи не ходили, так что мне суждено было добираться до дому на своих двоих.

Дойдя до Красных ворот, я свернула на узкую Мясницкую, прошла мимо почтамта, повернула к Лубянке.

И тут я увидела колбасу!

Да, колбасу! Настоящую, всамделишную колбасу! Перерезанная пополам, она лежала на фарфоровом блюде, являя миру свои роскошные розовые внутренности, на которых, подобно звездам в ночном небе, сверкали белые кружочки сала. Блюдо стояло на прилавке, устроенном за стеклянной дверью парадного подъезда дома неподалеку от Лубянской площади. Рядом с блюдом высилась гора пышных булок, желтело сливочное масло, повсюду торчали этикетки, на которых были начертаны цены с целым шлейфом нулей: «3 000 000 рб. шт.», «15 000 000 рб. фунт», «50 000 000 рб. фунт», а за всей этой роскошью и великолепием празднично колыхались громаднейший живот, затянутый в бордовую жилетку с мелкими черными пуговками, и неправдоподобно розовая харя, свисающая тройною складкой подбородка. Вдруг протянулась мощная волосатая лапа, схватила булку, отковырнула изрядный кусок масла, мазанула этим маслом по булке и отправила все это куда-то наверх, в невидимую мне пасть.

Вот так вот мы, говоря старинным слогом, и «пребывали» один против другого: я — голодный, замучен-

ный, дрожащнй в рваной шинелишке члеи правящей партин, и мурло Капитала, того капитала, даже след, даже запах которого мы три года вытравлялн с иашей землн, а ои, глядишь, выставил вперед брюхо и самодовольно ухмыляется.

Но разве же я не знала о том, что Десятый съезд партии решил заменнть разверстку иатуральиым иалогом?

Разумеется, зиала. Об этом рассказывали прибывшне под Кроиштадт делегаты съезда. Об этом пнсали газеты. Но своим глупым умом я поияла нз всего этого лишь одио: раиьше у крестьяинна брали разверстку, это ему было тяжело. Теперь у иего будут брать налог, теперь ему будет легче. А все остальиое, казалось мне, да и не мие одной, останется по-прежиему.

И вот...

Известный русскнй историк Васнлнй Осипповнч Ключевскнй уподобил переломиые моменты нстории буре, во время которой листья деревьев поворачиваются нзиаикой. Так же иа переломах исторни поворачивается иародная жизнь — н люди иачинают вндеть и поиимать то, чего раньше оии ие виделн н не понимали.

Нечто похожее произошло в иачале иэпа. И откуда все это вылезло, откуда иаползло?

Ну, была раиьше «Сухаревка», знамеиитая иа всю Россию «Сухаревка», живучая и иеистребимая «Сухаревка». Ее запрещали декретами, по ией молотилн облавами, ио толку от всего этого было ие больше, чем от попыток перерезать кнсель бритвой: сколько ни режь, хоть вдоль, хоть поперек, ои все равно сойдется, как ни в чем не бывало.

Еще почти ие были издаиы закоиы, устанавлнвающие новые порядкн; еще ие сложилось иазваине этнх порядков — «иовая экоиомическая политика»; в русский язык ие вошло еще иовое слово «НЭП», а уже, словно перестоявшаяся опара из квашнн, нзо всех щелей стали выпирать торговцы, спекуляиты, дельцы, подрядчнкн, валютчикн, комиссноиеры, ареидаторы, перекупщики, зиавшне только одии девнз: «Рви!»

Уже гремел во всю глотку новый жаргои: «Сорвал... Спекульиул... Два лнмоиа... Пятьсот косых... Три лн-

монарда... Частно договоримся... Переиначеиный на отечественный лад — «Копитал».

Уже Ильинка кишела толпой, в которой только и слышалось:

— Даю фраики, беру доллары...

— Делаю турецкие лиры, делаю турецкие лиры...

— Продаю...

— Покупаю...

— Желаете приобрести кибрики? Три вагоиа кибриков!

.

— А что это такое — кибрики?

— Я знаю? Мие предложили — и я предлагаю...

Уже на страницах газет, иаших советских газет, появились объявлеиия всяческих коитор и артелей — «Труженик», «Сеятель», «Самоход», «Помощник»,— а то и просто каких-то Зайчиковых, Губоиииых, Маиделей, Агафуровых, Прасоловых, которые покупают и продают все на свете: моторы, бутылки, зубоврачебные кресла, сахарии, дииамо-машииы, каустическую соду, телефоиные аппараты, «Все для хозяек», мыло «Ноблесс», резиновые камеры, старые галоши, иеотрывающиеся пуговицы «Радость холостяка», граммофонные пластинки — перечеиь можио продолжить до бескоиечиости.

Некоторые объявлеиия прелестны. Например:

«ИЗБАВИЛСЯ!! От мышей, крыс, клопов, тараканов, мозолей, пота, бородавок и прочих паразитов, употребляя продукты Глика!!!» (К этому — рисунок, изображающий весело пляшущего человечка в цилиндре.)

Или этакий набор:

«ПИВО! Долгоруковский пивовареиный завод. Крепость и качество ПИВА довоеиного времеии».

«Кориеев и Горшанов и К°. ПИВО! Крепость и качество ПИВА ВЫШЕ ДОВОЕННОГО!»

«Завод «Новая Бавария». ПИВО по качеству и крепости НЕ УСТУПАЕТ ЗАГРАНИЧНОМУ!»

Ну, чем не Америка?

2

«Приди ко мне, брате, в Москов!»,— как иекогда звала стариниая летопись.— Приди и «обозри очима

свонмн семо н овамо по обе страны Москвы рекн и за Неглинною», взглянн на нэповскую Москву, на общнй ее облнк, на быт, унесенный волною временн. Давай пройдем хотя бы от нынешней Комсомольской площадн по нынешнм улнцам Кнрова н Горького до нынешней площадн Пушкина. Но совершнм этот путь не в первые месяцы нэпа, а попозже, этак через год-полтора.

Комсомольская площадь тогда называлась Каланчевской. Как н теперь, на ней было трн вокзала, но здание Казанского вокзала, начавшее строиться накануне первой мировой войны, было еще недостроено и обнесено лесамн. Не было лишь большого дома у въезда в нынешнюю Русаковскую улнцу, названную так в память председателя Сокольннчьего Совета (нменно Сокольннчьего, а не Сокольнического, как говорят теперь) доктора Ивана Васильевича Русакова, делегата Десятого съезда партнн, поехавшего под Кронштадт для организацни медницнской службы н убнтого уже после подавленія мятежа, в то время когда он обходил палаты раненых мятежников.

Но еслн по архитектуре Каланчевская площадь мало отлнчалась от нынешней Комсомольской, то во всем остальном она была настолько другой, что трудно представнть себе, что это та же площадь. Мощенная булыжником, вся в ямах н выбоннах, заплеванная, грязная, день н ночь она была запружена шумной толпой, ручными тележками, салазкамн, саночками, пролеткамн, на козлах которых восседалн нзвозчнкн в помятых цнлиндрах н шнрокнх кафтанах, перетянутых чеканнымн поясамн. Все это вопило, галдело, хватало мешки, шарахалось от вокзала к вокзалу нлн же устремлялось к пролетам под железнодорожным мостом, а оттуда — на «Сухаревку» нли к Красным воротам.

Уже у вокзала начинался торг, пока больше «с рук». Чем блнже к «Сухаревке», тем он становился гуще, крикливей, многолюднее. У Красных ворот (там, действнтельно, тогда стояли ворота — выкрашенное в красное сооруженне в стиле барокко; хотя я читала где-то, что это был памятник какого-то там зодчества, но ничего, кроме ощущения нелепостн, оно во мне ннкогда не вызывало), у этнх Красных ворот открывалось как бы преддверне «Сухаревкн» — сухаревское «Монте-Карло»: вдоль тротуаров былн установлены столнкн для

игры в рулетку, и доморощеииые крупье, вертя в руке шарик, зазывали то вроде бы по-фраицузски: «Па-а-жалте в рожеиуар!», а то попросту по-иижегородски: «Вот без обмаиа, без обмаиа... Сам бери, сам пускай, сам и деиьги получай!»

Ну а дальше иачииалось поистиие столпотвореиие, цеитром которого была Сухарева башия, вполие достойио замеиявшая Вавилоискую. Сплошиой волиой, плечо к плечу, образовывая заторы и водовороты, кружа по ему только ведомому кругу, двигалось оголтелое человеческое месиво, горластое, орущее, ругающееся, лузгающее семечки, помииающее бога, черта, родителей и пресвятителей. Не поймешь, кто тут продает, кто покупает, иесть числа и счета ларькам, лоткам, палаткам, саикам, ящикам, стульям, табуреткам, суидукам, кошелкам, корзииам, кузовам, образующим торговые ряды. Каждый иаперебой выкрикивает свой товар: «А вот колбасы своего припасу!», «Спички есть! Спички!», «Кавказская медовая халва, прямо мед, клади в рот, сам бы ел, да хозяии ие велел». «Булки, белые булки!» — верещит баба в цветастом платке и полукафтаичике: булки у иее лежат в корзиие, покрыты холстом, а поверх холста положеиа булка «для щупа»; пощупав ее, покупатель может позиакомиться с качеством товара.

Чего и кого только иет здесь, в этой сухаревской галактике! Баба с курицей, рядом дама со стариииой камеей. Мяукают продажиые котята, в жаровие шкворчит колбаса. Идет — покупает, ие прицеииваясь, удачливый хапуга, пьяиый от шалых деиег. Одетый в иемыслимое тряпье мальчишка, приплясывая в сиежиой жиже босыми иогами, запеваёт зиамеиитого «Цыплеика»:

Цыпленок дутый, в лаптях обутый,
пошел иа рыиок погулять,
его поймалн, арестовали,
велели пачпорт показать...

Я ие кадетский, я ие советский,
Я ие иародиый комнссар.
Ах, я курниый, я петушиный,
Цыпленки тоже хочут жить!..

Но как мы попали иа Сухаревку? Нам ие сюда...

Миновав Красные ворота, мы выходим иа Мясиицкую улицу, иыие улицу Кирова. Чем оиа отличается от

сегодняшней? Мостовая была булыжная. Посреди проходнл трамвайный путь, четыре ниткн рельс! Как они помещалнсь? Убей меня бог, не пойму! Не было дома Мннистерства торговлн. Не было застекленного дома нз розовато-лнлового гранита, построенного Корбюзье. По замыслу архнтектора дом этот стоял на колоннах (теперь пространства между ннми зашнты), за что и был прозван «Корбюзье на курьнх ножках».

Что ж еще? Какой-то дом на месте нынешней станции метро. Снесенная потом церковь, вылезающая на проезжую часть, напротив Армянского переулка. Две вегетарианских столовых в самой горловине Мясннцкой, одна подле другой, носящне страннейшне названия: «Убеднсь» н «Примнрнсь». И снова церковь на самом углу, чуть лн не через весь людный перекресток.

Вот, пожалуй, н все. Ну, еще вывескн другне. Перемен как будто бы не так уж много. Но я сижу н думаю: почему же мне кажется, что я забыла о чем-то очень важном?

Поняла! Ведь в тогдашней Москве Мясннцкая улица была самой «европейской», самой «американской», самой «небоскребной». Ее так и называли: «Московское Ситн». Когда роднлась кинематография, на ней снималн картнны типа «Убийство банкнра», «В джунглях Уолл-стрнта». Где-то под спудом сознания она и осталась такой — сейфовой, банковой, небоскребно-ньюйоркской, а сегодня я внжу слншком узкую, слишком тесную, бесснстемно застроенную улицу с невысокнмн домамн.

Мы с Мясницкой улнцы выходим на Лубянскую площадь. Тут уж, как рекомендовала летопись, прндется посмотреть очамн «семо и овамо».

В нашн днн эта площадь стала много просторнее, чем была тогда. На месте ннкогда не бившего фонтана высится памятнпк Дзержинскому. Там, где был Голофтеевскнй пассаж, выстроено здание «Детского мира». Снесена Кнтайгородская стена, тянувшаяся вверх от «Метрополя», а на углу Лубянской площадн — сворачнвавшая налево и мнмо Ильннских ворот спускавшаяся вниз к Варварке — нынешней улнце Разина, занимая массу места и загоражнвая дома на Старой и Но-

вой площади. Не стало прилепившихся к этой стене ларей и палаток букинистов. Но теснятся продавцы пирожков, леденцов, резиновых чертиков «Уйди-уйди!»

А главное — нет трамваев, нет круговерти трамвайных путей, опоясывавших, переплетавших и пересекавших Лубянскую площадь кругом, вдоль и поперек.

Только по одной из впадающих в нее улиц — по Малой Лубянке — не ходил трамвай. Но зато на шести остальных...

Трамваи скатывались со стороны Сретенки и Мясницкой, лихо огибали площадь и, громыхая на пересечениях путей, неслись вниз, к Театральной площади и к Варварке. Стиснувшие зубы вагоновожатые, расчищая перчаткой заиндевевшие смотровые стекла, как молотком по гвоздю, били ногой по шляпке ножного звонка. Стрелочницы, еле поворачиваясь в своих овчинных шубах, железным ломом переводили стрелки и регулировали движение, размахивая красными и зелеными флажками или фонарями.

Трамвайные пути сбегают вниз, к Театральной площади — она уже носит имя Свердлова. Но туда же с Неглинной сворачивают еще две линии путей, чтоб, обогнув Малый театр, повернуть к Большому, а оттуда — на Воскресенскую площадь, нынешнюю площадь Революции. В итоге между «Метрополем» и Малым театром блестят восемь ниток трамвайных рельс. Случается, что по всем путям трамваи идут одновременно — и тогда четыре состава движутся параллельно друг другу: один — направо, второй — налево, третий — снова направо, четвертый — снова налево.

7

И вот мы в центре Москвы, перед высоким зданием Дома союзов.

— Высоким? — удивитесь вы.

Да, высоким! Ибо на фоне того, что было рядом с ним, оно действительно казалось высоким. И даже очень высоким.

Что же было?

Был Охотный ряд — извозчичьи дворы и трактиры на месте, где сейчас стоит дом Совета Министров,

распялившаяся чуть ли ие посередиие улицы церковь Параскевы Пятницы, а на углу Тверской двухэтажиая гостиница с иеожидаииым для такого аитуража иазваиием «Париж»; серая часовня с иепомерио большим крестом напротив «Нациоиаля», построенная охотнорядскими купцами в благую память о бывшем здесь когда-то Моисеевском монастыре; и, иаконец, сам «ряд» — иа месте теперешней гостииицы «Москва» — двойиая линия заиимающих иижиие этажи вросших в землю камеиных домишек мясиых, колбасиых, сыриых, молочиых, овощиых лавок и деревяииых ларьков, выстроившихся сплошиой стеиой у кромки тротуара, лицом к лавкам, задом к улице.

А перед ларьками и лавками прохаживаются, притоптывают приказчики в синих поддевках и малиновых кушаках; стоят перед лавками бочки квашеиой капусты и солеиых огурцов; висят в лавках на железиых крючьях свииые окорока и бараньи тушки; лежат в лавках на цииковых стойках, в лужах застывшей крови, телячьи головы и парúая говядина, сверкают в лавках прозрачиым золотом астрахаиские балыки.

Что Сухаревка? Требуха, обжорка... А здесь ие еда, а сиедь — выхолеииая, выхожеиная, взлелеяиная. Здесь ежели сыр, то со слезой; если икра, так жемчугом, ежели ветчииа, то розовей атласа.

И опять не поймешь, откуда же все это в нищей, голодиой, кровоточащей страие? Где, в каких щелях прятались все эти годы вот этот вот выжига купец, пощелкивающий косточками счетов, или же это идолище с заплывшими жиром глазами, посверкивающими в сумраке лавки?

Прочь, прочь отсюда, от этого крика, давки, толкотии, от заплесиевелых бочек, от запаха коиской мочи и сухой паленой крови, от мясиых туш и людского скотства!

С трудом мы протискиваемся через толпу. И вот мы на углу узкой Тверской, которая иачинается не там, где теперешняя улица Горького, а от Воскресенской площади. И здесь тоже, куда ни кинешь взгляд, все тот же кипящий торг — с ручиых лотков, просто с рук, из-под полы. Но в глубиие площади видеи синий купол, сверкающий золотыми звездами, слышится благостное пение. Там, перегородив путь к Красиой площади, под иадписью «РЕЛИГИЯ — ОПИУМ ДЛЯ НАРОДА», которую Революция иачертала иа стеие бывшей городской

думы, мерцает оранжевым светом лампад и паникадил часовия Иверской божьей матери.

Время от времен — это случается нечасто — из часовии Иверской богоматери выходит процессия попов, кликуш, богомолок. В центре ее повозка, на которой под парчовыми ризами лежит она — «матушка», «заступница». Это по заказу «болящего» или же угодившего в «чрезвычайку» купца совершается «выос» знаменитой иконы для служения молебна. В какой же хвост мильонных июлей обходится это «сыиам» и «дочерям» церкви Христовой? Впрочем, тут едва ли платят «совецкими», тут в ходу царские, да и то, наверно, не ассигнации, а золотые империалы и полуимперналы.

За Иверской — Красная площадь. Но наш путь сегодня лежит не туда, а на кривую, горбатую Тверскую, которая, начавшись у Охотного, круто поднимается к зданию Московского Совета (тогда он был на одни этаж ниже, чем теперь), минует Страстную площадь и кончается у Садово-Триумфальной, переделанной трамвайными кондукторшами в «Трухмальную».

Пусть тротуары Тверской узки и щербаты, пусть она скудно освещена слабыми, мигающими фонарями, пусть по ней не проносятся автомобили, а плетутся извозчики и лишь изредка промелькнет лихач на дутых шинах, пусть одни дома ее, как и во времена, когда ее описывал Белинский, выбежали на несколько шагов на улицу, как будто для того, чтобы посмотреть, что делается на ней, а другие отбежали на несколько шагов назад, как будто из спесн или из скромности, смотря по наружности. Пусть все это так — все равно Тверская и прилегающие к ней улицы влекут к себе «стиляг» того времени, одетых в широченные, падающие книзу колоколом брюки, кургузые пиджачки, плоские каскеточки и ботинки с курносыми носами, называемые «бульдог».

Здесь в подвальчиках и полуподвальчиках расположены увеселительные заведения — «Коробочки», «Бомбоньерки», «Паласы», «Труфальдино», «Кривой Джимми», которые завлекают к себе афишами: «Ради в постели», «Ко всем чертям», «Кулисы души», «Сплошной скандал», «Мефистофель в интересном положении», «Потерялн панталоны». Воняет потом, пылью, пудрой. Дешевые проститутки выламываются под дорогих кокоток. Присяжный комик, дрыгая ногами, откалбучивает куплеты вроде: «Мие политики не надо, надоела хуже ада» и, как естественное развитие темы,—

«Ах, дамы, дамы, всегда мы с вамн, а потом болнть...»

Из-за стекляиной двери доносятся взвизгивающая музыка «Ойры», сквозь запотевшне стекла видим кадки с пальмами и покрытые крахмальиымн скатертямн столнки, снуют официанты, мелькают подносы, сверкают бокалы н люстры.

Здесь иэп жрет.

Он жрет истово, жрет иеистово, хватает, глотает, давится, иа блии мажет масло, на масло икру, иа икру осетрнну, иа осетрнну бужеинну, сверху сыр и, пропустив рюмочку, отправляет всю гору в рот. Жрет, как должен жрать тот, чей девнз: «Рви н жрн!»

Тут между Читателем н Автором может возиикиуть такой разговор:

Читатель. Вы прнгласили меия: «Приди, погляди на иэповскую Москву». Зачем это было нужно?

Автор. Чтоб вы увидели хари, которые завладели бы Россней, если б победнл всероснйскнй Кронштадт.

Читатель. И я увндел иэп?

Автор. Да, иэп.

Читатель. В чем же суть этого показаиного вамн нэпа?

Автор. В том, что он — ие нэп.

Читатель. ???

Автор. Помиите ли вы замечаиие, которое сделал Ленин, когда размышлял иад учением Гегеля о сущности?

«...иесуществеиное, кажущееся, поверхностное чаще нсчезает, ие так «плотно» держится, не так «крепко сндит», как «сущиость»,— пнсал Леннн.— Hetwa [1]: двнженне реки — пена сверху н глубокне течеиня винзу. *Но и пена* есть выражеине сущностн!»

Тот нэп, который мы видели, был пеиой, чернойпеной. Что же касается сущиости иэпа, его глубиниых движеиий...

8

— ...эта сущность заключена в отношеииях, в которых находятся между собой рабочнй класс и крестьянство,— сказал Леннн.

[1] Примерно.— *Ред.*

И перефразируя любимые им слова Дантона — «Смелость, смелость и еще раз смелость!»,— добавил:

— Имеино так, рабочий класс и крестьянство, крестьянство и еще раз крестьянство!

Три месяца тому назад со всей отчетливостью выявилось, что форма отношений этих двух классов, определяющих судьбу нашей революции, нуждается в глубоком пересмотре. В чем должен был состоять этот пересмотр? По какой линии его провести? Каким образом его осуществить? Если в октябре семнадцатого года, когда дело шло о завоевании политической власти, имелся опыт Парижской коммуны, то для задачи, властно требовавшей сейчас своего немедленного решения, позади был только один опыт: гибель революций, в которых городские низы не нашли общего языка с крестьянством.

Ленин искал, думал, советовался с товарищами, вызывал к себе работников с мест, подолгу беседовал с ходоками из самых глухих деревень. При всей его исключительной способности к анализу и обобщению искомое решение, особенно если припомнить условия, в которых происходил поиск, могло быть найдено только ценой громадных усилий.

Среди дошедших до нас бумаг Ленина, относящихся, правда, к более раннему периоду, чем тот, о котором идет сейчас речь, сохранилась запись, сделанная им для самого себя. Эта запись как бы приоткрывает тайник, в котором родится ленинская мысль и позволяет нам увидеть последовательные ступени, ведущие ее от зарождения до полного развития.

«Сначала *мелькают* впечатления,— так начинает Ленин эту запись,

затем выделяется *нечто*,—

потом развиваются понятия *качества* # (определения вещи или явления) и *количества*.

Затем изучение и размышление направляют мысль к познанию тождества — различия — основы — сущности versus [1] явления,— причинности etc.

Все эти моменты (шаги, ступени, процессы) познания направляются от субъекта к объекту,

проверяясь практикой и приходя через эту проверку к истине».

«Приходя через эту проверку к истине...»

---

[1] Против (лат.). – *Ред.*

Разбивка ленинской записи на абзацы сделана мной.— *Е. Д.*

И тут великолепную последовательность ленинской мысли хочется продолжить признаниями другого гения:

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге.
Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.

Плывет. Куда ж нам плыть?..

Это сближение Ленина с Пушкиным на первый взгляд может показаться неожиданным, по сути своей оно абсолютно закономерно. Во всяком случае для меня. Ибо я вижу перед собою Ленина, каким он был в месяцы поворота к новой экономической политике, вижу блеск его глаз, легкость стремительных движений, какую-то удивительную наполненность интеллекта. Если б надо было в одном слове выразить то душевное состояние, которое в нем чувствовалось и которое передавалось от него окружающим, этим словом было бы вдохновение.

Да, вдохновение! То вдохновение, о котором Пушкин говорил, что оно нужно в геометрии, как и в поэзии. Ибо вдохновение владело Лениным, когда, глядя в лицо самой горькой правде, он бесстрашно призвал партию и народ к отступлению, уверенный, что благодаря этому отступлению Россия — тогдашняя Россия, напоминавшая ему человека, избитого до полусмерти,— эта Россия вырвется из клещей тягчайшего кризиса и достигнет вершин социалистического процветания. Ибо вдохновение водило его рукой, когда он писал в ответ на предостережения о скалах, рифах и подводных камнях на пути его корабля:

> «Не опасно ли это отступление? Не усиливает ли оно врага? «Das Element des Krieges ist die Gefahr» — «Стихия войны есть опасность». Да, опасно. Да, усиливает. Но всякая иная стратегия не только усилит врага, *но даст ему победу...*
>
> Пессимизм или оптимизм?
>
> Учет сил. Трезвость и бешеная страстность».

Длинный темноватый зал. На трибуне Ленин.

— Нам надо,— говорит он,— согласно нашему миросозерцанию, нашему революционному опыту в тече-

ние десятилетий, урокам нашей революции, ставить вопросы прямиком...

В речах и статьях этого периода он особенно упорно и настойчиво требует «ставить вопросы прямиком», «не закрывать глаза», «говорить начистоту», «называть вещи своими именами», «уметь признать зло безбоязненно». С гневом обрушивается он на людей, которые «под политикой понимают мелкие приемы, сводящиеся иногда чуть ли не к обману». Такие люди, говорит он, «должны встречать в нашей среде самое решительное осуждение... Классы обмануть нельзя».

Так, прямиком и начистоту, ведет он разговор с партийным съездом и со съездом транспортных рабочих, с собранием секретарей партийных ячеек Московской организации и с участниками подавления Кронштадтского мятежа, с руководителями крупнейших советских и партийных органов и с рядовыми тружениками города и деревни.

На каком собрании он ни выступает, едва он начинает говорить, слышится шуршание бумаги, скрип карандашей, треск вырываемых из тетрадей и блокнотов листов — и со всех концов зала к трибуне, к Ленину бегут записки, которые вырастают в гору, белеющую перед ним на пюпитре. Никогда, наверно, Ленин не получал столько записок, как тогда, во время перехода к новой экономической политике. «Вы, таким образом, открываете настежь двери для развития буржуазии, мелкой промышленности и для развития капиталистических отношений»,— читает он в одной записке. «Я, товарищ Ленин, человек деревенский, из лаптя вырос, полагаю, что устремление ваше правильное»,— читает он в другой. «То, что вы предлагаете, есть отступление на позиции буржуазной революции. Но тогда надо прямо признать, что в Октябре мы сделали ошибку»,— утверждает автор третьей. «Да разве ж, товарищ Ленин, для того мы кровь проливали, для того Перекоп брали, чтоб власть обратно отошла к кулаку да к буржую?»,— с отчаянием спрашивает четвертый.

Порой этих записок так много, что ответы на них занимают большую часть выступления Ленина — и тогда между собранием и Лениным возникает примерно такой диалог.

З а п и с к а. Товарищ Ленин! Раньше ваша политика

была другая н вы счнталн ее правнльной, а теперь считаете правнльной эту. Как же это так получается?

Л е н н н. Вы ошибаетесь: ту полнтику, которую мы сейчас начинаем проводить, мы наметнлн еще весной 1918 года. Три года тому назад! В первые месяцы большевнстской победы! Но начавшаяся гражданская война заставила нас от нее отойтн. В нашей политнке было много от вынужденной необходнмости: мы жнлн до снх пор в условиях такой бешеной, неслыханно тяжелой войны, когда ннчего, кроме как действня повоенному, нам не оставалось н в областн экономнческой. Но дальше на той политике, которую мы проводилн во время войны, держаться нельзя.

З а п н с к а. Почему Советская власть, которая является днктатурой пролетарната, пошла вдруг по путн уступок?

Л е н н н. Потому, что крестьянство формой отношений, которая у нас с ним установнлась, недовольно... Мы с этнм должны считаться... Мы должны сказать крестьянам: «Хотнте вы назад ндтн, хотнте вы реставрнровать частную собственность и свободную торговлю целиком,— тогда это значит скатываться под власть помещнков н капнталнстов неминуемо н неизбежно... Давайте же разбнрать. Расчет ли крестьянству расходнться с пролетарнатом так, чтобы покатнться назад — и позволнть стране откатываться — до властн капнталнстов и помещнков, нлн не расчет?» Мы думаем, что еслн рассчнтывать правнльно, то прн всей сознаваемой глубокой рознн экономнческнх ннтересов пролетарната н мелкого земледельца расчет будет в нашу пользу.

З а п н с к а. Как вы теперь оценнваете резолюции Девятого съезда партнн, обещавшие переход к коммуннзму в ближайшем же будущем?

Л е н н н. Резолюцня Девятого съезда предполагала, что наше движение будет ндтн по прямой лнннн. Оказалось, как оказывалось постоянно во всей нсторин революцнй, что двнжение пошло знгзагамн. И только соглашенне с крестьянством может спастн социалнстнческую революцню в Росснн, пока не наступнла революцня в других странах.

З а п и с к а. Выходнт, что коммунистическая Советская власть способствует развнтню свободной торговлн? Разве свобода торговлн не ведет к развитню капнталнзма в деревне? И как удержать власть рабочего класса прн развнтнн капнталнзма?

Ленин. Свобода торговли, безусловно, означает: назад к капитализму. Но можно ли в известной степени восстановить свободу торговли, свободу капитализма для мелких земледельцев, не подрывая этим самым корней политической власти пролетариата? Можно ли это? Можно, ибо вопрос — в мере. Если бы мы оказались в состоянии получить хотя бы небольшое количество товаров и держали бы их в руках государства, в руках имеющего политическую власть пролетариата, и могли бы пустить эти товары в оборот,— мы бы как государство к политической власти своей прибавили экономическую власть.

Записка. И все-таки, товарищ Ленин, я не согласен! Я считаю, что мы должны лучше еще потерпеть, но не идти на уступки капиталу.

Ленин. Нет, терпеть так дальше мы не можем. У нас нужда отчаянная, всюду голод и нищета. Надо только, чтобы чуточку облегчилось положение. Нам необходим год или два отдыха от голода, не меньше. С точки зрения истории это ничтожный срок, а в наших условиях это срок большой. Год или два отдыха от голода, год или два правильного снабжения топливом, чтобы фабрики работали...

Записка. Товарищ Ленин, ответьте, пожалуйста, разве не страшен для социализма «индивидуализм» крестьянина?

Ленин. Мерило тут — электрификация. *Если* электрификация через 10—20 лет, ни капли не страшен индивидуализм мелкого земледельца и свободная торговля *его* в местном обороте. *Если* не электрификация, *все равно* неизбежен возврат к капитализму. Вообще же 10—20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспечения победа в всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут), иначе 20—40 лет мучений белогвардейского террора.

Aut — aut. Tertium non datur [1].

Записка. Энгельс в работе «Крестьянская война в Германии» пишет: «Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер,

[1] Или — или. Третьего не дано (лат.).— *Ред.*

обеспечивающих это господство». Не считаете ли вы, что это произошло в иашей революции?

Л е и и н. На Эигельса ссылаетесь зря. Зряшная ссылка, если ие хуже еще, чем зряшиая. Пахиет доктриерством. Похоже на отчаяние. А нам отчаиваться либо смешио, либо позорио.

Российский пролетариат подиялся в своей революции на гигаитскую высоту ие только по сравиеиию с 1789 и 1793 годами, ио и по сравиению с 1871 годом. В четыре года мы очистились от иавоза, накопившегося за четыре столетия. И сейчас нужиы ие иытье, ие отчаяние, а дисциплина трудовая, повышение производительиости труда, увеличеиие количества продуктов, беспощадная борьба с разгильдяйством и бюрократизмом.

Сим победиши.

З а п и с к а. Не приведет ли этот поворот к гибели Советской власти от мелкобуржуазиой стихии?

Л е и и н. Нисколько не закрывая глаз иа опасиость, ни капельки ие впадая в какой-либо оптимизм, говоря прямо себе и своим товарищам, что опасиость велика, мы в то же время твердо и увереино рассчитываем на сплочеиность авангарда пролетариата... Мы уверены, что из опыта борьбы, из тяжелого опыта революции эта сила вышла достаточно закалениой, чтобы всем тяжелым испытаииям и иовым трудностям противостоять. И иа вопрос, пессимизм или оптимизм, мы отвечаем: трезвейшая оцеика зла и трудности, бешеиая страстиость и беззаветиость в борьбе — вот в чем залог победы нашей революции!

В каждый период своей борьбы иаша партия находила крылатое слово, предельио точно выражавшее главиое и осиовиое в задачах, которые она должиа была решить. Чаще всего эти слова рождались в речах и выступлениях Лениа.

При переходе к иэпу такими словами стали: «едиистство» — для партии, «всерьез и иадолго» — для иовой экоиомической политики, «смычка» — для отиошеиий между рабочим классом и крестьянством.

9

Поражает иителлектуальная иаполиеииость, которая чувствуется в Ленине в любой деиь и час этих труднейших месяцев. Он весь — движеиие мысли. Во вся-

ком вопросе иаходит тысячи самых иеожидаииых аспектов. Незиачительиый иа первый взгляд повод превращает в исходиый пуикт для обобщений огромиого размаха и глубииы.

Вот ои пришел иа Всероссийский съезд траиспортиых рабочих, увидел стоящий в углу запылеииый плакат с иадписью: «Царству рабочих и крестьяи не будет конца». Тут же ои отказывается от того плаиа речи, что был им задуман, и произиосит другую речь, речь от первого и до последиего слова связаиную с этой иадписью: о классовых силах, борьба которых определяет судьбу Советской власти, о политическом положеиии в стране, об отиошеииях между городом и деревией, между рабочим классом и крестьяиством, о междуиародиом положении — и каждая мысль этой речи тем или иным поворотом подводит к тому, насколько абсурдна и нелепа самая идея «царства рабочих и крестьян», которому к тому же «ие будет коица».

Он выступает по какому-либо коикретному вопросу, например о профсоюзах. Не о «профсоюзах вообще», а о наших коикретиых профсоюзах, живущих и действующих в коикретной обстаиовке того времеии. Но взгляиите иа примечания к этому выступлению в Собрании его сочииеиий. Вы прочтете: «В. И. Ленин имеет в виду киигу Гегеля: «Wissenschaft der Logik» Band IV. I. Theil. Die objektive Logik. II. Abtheilung: Die Lehre vom Wesen»[1]. Дальше вы сиова прочтете: «В. И. Лении, по-видимому, имеет в виду следующее место у Гегеля: «Мысль ие должиа оставаться отвлечеииою и пустою: в этом случае оиа будет разрывать содержаиие истииы; — иапротив, оиа должиа сделаться конкретиою мыслью, т. е. зиаиием, проиикающим в сущиость вещей (см. Гегель. «Философия духа»)».

И это, повторяю, по вопросу о работе профсоюзов!

Недаром так часто в его речах и статьях мы встречаем упомииания о теории: «Теоретически говоря...», «Мы все, кто учился хотя бы азбуке марксизма...», «Это теоретически мыслимо...», «Это мы прекрасно знаем теоретически...» — все это сказаио в пределах двух-трех страиниц печатного текста.

Нужио было абсолютное владеиие методом материалистической диалектики, чтоб выдвинуть рассчитан-

[1] «Наука логики». Первая часть. Объективиая логика. Книга вторая. Учеиие о сущиости.— *Ред.*

ный на годы план превращения частного товарного хозяйства в «костыли», опираясь на которые избитая до полусмерти Россия вылезет из нужды и нищеты. И нужна была столь же абсолютная убежденность в непогрешимости этого метода для анализа настоящего и прозрения будущего, чтобы уверенно сказать: «Капитализм нам не страшен, поскольку пролетариат твердо держит в своих руках власть, транспорт и крупную промышленность и сумеет своим контролем направить его в русло государственного капитализма. При этих условиях капитализм поможет в борьбе с бюрократизмом и распыленностью мелкого производителя. Мы знаем, чего хотим, потому мы победим».

10

А рядом с величественным зданием теории — вечно зеленое дерево жизни.

Практика, практика, практика! «Практика должна показать», «Как это сделать — вопрос практики», «Вы скажете, что это неопределенно. Да, и надо, чтобы это было до известной степени неопределенно. Почему это надо? Потому что, чтобы было вполне определенно, надо до конца знать, что мы сделаем на весь год. Кто это знает? Никто не знает и знать не может».

Переход к новой экономической политике требует от пролетарского государства сложных мер — «целой системы сложных переходных мер»,— говорит Ленин. Надо приспособиться к экономическим условиям мелкого хозяина и так рассчитывать при этом общегосударственное хозяйство, чтобы обеспечить как можно более быстрое развитие крупной социалистической промышленности, а для этого — точно и строго взвешивать каждый шаг, охватывать общее и частное, единым взором видеть всю Россию со всеми противоречиями ее жизни, и в то же время не упускать из поля зрения ни одну песчинку.

Превратить в могучую социалистическую державу страну, окруженную врагами, раздробленную на миллионы крестьянских хозяйств, нищую, истекшую кровью, с мертвыми в тот час заводами, еле тепляющимися железными дорогами, с доведенными до изнеможения рабочими, которые не могут работать — так они истощены, так переутомлены,— расшевелить

массы, заинтересовать каждого в судьбе его государства, добиться, чтобы все станки завертелись, чтобы все заброшенные поля зазеленели, чтобы все мертвое стало живым,— задача пограндиознее победы под Кронштадтом!

Для Ленина решение этой задачи означает работу, снова работу и еще тысячу раз работу. И он бросается в эту работу с присущей ему бешеной энергией и неутомимостью, внося в решение каждого вопроса свой огромный политический такт, точный практический глазомер и тонкое ощущение действительности.

Десятый съезд партии одобрил в основном внесенные ЦК положения о замене разверстки натуральным налогом. В основном — «слово очень многоречивое и многозначащее», заметил в своем докладе на съезде Ленин. Теперь это «многоречивое и многозначащее» слово предстояло претворить в закон и в то, что Г. М. Кржижановский удачно назвал «стремительной практикой».

Этой работой Ленин занят весной и летом двадцать первого года. Вслед за партийным съездом принят декрет о переходе к налогу и подписанное Лениным, Калининым и всеми народными комиссарами обращение к крестьянству. Затем разработан ряд уточняющих декретов и инструкций по поводу налога. Потом, когда вопросы сельского хозяйства были в основе решены, пришла пора вплотную взяться за промышленность.

Весна и лето двадцать первого года проходили под знаком отступления по всему экономическому фронту.

Отступление — вещь тяжелая. Тяжелая и опасная. Клаузевиц, чей ум так уважал Ленин, считал момент перехода армии в оборону или в отступление самым грозным и опасным моментом войны. Даже когда силы наступающего исчерпаны, ему порой легче двигаться вперед, чем остановиться; ибо, пока он идет вперед, его поддерживают нравственные силы, свойственные преимущественно наступающему. Остановиться ему так же трудно, как трудно остановиться лошади, везущей в гору тяжело нагруженный воз.

Если таков закон для кадровых армий, то сколь сильно его действие для страны с многомиллионным, в значительной части разрозненным населением, страны, перенесшей ни с чем не соизмеримые страдания

во имя близкой победы, и в минуту, когда победа, казалось, была уже завоевана, вынужденной отступить, не зная даже, когда кончится это отступление и где пролегают его границы.

Уча партию и народ терпению, выдержке, маневру, отходу, борясь за каждую пядь, за полпяди, за четверть пяди социалистического сектора, отступая там, где нужно было отступать, и проявляя непоколебимую решительность там, где отступать было нельзя, ведя жестокую борьбу со всяческими «прожектами», не приукрашивая суровую действительность, но не падая при этом духом, Ленин спокойно и твердо отвел свою армию на новые позиции, сохранив ее боевой дух и способность к наступательным действиям.

11

Мне в то время довелось слышать Ленина дважды: на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) Москвы и Московской губернии — этот доклад его напечатан в Полном собрании сочинений — и еще на одном собрании, упоминаний о котором я нигде не нашла.

Что это было за собрание, я точно не помню. Помню, что присутствовало человек полтораста-двести. Помню, что основную массу присутствовавших составляла партийная молодежь — те, кого тогда нередко называли старинным русским словом «молодшая» часть партии. Возможно, что это было не особое собрание, а встреча Ленина с молодыми членами партии и участниками подавления Кронштадтского мятежа, устроенная после собрания секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) Москвы и Московской губернии. Помню не особенно большую, тускло освещенную комнату, невысокий помост, на нем стол, за которым сидит человек с низким лбом и шапкой жестких смоляно-черных волос. Приподняв правую бровь, он скучающе смотрит куда-то мимо зала. На нем черная суконная гимнастерка и начищенные до блеска мягкие кавказские сапоги. Стол покрыт кумачом, кумача хватает лишь на то, чтоб покрыть его поверхность, и эти начищенные сапоги видны всем.

И отчетливо, очень отчетливо помню Ленина. Помню так отчетливо потому, что впервые слышала Ленина

после всего пережитого иа кроиштадтском льду. И потому, что после этого я слышала его еще только один раз. А также и потому, что Леиии иа этом собрании не просто рассказывал о переходе к иовой экоиомической политике, но ему пришлось убеждать миогих из нас, помогал поиять и осмыслить необходимость такого перехода.

Ох, как тогда было трудио! Если даже миогие товарищи старшего поколеиия иелегко пережили этот переход — свидетельством тому преиия иа партийиых съездах и коиференциях, то особенно трудио дался ои молодым, ие зиавшим будией подполья с его терпеливой повседиевиой работой «кротов революции». Тем, для кого революция явилась в образе великолепнейшей красиогвардейской атаки иа все в старом мире — на бога, черта, дьявола, иа дворяиские гиезда и баикирские коиторы, на семь слоиов и слоников мещаиства — от первого до последнего. Кому если поэзия, так «Левый марш» или же «И пусть пространство Лобачевского летит с зиамеи иочиого Невского», ежели любовь, так та, которая «и жжет и губит», если пушкииская годовщииа, то прямые ассоциации: «Истлевает Даитесов скелет, но бароиы пока еще живы. Не оии ли теперь для поживы подиимают иа иас пистолет?»

Нашими излюблениыми словами были «абсолютио» и «прииципиальио». О чем бы ии шла речь, даже о том, чистить ли картошку или же сварить ее в муидире, говорили: «Я абсолютио согласеи» или «Я прииципиальио ие согласеи». «Торговать» в иаших глазах было почти равиосильио тому, что воровать. Правда, случалось, что раииим утром, пока еще не развидиелось, кто-нибудь отправлялся на Сухаревку, засуиув под мышку залатаииую кофту или старые брюки, и возвращался оттуда с куском хлеба или ошметком сала, ио операция протекала по формуле Т — Т, а ие Т — Д — Т и уж, во всяком случае, не Д — Т — Д+д, то самое проклятое Д+д, которое вопило иа Ильиике и Сухаревке: «Даю франки, беру доллары», рыгало в «Ампирах», гоготало в «Коробочках» и «Кривых Джимми» и о котором Леиии — подумать только — Леиии! — говорил сейчас, что иам иадо у иего учиться — и чему же? Учиться торговать!!!

Скажу «прямиком», «иазывая вещи своими имеиами»: мы, «молодшее поколеиие», иа первых порах перехода к иэпу, Леииа ие поиимали или же поиимали

очень плохо. Во всяком случае, я не понимала и, думаю, не одна только я. И тут я говорю не о понимании или непонимании всех глубин ленинской мысли, далеко уходящих связей и опосредствований, огромного и сложного диалектического единства его замыслов. Нет, я говорю о том, что лежало на самой поверхности. Я говорю, что нам не была понятна необходимость поворота, а главное — **такого** поворота. **Такой** поворот был для нас даже не только непонятен, но попросту казался нам отказом от революционной борьбы, а потому — «абсолютно недопустимым» и «принципиально неприемлемым».

Мы видели в себе поколение, которому выпала на долю величайшая историческая задача: подорвать последние устои капиталистического строя и воздвигнуть на его обломках новый мир, мир коммунизма. И хотя мы жили и работали в самой гуще народа, порой мы плохо видели мир реальных фактов и, говоря словами Герцена, больше жили в алгебре идей с ее легкими и всеобщими формулами и выводами, чем в мастерской, где трение и температура, дурной закал и раковина меняют простоту механического закона и тормозят его быстрый ход.

Теперь Ленин звал нас в этот мир фактов, в котором в качестве измерителей действуют пуды, фунты, золотники или же аршины и вершки; где у крестьянина две души: одна — собственническая, другая — трудовая; где в лабиринт жизни ведут тысячи извилистых тропинок; где на каждом шагу подстерегают опасные пороги — и, чтобы не разбиться на них, надо брать «низкие истины», каковы они есть, и беспощадно изгонять «возвышающие обманы», трезво, без иллюзий, без самообольщения учитывать действительность, готовить себя не только к победам, но и к отступлениям, не впадать в панику, уныние, неверие и «левую» истерику, приучить себя к мысли, что в великой революционной войне, которая растянется не на одно десятилетие и которая неминуемо приведет нас к полной победе, неизбежны частичные и временные поражения, порой очень тяжелые, понимать, что в каждом таком поражении заложены элементы победы, не падать духом, но сохранять спокойствие, черпая в поражениях новые силы и новую уверенность в победе. Трудности необъятны. Но наша партия привыкла бороться с необъятными трудностями.

Обо всем этом и говорил нам Ленин. Говорил прямо, резко, без утайки, без поблажек, беспощадно показывая развертывающиеся под нами пропасти и расщелины, над которыми до сих пор мы шагали, не глядя под ноги, и готовы были шагать дальше. Все в нем дышало мыслью, волей, напором. Каждое движение его плотного, крепко сбитого, ладного тела было полно энергии и жизни.

Терпеливо вникая во все наши доводы и заблуждения, Ленин как бы разматывал нитку за ниткой в запутавшемся клубке и говорил нам о том, что нэп — это не конец революции, а переход ее с третьего на четвертый курс. Что нужно учиться торговать, но неверно думать, будто впереди нас ждет только торговля. Нет, впереди есть и будет борьба, строительство, новые подвиги. И хотя то, что нам предстоит пережить в ближайшие годы, не есть последний и решительный бой, но этот бой, если смотреть на события в историческом масштабе, а не с колокольни ближайших лет, близок. Мы должны знать и помнить, что путь к коммунизму длинен и длинен, что нам предстоят многие и долгие битвы. И имено́ нашему поколению и тем, что придут вслед за нами, предстоит осмыслить пережитое в наши дни и показать народам путь к свободе.

Но вот человек, сидевший за столом, взглянул на часы, написал записку и протянул ее Ленину.

Продолжая говорить, Ленин прочел записку, сокрушенно покачал головой, закончил мысль, посмотрел на нас — на сидевшего неподалеку от меня Дауда Розита — человека с прекрасным лицом взрослого мальчика, на подавшегося вперед всем телом худенького паренька с рукой, замотанной бинтом, на девушку с блестящими, как у белки, глазами.

Кончая свою речь, Ленин сделал небольшую паузу, обвел собрание глазами и мягко сказал:

— Мужайся, молодое племя!

Слова эти принадлежат поэту-шестидесятнику Василию Курочкину. Ими он заканчивает стихотворение «Тик-так! Тик-так!», обращенное к «молодому племени», под которым каждый угадывал «молодую Россию», чья прокламация незадолго до того взволновала самые широкие круги русского общества:

Мы слышим в звуках всем понятных
Закон явлений мировых:
В природе нет шагов попятных,

Нет остановок никаких!
Мужайся, молодое племя!..

Этими словами Ленин закончил свое выступление и пока мы самозабвенно аплодировали, бережно собрал записки, сложил их в свой портфель, накинул на плечи пальто. Его спутник, идя впереди, двинулся к выходу.

Как не похожи один на другого, как диаметрально не похожи были эти два человека, что шли сейчас через зал по среднему проходу между рядами. Быстрый, подвижный, словно искрящийся Ленин с его прекрасным широким лбом, высящимся как купол храма, с его великолепно вылепленной головой, каждая линия которой свидетельствовала об огромном уме, начитанности и необыкновеннейшей даровитости ее обладателя. И тот другой — со скучающим взглядом, угрюмой походкой, с словно присыпанным пеплом серым, рябым, замкнутым, отчужденным лицом.

Обычно, как только заканчивалось собрание, тишина сменялась шумом голосов, все говорили зараз, яростно спорили, возбужденно переговаривались.

На этот раз было иначе. Слишком сильны были впечатления. За час-полтора мы повзрослели и впервые по-настоящему испытали, что это такое — глубокое проникновение в суть явлений.

Мы шли молча. Говорить не хотелось. Хотелось думать, думать, думать.

Молчание прервал чей-то вопрос: кто тот человек, что сидел за столом и ушел с собрания, идя впереди Ленина?

— Это Сталин,— сказала я.

— Сталин? «Вождь угнетенных народов»?

— Он самый,— сказала я. И все засмеялись.

Современный читатель не поймет эту сцену, да и я сама не поверила себе, когда она, выплыв из глубин небытия, возникла в моей памяти. Рассказываю я о ней только потому, что нашла неоспоримое документальное доказательство, что такой разговор действительно мог иметь место...

Доказательство это — приветствие Сталину, направленное ему совещанием представителей автономных республик, областей и губернских отделов по работе среди национальностей и напечатанное, как это я установила сейчас, в «Правде» 19 декабря двадцатого года.

В приветствии этом черным по белому было сказано: «...Наше совещание шлет Вам свой привет и уверенность, что, твердо идя по пути, *намеченному Вами,* в разрешении национального вопроса,— мы скоро придем к полному изживанию всякой национальной розни, создадим во всем мире единую братскую коммунистическую семью, которую научим ценить те *великие заслуги, которые принадлежат Вам — вождю угнетенных наций*».

Надо вспомнить весь дух и стиль той эпохи, чтобы понять, насколько чудовищно и нелепо прозвучали тогда подчеркнутые мною слова приветствия. И на ближайшем же районном партийном собрании (тогда Московская партийная организация была столь невелика, что два раза в месяц в помещении какого-нибудь театра или цирка собирались коммунисты целого района города) выступил товарищ, который, с негодованием потрясая напечатанным в газете приветствием, рассказал о том, что Сталин, бывший тогда наркомом по национальным делам, не только не выгнал тех, кто состряпал это приветствие, но сам распорядился послать его для напечатания в «Правде»!

Слушая его, собрание возмущенно гудело и постановило обратить на эту историю внимание Центрального Комитета партии, ибо «культ личности чужд марксизму».

Но вскоре вспыхнула профсоюзная дискуссия и этот эпизод как-то забылся, никто никогда о нем не вспоминал. Однако тогда, в начале двадцать первого года, он был еще свеж в памяти — и к имени Сталина нередко иронически добавляли: «Тот самый, «вождь угнетенных народов».

Посмеявшись, мы снова ушли в свои мысли.

Охваченные своими мыслями, мы не сразу обратили внимание на то странное, что происходило вокруг нас: по небу, как дым, быстро неслись низкие серо-желтые тучи. Было не по времени темно и как-то смутно и тревожно жарко. Словно невидимое огромное чудовище, распахнув пасть, дышало рядом с нами раскаленным жаром.

— Наверно, горят леса,— сказал кто-то.

Но это не горели леса. Это до Москвы донеслось из Поволжья дыхание суховея.

ЧЕРНАЯ ГОДИНА

1

Уже в двадцатом году выпало мало дождей и, говоря языком летопнсей, «бысть жары велицы и сухмень через все лето». Снова Россия, как это столько раз бывало в ее нсторнн, вступала в пору засухи, неурожая н голода.

Зима двадцатого — двадцать первого года даже в северных губерннях выдалась малоснежная. С первых дней марта начались сильные пригревы. Недаром под Кронштадтом, у кромкн льда Фннского залива, нас обступалн тревожные прнметы ранней весны: все, все предвещало, что весна наступает раньше срока. На восемь — десять — двенадцать — шестнадцать, а то и на двадцать четыре дня ранее, чем то положено, прилетели первые грачн, вылезлн зеленовато-черные весенние мухн, вскрылнсь рекн, зацвел подснежник, показались ящерицы, появнлнсь дикие пчелы, запел певчий дрозд, на осине запылнлн сережкн, начался валовой пролет водяной н болотной птнцы.

Возле Москвы к двадцатым числам марта полностью сошел снег н установнлась теплая бездождная погода.

В ннзовых губерннях Поволжья — низовыми называли тогда Татарскую республнку н Снмбирскую, Самарскую, Саратовскую, Астраханскую губернии — весна прншла тоже рано, но в первое время тепла не было, дули сильные восточные ветры, а по утрам стояли сильные туманы. Крестьяне поначалу медлили с севом, ожидая потеплення, но, не дождавшнсь, в половине апреля началн сеять.

И тут-то ударнла жара — небывалая, беспрерывно усиливающаяся. В апреле средняя температура вместо четырех градусов была выше семнадцатн, а в мае — вместо четырнадцатн около двадцатн пятн. Старикн не помннлн такой жары, такой суши. Из-за жары и бездож-

дия крестьяне не смогли закончить весенний сев и почти не посадили картофеля.

Весь апрель, весь май беспощадно палило солнце, в небе не было ни облачка, ветер гнал раскаленную пыль. Напрасно заострившиеся былки ржи и скудные перья пшеницы молили о влаге.

К концу мая хлеба стали желтеть и быстро колоситься, но, выколосившись, колос сох, как в чахотке. Жара и отсутствие дождя превратили траву в сухие былки, уныло торчащие из выжженной растрескавшейся земли. Листья деревьев свернулись и побурели. Только горькая полынь и колючий мордвинник росли как ни в чем не бывало.

В июне жара усилилась: средняя температура месяца была такой, как в Каире. Сухость воздуха была необычайной. Начались пожары. В лесных губерниях горели леса, пламя перебрасывалось с ветки на ветку — и с быстротою ветра весь лес превращался в пылающий костер, в степях огонь бежал по сухой траве. Горели и выгорали целые села.

Беда беду приводит. Засуха привела с собою большеголовую саранчу-кобылку с круглыми, невидящими глазами. А вслед за саранчой вместе с юго-восточным ветром появились помохи — так называют в Поволжье пагубную для хлебов мглу и горькую росу, которая ведет к пустоколосью.

В июле жара не стала сильнее, но дождя все не было — и засуха добила и поздние культуры. Сенокосы сгорели дотла, редкие корявые кустики проса лежали на боку, выкинув обнаженные корешки, стелившиеся по иссохшей земле.

«В тысяча девятьсот двадцать первом году,— писали в своем коллективном письме поволжские крестьяне,— на наших полях выросло только одно растение — голод».

Едва обозначилась угроза голода в Поволжье, Ленин мобилизовал все и вся, чтоб предотвратить или хотя бы ослабить надвигающееся бедствие.

Еще в ноябре двадцатого года, получив присланные ему наркомом земледелия С. П. Середой статьи профессора В. А. Михельсона, в которых тот предсказывал грядущую засуху, он писал Середе, что считает эти статьи «архиважными», необходимо их напечатать

в «Известиях» и в «Правде», сопроводив написанным Середой послесловием о практических выводах, которые надо из них сделать.

Когда ранний приход весны подтвердил прогнозы профессора Михельсона, Ленин тотчас подумал о закупке хлеба и продовольствия за границей. «Улучшение положения рабочих и крестьян абсолютно необходимо»,— телеграфировал он в Лондон ведшему там торговые переговоры Красину. Выражая опасение, что «мы зря проедим или проторгуем весь наш небольшой золотой фонд», он предупреждал Красина: «За бережливость отвечаете Вы». И давая директивы: закупить семенной картофель, немедленно произвести закупку двух миллионов пудов хлеба, «не стесняясь ценой».

Примерно в это время, весной двадцать первого года, на квартире Ленина в Кремле состоялось первое организационное собрание редакции журнала «Красная новь». Кроме Ленина на нем присутствовали Надежда Константиновна Крупская, Максим Горький и будущий редактор этого журнала Александр Константинович Воронский.

Сначала Воронский сделал краткий доклад о задачах и планах будущего журнала. Потом разговор перешел на пачку книг, которые принес с собой Горький.

Книги эти были изданы в Берлине известным в ту пору издателем Гржебиным при содействии Советского правительства. Ленин бегло их просмотрел, одобрил книгу о паровозах. Потом он взял в руки сборник древних индийских сказок, перелистал, сказал стоявшему рядом с ним Горькому:

— По-моему, это преждевременно.

— Это очень хорошие сказки,— ответил Горький.

— На это тратятся деньги,— сказал Ленин.

— Это же очень дешево,— возразил ему Горький.

— Да,— сказал Ленин,— но за это мы платим золотой валютой. В этом году у нас будет голод.

Вспоминая этот разговор, Воронский писал:

«Мне показалось тогда, что столкнулись две правды: один как бы говорил: «Не о хлебе едином жив будет человек», другой отвечал: «А если нет хлеба...» И после, находясь на стыке между художественным словом и практической работой Коммунистической партии и советских органов, я неоднократно вспоминал об этих

двух правдах, и всегда мне казалось, что вторая правда, правда Владимира Ильича, сильнее первой правды».

По рассказу М. И. Калинина, в тот год сводки о ходе весны, поступавшие Советскому правительству от Наркомзема и метеорологических станций, читались, как некогда читались сводки с фронтов гражданской войны. С каждым днем эти сводки рисовали все более безрадостную картину. К июлю окончательно выявилось, что огромная часть Советской России, и притом наиболее хлебородные губернии, поражена небывалым неурожаем и голодом.

В июле считалось, что число голодающих составляет около десяти миллионов. Однако эта страшная цифра была далека от еще более страшной действительности. Каждый месяц она разрасталась, разбухала, становилась все огромнее, все страшнее. К концу года число голодающих определялось в двадцать два миллиона, а к весне двадцать второго года — в тридцать пять миллионов.

2

К концу весны хлеб во многих волостях подобрался до корочки, и люди перешли на подножный корм. Чуть свет коровы, овцы, лошади и сами крестьяне отправлялись в лес, там, где был лес, пока держался утренний холодок, все вместе паслись одним стадом, объедая кору с молодых деревьев и выдирая из земли коренья и старые былки пересохшей травы.

Народ теснился в сельсоветах, словно здесь хранились ключи от «хлябей небесных». Жгли свечи у икон «чудотворцев», служили молебны о «ниспослании влаги», поднимали иконы, устраивали крестные ходы. Подойдя к церковной ограде, кланялись земным поклоном, а потом глубоко откидывались назад, запрокидывали голову и подолгу молились, «нашептывая небо» молитвами о дожде. Но дождя все не было и не было.

Когда надежды на урожай окончательно рухнули, стали собирать все, что было возможно. Длинен скорбный перечень того, что шло в пищу в выжженном Поволжье — неочищенные колосья, солома, лебеда, колючка, желуди, корни, опилки, глина, известь, вывет-

рившиеся кости. Все это перемалывалось или толклось в ступе и вместе с водой и добавленной «для связи» щепоткой ржаной муки вымешивалось в тесто, из которого пекли «бедовую еду» — то черные, как земля, то зеленые, как трава, горькие лепешки... У людей, которые ели эти лепешки, животы раздувались и становились багровыми.

А рядом с людьми бродила голодная скотина — с облезшей шкурой, отвислыми губами, с выступающими, как обручи на бочке, ребрами.

Пока был хоть какой-то подножный корм, скотину пытались сохранить. А потом стали забивать.

Это произошло в конце июля. С ужасом видя надвигающуюся голодную смерть, население голодных губерний, распродавая «почем зря» все, на что только нашлись покупатели, бросая то, чем никто не прельстился, целыми улицами заколачивая избы, сорвалось с насиженных мест и кинулось прочь, прочь от страшной своей судьбы. Одни бежали вверх по Волге, другие вниз, кто на запад, кто на восток. Бежали неизвестно куда, неизвестно к кому, лишь бы бежать, лишь бы найти кусок хлеба.

Среди черных, обглоданных до земли полей день и ночь непрерывной вереницей тянулись подводы, арбы, фургоны, обтянутые воловьими шкурами кибитки. Ехали со всем скарбом: тут и козленок, и собака, и новорожденный ребенок, и полуумирающие старики. Ехали на волах, на лошадях, на верблюдах, когда падала лошадь, впрягали жалких, изможденных коров или шли пешком, еле переступая распухшими ногами и отмечая пройденный путь безымянными людскими могилами и трупами павших животных.

3

В июле в Москву приехал из Лондона Леонид Борисович Красин. Главной причиной его приезда был голод в Поволжье, потребовавший полного пересмотра всех планов внешней торговли.

«Когда я... пришел к Владимиру Ильичу в его кабинет,— рассказывает Красин,— я застал его в тревожном настроении, он все время поглядывал на знойное,

раскаленное небо, очевидно, в ожидании, не появится ли наконец долгожданное дождевое облако, и много раз спрашивал меня: «А сможем ли мы закупить за границей хлеб? Пропустит ли в Россию хлеб Антанта?»

Весь наш импортный план был опрокинут, и по возвращении в Англию пришлось в больших размерах организовать закупку хлеба и семян, разумеется, за счет золотого запаса, так как вывоза у нас в то время еще почти никакого не было. Владимир Ильич лично следил чуть ли не за каждым отходящим из-за границы пароходом и буквально бомбардировал нас телеграммами и записками, настаивая сделать все возможное, чтобы скорее помочь голодающим районам».

К осени двадцать первого года Советская Россия оказалась перед огромным голодным фронтом, охватившим ее полукольцом с востока и юга. Именно фронтом.

Выражаясь военными терминами, говорил тогда М. И. Калинин, штурм для нападения на крестьянство и русский рабочий класс подготовлялся долголетней осадой. Еще в империалистическую войну сельское хозяйство было подточено и этим подготовлено было то бедствие, которое мы сейчас переживаем. Потом наступила гражданская война. По губерниям, которые голодают, прошли белые и красные армии. От всего этого слабость крестьянского хозяйства и его неспособность к сопротивлению стихийным бедствиям невероятно возросли.

Для организации помощи голодающим Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет создал ЦК Помгол — Центральную комиссию помощи голодающим, возглавляемую М. И. Калининым. Ленин заявил: Советская власть делала, делает и будет делать для помощи голодающим «все возможное и кое-что невозможное».

В середине августа М. И. Калинин выехал в Самару. Он увидел там страшную картину. «Голод в Поволжье,— телеграфировал он в Москву,— тяжелее, чем можно себе представить».

Повсюду на пристанях, прямо на голой земле, в грязи, в пыли, среди остатков погасших костров целыми деревнями валялись беженцы — взрослые и дети, живые и мертвые, люди и животные. Лишь немногие еще рвались в богатую хлебом обетованную землю. Остальные уже ничего не ждали, ни на что не надеялись. Они все

потеряли. У них не осталось ничего, кроме отчаяния и клочьев одежды на тощем теле.

В голодных деревнях завели обычай: когда родители чувствовали, что им пришла пора умирать, они «собирали» своих Грунь и Ваняток, доводили до детского приемника или исполкома и оставляли у дверей, наказав не признаваться в том, кто они, чьи они, из какой деревни.

Вот трое — два мальчика и девочка, мал мала меньше, тихие, покорные, с восковыми старческими лицами и провалившимися недетскими неморгающими глазами. Они смотрят, смотрят и молчат.

— Откуда вы, ребята?

Молчат.

— Фамилия ваша как?

Молчат.

— Из какой вы деревни?

Молчат.

— Мать, отец есть у вас?

Молчат.

— Да чего ж вы молчите?

Молчат.

— Ну, идите со мной, отведу вас в детский дом.

Ребятишки гуськом плетутся за провожающим. А позади, шагах в пятидесяти, прячась за стены, за выступы, за подъезды, крадется до жути худая женщина с почерневшим лицом, на котором живы одни только глаза,— мать этих детей, все время наблюдавшая за ними из-за угла и теперь провожающая их воспаленно-жадным взором. И когда за детьми закрывается дверь приемника, она ничком падает на землю и, протягивая нечеловечески тонкие руки, стонет: «Детушки мои... Сиротички».

4

Голод в Поволжье вновь возродил надежды тех, кто недавно потерпели поражение под Кронштадтом. Они решили использовать страшное бедствие, обрушившееся на Россию, в своих собственных далеко идущих политических целях.

Министр торговли Соединенных Штатов Америки

Герберт Гувер, выступая от имени так называемой «Американской администрации помощи» («American Relief Administration»), сокращенно именуемой ARA, через своего представителя У. Брауна предложил Советскому правительству хлеб при условии, что оно пойдет на политические уступки и допустит вмешательство США во внутренние дела Республики Советов. Американские бизнесмены, которые, чтобы сохранить высокие цены на зерно, жгли пшеницу в паровозных топках, вели гнусные торги и переторжки, оттягивая и затягивая посылку хлеба умирающим от голода, лишь бы повыгоднее сбыть ту заваль, которую они решили отправить в Россию под видом помощи.

Во французских правительственных сферах разрабатывались планы создания специального эмиссионного банка, банкноты которого должны были заменить русскую денежную валюту. Председателем созданной по решению Верховного совета Антанты Международной комиссии помощи России по борьбе с голодом был назначен один из крупнейших организаторов контрреволюционных заговоров и иностранной интервенции в России, бывший французский посол Жорж Нуланс.

«Тут игра архисложная идет,— писал в те дни Ленин.— Подлость Америки, Гувера и Совета Лиги наций сугубая».

Оживились и русские антисоветские круги. Группа «общественных деятелей», состоявшая из кадетов и околокадетов, заверяя, что она действует «только во имя человеколюбия, без каких бы то ни было политических расчетов», создала, с разрешения Советского правительства, Всероссийский комитет помощи голодающим. Руководителями этого комитета были Прокопович, Кускова, Кишкин, будто нарочно подобравшиеся так, чтобы начальные слоги их фамилий образовали выразительное слово «Прокукиш».

В особняке на Собачьей площадке, где обосновался этот самый «Кукиш», меньше всего думали о помощи голодающим. Там были озабочены другим: установлением связей с заграницей, превращением «Прокукиша» в ядро будущего правительства, которое займет место Советского.

Заграничная печать была уверена в близком падении большевиков. По страницам эмигрантских газет кочевало стихотворение Зинаиды Гиппиус: «Не нужно много шума и криков ликований, веревку уготовив,

повесим их в молчании». Белогвардейцы считали дело решенным: «А царь все-таки будет!» Лишь некоторые опасались, что одного голода не хватит, и возносили молитвы: «О, спаси нас, великая, единственная русская вошь!»

Когда вопрос о помощи голодающим был поставлен на заседании Лиги Наций, с места поднялся сербский делегат Сполайкович.

— Я предпочел бы,— сказал он,— чтоб вымер весь русский народ, чем рискнул бы оказать какую бы то ни было поддержку Советскому правительству...

Но были и иные люди. Такие, как Фритьоф Нансен.

Осенью двадцать первого года он совершил поездку по России и посетил голодные места. Он побывал в детских приемниках и в детских домах, на питательных пунктах и в детских больницах, заходил в деревенские избы, пробовал то, что служило единственной пищей крестьян, он видел целые семьи в агонии голода, а рядом с умирающими — уже застывших мертвецов. И когда он приехал в большое самарское волостное село Дубовый Омет и увидел, как со всех сторон к нему не идут, а ползут по земле матери с детьми и припадают к его ногам, моля о помощи, этот человек, который столько раз без страха глядел в глаза смерти, заплакал.

Обо всем виденном в Поволжье он рассказал заседанию Лиги Наций. Великий полярный исследователь выступал как председатель Международного комитета помощи детям.

«Во имя человечества, во имя всего, что для вас свято, я апеллирую к вам, имеющим жен и детей,— взывал Нансен.— Я хочу, чтобы вы поняли, что значит видеть миллионы гибнущих женщин и детей. С этого места я обращаюсь к правительствам, к народам, ко всему миру и зову на помощь. И я спрашиваю: неужели на этом собрании найдется человек, который посмел бы сказать, что пусть лучше погибнут двадцать миллионов человек, чем оказать помощь Советскому правительству? Я требую от этого собрания ответа на мой вопрос...»

Лига Наций постановила: в отпуске средств отказать...

Во всем мире создавались организации помощи голодающим Поволжья. В них входили лучшие умы и

сердца человечества: Альберт Эйнштейн, Анатоль Франс, Бернард Шоу, Линкольн Стеффенс. Вступил в действие великий закон пролетарской солидарности: рабочие отчисляли однодневный и двухдневный заработок, по фабрикам и заводам, рабочим поселкам и рабочим районам проводились сборы продуктов, вещей, денег для отправки голодающим.

Приговоренный к смерти югославский коммунист Алия-Алияш (возможно, что тогдашние газеты не вполне точно назвали его имя) перед казнью передал своему защитнику завещание, в котором просил продать оставшуюся после него одежду и книги и отправить полученные после продажи деньги русским голодающим детям.

5

Там, где дело шло о спасении умирающих с голоду, Ленин готов был лавировать, идти на уступки, вести переговоры с самим дьяволом, лишь бы получить хоть вагон, хоть полвагона хлеба.

Когда представители АРА стали затягивать посылку продовольствия в Поволжье под предлогом, что они не имеют, мол, достаточных гарантий, что Советское правительство оплатит это продовольствие, Ленин написал Г. В. Чичерину и Л. Б. Каменеву:

«Ввиду того, что подлые американские торгаши хотят создать видимость того, будто мы способны кого-то надуть,

предлагаю формально предложить им тотчас по телеграфу от имени правительства за подписью Каменева и Чичерина (а если надо, и моей и Калинина)

следующее:

мы депонируем золотом в нью-йоркском банке сумму, составляющую 120% того, что они в течение месяца дают на миллион голодных детей и больных...

Этим предложением мы утрем нос торгашам и впоследствии осрамим их перед всем миром».

Ему был дорог каждый кусок хлеба, которым можно помочь голодающим. Поэтому когда АРА внесла проект соглашения об организации продовольственных посылок в Россию от американских граждан и Сталин,

ссылаясь на то, что, по его мнению, тут не благотворительность, а торговля, предложил взимать плату за провоз посылок от границы и за пользование складами, Ленин, возражая Сталину, написал:

«(если даже цель — *торговля,* то мы *должны* сделать этот опыт, ибо нам дают чистую прибыль голодающим... Посему брать плату за провоз и за склады *не* следует)».

Узнав же, что в Англии некоторые частные лица хотят отправлять в Россию посылки с продовольствием, он телеграфировал Красину и Довгалевскому: «...мы должны, разумеется, облегчить и поощрить получение подобных посылок».

И даже тогда, когда французские ростовщики заявили, что они отпустят продовольствие для голодающих лишь при условии, что Советское правительство признает царские долги, Ленин предложил дать согласие на переговоры об этих проклятых долгах, хотя даже многие буржуазные газеты признавали чудовищность этого требования французских шейлоков.

Но уступки уступкам рознь. Одно дело отдать бандиту кошелек, другое — позволить ему хозяйничать в твоем доме.

Поэтому, когда заправилы «Прокукиша» отказались отправиться в охваченные голодом губернии, но потребовали, чтоб их немедленно пустили за границу, Советское правительство распустило этот комитет. А когда Нуланс направил Советскому правительству ноту, требуя, чтобы в Россию была допущена «комиссия экспертов» для расследования положения на месте и контроля над распределением продуктов, Ленин заявил, что Нуланс «нагл до безобразия», и предложил не впускать в Советскую Россию эту «комиссию шпиков под названием комиссии экспертов».

Были товарищи, считавшие линию Ленина излишне резкой. Один из них послал Ленину письмо, в котором высказывал сомнения в целесообразности роспуска Всероссийского комитета помощи голодающим и ареста его членов, считая, что это может отрицательно отразиться на отношениях с Францией.

Отвечая ему, Ленин писал:

«Прочел Ваше письмо. Вы ошибаетесь. Наша политика не сорвет отношения (торговые) с Францией, а ускорит их.

Мы уже выиграли, *отбив* Францию от планов интервенции, и выиграем еще больше.

Пути к торговым переговорам с Фраицией у иас есть.
С ком. приветом

Ленин».

Как-то — было это, вероятио, в иачале октября,— проходя по Кремлю, я увидела Леииа. Ои шел, глубоко задумавшись. У иего было такое бледиое, такое измученное лицо, что сколько лет уже прошло с тех пор, ио и сейчас, как я вспомию об этом, хочется плакать.

6

Надо было спасти население голодиых райоиов от смерти, от истощеиия и эпидемий; иадо было доставить ему семеиа для осеииего посева и этим, как выразилась «Правда», «отодвииуть людей из области смерти за граиицу смерти», иадо было остаиовить безумиое, слепое бегство, ввести переселеиие в организоваииое русло, успокоить людей, положить коиец слухам и паиике.

«Дорогие товарищи! — писал Центральиый Комитет партии, обращаясь ко всем членам партии, ко всем партийиым оргаиизациям.— Громадное стихийиое бедствие обрушилось иа Советскую Республику... Бедствие имеет такие огромные размеры, что справиться с иим можио только при едииодушиом иапряжеиии всех оргаиизоваииых сил Советской Республики...»

Что же должиы делать коммуиисты, чтобы по-иастоящему организовать дело помощи?

Не сеять иллюзий о возможиости массового переселения, а создавать увереииость в том, что путем крепчайшей оргаиизации, общими усилиями можио будет преодолеть бедствие на местах, которые им охвачены.

Вовлекать крестьянское и рабочее населеиие в дело помощи голодающим. Пробуждать общественную иии-циативу, привлекать всех, кто своим опытом и эиергией может помочь голодиым.

Пробуждать у людей волю к жизии. Вести всю работу так, чтобы еще больше сблизиться с народиыми массами, еще сильнее укрепить в иих созиаиие, что только Советская власть может вывести их из самого тяжелого положения.

Мы слишком мало зиаем об одиой из самых героических страиниц в истории иашей партии и народа — о поистиие потрясающей борьбе за спасеиие миллиоиов

умирающих с голоду. О продовольственных работниках, собиравших продналог зачастую под бандитскими пулями. О рабочих, давно уже забывших, что это такое быть сытым, но отчислявших для голодных часть своего скудного пайка, о самоотверженнейших усилиях, ценой которых к началу сентября двадцать первого года было собрано и отправлено в Поволжье около девяти миллионов пудов семенного зерна. И о людях, которые работали в голодающих районах, рискуя каждый день, каждый час, каждую минуту своей жизнью.

Мне выпало на долю горе и счастье узнать этих людей, когда в тот страшный год я побывала в Поволжье.

Было это в самой середине зимы — в декабре, в январе. Как-то, придя домой, я нашла письмо в самодельном конверте из оберточной бумаги. Письмо было от Флегонтыча, пожилого красноармейца, который был у меня ездовым, когда я была санитаркой под Кронштадтом. По окончании гражданской войны Флегонтыч демобилизовался и уехал домой, в Самарскую губернию. Оттуда прислал несколько писем, заполненных поклонами. Лишь раз-другой промелькнули в них короткие фразы, что дождя нет и хлеб повыжгло.

Когда начался голод, мы с мамой отправили ему несколько посылок. Он за них благодарил, но письма его совсем переменились: стали короткими, поклоны исчезли. И вдруг пришло большое письмо, написанное, по-видимому, не в один присест. До ужаса просто он написал, что семья его «ушла в смертную дорогу», его час тоже близок, но, как коммунист, он не позволяет себе слечь, а работает и будет работать до последнего часа, письмо же это пишет прощальное.

Я тотчас решила к нему поехать. Отец мой был высоким военным начальником и устроил меня в штабной вагон, который шел в Ташкент и должен был потому вернуться в Москву.

Всю дорогу я со страхом думала о том, что ждет меня впереди. В Самару мы прибыли днем. Незадолго до того выпал снег. Чистой белой пеленой лежал он на земле, на крышах, на странных черных штабелях, из которых торчали желтые голые ноги.

По слышанным мной рассказам, я ждала, что к поезду сейчас же бросятся тысячи голодных людей. Но платформа была пуста, на ней было пугающе тихо, пах-

ло снегом и карболкой, посвистывала маневровая кукушка. Оказалось, что наш состав остановился на боковом пути.

Я вышла на привокзальную площадь — и тут увидела такое, что потрясло меня, пожалуй, не меньше, чем все то, что суждено было увидеть потом.

По всей длине и ширине площади, сплошными рядами, плотно прижавшись друг к другу, стояли столы, лари, кошелки, корзины, салазки, повозки, набитые всяческой снедью. Чего только здесь не было! Караваи, расстегаи, пироги, пирожки, белые булки, колбасы, окорока, свиные и говяжьи туши, ломти стеариново-белого сала, роты кипящих самоваров, батальоны чугунных сковород, на которых шипела и наполняла воздух голубоватым чадом поджариваемая колбаса,— не базар, не рынок, не торг, а торжище, где властвовали налитые жиром толстобрюхие, краснорожие двуногие волки, одетые в романовские полушубки. Они потоптывали обутыми в добротные казанские валенки ногами, похлопывали толстыми руками в теплых варежках, покрикивали звонкими на морозе голосами, помахивали сучковатыми палицами и зорко приглядывали за своим товаром, который не просто лежал на столах и ларях — корзины с булками были опутаны колючей проволокой, куски мяса и колбасы прибиты гвоздями, свиные окорока закреплены гремящими цепями, чтоб не схватили, не украли их, заступи господи и пресвятая владычица, вот эти еле обтянутые кожей скелеты, которые ползут по земле и шелестят запекшимися губами: «Хле-буш-ка!».

Не помню уж, как добралась я до города Пугачева, а оттуда до села Таволожка, в котором жил Флегонтыч. Кажется, ехала часть пути по узкоколейке, а потом шла пешком по снежной зимней дороге. По совету добрых людей продукты, которые были при мне, я вынула из вещевого мешка и привязала вокруг тела. На счастье, мне попались хорошие попутчики.

И вот я шла словно по снящейся мне в длинном, запутанном сне беззвучной деревне, где не слышно ни человеческих голосов, ни собачьего лая, и на фоне бледного зимнего неба чернеют обглоданные ребра крыш. Шла, боясь постучаться в какую-нибудь из занесенных снегом изб, все надеясь встретить живого человека, но так никого и не встретив, пока слабо проторенная в снегу тропинка не привела меня к такой же избе, как и другие, но над входом в которую висел выцветший почти

добела красный флаг и была прибита вывеска «Волисполком».

Поднявшись на крыльцо, я толкнула дверь. Она не была заперта, но когда я вошла в избу, там никого не оказалось. Не зная, как быть, я снова вышла на крыльцо.

И тут я увидела шедшего посредине улицы человека — такого, каким должен был быть человек в этом словно снившемся мне, страшном, запутанном сне. Человек этот шел, тяжело переступая распухшими, негнущимися ногами и качаясь, как колос, раскачиваемый ветром. Но было в его шатающемся теле что-то от воинской выправки — быть может, прямизна спины, быть может, руки, слабо взмахивавшие в такт шагу и вытягивавшиеся по швам, когда он приостанавливался и переводил дыхание, не имея сил идти дальше.

Он подходил все ближе и ближе. Теперь я уже хорошо видела его будто налитое водой желто-серое лицо, сглаженное сплошным отеком в тугую, плоскую маску. Но даже когда он вплотную подошел ко мне, даже когда окликнул меня сиплым, сдавленным голосом, я не узнала Флегонтыча — до того он переменился, до того стал непохож на себя.

А потом была долгая-долгая неделя — быть может, самая страшная в моей жизни неделя, которую я провела в Таволожке, Пугачеве и Самаре, слушая ровный, однотонный рассказ о лете, об осени и зиме, как ели сначала траву, потом суррогаты, а теперь и суррогатов нет, стали есть падаль, и слова, что голодающих в селе, почитай, нет, а остались только умершие и умирающие, как сперва крестьяне бросались к Совету, требовали хлеба, кричали, а потом, увидев, что в Совете хлеба нет и что «сама власть» тоже перешла на лист, «утишились». И я узнала веющее смертью слово «лег», которое означает, что человек лег и уже не встанет, и дикий крик помешавшейся с голода женщины: «Глядите! Глядите! Пироги идут! На ножках! В сапожках топают! Идите сюда, идите, пирожки милые!», и восковые, уже не бледные, а белые детские лица с глазами, в которых, как у кукол, нет взгляда.

А потом Пугачев и Самара. «Музей голода», где выставлена коллекция суррогатов хлеба — серые, бурые, красные, желтые комки с этикетками: глина, земля, навоз, стружка, щепки — даже с химическим анализом, в котором можно найти все, кроме белков, жиров и угле-

водов, фотографии похожих на тени людей, порой с надписью: «трупоед», «людоед». Пройдем мимо этих фотографий, не оглядываясь: большинство тех, что дошли до трупоедства и людоедства, погибали чуть ли не на следующий день, до того они были истощены.

И дети, дети, дети — подкинутые, подброшенные, убежавшие из дома от голода. В приемнике на пятьдесят мест их около пятисот. Они лежат вповалку на голом полу, оборваны до последней нитки, всюду светится голое тело, всех бьет частая дрожь.

А среди всего этого ужаса люди, о подвиге которых невозможно рассказать, для этого в человеческом языке нет слов.

Кто эти люди? Врачи, сестры, няни. Работники детских приемников и детских домов.

Флегонтыч, раздававший все, что мы с мамой ему посылали, и то, что я ему привезла: «Все равно я помру, а они, может, дотянут» — отказался, сколько я его ни уговаривала, уехать в Москву: «Разве ж я могу своих односельчан бросить? Ведь я ж один на наше село живой коммунист остался». Не уехал — и умер.

Доктор Фритьоф Нансен, который, невзирая на клевету, что он «продался» большевикам, просил, требовал, добивался средств, покупал продовольствие, отправлял его голодающим детям Поволжья, не жалел для этого ни сил, ни времени, ни здоровья, и которого трудящиеся Москвы избрали почетным членом Московского Совета.

Помощник Нансена доктор Феррер, скончавшийся в январе двадцать второго года от сыпного тифа.

Коммунист Иоганн Юльевич Пальмер, погибший на посту при объезде голодающих мест.

Работники питательных пунктов, в том числе немало работников АРА, проявивших истинное человеколюбие и преданность людям.

Два человека, чьи имена знала вся Самара: один — Бергер, бывший австрийский военнопленный, коммунист, оставшийся в Советской России, худенький человек с огромными грустными еврейскими глазами, на протяжении многих месяцев не уходивший ни днем ни ночью со своего поста в губернской комиссии помощи голодающим. Второй — человек быстрый, стремительный, переносящийся из конца в конец губернии, чтобы ускорить, подтолкнуть, помочь, спасти; в Самаре вольно или невольно переиначивали его имя, называли его

Антои Осеяииый или Аитои Весеиний. Это был Владимир Александрович Аитоиов-Овсееико.

Желая показать, что за человек ои был, обычно говорят: «Ои брал Зимиий». Правильиее было бы говорить ииаче: «Он брал Зимний и возглавлял борьбу с голодом в Самаре».

7

Весиой двадцать второго года, выступая при открытии Одиинадцатого съезда партии, Владимир Ильич сказал:

«Бедствия, которые обрушились на иас в этом году, были едва ли еще не более тяжелыми, чем в предыдущие годы.

Точно все последствия войиы империалистической и той войиы, которую иам иавязали капиталисты, точно все оии собрались вместе и обрушились иа нас голодом и самым отчаянным разорением».

Но Владимир Ильич ие только собравшимся здесь товарищам, но и никому ие сказал, сколько иочей провел ои без сиа, думая о голодающем Поволжье, как мучали его головные боли, как трудно было ему пережить всю эту зиму. Мы зиаем об этом только по прорывавшимся у иего порой коротким фразам, в которых он, такой сдержаниый и замкиутый во всем, что касалось личио его, говорит о своей болезии.

«Взять перо в руки прямо-таки не под силу. Устаю»,— пишет ои двадцать восьмого октября двадцать первого года Замоскворецкому райкому партии, просившему его как члеиа райоииой партийной орга-иизации иаписать свои воспомииаиия.

«Устал дьявольски. Бессоииица» — шестого декабря того же года Горькому.

«Устал и болеи» — в этот же деиь Михе Цхакая.

«Личио видеться постараюсь, ио ие обещаю, ибо здоровье плохо» — Д. И. Курскому двадцать восьмого февраля двадцать второго года.

«Я болеи. Совершеиио *не в состоянии* взять иа себя какую-либо работу» — Варге восьмого марта.

«Нервы у меия все еще болят, и головные боли ие проходят» — седьмого апреля Серго Орджоиикидзе.

Не случайио иа исходе зимы этого года у Владимира Ильича произошел первый тяжелый приступ его болезии.

ВСЕРЬЕЗ И НАДОЛГО

1

Из всех дошедших до нас ленинских фотографий больше всего я люблю те, что сделаны во время Третьего конгресса Коминтерна: мы видим Ленина в минуты, когда он сидит на ступеньках лестницы, ведущей в президиум, держит карандаш, что-то пишет, иногда, подняв голову, смотрит на оратора — и по лицу его, по выражению чуть прищуренных глаз чувствуешь внимание, с которым он слушает.

Конгресс этот собрался летом двадцать первого года. Задачей его было определить стратегию и тактику коммунистических партий в новой мировой обстановке, когда стало ясно, что революционная волна пошла на убыль и вместо прямого штурма крепостей противника коммунистические партии должны готовиться к затяжной осаде и повседневным боям, победы в которых можно добиться, лишь привлекши на свою сторону большинство рабочего класса.

Основной спор на конгрессе шел с «левыми» — нтальянскими, германскнми, австрийскими, французскими, прочими. «Левые» проповедовали «теорию наступательной борьбы». Тактику, не направленную на немедленную схватку с буржуазией, считали оппортунизмом. Утверждалн, что наступательные действия, «если даже они терпят поражения, являются предпосылкой будущей победы и единственно возможным средством для революционной партии завоевать массы...». Держались «левые» вызывающе, смотрелн на себя как на единственных носителей идей рабочего класса.

«Нам, русским, эти левые фразы уже до тошноты надоели»,— отвечал на это Ленин. Показывал «левым» авантюристичность их теории и тактики. Напоминая французскую пословицу: «Il faut reculer pour mieux sauter» — «Нужно отступнть, чтобы лучше прыгнуть», говорил: «Чем правее сейчас, тем вернее завтра». «Über Nacht» möqlich, aber auch 2—3 Jahre möqlich».— Может быть, «завтра», но, может быть, также и через

два-три года. Рекомендовал не бояться по возвращении сказать своим партиям: *мы все* вернулись из Москвы после Третьего конгресса Коммунистического Интернационала осторожнее, умнее, благоразумнее, «правее». *Это стратегически правильно.*

Конгресс абсолютным большинством одобрил ленинские предложения и высказался за тактику терпеливого завоевания большинства рабочего класса.

Это было пятого июля. Председательствующий звоном колокольчика призвал к вниманию и объявил, что в этот день товарищу Кларе Цеткин исполняется шестьдесят пять лет. Слово было предоставлено члену германской делегации Ф. Геккерту:

— Для всего рабочего Интернационала имя Клары Цеткин — своего рода программа...

Ответом была бурная овация. Таким уважением и любовью, как Клара, в международном коммунистическом движении не пользовался никто, кроме Ленина.

Ко всему, что было сделано ею за сорок с лишним лет революционных битв, недавно она добавила новую блистательную страницу.

В конце двадцатого года в Туре собрался съезд французской социалистической партии. Большинство его составляли сторонники присоединения к Коммунистическому Интернационалу. Известно было, что в его работах должна принять участие Клара Цеткин. Об этом узнала французская полиция, и министр внутренних дел запретил Кларе въезд во Францию.

Каково же было всеобщее изумление, когда Клара появилась на трибуне съезда.

— Друзья мои! — начала свою речь Клара.— Хотя мне отказали в паспорте, я решилась прийти к вам, чтобы своим примером старого борца пригласить вас презирать те преграды, которые ставит на нашем пути буржуазное государство...

Закончила она пламенным призывом:

— Да здравствует революция в России! Да здравствует пролетарская революция!

Как только она провозгласила эти слова, погас свет — и Клара исчезла так же таинственно, как явилась.

Ее появление, ее речь потрясли съезд. Но потрясли они и французскую полицию и правящие круги Фран-

ции. Как она смогла приехать? Ведь были приняты все меры предосторожности! Пробралась ли она на автомобиле? Или на пароходе? Быть может, на аэроплане? Переодевшись? Загримировавшись? По подложному паспорту? В мужской одежде?

А Клара, весело посмеиваясь, разослала по газетам письмо, в котором заявляла, что она не намерена помогать французской полиции в поисках разгадки, но сообщает, что она не маскировалась, не обзаводилась фальшивыми бумагами. «Пусть противники сочиняют роман о моем приезде во Францию, я же ставлю себе реальные задачи».

Монархист Вала потребовал от министра внутренних дел объяснений. Министр что-то лепетал, на правых скамьях шикали и свистели.

Тогда слово взял коммунист Марсель Кашен.

— Я преклоняюсь перед этой женщиной,— сказал он.

— Перед Лениным! — закричали справа.

— Да, и перед Лениным,— ответил Кашен. И продолжал, не скрывая иронии: — Я хочу оказать министру внутренних дел поддержку и заверяю палату депутатов, что как господин министр, так и его подчиненные сделали все, чтобы помешать въезду Клары Цеткин во Францию. Если им это не удалось, не их вина. И я пользуюсь случаем, чтоб еще раз выразить восхищение поступком старой женщины, доказавшей, что, когда душа полна горячей любви к человечеству, нет препятствий, которые невозможно преодолеть!

И вот сейчас в Москве бледная, растроганная, снежно-седая Клара стояла перед приветствующими ее товарищами по революционной борьбе.

— ...У меня есть только одно заветное желание,— сказала она,— ради исполнения которого можете трудиться вы все, а именно: работать за то, чтобы, прежде чем я сойду в могилу, мне удалось пережить революцию в Германии, а если возможно, то и в других странах.

Затем слово для доклада о тактике Российской Коммунистической партии было предоставлено Ленину. Выступая перед представителями революционного

пролетариата всего мира, он объясиял, как русские коммунисты приспособили свою тактику к зигзагообразиой лиии истории, почему оии отступили, почему ие только можно, ио и иеобходимо «торговать и революцию делать».

Выступлеиия Лениа иа коигрессе напечатаиы в Полиом собраии его сочиеиий. Но это лишь сухая стенограмма. Только тот, кто, как это было с Кларой Цеткии, присутствовал иа коигрессе, кто сам слышал Леиииа, может передать всю силу звучаиия его слов.

Вспоминая встречу с Лениым в дии работы коигресса, Клара пишет: «Первая волиа мировой революции спала, вторая же еще ие подиялась,— говорил Леии.— Было бы опасио, если бы мы иа этот счет строили себе иллюзии. Мы ие царь Ксеркс, который велел сечь море цепями. Но разве коистатировать факты — зиачит оставаться бездеятельным, то есть отказаться от борьбы? Ничуть. Учиться, учиться, учиться! Действовать, действовать, действовать!»

Существует карандашный портрет Лениа, сделаиый художником Леоиидом Пастериаком во время Третьего конгресса, быть может, в ту миуту, когда он произносил слова, запечатлеиные Кларой. Леии стоит иа трибуне. Глаза его чуть прикрыты. Тело устремлеио вперед. Весь ои — сила, иапор, воля к борьбе.

Среди присутствовавших в зале была Александра Михайловиа Коллонтай — члеи русской делегации коигресса, один из лидеров так называемой «рабочей оппозиции».

Когда Десятый съезд партии признал пропагаиду идей «рабочей оппозиции» несовместимой с прииадлежностью к коммуиистической партии, лидеры «рабочей оппозиции» заявили, что оии опротестуют это решеиие перед лицом международного пролетариата. Сейчас Коллоитай по поручеиию своих соратииков должна была выступить с этим протестом перед конгрессом Комиитериа.

«Я стояла и мучилась,— записывала в тот же деиь А. М. Коллонтай в своем диевнике.— Смолчать — ие есть ли это просто трусость?»

Она подсела к Владимиру Ильичу.

— Владимир Ильич,— сказала оиа.— Я хочу нарушить партийную дисциплиу и взять слово.

Леиии резко к ией повериулся.

— Нарушить партийиую дисциплииу? И вы иа это спрашиваете моего благословеиия? Это делают, но об этом заранее ие говорят.

— Ловлю вас иа слове, Владимир Ильич,— попыталась свести дело к шутке Коллоитай.— Не спрашиваю и записываюсь...

На глазах у Леииа оиа вырвала из блокиота листок бумаги и иаписала: «Прошу слова. Алексаидра Коллоитай».

Ои попытался остановить ее, как не раз уже пытался остаиавливать участников «рабочей оппозиции». Слишком хорошо он зиал, что если они не остановятся, то покатятся по иаклоииой плоскости ожесточеиия, остаиовиться иа которой будет уже иевозможио.

— Не иадо, Александра Михайловиа! Честное слово, ие иадо,— сказал он.— Поезжайте лучше, посмотрите, что мы делаем, как разворачиваем в Кашире. И все ваши сомиения отпадут.

Но Коллоитай ие вияла его совету.

«...Выступлеиия закоичились,— писала она потом в своем дневнике.— Я иду через зал к выходу. Никто меия ие замечает. Я зиала, что это будет. Но это больио. Очеиь больио... На душе у меия темио и тяжко. Ничего нет страшиее, больиее, чем разлад с партией. И зачем я выступила?»

— Зачем? Зачем? — спрашивала оиа себя. И оиа иашла мужество поиять, что выступать было иезачем, и призиала ошибочиость платформы «рабочей оппозиции».

Коигресс в своем решеиии заявил, что он с восхищеиием взирает иа борьбу российского пролетариата и едииодушио одобряет политику Российской Коммуиистической партии, которая с самого начала и во всяком положении правильно усматривала грозящие опасиости и всегда иаходила средства предотвращать их, оставаясь верной прииципам революциониого марксизма.

2

Перенесемся сиова в холодную, голодиую зиму двадцать первого года. Москва, Кремль. Длииный зал засе-

даний Совета Народных Комиссаров, кажущийся еще более длинным потому, что во всю длину его стоит длинный-длинный стол. Заседание должно начаться. Часы бьют шесть ударов. Растворяется дверь, и входит Ленин.

Он приходит точно, без минуты опоздания. Садится в свое деревянное кресло с соломенным сиденьем. Открывает заседание.

Быстро течет река докладов. По выражению А. В. Луначарского, кажется, что самое время сделалось более плотным,— так много фактов, мыслей и решений вмещалось в каждую данную минуту.

Ленин внимательно слушает, записывает. Как только вопрос становится ясен, предлагает прекратить прения. Если кто-нибудь вносит целесообразное решение, быстро схватывает его и говорит: «Ну, диктуйте, это у вас хорошо сказанулось».

Сам он говорит сжато, короткими фразами. Речь его своей экспрессивностью напоминает его записки, написанные мельчайшим бисером на крохотных листках бумаги:

«Довольно *воркотни,* вносите в Цека *деловые* предложения».

«Обе прилагаемые вещи, явно, *х л а м.* Мы будем в дураках».

«Я не верю: одна склока; мы ее уладим».

«Прекратите саботаж и двиньте дело, как *с л е д у е т,* иначе я буду воевать в Цека».

«Если бы хлеб, то я бы»... Как не стыдно Вам повторять этот шаблон? Конечно, если Вам *дать*...

Нет, потрудитесь *сами* достать все: и соль и *н а с о л ь* хлеб и пр.

Инициатива, почин, местный оборот, а не попрошайничать: если бы мне дали... Стыд!»

Его меткие, емкие слова обладают особой силой убеждения. А. З. Гольцману запомнилось, какое сильное впечатление произвело на него ленинское выражение «безрукие люди»: в записке на имя М. П. Томского Ленин возмущался бездеятельностью профсоюзных работников в вопросе, касающемся нужд рабочих-торфяников, и трєбовал прогнать этих безруких людей вон. И другой случай, который произошел при обсуждении порядка натурального премирования рабочих, перевыполнивших нормы. Думая, как добиться того, чтоб премия воспринималась не как простая прибавка к заработ-

ной плате, но чтоб человек чувствовал, что к ней надо подтянуться, Ленин нашел выразительную формулу: «Высота премий».

3

Несколько лет спустя после смерти Ленина Яков Аркадьевич Яковлев, который на протяжении ряда лет работал в непосредственной близости к Владимиру Ильичу, задумался над вопросом: почему, когда читаешь и перечитываешь Ленина и читаешь как будто бы давно знакомые слова, всегда открываешь бесконечно много нового? Ведь большая часть того, что писал и говорил Владимир Ильич, посвящена вопросам, давно отошедшим в область истории, людям, давно умершим или покинувшим арену государственной и партийной жизни, событиям, потерявшим для нынешнего дня свое прежнее значение. И все же каждое слово Ленина живет полноценной жизнью, каждая мысль его свежа и современна, будто в первый раз прочитана, будто только что высказана, будто отвечает на вопросы сегодняшнего дня.

Так было пять лет спустя после смерти Ленина. Так остается и сегодня — после того, как миновало еще четыре десятилетия.

Бесконечно далеко ушло от нас и кажется даже неправдоподобным время, когда главным видом топлива в нашей стране были дрова, и Ленин, взвешивая хозяйственные возможности ближайшего будущего, говорил: «Нужно поднятие промышленности, а для этого нужно топливо, а раз нужно топливо, нужно рассчитывать на дрова, а рассчитывать на дрова — значит рассчитывать на крестьянина и его лошадь».

Есть ли у нас сегодня хотя бы одно промышленное предприятие, которое работает на дровах? Кто помнит топливные «двухнедельники» и «трехнедельники»? Кто знает про такое учреждение Главлеском, ведавшее добычей и подвозом дров?

Но возьмите письмо Ленина к товарищам, мобилизованным на топливный трехнедельник. Он просит их, чтобы они обратили особое внимание на проверку отчетности по заготовке и вывозу дров, ибо, наблюдая снизу, на месте, тщательно изучив дело, они смогут помочь Совету Труда и Обороны, который видит, что

дело стоит плохо, но не знает, как его улучшить. Эти ленинские мысли живы по сегодня. Как живы и его слова, что бюрократы часто покрывают воровство и «артистически» его проводят, и, чтобы с этим покончить, крайне важно снизу и подетальнее изучить приемы обмана.

Давно позабыты электроплуги Фаулера, интересовавшие Ленина. Но разве не с прежней силой и убедительностью звучат слова Ленина о волоките, сопровождавшей изготовление этих электроплугов: «...с точки зрения принципа необходимо такие дела не оставлять в пределах бюрократических учреждений, а выносить на публичный суд, не столько ради строгого наказания (может быть, достаточно будет выговора), но ради публичной огласки и разрушения всеобщего убеждения в ненаказуемости виновных».

Так узкие, частные вопросы превращаются в общие и принципиальные.

Вот Анна Ильинична Ульянова-Елизарова спрашивает Ленина, как ей быть: она не сработалась со своей заместительницей. Ленин отвечает: «Основной принцип управления, по духу всех решений РКП и центральных советских учреждений,

— определенное лицо целиком отвечает за ведение определенной работы».

Вот Ленин пишет управляющему делами Совнаркома Николаю Петровичу Горбунову свои соображения по поводу работы Чрезвычайной комиссии по экспорту:

«По каждому «делу» надо от времени до времени... производить *проверку реального* выполнения. Это самое важное и самое необходимое».

Вот Ленин пишет письмо замнаркомзема Н. Осинскому, у которого сложились нездоровые отношения с коллегией наркомата: «...чтобы вести такой наркомат, как Наркомзем, в таких дьявольски трудных условиях, надо не видеть «интригу» или «противовес» в инакомыслящих или инакоподходящих к делу, а ценить самостоятельных людей».

Вот он отвечает Евгению Варге, которому поручено организовать Информационный институт для сбора материалов о современном империализме и международном рабочем движении. Варга обратился к Ленину с вопросом, для кого должен собираться этот материал?

«Я считаю постановку вопроса (информировать *ИККИ или* рабочую прессу *или* обоих?) неправильной,— отвечает на этот вопрос Ленин.— Нам нужна

полная и *правдивая* информация. А правда не должна зависеть от того, кому она должна служить».

4

Не следует представлять себе дело так, будто все происходило без трений и шероховатостей, будто Ленин никогда не оставался в меньшинстве, слово его всегда оказывалось решающим и, как писал Владимиру Ильичу в одном из своих писем А. А. Иоффе, «Цека» и «Ленин» представляли собой одно и то же.

«Вы ошибаетесь, повторяя (неоднократно), что «Цека, это я»,— писал Ленин в письме к Иоффе.— Это можно писать только в состоянии большого нервного раздражения и переутомления. Старый Цека (1919—1920) побил меня по одному из гигантски важных вопросов, что Вы знаете из дискуссии [1]. По вопросам организационным и персональным есть числа случаям, когда я бывал в меньшинстве. Вы сами видели примеры тому много раз, когда были членом ЦК.

Зачем же так нервничать, что писать ***совершенно невозможную, совершенно невозможную*** фразу, будто Цека, это я».

Нет, ЦК это не был Ленин. ЦК (а также Совнарком, и Совет Труда и Обороны, и прочие советские и партийные органы) — все это были органы партии и Советской власти. В них работали люди, имевшие свои достоинства и недостатки, свои характеры, порой весьма неровные, свои заблуждения, люди, которые глубочайшим образом уважали Ленина, но вели при этом самостоятельную работу, искали самостоятельных решений, нередко вступали с ним в спор. Помимо своих отношений с Ленинным они находились во взаимных отношениях между собой — дурных, хороших, всяких. Эти отношения не были чисто личными, они определялись деловой и политической борьбой или же согласием. «Новый Цека только вчера конституировался и «вработается» *не сразу*»,— писал, например, Ленин в том же письме Иоффе о ЦК, избранном на Десятом съезде партии. И сверх всей своей огромной работы Ленин должен был постоянно примирять, успокаивать, сглаживать

[1] Ленин, видимо, имеет в виду пленум ЦК РКП(б) 7 декабря 1920 года, на котором он остался в меньшинстве и была принята при поддержке Троцкого резолюция, внесенная Бухариным.

углы в отношениях между товарищами, помогать им преодолеть обиды и конфликты и иайти общую почву для работы.

Порой это удавалось ему весьма иелегко.

«Помню, как сейчас, всю картиину моего спора с В. А. Аванесовым и Н. П. Брюхановым...— рассказывает Сергей Малышев, вспоминая, как Владимир Ильич редактировал проект постаиовления об оргаиизации передвижных хлебозакупочных и товариых пуиктов.— Под давлением Аванесова Владимир Ильич переписал один пункт этого постановления. Я видел, что из-за этого пункта возникиут большие затрудиения, будет стеснена инициатива, и запротестовал.

— Ну, как же вам написать? — спросил меня Владимир Ильич.— А так выйдет?..

— Нет.

— Почему?

Доказываю...

— Ну, а так выйдет?

— И так не выйдет, Владимир Ильич. Напишите же так, как было.

— Надо же соблюдать интересы ведомств,— замечает мне Владимир Ильич.— Ведь они возражают. Ну, вот так давайте напишем, как указал Брюханов.

Я говорю:

— Нет, я не ручаюсь, что из этого что-нибудь выйдет.

— Ну, вот еще слово прибавим...

Наконец я не вытерпел и говорю:

— Да, господи, ведь ничего же не выйдет из этого...

Владимир Ильич полушутя-полусерьезио прикрикнул на меня:

— Ну, господи, господи... Как же вам написать? Ну, ладно, вот так напишем. Хорошо?

— Теперь вот хорошо, Владимир Ильич.

— Ну вот, господи, господи.

И, положив карандаш, сказал:

— Ну кончено... Кончеио...»

Даже явная неправота по отношению к нему не вызывает со стороны Ленина грома и молиий. Характерна приписка, сделанная им в письме иачальнику Центрального статистического управления П. И. Попову.

«P. S. Добавлю, что Ваше письмо слишком полемично,— пишет он.— Я не против полемики, ио ее надо выделять особо. Вы спорите против того, чего я не гово-

рил и не думаю. Вы спорите так, будто я отрицаю пользу сделанного и т. п. Но я этого не говорил и не думаю».

Рядом с ним люди росли. Он не подавлял работников, а помогал им становиться умнее и деловитее, достигая этого прежде всего тем, что доверял им.

Людям, которые с ним общались, всегда было с ним интересно. Даже выслушав суровый разнос, человек не обижался, ибо знал, что за этим не стоит ничто личное, мелкое, мстительное, знал, что, как только он исправит свою ошибку, Ленин о ней не помянет и, во всяком случае, никогда ею не попрекнет.

Весь двадцать первый и большая часть двадцать второго года были заполнены выработкой начал новой экономической политики. Когда речь шла о деревне, Ленин требовал действовать «с величайшей, тройной осторожностью», «шаг за шагом, вершок за вершком», «по правилу: «Семь раз примерь, один — отрежь», подходя даже к самым деловым, сугубо практическим вопросам — таким, к примеру, как работа продовольственных агентов,— с тончайшим проникновением в условия крестьянской жизни.

«Чтобы свобода была на практике похожа на свободу,— говорил он,— надо, чтобы взимание налога произошло быстро, чтобы взыскатель налога недолго стоял над крестьянином...»

В письме Ленину крестьяне Урусовской волости Веневского уезда Тульской губернии писали, что, когда стало известно об отмене разверстки и переходе к налогу, «в деревне будто постом наступила пасха». «Иная старуха всю зиму не подходила к окну, а тут на радостях даже на крылечко вылезла».

Настроение деревни круто переменилось. «Голосов против Советской власти уже не слышно,— писали крестьяне в газету «Беднота».— Все заботы только об одном: как бы улучшить свое хозяйство и, узнавши наверняка о налоговом законе, посеять побольше, чтобы быть с излишками».

Разумеется, настроение это не было совсем уж всеобщим. Не говоря о тех, кто был заведомо враждебен к любому мероприятию, если только оно исходило от Советской власти, было немало «пережидающих», смотревших искоса и недоверчиво, опасавшихся, «а

вдруг политика обманет», говоривших: «На посуле, как на стуле, далеко не уедешь».

Надо было переломить эти настроения. Надо было доказать крестьянину, что партия признает новую экономическую политику, как то говорил Ленин на Десятой партийной конференции в мае двадцать первого года, «установленной на долгий, рядом лет измеряемый, период времени», «всерьез и надолго».

В телеграммах, рассылаемых на места, в письмах к местным партийным организациям Ленин и Центральный Комитет ставили перед всей партией задачу: понести в деревни и села понимание того, что делает Советская власть для восстановления крестьянского хозяйства.

Для этого ЦК предлагал проводить беспартийные крестьянские конференции и деревенские сходы. Коммунист на сходе должен ставить вопросы практически, охватывая интересы данной деревни, села, волости. Он обязан найти с крестьянством общий язык и внимать не собственным резонам, а внимательно вслушиваться в то, о чем думают и что говорят крестьяне.

Вытравить «разверсточный азарт», как называли тогда въевшуюся привычку к командованию крестьянином, было нелегко.

«...С мест несутся жалобы на политику земельных отделов и других органов Советской власти,— писал Ленину заместитель наркома юстиции П. А. Красиков.— Ваше правило щадить середняка не соблюдается...»

«Знаю,— отвечал Ленин.— Безобразие. Что еще придумать? «Манифест»? Или особый «декрет»? Или *в суд?*»

Ленин, автор глубокого исследования капиталистического развития России, создавший совершенно новую методику изучения процессов расслоения деревни, как никто знал русского крестьянина, видел двойственность души середняка, понимал все опасности роста кулачества в условиях нэпа. И вместе с этим крестьянство, по удачному определению А. В. Луначарского, было для Ленина не только объектом его политики, но и ее субъектом, совершенно родной ему частью революции.

Ибо Ленин и знал, и любил крестьянство, крестьянский ум, крестьянский разговор, тех крестьян, что у него бывали. Без этой любви, одной лишь голой мыслью,

голой политикой, голым экономическим расчетом он не смог бы создать свое учение о крестьянстве, как союзнике пролетариата.

Только благодаря этой любви расслышал он в метаниях и гении Льва Толстого голос крестьянской революции, протест и отчаяние миллионов и миллионов крестьян.

В. Д. Бонч-Бруевич рассказывает, как он, проходя по Кремлю, встретил Ленина. Они остановились у памятника Александру II, залюбовались открывавшимся от него видом Замоскворечья.

Вдруг Ленин круто повернулся и, глядя в сторону Ивана Великого и Успенского собора, спросил:

— Толстого где предавали анафеме, когда отлучали от церкви?

— В Успенском соборе прежде всего,— сказал Бонч-Бруевич.— А потом, как полагается, во всех церквах.

— Вот тут-то бы и надо поставить ему памятник,— воскликнул Ленин.— Вот этого снести,— он указал на порфироносную фигуру Александра II,— все это преобразить — и сюда Толстого! Толстого, обличающего церковь, громящего царей, бичующего богатства, собственность, роскошь...

5

При выработке законов, отвечающих основам нэпа, чрезвычайно важно было, чтобы новые законы не напластовывались бы на старые, а представляли собой элементы действительно нового, притом стройного, ясного и единого законодательства. И, наверно, нигде это не было столь насущно, как в запутанном издревле, а после революции еще более запутавшемся крестьянском землеустройстве.

Вопрос о новом своде законов о земле в конце двадцать первого года был поставлен на обсуждение Девятого съезда Советов, но предварительно его обсуждали на совещании беспартийных делегатов, среди которых было два или три рабочих, остальные же — крестьяне от сохи. Именно «от сохи», от деревянной сохи, носившей почему-то прозвище «Андреевна».

Мне не пришлось быть на этом совещании, но существует его стенограмма. Сохранились живые и яркие

воспоминания участников, несколько репортерских отчетов.

Происходило оно в Кремле. Поначалу все так шумели, так перебивали друг друга, что кто-то даже закричал: «Товарищи, да на волостном сходе не бывает такого беспорядка». И когда появился Калинин, упросили его взять на себя председательство.

Калинин произнес короткое вводное слово. Сказал:

— Рабочий и крестьянин стоят друг против друга. Один говорит: «Дай хлеба!» Другой говорит: «Дай товаров!» Но каждый крестьянин знает, что прежде, чем ехать, надо кормить лошадь. Рабочему нужно дать хлеб — тогда производительность поднимется. Крестьянское хозяйство тоже нуждается в восстановлении, укреплении и улучшении. Об этом и пойдет речь на съезде...

Если за год до того крестьянских делегатов волновала разверстка, то теперь больше всего нареканий вызывала гужевая повинность. Поэтому первое слово на совещании беспартийных делегатов было представителю Наркомтруда товарищу Лембергу.

— С волнением в душе от выпавшей на мою долю великой чести докладывать хозяевам земли приступил я к докладу,— писал Лемберг под свежим впечатлением только что закончившегося совещания.— Кратко рассказал о повинностях в царское время, об усилении повинностей в годы гражданской войны, о бессистемности трудовой разверстки и круговой разрухе, о том, что повинность в течение шести дней в году необходима и необременительна.

В середине доклада Лемберга вошел Ленин. Зал сразу его узнал, зааплодировал. Старик с бородой до пояса громко сказал:

— Уж тут мы поговорим, все выложим.

Когда дошло до прений, посыпались бесконечные жалобы на действия местных властей. Деревню, мол, замучили, как Варвару-великомученицу, комтруды [1] безобразят, не выполняют законы центра,— так что ж с того, что законы хороши?

— Разве нам жалко работать? — говорил делегат из Смоленской губернии.— Работали на царя, работали на помещика, ужели для своего государства пожалеем

[1] Комтруды и железкомы — органы, ведавшие гужевой, дровяной и прочими трудовыми повинностями.

шесть дней? Лишь бы мы знали, что только это и нужно и что не вовремя от своей работы нас не оторвут.

Ленин выступал на совещании трижды: два раза при обсуждении вопроса о трудгужналоге и раз в конце прений по земельному вопросу.

— Мое дело здесь,— сказал он,— как я понимаю, больше слушать и записывать.

Он сидел не в президиуме, а в переднем ряду. Хмуро и сосредоточенно слушал, иногда переспрашивал. Быстро заполнял мелким бисерным почерком листки блокнота.

«*Бумажная волокита;* от нее избавиться... *Железкомы* тяжелы, *мучают* людей, не дают того, что́ полагается. Обманывают. В рабочую пору зря требуют работу, которую нельзя сделать иначе, как в другую пору... 100 лошадей *убилось*. Кто вознаградит?.. (Избавиться от круговой поруки. Каждый за себя отвечает)... Налог путь правильный... Буржуев уничтожать нетрудно и хорошо. Но у нас кабала: труд превратился в *кабалу*... Объявляют дезертиром, когда сбежит мокрый, голодный, не получивший ни одежи, ни платы. Работу в праздник заставляют делать, а *соль* не выдают «из-за праздника»!! («Мутокаются, дела не делают»). *Укомтруд* не нравится. Надо трудналог... Отменить трудповинность, чтобы был *вольный труд*».

Прения затягивались. М. И. Калинин внес предложение их прекратить. Собрание взбунтовалось, послышались возгласы: «Нет уж! Добрались, так надо выложить до конца», «Мир уполномочил, надо будет ответ держать!», «Привел господь бог товарища Ленина увидеть, хотим все ему высказать».

Делегаты просили Ленина ответить на их вопросы.

— ...Все вопросы, которые здесь заданы, я записываю... но без точной справки соответственного учреждения... я сейчас ответить не могу...— сказал он.— Сможем ли мы помочь и насколько помочь? Повторяю, что я сейчас ответа дать не могу. Указания на неправильности и злоупотребления железкомов я считаю в общем, несомненно, правильными... Я все указания, которые здесь делаются, записываю и о каждом из них в соответственный наркомат или совнархоз напишу, для того чтобы можно было принять меры.

Эти меры были приняты — и несколько времени спустя после съезда трудгужналог заменен денежным обложением.

6

Не менее страстны были прения о едином земельном законодательстве, но тон и содержание их были уже иными: не жалобы на тяжелую крестьянскую долю, а раздумья, как эту долю улучшить.

Снова полились крестьянские речи. Кто говорил, что землеустройство ведется еще со времени Екатерины, но больше похоже на землерасстройство. Кто вспоминал, как при Столыпине создавались хутора и отруба, на которых устраивались кулаки, теперь же каждый имеет право получить равную долю, какую полагается на душу. Крестьянин Гусев из Тверской губернии сказал, что закон о новых формах землепользования он считает фундаментом возрождения хозяйства, государство должно только вести агитацию за лучшие способы землепользования, а выбор предоставить крестьянам. Крестьянин Фомин из Рязанской губернии говорил, что без знания ничего не делается, крестьяне рвутся работать,— «дайте нам дело», дайте правильную форму землепользования.

Особое внимание привлекло выступление делегата Московской губернии Головкина, седобородого старика в дубленом желтом полушубке и теплых катанках.

Пережил я трех царей, сказал Головкин, и Александра Освободителя, и Александра Миротворца, и Николая Виноторговца, и говорю, что, слава богу, этих помазанников больше нет. Пока они были, я сидел за печкой с тараканами, ни земли, ни хлеба у меня не было, а теперь гляди, где я сижу — в президиуме Всероссийского съезда. И говорю я вам: наше советское хозяйство мы наладим обязательно. Построим мы скромно, честно, чисто, только не забывайте Карла Маркса. Дело это простое: вот у человека две руки, и он обязан одной работать для государства, а другой для себя, и тогда все пойдет очень хорошо благодаря новой экономической политике. При старой разверстке я сам зарывал в землю хлеб, а теперь все держу открыто, не боюсь, так как продналог уплатил. Надо крестьянина больше удовлетворить, а он все даст своему государству. Крестьянство — это основа. Вот как в этом театре: стены — это крестьяне, крыша — рабочий, а окна и двери — интеллигенция. Подкопайте стены — рухнет все здание, сломается крыша, лопнут окна и двери. Погибнет крестьянин — все погибнет.

В своем постановлении Девятый съезд Советов поручил Наркомзему срочно пересмотреть земельное законодательство, согласовав его с основами нэпа н превратив в ясный, доступный поннманию каждого крестьянина свод законов о земле.

Проект единого кодекса законов о земле, которому суждено было заменить все действовавшне законы, был утвержден в конце октября двадцать второго года четвертой сессией ВЦИК, а затем принят Десятым съездом Советов.

Основную концепцию земельного закона составляло признание государства верховным собственником н распоряднтелем земли, а отдельных хозяйств и сельскнх общин — лишь пользователями государственной землей.

Частная собственность на землю отменялась навсегда. Каждому трудящемуся без разлнчия пола, национальности и вероисповедання предоставлялось право на землю, если он хочет обрабатывать ее своим трудом. Право на землю бессрочно и может быть прекращено только по основаниям, указанным в законе: добровольного отказа от земли всех членов двора, вымороч ности двора, лишения права пользования землей по суду, занятия земли в установленном порядке для государственных надобностей.

Крестьянину предоставлялась свобода выбора форм землепользования и свобода выхода из общины во время общих переделов. Чтоб создать условия для устойчивого трудового землепользования, закон указывал, что общие переделы должны происходить не чаще трехкратного чередования севооборота, чтоб каждый землепользователь мог в теченне девятн лет спокойно пользоваться предоставленной ему землей.

Так, содействуя развитию товарищеского кооперативного землепользованння, закон предоставлял крестьянину свободно выбирать ту форму пользованння землей, которую он пожелает.

Разумеется, при условнн, что он будет хозяйственно ее обрабатывать. И не утаивать пашню. И честно вносить натуральный хлебный налог. И не превратит землю в средство кабалы н эксплуатацни.

«Вопрос о земле,— говорнл Ленин о новом земельном кодексе на сессни ВЦИК,— вопрос об устройстве быта громадного большинства населения — крестьянского населения — для нас вопрос коренной».

Его увлекала мысль о преобразоваиии земли. Вследствие своей болезии ои ие смог ее развить и изложить на бумаге, но Н. П. Горбуиов запомиил, как Владнмнр Ильич несколько раз возвращался к идее обиовлеиня земли, при котором человек, вооруженный научными зиаииями, извлечет из земли максимум пользы, все более и более повышая ее производительиость.

7

Для этого иеобходимо, говорил Леиии, прочно обеспечить «дальнейший переход» крестьяиского хозяйства, который состоит в том, чтобы «наимеиее выгодиое н иаиболее отсталое, мелкое, обособлеииое крестьяиское хозяйство, постепеиио объедиияясь, сорганизовало общественное, крупное земледельческое хозяйство».

Только такнм путем миллиониые массы крестьянства могут быть избавлеиы от инщеты и разорення.

Всячески поощряя объединеиие крестьянских хозяйств в общественные крупные хозяйства, представители Советской властн, подчеркивал Леиин, не должны при этом допускать ии малейшего прииуждеиия. «Лншь те объедииеиня ценны,— говорнл ои,— которые проведеиы самими крестьяиами по их свободиому почиiу и выгоды коих провереиы ими иа практике. Чрезмериая торопливость в этом деле вредиа, нбо способиа лншь усилнвать предубеждеиия средиего крестьяиства против иовшеств».

8

Есть у Леииа образ, иавеяиный словами первого из плеяды великих учеиых прошлого: «...Дайте нам оргаиизацию революцноиеров — н мы переверием Россню!»

Это ие простая перефразировка изречеиия Архнмеда: идея, что малая действующая сила, будучи верно приложена, способиа преодолеть несонзмеримо большую силу сопротивлеиия, проиизывает н учение Леииа о партии и ее роли в революцнн, и его постановку вопроса об отиошеииях рабочего класса н крестьяиства, о зиачеинн крупной промышленностн, об электрификацнн и многом другом.

Сегодня мысль, что крупная машинная индустрия — основа социализма, выглядит как школьная истина. Тогда Ленину приходилось ее формулировать, доказывать, отстаивать.

Искони на Россию смотрели как на страну аграрную, самое большее — аграрно-индустриальную. Да так оно и было. Достаточно вспомнить, что, по данным переписи двадцатого года, из 137-миллионного населения страны в городах жило немногим более двадцати миллионов, а сто пятнадцать миллионов — в деревне.

Большинству экономистов, сидевших в наших плановых органах, представлялось, что так всему суждено остаться и впредь. Если России и нужна промышленность, то чтоб обслуживать нужды деревни — ткать ситцы, выдувать бутылки, выпузыривать самовары, изготовлять гвозди, косы, серпы, плуги. Именно такую промышленность увидел в будущей России известный экономист народнического толка, совершивший в своих мечтаниях путешествие в «Страну Крестьянской Утопии».

Сторонники этой точки зрения изъяснялись, цитируя чужие стихи:

Не пойдет наш поезд,
Как идет немецкий...

То прибегали к этакому простонародному говору:

— Да разве нашу жизнь железными карябами перекарябаешь?

Когда подумаешь, с чего и как мы начинали нашу крупную индустрию, прямо оторопь берет. Словами об этом не расскажешь. Рассказать об этом можно только фактами.

Вот несколько фактов, выхваченных из газет того времени.

В Екатеринбург (нынешний Свердловск) из-за границы (!!!) прибыло три рядовых сеялки из числа сельскохозяйственных машин и орудий, закупленных для Урала Внешторгом. Событие это столь значительно, что собственный корреспондент извещает о нем «Правду», а «Правда» печатает это сообщение.

Весь коммунальный транспорт Петрограда состоит из 4462 лошадей и 402 автомашин «на ходу», грузоподъемностью в 772 тонны. Этим хозяйством заправляют четыреста (!) транспортных подотделов, каждый из

которых действует сам по себе. Автогужевой инвентарь распылен: там, где есть лошади, нет орудий, где есть сбруи, нет качек; где есть качки, нет дуг, где есть грузовики, нет шин.

На Мытищинском вагоностроительном заводе нет ни одной автомашины и лишь десять лошадей.

Обуховский завод выпустил за 1920 год три трактора, в 1921 году собирался выполнить программу, которую газетный корреспондент называет «грандиозной»: тридцать шесть тракторов!

Ленин лучше, чем кто бы то ни было, знает все трудности и болезни нашего хозяйства. Но уже в августе двадцать первого года он со спокойной уверенностью пишет: «Нужда и бедствия велики.

Голод 1921 года их *усилил* дьявольски.

Вылезем с трудом чертовским, но вылезем. И начали уже вылезать».

Так «трудно чертовски» было не только из-за сокращения объема производства. Дело было сложнее.

В годы «военного коммунизма» разорвались хозяйственные и финансовые связи предприятий, товарные фонды превратились в случайное сборище самых разнообразных фабрикатов, полуфабрикатов и сырья — нужных и никуда не годных,— в самых фантастических пропорциях и самых парадоксальных ассортиментах.

Хуже всего обстояло с топливом, запасы его приближались к нулю. Фабричные здания по большей части сохранились, но были совершенно запущены. Паросиловое хозяйство дошло до полного развала.

Вдобавок к материальным трудностям промышленность унаследовала от времен «военного коммунизма» бюрократическую систему управления, в которой — совсем как в учении средневековых схоластов — реальным бытием обладали лишь общие понятия — «универсалии», а индивидуальные, конкретные вещи являлись не более как их «атрибутами» или «акциденциями»: вместо рыбы царила лишенная субстанции Главрыба, вместо соли — Главсоль, вместо стекла и спичек — Главстекло и Главспичка. В заработной плате преобладала натуральная часть, в учете — цифирная тьма, хозяйственного расчета не существовало, хозяйственные нули числились хозяйственными единицами.

И все это — посредн половодья первых лет нэпа, в условнях всеобщей ннщеты н катастрофического паденя ценностн бумажных денег.

Когда промышленность начерно подсчнтала свон ресурсы, обнаружнлось неожнданное обстоятельство: фабрнчное н заводское оборудованне сохранилось сравннтельно неплохо.

Сберегли его рабочне — те, что звали себя «чнстыми пролетарнямн» и в самое тяжелое время не расползлнсь по деревням, не покннули свон предпрнятня, охранялн нх, подчас не получая нн пайка, нн заработной платы. Чем онн жнлн? Что ели нх детн?

Бывало н так. На Катав-Ивановском заводе белые, уходя, пыталнсь увезтн заводское оборудование. Но рабочне вместо станков стали набнвать ящнкн камнямн, тряпьем, песком, всякой дрянью. Не одного нз ннх белые на этом поймалн н расстрелялн.

Еднственный путь к тому, чтоб восстановить промышленное пронзводство н добнться развнтня пронзводнтельных снл, Леннн внден в перестройке промышленностн на началах новой экономнческой полнтнки.

На протяженнн весны н лета двадцать первого года он уделяет этому огромное внимание. Не раз встречается с хозяйственнымн н партнйнымн работниками. Пншет проекты правнтельственных постановленнй. Изучает предложення другнх товарнщей. Подвергает разрабатываемые документы новой н новой правке. Вноснт нх для тщательного обсуждення в ЦК партнн, в Совнарком, в ВСНХ, проводнт совещання с профсоюзамн.

Итогом этой работы являются «Наказ СТО», «Постановленне о местных экономнческнх совещаниях».

Каковы нден этнх документов? Чего требуют они от тех, к кому обращены?

Прежде всего, понять, что поворот в экономнческой полнтнке является не шагом назад, а шагом вперед, что он соответствует н объектнвному положенню страны, н ннтересам мнровой революцнн. Помнить, что косность н нерешнтельность в проведеннн новой полнтнкн являются нашнмн злейшнмн врагамн.

Быстро н решнтельно перестронть хозяйство.

Покончнть с распыленнем снл н средств, с выбрасыванием нх на ветер. В кратчайшнй срок отобрать основные жнзнеспособные предпрнятня н отдельные отраслн промышленностн, добнться нх максимального

пронзводственного уплотнення, работоспособностн, рацнонального ведения хозяйства.

Сосредоточить общегосударственные ресурсы на важнейших предпрнятнях н отраслях промышленностн, в первую очередь обеспечнв восстановленне крупной промышленностн — основы соцналнзма.

Оставнть на государственном снабженнн только мннмум нанлучше оборудованных, нмеющнх запасы сырья н топлнва фабрнк, заводов, руднков, переведя нх на точный хозяйственный расчет.

Хнлые н безнадежные предпрнятня снять со снабженння н лнбо сдать в аренду кооператнвам, товарнществам, частным лнцам, лнбо законсервнровать.

Расшнрнть права государственных предпрнятнй, предоставнв нм право самостоятельной заготовкн сырья н топлнва, а также право расходованння по собственному усмотренню, под нх ответственность, отпускаемых нм средств по разлнчным статьям в пределах общей сметы.

Покончнть с мертвящей казенщнной в управленнн промышленностью, нзбавнть промышленность от пут перепнскн н волокнты, а равно от мелочной опекн над отдельными сторонами ее повседневной деятельностн.

Объявнть войну безответственностн за ведение хозяйства, сделать невозможным, чтоб управляющие тем нлн нным заводом могли находнть тысячн отговорок для оправдання своего бездействня. Возложнть на ннх всю полноту ответственностн за правнльное веденне дела.

Предельно расшнрнть нннцнатнву мест. Довестн до нанбольшей степенн простоту н ясность управления. Как можно лучше прнспособнть это управленне к тому, чтобы быстрейшнм путем восстановнть крупную государственную промышленность.

Путем разумно продуманной снстемы заработной платы н снабженння добнться повышення ннтенснвности н пронзводнтельностн труда, а также — самомобнлизацнн пролетарната вокруг ведущнх предпрнятнй государственной промышленностн.

Как велнколепно найдено н сформулнровано это понятне — самомобнлнзацня пролетарната!

Именно самомобнлнзацня! Не полумнлнтарнзованные формы труда, задуманные Троцкнм в его плане соз-

даиия «Трудармий», ие стихийиый «иаем рабсилы», не приказ, ие указ, ие прикреплеиие, а глубокий процесс самомобилизации рабочего класса вокруг заводов, иа которых создаиа такая обстаиовка, что завод стаиовится для рабочего его домом, его жизиью, его счастьем!

Товарищи, участвовавшие в разработке докумеитов о перестройке промышлениости иа новый лад, отмечают увлечеииость, с которой работал над ними Владимир Ильич. «Он звонил мие по иескольку раз в деиь, а то и среди иочи,— рассказывает В. И. Милютии, который был члеиом комиссии по разработке «Наказа».— Спрашивал: «А что, ежели нам сделать так? А если повериуть вот этак?»

«В обсуждении проекта «Наказа» принимали участие работиики с мест,— вспомииает Г. В. Циперович.— По существу возражеиий ии у кого ие было, но зато много спорили о том, можно ли при отсутствии необходимых средств «иа местах» и при слабости плаиовых аппаратов справиться с изучеиием экономической жизни с такой обстоятельиостью, какую требовал проект «Наказа». Владимир Ильич заметио волиовался, так как придавал «Наказу» большое зиачение, уговаривал «Наказ» ие сокращать, и, когда голосовали по пунктам и разделам, стремительио выбрасывал руку вверх, словио боясь, что миг промедлеиия может повредить «Наказу»...»

9

Цеитральиой фигурой восстаиовлеиия промышлениости являлся русский рабочий. Тот рабочий, о котором А. В. Луиачарский так хорошо сказал, что им «строится русская земля».

Питерский, московский, иваиовский, доиецкий. Слесарь с Путиловца и токарь с киевского «Арсеиала», орехово-зуевский ткач и черемховский шахтер, железнодорожник, плотиик, камеищик, металлист...

Нет и ие было в истории класса, который проявил бы столько мужества, бесстрашия, такой способности вопреки иеслыханиым трудиостям вести до коица бой во имя великих целей — и из глубии иищеты и отсталости подняться до положения аваигарда человечества.

И нет в мире класса, который обладал бы таким чувством международного братства.

Перелистайте газеты тех лет. Выберите самые трудные дни — те, в которые выдавали осьмушку хлеба или только горсть овса. И в каждой из этих газет вы встретите скупые сообщения о субботниках, денежных отчислениях, о сборах теплых вещей и продуктов, проводимых рабочими в пользу бастующих английских, болгарских, итальянских, германских, испанских рабочих.

Выступая на съезде профсоюза текстильщиков с приветствием от имени Центрального Комитета партии, М. И. Калинин напомнил, что в 1855 году, при осаде Севастополя, каждому солдату месяц осады засчитывался за год службы.

— Та осада, те тяжести и подвиги, которые вынесли русские рабочие,— сказал Калинин,— не меньше, а значительно больше, чем выпавшие на долю севастопольских солдат.

Теперь, после полной героизма гражданской войны, российский пролетариат оказался на аванпостах фронта хозяйственного. Он должен был построить основу социализма — крупную индустрию.

Каким огромным трудом давался каждый шаг! Какой огромной радостью был даже ничтожно малый успех!

Помню завод в Филях, к партийной организации которого я была одно время прикреплена. К моменту национализации в восемнадцатом году он был недостроен и представлял собой неостекленную каменную коробку. Заводские рабочие свезли в Москву с разных концов страны оборудование, которое было закуплено еще старыми хозяевами до революции, но застряло в портах и на железнодорожных путях. Потом перевезли его на лошадях, а то просто перетащили волоком за пять верст от станции до завода — ни много ни мало, а около четырехсот тысяч пудов. Сами сконструировали трансмиссии, установили и наладили станки, пустили завод. И когда первый автомобиль — этакое трясущееся, подпрыгивающее, тарахтящее маленькое чудовище — был готов, на торжества, устроенные по этому случаю, приехали М. И. Калинин, главком С. С. Каменев и представители многочисленных хозяйственных и рабочих организаций. Был устроен митинг, а после него рабочие завода и прибывшие на праздне-

ства гостн — с этнм автомобнлем впереди — отправилнсь через весь город на Красную площадь.

Была у подвнга российского пролетариата еще одиа сторона: нменно он выдвннул нз своих рядов людей, которые в тяжелейших условиях первых лет иэпа, осуществляя принцнпы, сформулироваиные леииискнм «Наказом» и «Осиовиыми положениями», взвалили иа свои плечи дело управлеиия промышлеииостью и добилнсь ее возрождеиия.

В те годы «Правда» широко предоставляла свои страиицы письмам рабочих, печатала их обычио без правкн. Большое место в этих письмах заиимают «красиые директора».

Разиые это люди, с разиым опытом, разиым характером, разным жизиеииым путем.

Такие, как бывший рабочий Саввиископ маиуфактуры, ставшнй ее директором, С. М. Максимов, о котором рабочне фабрики пишут в «Правду», что «действительио иастал час освобождеиия рабочего класса, если во главе иас стоят такие люди. Пусть весь рабочий класс зиает, что недаром была пролита иаша кровь, и рабочие достиглн своих долгождаииых целей». Или тульский рабочий, старый большевик, делегат Второго съезда партин Сергей Иваиович Степаиов — директор Тульского оружейного завода: «Ои иам и друг, и отец, и учитель, и воспитатель, и советиик,— пишут о ием рабочие,— жизнь его — пример честной трудовой доли рабочего». Или крестьяика из деревни Оголаховки Аграфена Кожанова: в 1904 году, разорившись после деревенского пожара, оиа отправилась искать счастья в Иваново-Вознесенск, поступила на фабрику Щербаковых в Кохме, после революции сделалась председателем фабричиого комитета, а с переходом к иэпу — директором фабрики. Но и когда оиа стала директором, рабочие по-старому звали ее Груией.

Наряду с такнмн днректорами были и другие — те, о ком рабочне говорнлн: «Отогрели змейку иа свою шейку». Средн ннх нанболее прославился Фирсов — директор ситценабнвной фабрики (бывшей Цииделя). Спевшись с бандой хапуг, Фнрсов возглавил травлю против рабочего-корреспоидеита Спиридоиова. Травля эта привела к убийству Спиридоиова, а имя Фирсова иа долгие годы стало нарнцательиым для явления, прозваиного «фирсовщина».

«Еслн рабочий пришел к иашему директору даже

по делу, директор глух и ием,— пишут рабочие об одном из таких директоров.— Чтобы дождаться ответа, к иему иужио ходить поевши», «Электричество себе в свииой хлев провел, а в рабочей баие иет света», «Наш директор, кроме своего отдельиого кабииета, иигде ие бывает и ие зиает, где хорошо и где плохо в его хозяйстве. На все отвечает: «Пошли к чертовой бабушке!»

И так далее в том же роде — опостылевшие всем черты бюрократа, хама, а то и подлеца.

Зато сколь богаты иовыми живыми чертами портреты тех, кого рабочие считают лучшими директорами: подлиииых хозяйствеииков леиинской школы!

«Чем завоевал иаш директор любовь рабочих? Тем, что с головой ушел в работу. Везде и всегда ои первый. Только еще рабочие собираются иа работу, а ои уже тут — обходит корпуса, иаблюдает за работой». «Никогда ие забуду, как наш директор при первом появлеиии у иас иа фабрике объясиил, что я пришел к вам работать ие для того, чтобы вы, рабочие, были голодны, а иакормить вас и ваших детей, а раз иакормим, то я спрошу работу. Его первые слова оказались справедливыми, и все слова, какие бы ои ии говорил, встав иа тяжелый пост директора, были верны». «Сам дрова таскал с рабочими из вагоиов. Всю иеправду усматривал и разбирал». «Подиял иа иоги спящую фабрику». «Это заслуга Коммуиистической партии иметь таких товарищей, как ои». «Чистый, без примеси коммуиист».

Определяя роль и задачи профессиоиальиых союзов в иовых условиях, создаииых переходом к иэпу, Леиии подчеркивал, что успех в восстаиовлеиии крупиой промышлеииости требует сосредоточеиия всей полиоты власти в руках заводоуправлеиия. Поэтому «самым существеииым является то, чтобы профсоюзы созиательио и решительно перешли от причиившего иемало вреда иепосредствеииого, иеподготовлеииого, иекомпетеитиого, безответствеииого вмешательства в управлеиие к упориой, деловой, рассчитаииой иа долгий ряд лет работе *практического обучения* рабочих и всех трудящихся *управлять* иархозяйством целой страиы».

Теперь стало особеиио отчетливо видио, как далеко заглядывал Леиии, когда, формулируя свою позицию

во время профсоюзной дискуссии, говорил о профсоюзах как о школе коммунизма.

Возвращаясь вновь к этому вопросу после года нэпа, Ленин с еще большей силой подтвердил прежнюю формулу и записал в плане тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики часто цитируемые слова:

«Связь с массой.
Жить в *гуще.*
Знать *настроения.*
Знать *все.*
Понимать массу.
Уметь подойти.
Завоевать ее **абсолютное** доверие.
Не оторваться руководителям от руководимой массы, авангарду от всей армии труда».

Эти ленинские слова относятся не только к профсоюзам и не только к первым годам нэпа.

10

Как рассказывают товарищи, работавшие вместе с Лениным, встретившись с новым для него вопросом, Владимир Ильич любил говорить: «Надо вникнуть». Попробуем восстановить один из случаев такого ленинского «вникания».

Тридцатого мая двадцать первого года Малый Совнарком поручил Народному комиссариату юстиции обследовать деятельность Межкома (Междуведомственной комиссии по ликвидации иностранного имущества при особом отделе Управления распределения Наркомпрода). Обследование вел следователь ВЧК Васильев.

Три месяца спустя Малый Совнарком, заслушав доклад ВЧК о ходе обследования, нашел, что Васильев отнесся к данному ему поручению недостаточно вдумчиво и внимательно и постановил: «Предложить ВЧК следователя Васильева от ведения дела устранить и заменить его другим лицом».

Решение это было принято после жарких прений. И ВЧК, и часть членов Малого Совнаркома резко против него возражали, считая, что Малый Совнарком превысил свои права.

Ввиду этого дело перешло в Большой Совиарком.

Для представителей ВЧК и члеиов Малого Совиаркома — как для тех, что были за это решеиие, так и для тех, что — против,— вопрос сводился к одиому: правомочеи или же ие правомочеи Малый Совиарком прииимать подобиые решеиия?

Под таким углом зреиия ведет свой рассказ об этом случае председатель Малого Совиаркома Г. М. Леплевский, с чьих слов мы зиаем об этом эпизоде. Ои вспомииает, какой огромиый иитерес проявил к этому делу Леиии. Рассказывает, что вопрос рассматривался в Большом Совиаркоме три раза (случай редчайший!), что страсти накалились до предела. И до самого коица своего рассказа ои видит иа первом плаие все ту же проблему: «компетеиция — ие компетеиция». Читаешь воспомииаиия Леплевского и ие поиимаешь, почему же эта бюрократическая каиитель могла привлечь к себе столь иапряжеииое виимаиие Леиииа.

Попробуем разобраться.

Когда Большой Совиарком приступил к рассмотреиию дела, Леиии предложил представителям ВЧК изложить мотивы, по которым оии с такой решительиостью протестовали против решеиия Малого Совиаркома. Выслушав их объясиеиия, тут же подверг допросу «с пристрастием» члеиа коллегии Наркомата юстиции Саврасова, который входил в коллегию ВЧК для устаиовлеиия коитакта между Наркомюстом и ВЧК. Леиии добивался от Саврасова, чтоб тот ясио и точио ответил, когда и по каким делам ои, как представитель Наркомюста, опротестовывал действия ВЧК? Оказалось, что таких протестов ие было.

— Почему ие было? Потому, что ВЧК ие иарушала закоиы? — спрашивал Леиии.

— Нет, ие поэтому,— отвечал Саврасов. И утверждал, что по своему положеиию ои ие мог опротестовывать действия следствеииого аппарата.

Как же это «ие мог»? Ведь это было его прямой обязаииостью!

Леиии подверг объясиеиия Саврасова жестокому обстрелу и предложил иаркому юстиции Д. И. Курскому подготовить к следующему заседаиию Совиаркома общий доклад о том:

1. Какие иормы в советском закоиодательстве регулируют иадзор за следствеииым аппаратом в общих судах и за следствеииым аппаратом ВЧК?

2. Не нуждаются лн эти иормы в дополненнях и измененнях?

3. В случае иеобходимостн этнх измеиеннй представить проект.

Что же до следствня по делу Межкома, Леннн поручнл заместнтелю председателя ВЧК И. С. Уншлнхту его продолжать, взяв под личное наблюдение, а Д. И. Курскому — сделать доклад о заключеннн следствня.

Но тут вознпк новый вопрос, быть может, разбужеиный этнм: вопрос о взаимоотиошеннях между партнйиымн н судебно-следственнымн оргаиами.

На этот раз иницнатива прннадлежала Наркомюсту, опротестовавшему два параграфа циркуляра Цеитральиого Комнтета партии об отношеннях партийиых и судебио-следствеииых учрежденнй.

Народный комнссарнат юстицин проснл нсключнть из цнркуляра параграф четвертый, который обязывал судебные властн освобождать иа порукн привлеченных к суду коммуннстов под персоиальное поручнтельство лнц, уполномоченных на то партнйнымн комнтетамн, а также параграф пятый, предоставлявший партнйиым комнтетам право знакомнться с деламн прнвлеченных к судебной ответственностн коммуннстов н выноснть по ннм решення, которые являлнсь бы партнйной днректнвой для суда н предопределялн судебный прнговор.

Узиав об этом, Леннн напнсал В. М. Молотову:

«Как стонт это дело?

§§ *4* н *5,* по-моему, *вредны*».

В ответ иа свою запнску Владнмнр Ильнч получнл постаиовлеине Оргбюро об утвержденнн цнркуляра н пнсьмо Молотова, в котором говорнлось, что цнркуляр нзменен н вопрос можио считать нсчерпанным.

Одиако «нзмененння», внесеиные в циркуляр, не коснулись главиого. И Владнмнр Ильнч написал Молотову новое письмо.

«Я переиошу этот вопрос в Полнтбюро.

Вообще неправнльно такне вопросы решать в Оргбюро: это **чисто** политнческнй, всецело политнческнй вопрос.

И решнть его надо нначе.

Прошу заказать секретарше иа 1 лнсте *старую* н *новую* редакцню.

(1) Надо, по-моему, отменнть § 4.

(2) — усилить *судебную* ответственность коммуинстов.

(3) «сужденння» парткома допустить *только* с иаправлеиием в цеитр *и с проверкой ЦКК»*.

Вопрос был переиесеи в Политбюро и рассматривался иа заседаиин, иа котором присутствовал Леиии.

Полнтбюро постаиовнло: пересмотреть циркуляр в целом, устраннв всякую возможиость использованння положеиия господствующей партни для ослабленння ответствеииости. Более того, уснлить ответственность члеиов партии в случае совершеиия имн проступков, подлежащнх ведеиню судов и трнбуналов.

Тем временем следствие по делу Межкома подошло к коицу. Как рассказывает Г. М. Леплевский, вопрос приобрел такую остроту, что, когда ои рассматривался в последиий — третий! — раз, иа заседанне Большого Совнаркома был приглашеи Ф. Э. Дзержнн-ский, а к иачалу обсуждеиия иа заседание явнлнсь Калиинии, Каменев, Сталнн.

Преиия былн весьма бурными. Сначала был рассмотрен вопрос о следователе Васильеве и постановлеиии Малого Совиаркома. Семью голосами против шести постаиовлеине Малого Совиаркома было отмеиео, так что Леиии оказался в меиьшинстве.

Затем иа обсуждеине был поставлеи общий вопрос — о иадзоре за деятельиостью следственного аппарата и за соблюдеиием революцнонной закоииости. После доклада Д. И. Курского существовавший к тому времеии порядок был призиаи иеудовлетворительным и было прииято предложеиие Леиина создать комнссию для разработки вопроса по существу.

Пока работала эта комиссия, всплыл еще однн вопрос, иепосредственно связаниый с работой следствеиных органов, о наказаниях за ложные доносы.

Проект декрета был разработан Наркомюстом. Позиакомившись с ним, Леннн предложил дополннть его «мерой усилення наказания», нзмеиив формулнровку лишение свободы иа такой-то срок другой: лншенне свободы «ие меиьше стольких-то лет».

Совнарком согласился с поправкамн Леиина н постаиовнл ввести кару по суду за ложные доносы н за ложиые показания.

Специальное примечание оговаривает, что мера наказания усиливается в случаях:

а) ложного обвинения в тяжком преступлении,

б) корыстных мотивов доноса или показаний на следствии,

в) искусственного создания доказательств обвинения.

Декрет этот был подписан В. И. Лениным и опубликован в «Известиях ВЦИК» первого декабря двадцать первого года.

Интересно применение, которое нашел этот декрет полгода спустя, во время крупнейшего политического процесса тех лет — суда над правыми эсерами.

Допрошенный в качестве свидетеля бывший военный министр Временного правительства Верховский заявил суду, что во время предварительного следствия допрашивавший его следователь ГПУ Агранов сказал ему, что он, Агранов, уполномочен Центральным Комитетом партии и коллегией ГПУ сообщить свидетелю, что процесс правых эсеров не преследует карательных целей и те показания, которые даст свидетель об известной ему контрреволюционной деятельности правых эсеров, нужны как бы для того, чтоб нарисовать широкое политическое полотно. Это и побудило свидетеля дать чистосердечные показания.

Верховный трибунал придал заявлению Верховского большое значение. Он запросил ЦК партии и коллегию ГПУ и на оба свои запроса получил ответ, что никаких постановлений подобного рода или близких к нему они не выносили и никаких поручений, которые могли бы быть истолкованы в подобном смысле, ни следователю Агранову, ни кому бы то ни было другому не давались и не могли быть даны.

Параллельно этому трибунал проверил материалы предварительного следствия и установил по протоколам, скрепленным подписями Верховского и Агранова, что Агранов действительно заявил Верховскому, будто его показания должны служить исключительно целям политического освещения и выяснения тактики и методов борьбы партии правых эсеров.

Действия следователя Агранова трибунал признал неправильными и постановил довести о них до сведения Народного комиссариата юстиции для принятия надлежащих мер в порядке надзора за следственными действиями ГПУ.

Вместе с тем трибунал неправомерным считал поведение свидетеля Верховского, который, будучи советским гражданином и служащим Красной Армии, считал своим правом давать или не давать соответствующим органам рабоче-крестьянской республики сведения о ее врагах в зависимости от того, послужат ли эти сведения для прямой борьбы с врагами или только для политического осведомления.

Но вернемся к основной линии нашего рассказа.

В тот же день, первого декабря двадцать первого года, когда был опубликован декрет об ответственности за ложные доносы и создание ложных доказательств обвинения, Ленин внес в Политбюро предложение преобразовать ВЧК, сузить круг ее деятельности и ее компетенции, сузить право ареста, повысить роль судов, усилить начала революционной законности, провести через ВЦИК общее положение об изменении «в смысле серьезных умягчений».

Насколько Ленина волновал этот вопрос, видно по набросанному им плану доклада о внутренней и внешней политике на Девятом съезде Советов. Вопрос о ВЧК в этом плане занимает только три строки — но какие это строки! Чтобы выделить их, составители соответствующего тома Сочинений Ленина должны были прибегнуть к самому жирному курсиву, к самой отчетливой разрядке:

«N B. В В Ч К:

25 bis Повышение законности ВЧК и ее реформа».

ВЧК была создана в конце семнадцатого года. В протоколе Совнаркома об ее образовании было сказано: «Комиссия ведет только предварительное расследование...»

Вплоть до двадцать четвертого февраля восемнадцатого года ВЧК строго придерживалась рамок этого постановления и проводила только предварительное расследование, судебные же функции осуществляли суды и трибуналы. В этот день она вынесла свой первый приговор: решением ВЧК бывший князь Эболи, который, выдавая себя за сотрудника ВЧК, занимался шантажом и вымогательствами, был приговорен к расстрелу, и приговор в тот же день приведен в исполнение.

Это был лишь единичный приговор. Когда сейчас знакомишься с карательной политикой Советской власти в первые месяцы после Октября, мягкость ее пора-

жает: кому только ие дали уйти иа Дои — и Савинкову, и Кориилову, и Красиову, и Деиикиию! Кого только не отпустили на свободу — достаточно иазвать для примера одно только имя: ярого чериосотенца Пуришкевича.

«Мы ие хотим граждаиской войиы...— говорил Ленин 4 ноября 1917 года,— мы против граждаиской войиы... Террор, какой применяли фраицузские революциоиеры, которые гильотииировали безоружиых людей, мы ие применяем и, надеюсь, не будем применять».

Но коитрреволюция переходила ко все более активиым действиям. Чуть ли ие каждый деиь прииосил сообщеиия о поджогах, взрывах, заговорах, коитрреволюциониых мятежах. И все же лишь после убийства Володарского ВЧК выиесла первые приговоры по политическим делам, и лишь после убийства Урицкого и покушеиия иа Леиииа взялась ВЧК за оружие.

Одиако, едва положение в стране стало легче, в январе двадцатого года Совнарком постановил по предложеиию Ф. Э. Дзержиискоro отмеиить смертиую казиь. Это решеиие было сорвано польской войной и войиой с Враигелем.

Так вынуждеиио, силой обстоятельств, иеобходимостью дать отпор все более и более активиой коитрреволюции ВЧК из органа предварительного следствия превратилась в чрезвычайный орган чрезвычайиого времени и объедииила в себе функции и следствеииого, и судебио-карательного аппарата.

Самым высоким образом оценивая роль, сыграиию ВЧК в борьбе с коитрреволюцией, Леиин всегда видел опасиости, порождаемые подобным объединеиием. В момеит самой обостреиной гражданской войны ои предупреждал работиików ЧК о том, чтоб из закоиного политического иедоверия к буржуазии оии ие делали выводов, что им, чекистам, дозволеио иарушать революциоиную закоиность, как это сделал журнал «Красный террор», договорившийся до явной нелепости: «Не ищите (!!? — восклицательные и вопросительиые зиаки Леиииа.— *Е. Д.*) в деле обвинительных улик о том, восстал ли ои против Совета оружием или словом».

И сейчас, с переходом к нэпу, Леиии со всей остротой поставил вопрос о преобразовании ВЧК, о резком сужении ее прав и устаиовлеиии контроля за ее деятельиостью. Как писал он в одном из писем, он стремил-

ся отстоять maximum из максимумов и возложить на Наркомат юстиции «*ответственность* за *недонесение* Политбюро (или Совиаркому) дефектов и неправильностей ВЧК».

Выступая на одиом из партийных собраний с докладом о преобразоваиии ВЧК в ГПУ, Ф. Э. Дзержинский сказал:

— Раиьше мы ловили контрреволюцию иеводом, а теперь будем ловить...

— Удочкой! — крикиул голос с места.

— Нет,— сказал Дзержинский.— Острогóй...

11

Если б Леиииу предложили ответить иа шутливые вопросы, подобиые тем, какие задали своему отцу дочери Маркса, то на вопрос: «Что вы больше всего неиавидите?», ои почти наверняка ответил бы: «Бюрократизм!» Во всяком случае, иичто ие вызвало такого его гнева, как проявлеиия этого бюрократизма, который нас душит, который «в нашем государственном строе получил значение такой болячки, что о ием говорит иаша партийная программа...».

Без пощады обрушивается он иа тех, кто предается «комвраиью», «сладенькому чииовио-коммуиистическому вранью». Требует: «открытыми глазами через все комвраиье смотреть иа эту правду», «искать и... иаходить (сто раз испытывая и проверяя) людей», закрывать бюрократически-коммунистические... «потемкииские деревии». Ииаче вся работа «нуль, хуже нуля, самообольщеиие иовой бюрократической погремушкой».

Подходя к решеиию иовых хозяйствениых и политических задач, ои более всего опасается того, чтоб оио ие прииияло адмииистративио-бюрократический характер.

«Ужасио боюсь,— пишет он Г. Я. Сокольиикову,— что мы околеем от переоргаиизаций, не доводя до коица ии одиой практической работы...

Я смертельно боюсь переорганизаций. Мы все время переоргаиизуем, а практического дела ие делаем...

Ей-ей, боюсь смертельно: не впадите Вы в эту слабость, а то мы крахнем».

Особенное негодованне его вызывает волокита с ответами на пнсьма н запросы трудящнхся. От этого, подчеркнвает он, «не только страдают нитересы частных лиц, но н все дело управленнн прнннмает характер мннмый, прнзрачный».

Он требует «тащнть волокнту на суд гласностн: только так мы эту болезнь всерьез вылечнм». Считает, что в делах, связанных с волокитой и бюрократнзмом, общественное значенне открытого суда «в 1000 раз большее, чем келейно-партийно-цекистскн-ндиотское притушенне поганого дела о поганой волоките без гласности». Решнтельно отметает доводы стороннников закрытого рассмотренння подобных дел. «Мы не умеем,— пншет он,— гласно суднть за поганую волокиту: за это нас всех н Наркомюст сугубо надо вешать на вонючнх веревках. И я еще не потерял надежды, что нас когда-ннбудь за это *поделом* повесят».

Будучн непрнмнрнмо резок ко всем и всяческим проявленням бюрократизма, он видел, однако, решенне связанных с ннм проблем не просто в том, чтоб «сбросить главкн», как предлагалн некоторые «левые» товарнщн.

«Бюрократы — ловкачн, многие мерзавцы из ннх — архнпройдохи. Их голымн руками не возьмешь...— отвечал он на предложенне такого товарнща.— «Главки» «*сбросить*»? Пустякн. Что вы поставите *вместо* ннх? Вы этого не знаете. Не *сбрасывать*, а чистить, лечить, лечнть н чнстнть десять н сто раз. И не падать духом».

С законным возмущеннем работающего, думающего, болеющего душой за дело человека относнлся он к тем, кто подвергал всю советскую работу вселенской смазн н, стоя в сторонке, ничего практическн не делая, прннимал позу крнтнчески-мыслящих личностей.

Обращаясь к одному такому крнтнку, Ленин спрашнвал:

«Где вы указалн Центральному Комитету **такое-то** злоупотребленне? н такое-то *средство* его исправнть, нскореннть?

Нн разу.

Нн еднного разу.

Вы увидали кучу бедствий и болезией, впали в отчаяние и бросились в чужие объятия... А мой совет в отчаяние и в панику не впадать».

12

Как ии трудна была зима двадцать первого — двадцать второго года, одиако подошел ее коиец. Но если старая иародиая пословица говорит: «Весиа красна, да голодиа», то для весиы двадцать второго года эта истииа была вериа, как никогда.

Голод в Поволжье достиг предела, а с приближением весиы иадвииулась иовая задача: в кратчайшие сроки обеспечить голодающие губернии семеииым зерием.

Государство уже отправило туда около пятиадцати миллионов пудов для сева озимых, теперь иадо было собрать, подвезти и раздать почти сорок миллиоиов пудов для ярового сева.

Где было их взять? В Сибири?

Но тоиенькая иточка заметаемой снежными заиосами железной дороги ие справлялась с перевозками. Чтобы иаладить бесперебойиую работу траиспорта, нужеи был человек исключительиой эиергии и воли. Партия послала в Сибирь Феликса Эдмундовича Дзержииского.

На Украине?

Но убедить украинских крестьян, по земле которых столько раз, сметая все иа своем пути, прокатывались волиы граждаиской войиы, чтоб оии поделились с голодающими Поволжья своим тоже ведь последним куском хлеба, мог только человек, пользующийся доверием народа. Партия послала туда Михаила Ивановича Калиииа.

Когда Михаила Иваиовича спрашивали, в чем состоит секрет его умения разговаривать с людьми, ои отвечал: «В том, чтоб подразумевать в собеседнике не меньшее количество ума, сообразительиости и понимания своих иитересов, чем в нас самих». Имеиио этим достиг ои успеха в поездке иа Украиию за зерием для Поволжья.

Накоиец, можно было закупить зерио за граиицей. Но добиться того, чтобы это зерио ие было расхищеио, заражеио, испорчеио, чтоб оио было немедленно разгру-

жено и немедлеино же отправлено по назначению, способен был только человек редкой честности и преданиости этому делу. Ленин доверил его питерскому рабочему Николаю Александровичу Емельянову, у которого он скрывался в семнадцатом году в Разливе и к которому отиосился с особой любовью и уважеиием.

Разумеется, и Дзержинский, и Калинин, и Емельянов действовали ие в одиночку.

Дзержинский взял с собой группу сильных работииков. Вместе с Калиниим поехали крестьяие из голодающих деревень, выступали иа митиигах, рассказывали об ужасах голода. Емельянов подобрал себе помощииков из петроградских рабочих.

Как ни напряжеино все они работали, зерна не хватало. Необходимо было расширить закупки за границей. Но где взять иа это средства? Золотой запас республики подходил к концу, экспорт был иичтожеи. Между тем в стране имелось огромное количество золота, серебра, драгоценных камией, накоплеиных веками за счет грошей и копеек, собиравшихся с народа.

Это были церковные ценности.

Первые решения, требовавшие передать церковиые цеиности иа покупку хлеба голодающим, были выиесены прихожаиами сельских церквей. Вслед за этим волость за волостью стали выносить такие же решения. Со всех концов советской земли в Москву потянулись ходоки, посыпались телеграммы и резолюции, к которым присоединиилась и часть низового священства.

Советское правительство прииняло декрет об изъятии церковных цеииостей в пользу голодающих. В ответ иа это патриарх Тихои разослал воззвание к духовенству и верующим, в котором объявил изъятие и даже добровольное пожертвование церковного имущества святотатством, которое карается для миряи отлучением от церкви, а для священиослужителей — извержеиием из церкви и аиафемой, и призвал подияться против «миродержателей тьмы», чтоб «с помощью божьей иссещи сей лукавый и прелюбодейиый род, дерзновенно восставший на неотъемлемое достояиие наше».

Помню, солнечным весенним днем я проходила по Пятницкой. Пахло талым снегом, лужи отсвечивали голубизной — и от этого света и блеска особенно дико было видеть вылезавших из кривых переулков Замоскворечья сморщенных, сгорбленных старух, одинаково повязанных черными глухими платками, одинаково одетых в черные глухие платья до пят. Крестясь мелким дробным крестом, они сползались к церкви, а там на паперти черный поп накликал проклятия на работавшую в церкви комиссию по изъятию ценностей, и старухи стоном вздыхали и вскрикивали: «Разрази их, господи!», «Пригвозди охульников, о господи!», «Пошли на них дождь смертоносный, о господи!», «Пролей грозу огненную, иссуши им руки, отыми у них ноги, вырви им глаза, о господи!»

Но вот одна из старух, зайдясь криком, упала на землю и забилась в припадке, за ней — другая. И уже все они катались по земле, изгибаясь в судорогах. На колокольне набатом ударил колокол, а черный поп, дрожа и раскачиваясь, выкрикивал: «Анафема! Анафема! Анафема!»

По стране прокатилась волна беспорядков. В Москве до открытого сопротивления не дошло, но положение порой создавалось тревожное.

Надо же было, чтоб именно в эти дни произошло нелепейшее событие, которое...

Впрочем, расскажу все по порядку.

В один из первых дней апреля мой отец был у Ленина. Кажется, это было после заседания Политбюро ЦК. Зазвонил телефон.

Ленин поднял трубку.

— Слушаю,— сказал он.

— Что? — сказал он.

— Повторите,— сказал он.

— Да не может быть,— сказал он.

— Да, да, слышу,— сказал он и прижал руку ко лбу, как это делает человек, внезапно почувствовавший острую боль.

И не глядя положив трубку, он сказал отцу, что на Театральной площади происходит что-то дикое: какая-то женщина схватила какого-то старика-еврея, несшего мешок. В мешке оказался детский труп. Собралась толпа. Она кричит, что это евреи убили христиан-

ского мальчика, так как приближается еврейская пасха и евреям нужна христианская кровь для приготовления мацы. Старика чуть не растерзали. Лишь с трудом удалось уговорить толпу отвести его в милицию. Сейчас его ведут по улице, а за ним идет все растущая толпа, выкрикивающая погромные лозунги.

Вспомним, с каким омерзением относился Ленин к антисемитизму, с какой ненавистью звучали его слова о подонках, ведущих травлю евреев, и мы поймем, каково было ему выслушать такое сообщение. Буквально за мгновение лицо его посерело и осунулось.

Проклиная в душе тех, кто так растревожил Владимира Ильича, отец тут же отправился в милицию, пообещав все точно узнать и принять необходимые меры.

Что же произошло?

Примерно за неделю до описываемого нами дня на трамвайной остановке у Лубянской площади среди ожидающих трамвая стоял старый еврей, державший в руках какой-то сверток, завернутый в одеяло. Когда подошел трамвай, старик пытался сесть, но была сильная давка, старик упал, выронил сверток, сверток развернулся и из него вывалился труп мальчика. Труп был голый, обглоданный и исколотый чем-то острым.

Все это, конечно, обратило на себя внимание ждущих трамвая, и они отвели старика в милицию. Там старик рассказал, что ребенок этот — еврейский мальчик, который умер на приемно-пропускном пункте от крупозного воспаления легких, о чем у него, старика, есть удостоверение врача. Родители мальчика не имели средств, чтоб его похоронить, и труп около недели лежал в подвале, кишевшем крысами. Потом родители через Таганскую еврейскую общину разыскали этого старика-нищего, жившего тем, что он помогал хоронить бедняков. Отец ребенка дал ему труп, завернутый в старое одеяло, и старик понес его на Дорогомиловское еврейское кладбище. По дороге он устал, решил сесть на трамвай. Остальное известно.

Было сделано вскрытие, установлено, что мальчик умер естественной смертью. На тот раз дело на этом кончилось. Но прошла примерно неделя — и трамвайная стрелочница, на глазах которой разыгралась та история, увидела на Театральной площади этого самого старика Меера Гиндина с мешком, в котором лежал какой-то длинный предмет. Она потребовала,

чтоб ои раскрыл мешок и показал, что он в ием иесет. Когда старик спросил, какое ей до этого дело, она закричала на всю площадь, собирая прохожих, что старик-еврей иесет в мешке зарезаиного христианского ребеика.

Мигом собралась огромная толпа и потребовала, чтоб старик развязал мешок. И когда он его развязал, в ием оказался трупик годовалого мальчика.

Тут словно из-под земли в толпе появились какие-то личиости, выкрикивавшие: «Жиды ребенка зарезали!», «Бей его, старого черта!», «Бей жидов, спасай Россию от христопродавцев, от баидитов, что грабят церкви и икоиы!»

Нашлись все же люди, которые уговорили толпу пойти со стариком в милицию. История повторилась: ребеиок-еврей, бедняки родители, только ие приезжие, а москвичи; смерть от воспалеиия легких. Но на этот раз, так как события прииняли острый оборот, был вызваи судебио-медицинский врач и приглашеиы поиятые из толпы, а также свящеиник из церкви в Столешниковом переулке.

Одиако по городу уже успели расползтись зловещие слухи. Чтоб положить им конец, решено было провести по этому делу открытый судебиый процесс.

Суд был иазначен иа следующий же деиь в Большой аудитории Политехнического музея. На скамье подсудимых сидели Меер Гиидии, заведующий Дорогомиловским еврейским кладбищем и комендант пропускиого пуикта, обвииняемые в иарушеиии саиитариых правил захороиеиия умерших, а рядом с иими — три человека, призывавшие к расправе иад Гиидиим.

Зал судебиого заседаиия был так полон, что с трудом удалось поставить скамью подсудимых. Наконец раздалось «Суд идет!» Судили председатель Московского горсуда Смириов и два присяжиых заседателя.

— Обвиняемый Гиндии!

Со скамьи подсудимых поднимается согбеииый в три погибели старик, одетый в лохмотья.

— Призиаете себя виновным?

— Мие давали, так я иес...

— С какой целью вы это делали?
— Цель? Какая цель? Кусок хлеба моя цель...

— Обвиияемая Ромаиова! Кем вы работаете?
— Стрелочиицы мы, трамвайиые стрелочиицы.
— Что можете показать...
— Чего мие показывать, господии мировой? Ничего ие видала, слыхом ие слыхала...
— Но вы были иа Театральиой площади?
— Была... Пропустила это я иа стрелке шестой иомер трамвая. Смотрю: толпа кричит «Жид ребеика тащит». Все бегут, иу и я побежала...
— Вы били обвиияемого Гиидииа?
— Ничего я ие била, только за бороду таскала...

— Обвиияемый Серафимов, чем вы заиимаетесь?
— Да вот так вот... Ну, зиачит, заиимаюсь...
— Чем же заиимаетесь?
— Да вот так вот, граждаии судья, деиег вот так вот ие хватает... Ну и купишь билетик в театр...
— Почему ж, если вам ие хватает деиег, вы покупаете билеты в театр?
— Так что купишь, а потом билетик этот продашь...
— Зиачит, вы театральиый барышиик?
— Барышиику капитал иужеи, а у меия еле для оборота хватает.
— Вы призывали избивать евреев?
— Нет, граждаии судья. Я только спросил у своего приятеля, возможио ли, что евреи пьют христиаискую кровь? А когда ои сказал, что да, пьют, я вот так вот вполие иителлигентио высказался, что жидов...

— Обвиияемый Ефремеиков, как было дело?
— А вот как было. Аккурат иду это я пообедамши. Гляжу: толпа-толпища! Спрашиваю у этой вот тетеиьки, у стрелочиицы-та: «Зарезали кого али што?» А тут сзади кричат: «Бейте их!» Аккурат и я тут. Ну, меия и забрали. А больше иичего ие было.
— А вы-то сами что-иибудь крикиули?
— Ну, коиешио, оиа — мие, я — другому болтиул,

от человека к человеку и пошло. А потом милиционер-та говорит мне, что я кричал: «Бей жидов»...

— А вы это кричали?

— Да кто его знает? Аккурат шел это я пообедамши. Гляжу: толпа-толпища. Эти вот тетенька стоят, стрелочница-та...

И пошла сказка про белого бычка!

Свидетели показали: родители — что они дали Гиндину отнести труп ребенка потому, что они бедны; священник — что никаких признаков насильственной смерти на трупе не было. Судебно-медицинские эксперты подтвердили факт естественной смерти. Допрошенный в качестве эксперта раввин Мазе разъяснил, что по еврейскому обычаю обряду похорон не придается большого значения, чем и объясняются действия родителей и обвиняемого Гиндина.

Суд выслушал общественного обвинителя Иннокентия Стукова, считавшего, что комендант пропускника и заведующий кладбищем, зная о напряженности атмосферы в связи с проводимым изъятием церковных ценностей, проявили преступную небрежность и этим привели к событиям, которые могли закончиться трагически, а посему они должны понести наказание. Что до Романовой, Серафимова и Ефременкова, в них общественный обвинитель видел лишь слепое орудие контрреволюционной агитации.

Защитники заведующего кладбищем и коменданта пропускника считали, что их подзащитные не могли предусмотреть того, что случилось. Это не их вина, а несчастный случай. Защитник Романовой, Серафимова, Ефременкова говорил, что его подзащитные — жертвы духовной слепоты. Не их вина, что они невежественны. Невежество нельзя искоренить тюрьмой...

Суд удалился на совещание...

Он совещался шесть часов, но в зале не редело, а наоборот, с улицы, несмотря на все усилия охраны, просачивалась новая и новая публика, в жарких спорах толпилась в зале и в коридорах. Тут были и свои прокуроры, и свои защитники.

Уже за полночь раздался возглас: «Суд идет!»

С глухим шумом все поднялись с мест. В полнейшей тишине председатель суда Смирнов огласил приговор.

Считая безусловно доказанным, что оба мальчика умерли естествеиной смертью, суд в то же время признал виновными в преступной халатности комендаита пропускника и заведующего кладбищем и приговорил их к принудительным работам по месту службы.

Романову, Ефременкова и Серафимова суд признал виновными в ведеиии черносотеиио-антисемитской агитации. Учитывая их невежество и считая их слепым орудием в руках опытных черносотенцев и врагов Советской власти, суд счел возможным ограничиться строгим общественным порицанием.

В отношеиии старика Гиндина, вина которого в нарушении санитарных правил доказана, суд, считая, что нельзя карать дряхлого и голодного человека, таскающего на кладбище трупы за кусок хлеба, постановил: 1) от наказания Гиндина освободить; 2) предложить Собесу обеспечить его необходимым для существоваиия.

Огласив приговор, председатель суда Смирнов обратился к присутствующим в зале с напутствием:

— Пусть каждый честный и сознательный гражданин, уходящий отсюда, считает своим долгом, своей добровольиой и святой обязанностью разъяснять всем этим Романовым, Ефременковым и Серафимовым настоящую сущность этого процесса; пусть каждый уйдет отсюда не только со смехом, но и со скорбью в душе; пусть каждый поможет нам побороть темноту и средневековье — это наследие царско-церковиого мракобесия...

Как-то странно встает в памяти та зима.

Словно долгий запутанный сон, в котором идешь-идешь по длинной улице посреди сплошных деревяиных заборов, сверху донизу залепленных налезающими друг иа друга, пестрыми афишами. Кино сулит любовные трагедии: «Молчи, грусть, молчи!», «Позабудь про камин» или же обещает «Комический боевик длиной две тысячи метров», «Дамы курорта не боятся даже черта!» Кабаре и варьете зазывают то иа «Вечер беспрерывного смеха», то на «Флирт богов». Рестораны приглашают на бли-

ны, пироги, расстегаи, водки, вина, коньяки, уху стерляжью, уху белужью, лучшие артистические силы, отдельные кабинеты, радостные настроения, танцы до утра.

А над этим блудом, над свиными рылами вместо лиц бьет по сердцу плакат: черный фон, белый, иссохший от голода старик, воздетые в мольбе руки: «ПОМОГИТЕ!»

К середине мая Советская власть доставила в Поволжье двадцать пять миллионов пудов семенного зерна. Сто пять процентов задания!

И произошло чудо: лежавшая пластом деревня собрала остаток своих сил и поднялась, готовая к новому напряжению, к новой схватке со смертью.

На пункты раздачи семян потянулись не люди, а тени с мешками за спиной. Редко у кого была — тоже похожая на тень — лошаденка.

Семена тащили на себе. Пахали на себе, впрягаясь в соху по десять человек. Падали, лежали на земле, поднимались, снова пахали. Если не могли тянуть соху, ковыряли землю лопатами. Ели курай, помет, падаль, но высеяли все семена до единого зернышка. Те, которые получили, и те, что нашли в изголовьях умерших голодной смертью.

Это был необыкновенный подвиг, перед которым тогда же преклонялась страна, назвавшая этот сев «Великим севом», «Героическим севом».

Весна в тот год выдалась не ранняя и не поздняя. Перед самым севом прошли обильные дожди. Зерно ложилось во влажную молодую пашню. Быстро зазеленели густые всходы. К концу мая выколосилась яровая рожь. Пшеница пошла в трубку. Все обещало хороший урожай. И те, кто буквально кровью своей засеяли эти поля, мечтали теперь об одном: дожить до нового хлеба!

Когда в Поволжье посылали семенное зерно, кое-кто предполагал, что не меньше третьей его части, а то и половину крестьяне съедят: «Это неизбежно, инстинкт жизни заставит».

Эти люди ие зиали русского крестьяиииа, его чувства к земле: человек может умереть, ио земля должиа быть засеяиа, в ией — жизиь...

13

Хотя в ту зиму Владимир Ильич и сказал в одиой из своих речей, что его болезиь иесколько месяцев ие давала ему возможиости иепосредствеиио участвовать в политических делах и вовсе ие позволяла исполиять советскую должиость, иа которую ои поставлеи, ио когда пытаешься охватить взглядом все, что сделаио им за это время, то — в который уже раз! — потрясает огромиость и неисчерпаемое богатство того, что им иаписаио, сказаио и претвореио в жизиь за столь короткий срок.

Ровио за год — с двадцать седьмого марта 1921 года (дата первого большого выступлеиия Леиииа после Десятого съезда партии) по двадцать седьмое марта 1922 года (деиь открытия Одиииадцатого партийиого съезда) — статьи Леииа, плаиы к ним, важиейшие письма и стеиограммы его речей заиимают в пятом издаии Собраиия его сочиieиий около тысячи страиниц убористого печатиого текста.

Но дело ие только в количестве страиниц. Это особеииые статьи и особеииые речи: в иих Леиии обогащает учеиие о построеиии социализма разработкой положеиий, которые получили иаимеиоваиие иовой экоиомической политики.

В коице марта в Москве открылся Одиииадцатый съезд партии. Последиий съезд, в работе которого прииимал участие Леиии.

Каждое историческое событие происходит в свой месяц и час. В тот же месяц и час происходят иные положеиные этому месяцу и времеии года явлеиия в мире природы. Было бы глупостью устаиавливать между этими двумя рядами событий и явлеиий причиииую или иную связь. И в то же время порой иевозможио отделаться от какого-то подсозиательиого ощущеиия, что природа с чутьем истиниого художиика подбирает иаиболее выразительные фоиы и обрамлеиие для деяиий человеческой истории: вспомиим хотя бы буриые порывы октябрьского ветра в иезабываемую осеиь семиадцатого года, вспомиим

ливии и летиие грозы в дии, когда в Москве заседал Пятый съезд Советов и левые эсеры подияли свой мятеж, вспомиим иевериую белизиу и полыиьи кроиштадтского ледового поля во время Десятого съезда партии, вспомиим мороз, сковавший землю в дии, когда Россия прощалась с Леииим.

Одиииадцатый съезд партии связаи в моей памяти с приходом весиы — русской весиы, которая долго подступает тихими шагами, а потом словио в одиу иочь иаполияет мир пеиием птиц и шумом вешиих вод.

Откуда же пришло чувство виутреиией связи между поэтическим расцветом русской весиы и, казалось бы, сугубой прозой вопросов, которые обсуждал Одиииадцатый съезд партии? Быть может, оио возиикло потому, что съезд этот происходил весиой? Нет! Десятый съезд тоже ведь происходил весиой.

Причииа в том, что зимиий перевал был преодолеи. Впереди — весиа.

И таким же весеиием был доклад Леииа.

«Речь товарища Леииа,— писал в отчетиой корреспоидеиции сотрудиик «Известий»,— дышала его обычиым оптимизмом, иесмотря иа ряд упреков, которые ои бросал по адресу иашей иеумелости, иесуразиости и бестолковщииы. Ряд остроумиых шуток, характериых иитонаций и жестов способствовали устаиовлеиию виимательиой и товарищеской связи между докладчиком и аудиторией. Съезд проводил товарища Леииа дружиыми аплодисмеитами».

Так вспомииал эту речь человек, который только что ее слышал. Такое же чувство вызывает оиа, когда перечитываешь ее сейчас, четыре десятилетия спустя.

Между тем Владимир Ильич в эти дии писал товарищам: «Я болеи. Совершеиио *не в состоянии* взять иа себя какую-либо работу», «Нервы у меия все еще болят, и головиые боли ие проходят». Ои чувствовал себя иастолько плохо, что даже просил плеиум Цеитральиого Комитета партии иазначить иа съезд дополиительиого докладчика, ибо ие был увереи, что у иего хватит сил сделать этот доклад.

Ни врачи, ии ои сам еще ие поияли истиииого характера его болезии и отиосили ее иа счет крайиего

переутомлеиия. Но ои словио предчувствовал, что ему иедолго осталось жить, и торопился сказать и сделать как можио больше. Казалось, мозг его работает иеустаино. Владимир Ильич иабрасывал краткие заметки, плаиы, зачиины и фрагмеиты будущих статей, иногда одии лишь иамек, одио указаиие из иескольких фраз, содержавших иовые повороты, иовые оттеики мысли, иовые вехи иа еще ие исследоваииой тропе.

И выступил иа съезде. Выступил так, что иикто из присутствующих ие мог и подумать, что ои болеи.

Его выступлеиие трудио даже назвать речью, скорее это была свободиая, иеприиуждеиио разворачивающаяся беседа в доверительиом, разговорием тоие. Леиии тщательио продумал свой доклад, до иас дошло четыре вариаита составлеииого им плаиа, ио кости этого плаиа иигде ие торчали иаружу. Леиии говорил без бумажки. У слушателей создавалось ощущеиие вольиой импровизации, в которой идеи и мысли рождаются у иих иа глазах.

В такие мииуты Леиии — позволим себе примеиить к иему образ, заимствоваииый иами из одиой его речи,— иапомииал строителя, который проводит иитку, помогающую иайти правильиое место для кладки, указывающую иа коиечиую цель общей работы, дающую возможиость пустить в ход ие только каждый камеиь, ио и каждый кусок камия, который, смыкаясь с предыдущим и последующим, возводит закоичеииую и всеобъемлющую лииию.

Леиии щедро прибегал в своей речи к столь любимому им сталкиваиию, казалось бы, далеких поиятий — пример: «О вреде уиыиия, о пользе торговли»,— добиваясь этим постижеиия явлеиий во всем их охвате и взаимосвязаииости. Сопоставлял коммуииста, сделавшего величайшую революцию, «иа которого смотрят если ие сорок пирамид, то сорок европейских страи с иадеждой иа избавлеиие от капитализма», и до того святого, что в рай живым просится, с рядовым приказчиком, который бегал в лабаз десять лет, остался беспартийиым, а может быть, и даже иаверио белогвардейцем,— и после этого спрашивал коммуииста: «А дело делать умеете?» И отве-

чал, что в отличие от прнказчика, который это дело знает, «он, ответственный коммуннст и преданный революционер, не только этого не знает, но даже не знает и того, что этого не знает».

С естественной простотой, источнником которой была его постоянная блнзость к народу, Ленин пересыпал свою речь обыденными словами, оборотами, выраженнямн, что делало ее особенно впечатляющей: «плохенький», «малюсенький», «загвоздка», «навоз», «шумнха», «трескотня», «бестолковщина и безалаберщнна», «сутолока, суматоха н ерунда», «деляги и мошенникн», «пересол», «гвоздь вопроса», «у нас направо и налево махают приказамн и декретами, и выходит совсем не то, чего хотят», «погрязнем, потонем в мелкнх интрнгах», «откуда это вытекает? Это ннотку да не вытекает», «лнбо мы это докажем, лнбо он нас пошлет ко всем чертям»... А рядом с этнмн словами и оборотами, почерпнутымн из обнходной русской речн, прнбегал к словечкам, которые придумывал сам, подтрунивая прн этом над тем, до чего довелн всяческне сокращения великий русский язык.

Еслн попытаться свестн к сжатому пересказу все богатство поставленных Ленинным вопросов н выплывавших нз ннх обобщенний и выводов, то он говорнл в этом своем докладе о Генуэзской конференции («Мы себя в обиду не дадим. Нас не побнлн — и не побьют, н не обманут») и об итогах первого года новой экономической политнкн. Снова и снова подчеркивал, что новая экономическая политика важна нам прежде всего как проверка того, что мы действительно достиглн смычки между социалистической работой по крупной промышленностн и сельскому хозяйству с той работой, которой занят каждый крестьяннн.

«Надо показать эту смычку, чтобы мы ее ясно вндели,— подчеркивал он,— чтобы весь народ ее видел и чтобы вся крестьянская масса видела, что между ее тяжелой, неслыханно разоренной, неслыханно ннщенской, мучнтельной жнзнью теперь и той работой, которую ведут во нмя отдаленных соцналистическнх ндеалов, есть связь... Наша цель — восстановить смычку, доказать крестьянину деламн, что

мы умеем ему помочь, что коммуннсты... ему сейчас помогают на деле... Вот какой экзамен на нас немнуемо надвнгается, н он, этот экзамен, все решнт в последнем счете: н судьбу нэпа н судьбу коммуннстнческой властн в Россни.

Но достнчь этого, напомннал Леннн, можно, лншь умея хозяйннчать. А мы хозяйннчать умеем? Нет, отвечал Ленин, мы хозяйннчать не умеем.

Не страшась самой горькой правды, он обрушнвался на обломовщнну, с одной стороны, а с другой — на тягу к адмннистрнрованню и реорганизациям, прн которых «все суетятся, получается кутерьма; практнческого дела ннкто не делает, а все рассуждают...».

Вот тут-то н рождалнсь его бнчующне словечкн о «комкуклах», «комчванстве», «комспесн», «сладеньком комвранье», от которого «тошнит».

— ...В новом, необыкновенно трудном деле надо уметь начннать сначала несколько раз,— говорнл он,— началн, уперлнсь в тупик — начннай снова,— н так десять раз переделывай, но добейся своего, не важннчай, не чванься, что ты коммунист...

Требовал от партнн бережного отношення к людям, к нх труду и творческнм возможностям. Ко всем, даже к бывшнм буржуям.

— Это еще полдела, еслн мы ударнм эксплуататора по рукам, обезвреднм н доконаем,— говорнл он.— А у нас, в Москве, нз ответственных работнников около 90 человек нз 100 воображают, что в этом все дело, т. е. в том, чтобы доконать, обезвреднть, ударнть по рукам.

И ставнл всем в прнмер замечательного весьегонского коммуннста Александра Ивановнча Тодорского, рассказавшего в своей кнпге «Год — с винтовкой н плугом», как он в восемнадцатом году, прнступая к оборудованню двух советскнх заводов, прнвлек к работе бывшнх буржуев.

Средн представнтелей печатн, прнсутствовавшнх на Одннадцатом съезде партнн, находился Максимнлнан Гарден, которого звалн «велнканом» германской публнцистнкн. Не коммуннст, не соцнал-демократ, но левый раднкал, он прославнлся смелымн разоблаченнямн германской прндворной среды и верхов буржуазнн н был

героем иескольких судебиых процессов. Германские фашисты ие могли ему этого простить и в середиие двадцатых годов пытались убить его.

По духу, по темперамеиту, по мировоззреиию ои прииадлежал к породе обличителей. Статьи его исполиеиы иасмешкой, гиевом, сарказмом. То, что ои пишет о Леиииe,— это в его деятельиости редкое, может быть, даже едииствеииое исключеиие.

«Тот самый Леиии,— пишет ои,— который иемилосердио высмеял призыв Струве «идти на выучку к капитализму», произиес, при совершеиио другой обстаиовке, можио сказать, под другим иебом, зиамеиитые слова: у каждого дюжииного приказчика мы можем и должиы учиться. Ои иикогда ие был более великим, чем в этой своей речи иа Одииидцатом съезде партии, в этой величествеиио-жестокой откровеииости своего призиаиия... Червь болезии уже подтачивал его тогда, ио, прежде чем закатилось солице его мысли, иебо еще раз засияло под его лучами,— и ие было еще утра, ие было еще полдия с таким ослепительиым блеском...»

Сиова и сиова повторял Леиии мысль, что построить коммуиистическое общество руками одиих только коммуиистов иевозможио. С презреиием отзывался о тех, кто думают о иароде свысока,— иеразвитой, мол, иарод, ие учился, мол, коммуиизму.

— Нет, извииите,— отвечал иа это Леиии,— ие в том дело, что крестьяиии, беспартийиый рабочий ие учились коммуиизму, а в том дело, что миновали времеиа, когда иужио было развить программу и призвать иарод к выполиеиию этой великой программы. Это время прошло, теперь иужио доказать, что вы при иыиешием трудиом положеиии умеете практически помочь хозяйству рабочего и мужика...

Несколько раз возиикает в его речи любимый им образ цепи и ее звеиьев:

— Политические события всегда очеиь запутаины и сложиы,— говорил ои.— Их можио сравиить с цепью. Чтобы удержать всю цепь, иадо уцепиться за осиовиое звеио.

Но чем-то этот образ его ие удовлетворяет. Ои ищет другой. Находит. Записывает в плаи речи: «Гвоздь моменита» (звеио цепи)...

В различной связи, поворачивая то так, то этак, возвращается он к этому образу, чтоб в речи при закрытии съезда сказать:

— Весь гвоздь теперь в том, чтобы авангард не побоялся поработать над самим собой, переделать самого себя, признать открыто свою недостаточную подготовленность, недостаточное уменье. Весь гвоздь в том, чтобы двигаться теперь вперед несравненно более широкой и мощной массой, не иначе как вместе с крестьянством, доказывая ему делом, практикой, опытом, что мы учимся и научимся ему помогать, его вести вперед. Такую задачу при данном международном положении, при данном состоянии производительных сил России можно решить, лишь решая ее очень медленно, осторожно, деловито, тысячу раз проверяя практически каждый свой шаг...

Партия в целом поняла и делами теперь докажет, что поняла необходимость построить в данный момент свою работу именно так и только так. А раз мы это поняли, мы сумеем добиться своей цели!

Газета, в которой был напечатан отчет о речи Ленина на Одиннадцатом съезде, дошла до села Гладкие Выселки Михайловского уезда Рязанской губернии. Там ее прочел крестьянин И. Перепухов. Первой мыслью его было: «Достукались коммунисты! И возрадуются же кулаки и попы, когда узнают, как Ленин их начистил...» А потом поразмыслил и решил: так и надо, правильно. Правильно поступает Ленин, когда открыто, честно признает, что за первый год хозяйствования коммунисты не научились вести хозяйство хотя бы не хуже, чем вели его капиталисты. Ну а мы, крестьяне, которые хозяйствуем на земле не один год, а многие века, мы-то научились вести хозяйство как следует?

Все эти мысли и вопросы так взволновали И. Перепухова, что он решил написать о них в «Бедноту».

— Пусть Владимир Ильич ругает коммунистов,— писал он.— Пусть учит. На то у него право. Был бы от этой учебы прок!

Я пытаюсь вспомнить Ленина, каким он был на этом съезде,— я видела его тогда в последний раз. Свидетельствовало ли хоть что-нибудь о его болезни? Нет, решительно нет!

Он был такой же, как всегда, быстрый, подвижный, веселый.

И съезд был веселый, хотя кругом еще стоял густой частокол опасностей и трудностей.

Почему ж так было? Думается мне, потому, что как ни полна была речь Владимира Ильича суровой, хлещущей правды, но ее «подпочвой», говоря словами Ленина, была мысль, которую он уже высказал незадолго до того и снова повторил на съезде и которая для всех нас была так же радостна, как победа в боях гражданской войны: отступление окончено!

Та цель, которая преследовалась отступлением, была достигнута. Маневр отступления для будущего наступления — отступить, чтоб получить разбег для нового прыжка,— завершен.

Подводя итог этому отступлению, Ленин писал: «Вполне достаточно у нас средств для победы в **нэпе:** и политических и экономических. Вопрос *«т о л ь к о»* в *культурности!*»

И отсюда следовало:

«...Наше экономическое отступление мы теперь можем остановить. Достаточно. Дальше назад мы не пойдем...»

В самом ритме этих слов заложен веселый звон: *«Дальше назад мы не пойдем».*

Мне вспоминается теплый синий вечер, полный многоголосого шума. Любимое место Москвы, которое на тогдашнем «телеграфном» языке молодежи называлось: «Твербуль у Пампуша» (Тверской бульвар у памятника Пушкину). Церковный благовест. Слабый запах весны.

Только что мы устроили у себя в студенческом общежитии роскошный пир: в складчину купили на два миллиона рублей селедок, на миллион заварку чая, на три миллиона белого хлеба. Пир на весь мир в честь того, что отступление окончено и дальше назад мы не пойдем!

Счастливые и сытые сидим на Твербуле у Пампуша. С добродушным презрением посмеиваемся над проплывающими мимо нас нэпманами. Раскачиваемся в такт перезвону колоколов ближней церкви. Не стесняясь Пушкина, который глядит на нас с высоты своего вели-

чия, складываем строфы чего-то, что, как и «все церковное», именуем «акафистом»:

Радуйся диалектике Гегеля, тобой углублениой,
с головы иа ноги устаиовлеиной,
Радуйся, о Марксе, чудотворец великий!
Радуйся, Энгельс, брадатого Маркса вернейший сподвнжнпк.
Радуйся ты, о Ильич, великий и мудрый,
к Октябрю иас победио приведшнй.
Нэп породивший, но нэпову скверпу аду предавший.

Политически и поэтически весьма малограмотно. Но нашим чувствам вполне соответствует...

РАЗДУМЬЯ В ГОРКАХ

1

Врачи требовали, чтобы Владимир Ильич немедленно прекратил работу и уехал отдыхать. Он соглашался, но откладывал отъезд «на денек», «еще на денек», «еще на два денька» — вот только распределит обязанности между своими заместителями и договорится о том, как они будут работать, да напишет телеграмму Чичерину, который ведет переговоры в Генуе, и письмо Сокольникову по вопросам финансовой политики, и дополнения к проекту «Вводного закона к Уголовному кодексу РСФСР», и подготовит решения о мерах для развития радиотехники, и приведет в порядок свои бумаги, и даст последние распоряжения секретарям. О чем? Да о присылке ему в Горки книг и газет. «Но вы же обещали, что совершенно не будете работать!» — «А разве чтение — работа?»

Уже миновала середина мая, а Владимир Ильич все еще был в городе. Настал, однако, день, когда откладывать дальше было невозможно,— и он уехал в Горки.

Впервые он провел около трех недель в Горках осенью восемнадцатого года, после совершенного на его жизнь покушения.

Близкие товарищи считали, что только начинавшего оправляться от ран Владимира Ильича следует увезти из Москвы. Но куда?

Сначала предполагали поступить примерно так же, как за год до того, когда Владимиру Ильичу угрожала расправа со стороны Временного правительства: поселить под видом приезжего родственника в деревне у какого-нибудь надежного крестьянина или же в семье рабочего в одном из подмосковных рабочих поселков. Зная спартанские привычки и неприхотливость Владимира Ильича, товарищи были уверены, что это ему понравится. Но беспокоил связанный с таким решением риск:

Владимир Ильич много раз выступал на массовых митингах, его знали в лицо и могли опознать. После долгих поисков и раздумий план был изменен: решено было подыскать бывшее помещичье имение, устроить в нем совхоз или сельскохозяйственную коммуну, обеспечить охрану и поселить там Владимира Ильича.

Выбор пал на Горки — бывшее имение царского генерала Рейнбота. Дом привели в порядок, убрали. Но когда Владимиру Ильичу предложили туда переехать, он наотрез отказался и заявил, что, во-первых, он вообще не собирается уезжать из Москвы, во-вторых, он не желает жить в барском доме, в-третьих...

Переубедить его стоило большого труда. Решил довод, к которому прибег Свердлов: в тысяча девятьсот пятом году в Горках, которые тогда принадлежали Савве Морозову, скрывался одно время Николай Эрнестович Бауман. Владимир Ильич дал согласие на переезд, но при условии, что будет жить не в самом доме, а в боковом флигеле. Только много времени спустя он уступил настояниям и стал жить в главном здании, которое было прозвано Большим домом.

Этот Большой дом он не любил, особенно невзлюбил он большие комнаты второго этажа с их купеческой претенциозной роскошью. А парк и окрестности ему полюбились.

Быть может, высокая гора, холмы и волнистая равнина, чувство пространства и открытого воздуха, развернутые дали, уходящие за край небес, запущенный парк, крутые, заросшие кустарником склоны — все это напоминало ему Симбирск, «Старый Венец», обрыв к Волге, широкие просторы Заволжья. Недаром в семье Ульяновых беседку у обрыва в Горках прозвали «Венцом».

Ленин привязался к Горкам. Много раз приезжал сюда поработать, побродить среди полей и лесов.

И нигде так не чувствуешь Ленина-человека, нигде так о нем не думается, как здесь, в Горках.

В тот год Владимир Ильич приехал в Горки на все лето. И едва приехал, его обступили воспоминания.

Обступили, не могли не обступить. Ибо его приезд в Горки совпал с тридцать пятой годовщиной со дня казни его старшего брата Александра Ильича Ульянова.

Сколько прошло уже лет, а рана не зарубцовывалась: слишком велика была утрата, трагичны обсто-

ятельства, невозвратен тот, кого потеряли. И когда прошло еще пять лет и настала сороковая годовщина гибели Александра Ильича, старшая в семье — Анна Ильинична писала, что и теперь ей все еще трудно глубоко ворошить прошлое, трудно запечатлеть его на бумаге, н если личные пережнвания придают обычно повествованню живость и наглядность, то острое н больное чувство, которое она испытывает при мысли об Александре Ильиче, сковывает язык н делает рассказ мучительным.

В ряду годовщин со дня казни Александра Ильича тридцать пятая была одной из самых тяжкнх, самых мучнтельных, так как в канун ее семья Ульяновых впервые познакомилась с подлнннными судебными и жандармскимн документами по делу погибшего брата.

Эти документы былн доставлены в Москву, в только что созданный или только еще создававшийся Архив Октябрьской революции. Года три спустя я слышала рассказ Михаила Степановича Ольминского о том, как Владнмнр Ильнч вместе с сестрами и с Надеждой Константиновной прншел в этот архнв, помещавшийся в старинном доме, на месте которого высится теперь новое здание Библиотеки им. В. И. Ленина. Владимир Ильич вошел очень бледный, в каждом движении его чувствовалась сдерживаемая тревога. Заранее приготовленные документы лежалн на столе. Хотя Владимир Ильнч знал о том, что его ожидает, он вздрогнул, увидев переплетенный том, на котором пнсарскнм почерком с завитушкамн было выведено: «ДЕЛО 1 МАРТА 1887 ГОДА», и не мог сразу раскрыть этот том; помедлил, подержал в руках, видимо, сделав над собой усилие, чтоб подавить волнение, и лишь потом раскрыл его. И по мере того, как он вчитывался в страннцы этого дела, он бледнел н бледнел, н, как выразился Ольмннскнй, стоявшне рядом буквально физически чувствовали, как у него перехватывает дыханне.

В семье Ульяновых об Александре Ильиче старались не говорнть. «Все мы держалнсь после нашего несчастья тем, что щадили друг друга,— писала Анна Ильинична.— А потом я совсем не могла первые годы говорить о Саше, разве только с матерью». И даже несколько лет спустя в разговоре с И. Х. Лалаянцем, на его вопрос о деле Александра Ильича, Владимир Ильич сказал: «Для всех нас его участие в террористическом акте было совершенно неожнданным. Может быть,

сестра зиала что-иибудь,— я иичего ие зиал...» Следовательио, Владимир Ильич даже ие зиал, что и сестру, жившую в то время в Петербурге и арестоваииую в связи с делом брата, Александр Ильич ие посвятил в свой замысел.

Но как ии сдержаииы были мать и сестра, кое-что оии рассказали. Кроме того, Владимир Ильич зиал о деле брата и ие от иих.

Еще до того как Мария Александровиа вериулась в Симбирск после казии Александра Ильича, было опубликоваио «Правительствеииое сообщеиие о деле 1 марта 1887 г.», в котором говорилось об «обиаружеиием 1 марта злоумышлеиии иа жизиь Свящеииой Особы Государя Императора» и об арестоваииых по этому делу, кои, «прииадлежа к преступиому сообществу, стремящемуся ииспровергиуть, путем иасильствеиного переворота, существующий государствеииый и обществеииый строй... согласились между собой посягиуть иа жизиь Свящеииой Особы... Ульяиов прииимал самое деятельиое участие как в злоумышлеиии, так и в приготовительиых действиях к его осуществлеиию...». И страшиые заключительиые строки: «Приговор Особого Присутствия Правительствующего Сеиата о смертиой казии через повешеиие иад осуждеииыми... приведеи в исполиеиие 8 сего мая 1887 года».

Несмотря иа полицейские рогатки, в общество просочились подробиости суда. Присутствовавшие иа ием рассказывали про то, что видели. Рассказывали об Александре Ульяиове, речь которого по силе приравииивали к речи Желябова иа судебиом процессе по делу первого марта тысяча восемьсот восемьдесят первого года. Потом с далекой сибирской каторги пришло иесколько писем одиодельцев Александра Ильича. А в тысяча девятьсот пятом году из Шлиссельбурга вышли узиики, осуждеииые по этому делу, и рассказали иовые его подробиости.

Но все это — одио, а подлиииые докумеиты, подлиииые протоколы допросов, подлиииые, посмертио прочтеииые, показаиия, иаписаииые родиой рукой,— иное. Одио дело зиать об аресте брата, другое — увидеть воочию, каким образом чудовищиое легкомыслие одиого из участииков тайиого общества позволило полиции иапасть иа его след и обрекло иа гибель самого виновиика провала и его сотоварищей. Одио — созиавать умом, что брат прошел, должеи был пройти следствие,

был судим, казнен, другое — читать страницу за страницей изложенные жандармским слогом бумаги и собственными глазами видеть, как пришла в действие полицейская машина, как захватила она любимого брата, втолкнула его в каземат Петропавловской крепости, дотащила до эшафота и затянула петлю на его шее.

Все больше и больше бледнея, Владимир Ильич вчитывался в страницы, исписанные порыжевшими от времени чернилами. Департамент полиции перехватил подозрительное письмо... За участниками тайного общества установлено неусыпное наблюдение... Среди подозрительных лиц департамент полиции называет Александра Ульянова... На Невском проспекте арестованы метальщики... При них обнаружены бомбы...

И показания двух трусов, в первый же день предающих всех, кого они знали, в том числе Александра Ульянова.

И протокол первого допроса Александра Ильича: «1887 года. Марта 3 дня, я, Отдельного Корпуса Жандармов Ротмистр Лютов... расспрашивал нижепоименованного, который показал:

Зовут меня Александр Ильич Ульянов, от роду имею 20 лет 11 месяцев... холост; отец мой умер; мать моя Мария Александровна Ульянова проживает в г. Симбирске; имею двух братьев: Владимира, ученика Симбирской классической гимназии VIII класса, Дмитрия, ученика той же гимназии...»

Таковы трагические обстоятельства, при которых имя Владимира Ильича впервые попало на страницы жандармских дел. (Заметим в скобках, что впоследствии, когда Владимир Ильич вступил на путь революционной борьбы, жандармы в течение нескольких лет сопровождали каждое упоминание его имени пояснением: «брат казненного» или «брат повешенного». Но в какой-то момент перестали: видать, до их понимания дошло, что Владимир Ильич самостоятельная революционная величина, притом преогромнейшая.)

Но вот «Отдельного Корпуса Жандармов Ротмистр Лютов» заполнил анкетные данные и приступил к самому допросу. Мы не знаем, что именно он спрашивал, в протокол занесены лишь записанные Лютовым слова Александра Ильича: «На предложенные мне вопросы о виновности моей в замысле на жизнь Государя Императора я в настоящее время давать ответы не могу,

потому что чувствую себя нездоровым и прошу отложить допрос до следующего дня».

Владимиру Ильичу, разумеется, сразу стала ясна скрытая за этими скупыми строками трагедия, которую пережил на первом же допросе его брат: по вопросам жандармского ротмистра Александр Ульянов понял, что кто-то, находившийся близко к центру тайной организации, оказался предателем. И он решил оттянуть время, чтоб все обдумать и определить линию своего поведения.

А дальше лист за листом перед глазами Владимира Ильича разворачивалась эта трагедия: героическое поведение одних, предательство других, уклончивая осторожность третьих.

Александр Ульянов среди героев. О нем можно сказать словами его же речи на суде: он принадлежит к тем, для кого «не составляет жертвы умереть за свое дело».

Какую боль должен был испытать Владимир Ильич, когда, перелистывая страницы дела, он дошел до показаний, написанных знакомым почерком брата, когда прочел эти показания, в которых Александр Ильич, чтобы спасти тех, чье участие в подготовке покушения на царя выплыло только благодаря показаниям двух предателей, взял на себя все, что им инкриминировалось. И непреклонные слова Александра Ильича: «Ни о каких лицах, а равно о называемых мне теперь Андреюшкине, Генералове, Осипанове и Лукашевиче никаких объяснений в настоящее время давать не желаю». И последние строки последних показаний на последнем допросе Александра Ильича, последние в его короткой жизни строки, в которых он, прекрасно понимая, что подписывает этим себе смертный приговор, твердым почерком написал:

«В заключение я хочу более точно определить мое участие во всем настоящем деле...

Мне, одному из первых, принадлежит мысль образовать террористическую группу, и я принимал самое деятельное участие в ее организации, в смысле доставления денег, подыскания людей, квартир и проч.

Что же касается до моего нравственного и интеллектуального участия в этом деле, то оно было полное, т. е. все то, которое доставляли мне мои способности и сила моих знаний и убеждений...»

А потом — суд, обвинительный акт, отказ Алек-

саидра Ульяиова от защитиика, его допрос, его речь иа суде, слова, которые ои шепиул сидевшему рядом с ииим иа скамье подсудимых Лукашевичу: «Если вам будет иужио, говорите иа меия...» И приговор. И завершающая дело очередиая казеииая бумага, страшиая и омерзительиая, как все ей подобиые:

«Сегодия в Шлиссельбургской тюрьме, согласио приговору Особого Присутствия Правительствующего Сеиата, 15/19 мииувшего Апреля состоявшемуся, подвергиуты смертиой казии государствеииые преступиики...

При объявлеиии им за полчаса до совершеиия казии, а имеиио в $3^{1}/_{2}$ часа утра о предстоящем приведеиии приговора в исполиеиие, все оии сохраиили полиое спокойствие и отказались от исповеди и прииятия св. таии...

Первоиачальио выведеиы для свершеиия казии Геиералов, Аидреюшкии и Осипаиов... По сиятии трупов вышеозиачееиых казиееиых преступиików были выведеиы Шевырев и Ульяиов, которые так же бодро и спокойио вошли иа эшафот...»

В семье Ульяиовых дети росли и дружили близкими по возрасту парами: Аииа и Алексаидр, Ольга и Владимир, Мария и Дмитрий. Естествеиио, что выполиеиие долга перед памятью брата взяла иа себя старшая сестра. Аииа Ильиичиа писала о ием и собирала воспомииаиия тех, кто его зиал, первой в семье озиакомилась оиа со следствеииым и судебиым делом, к тридцатипятилетию гибели брата оиа хотела выпустить в свет его биографию.

Сделать это ие удалось. Поэтому в годовщиию казии одиа страиица «Правды» была посвящеиа делу Первого марта тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года, Алексаидру Ульяиову, каким ои запомиился встретившим его в последиий раз Чеботареву и Бартеиеву — с вдохиовеииым лицом, освещеииым каким-то виутреиим светом, лицом человека, обрекшего себя иа смерть. В ией рассказывалось о последией иочи, проведеиией Алексаидром Ульяиовым в Петропавловской крепости, где чадила иебольшая керосииовая лампа, с трудом разгоиявшая мрак, и одиоделец Алексаидра Ульяиова Новорусский, прислушиваясь к доиосившемуся через стеиу лязгу железа, вдруг услыхал гулко и глухо отозвавшиеся под сводами шаги и звои каидалов.

Провелн первого закованного, за ннм второго, затем третьего, четвертого и пятого. Их вели, вероятио, в том же порядке, в каком оии былн перечислеиы в смертном приговоре: первым — Шевырева, вторым — Ульянова...

Звон каидалов был последним звуком, доиесшимся от Александра Ильича Ульяиова до слуха его друзей. Когда осужденных на смерть доставилн в Шлнсельбург, как ни вслушивались другие шлиссельбургские узинкн, они ничего ие услышали: эшафот был сооружеи за пределамн тюремного двора н доставлеи к месту казни в разобраином виде. Там, во дворе, у входа в старое здание, его установнлн без рубкн н стука, и иа рассвете, когда тюрьма спала, вывели осужденных и так же без звука лишили их жнзии.

Все эти страшиые подробностн Владнмнр Ильнч узиал накаиуне тридцать пятой годовщииы казни старшего брата.

Годовщииа эта была двадцатого мая.

В Горки Владимир Ильич переехал двадцать третьего мая.

А двадцать пятого мая у иего произошел первый удар.

2

Больной оставался в тяжелом состоянин около недели. Врачн предписали ему абсолютный покой.

Он лежал на втором этаже севериого флигеля в малеиькой угловой комнате, одно окно которой выходнт на запад, а второе — на север. Даже в солиечные дни в этой комиате полутемно: свет затеняют сетки от комаров н большне деревья, растущне под окнами. В ней очеиь тнхо, лншь ннногда тншнну нарушают какне-то неопределенные звуки, чьн-то голоса, стук колес на дальней дороге, мычание коровы за лесом, кваканье лягушек над прудом. Какнмн длнннымн должны былн быть бессонные иочн!

Постепеино Владнмнр Ильнч стал чувствовать себя физически лучше. Но прншло поннмаиие нстнннного характера болезни. Именно в эти днн он, постаравшнсь остаться наедине с приехавшим осмотреть его глаза профессором Авербахом, к которому нспытывал особое доверне, задал столь мучнвшнй его вопрос: паралнч лн это, пойдет лн он дальше?

Вспоминая уже после смерти Владимнра Ильнча этот разговор, профессор Авербах говорнл:

— Я уехал с тяжелым чувством, сопровождаемый всяческими проявлениями внимания к касающимся меня мелочам со стороны этого большого человека, который, чувствуя уже возможность своего конца, ясно уже ощущал с невыносимой болью невозможность видеть дальнейший рост своего великого дела, выстраданного всей жизнью.

Ночь, долгая ночь. Окно, слабо вырисовывающееся на фоне чуть подрумяненного закатом неба. Дежурящая ночи напролет Надежда Константиновна.

Если бы я умела писать о любви, я написала бы об этой любви. Любви, которая зародилась во время встреч на нелегальных собраниях, первые слова которой и решающее объяснение с предложением стать мужем и женой были написаны «химией» — невидимыми чернилами, проступающими, когда их нагревают над лампой или свечой,— и переслапы только что выпущенным из тюрьмы Владимиром Ильичем сидевшей в тюрьме Надежде Константиновне. Любви, озаренной романтикой поднимающейся рабочей революции, счастьем совместной борьбы, взаимным пониманием по одному слову, вздоху, молчанию.

Именно любви!

Как рассердилась Надежда Константиновна, когда некий бумагомаратель прислал ей свое сочинение, в котором, описывая ее приезд в Шушенское, изображал дело так, что, едва она приехала, они с Владимиром Ильичем уселись за перевод книги Веббов и все время только и делали, что корпели над этим переводом.

— Ведь мы же молодожены были, была поэзия, молодая страсть, а он заладил одно: «Вебб! Вебб!»...

Свой рассказ об этой любви я назвала бы «Зеленая лампа». В честь той лампы, которую Надежда Константиновна привезла Владимиру Ильичу в сибирскую ссылку.

Представьте себе Россию прошлого века, вымощенные булыжником улицы Петербурга, дребезжащую извозчичью пролетку, такие же дребезжащие, подпрыгивающие вагоны железной дороги, бесконечный путь в Сибирь по недостроенной еще Транссибирской магистрали, пересадки с поезда на поезд, с поезда на паром, с парома на поезд, на извозчичью пролетку, пароход, крестьянскую телегу — все это в пыли, бестолковщине,

сутолоке. И представьте себе молодую женщину, которая совершает этот многодневный путь, не выпуская почти ни на минуту из рук тяжелую медную лампу с зеленым стеклянным абажуром, и благополучно довозит эту лампу до далекого Шушенского!

И так вся жизнь: долгий путь, бесконечные препятствия, борьба за нелегальную партию, за революцию — и проходящая через всю жизнь любовь...

Мой друг Ваня Троицкий, который в восемнадцатом или в девятнадцатом году был курсантом Кремлевских курсов, рассказал мне, что однажды, когда он поздно вечером дежурил на посту у квартиры Ленина в Кремле, Владимир Ильич попросил его, как только он услышит внизу на лестнице шаги Надежды Константиновны, задержавшейся на каком-то заседании, постучать в дверь и позвать его.

Ваня вслушивался в ночную тишину. Все было тихо. Но вдруг растворилась дверь квартиры, и быстро вышел Владимир Ильич.

— Никого нет,— сказал Ваня.

Владимир Ильич сделал ему знак:

— Идет,— прошептал он заговорщическим шепотом и сбежал вниз по лестнице, чтоб встретить Надежду Константиновну. Она шла, ступая совсем тихо, но он все же услыхал.

Бывают в человеческой жизни события, которые словно бы и необязательны, но, раз случившись, приобретают особый, глубокий смысл.

Так первым самостоятельным шагом той, которой суждено было пройти жизнь вместе с Лениным, было письмо к Льву Николаевичу Толстому.

Ей было тогда восемнадцать лет. Письмо ее было откликом на обращенный к молодежи призыв Толстого помочь исправлению и улучшению издания книг для народа.

Она подготовила для печати одну книгу, это был «Граф Монте-Кристо». На этом участие Надежды Константиновны в издательских начинаниях Толстого кончилось: ее влекли иные пути, иные формы действия, чем те, к которым звал яснополянский мудрец. Но даже в самый разгар напряженнейшей политической борьбы, в ноябре семнадцатого года, она писала Ивану Ивановичу Горбунову-Посадову: «...теперь, когда

живешь с массой, часто переживаешь такое чувство, точно присутствуешь прн тайне одухотвореиия, очеловечення жнзни масс. И мие ужасио жаль, что иет художннка иастоящего, который мог бы в художествеиием произведеиин отразнть этот процесс. И так жалеешь, что иет в живых Льва Николаевнча!»

Не случайно после Октября Надежда Констаитиновиа взялась за труднейшее и столь близкое идеалам Толстого дело: лнквндацию иеграмотности. Плакаты ликбеза, которые издавались под ее руководством, учили народ читать языком революции: «Мы ие бары. Мы ие рабы... Заводы у бар — снла у бар. Заводы у иас — снла у иас». В букварях н азбуках для деревии вставала крестьяиская Русь, какою она тогда была: «Соха — Тараса. Хомут — Пахома. Топор — Гаврнлы. Сито — Парашн... Параша сушнт сухари. Параша, суши сухарн. Сушу, сушу сухари... На телеге Гаврила. Телегу везет Гиедко... Купил бы Гаврнла сала, да денег мало...»

По выражеиию, подслушаииому ею у одной работннцы, Надежда Константниовна «с великоторжествеиием аппетитом» вглядывалась, вслушнвалась в жизиь, чтоб рассказать обо всем Владнмнру Ильнчу. Даже когда его уже не стало, она ловила себя на том, что мысленно формулнрует то, что надо бы, хотелось бы рассказать ему.

Слушать ее всегда было иаслажденнем. О чем бы оиа ин говорнла, ей прнсущи были собственные слова, мягкая нроиня. Тут н иеожиданиые умеиьшительиые: «снлешкн», «днтюша», н перенначеиные иа свой лад слова: «пролетарнй достоподлинный», н подтруниванне над самой собою: «вид у меия селедочиый», «мечусь с караула на караул», «я тогда была совсем непишущая».

Помию, как-то была я иа заседаини, на котором прнсутствовала Надежда Константиновна. Скучный и нудиый докладчик долго жевал скучную и нудиую канитель. Потом начались пустопорожние прения. Надежда Констаитиновиа слушала-слушала, не выдержала и сказала:

— Товарнщи, да ведь вопрос этот ясен даже титечному ребенку...

Более четверти века прожили они вместе, почти не расставаясь. «Я крепко любила Ильича,— писала Надежда Константиновна,— то, что его волновало, волновало и меня; я старалась в меру своих сил и уменья помогать ему...»

Так было всегда, и в самое тяжкое для него время два самых близких ему человека — жена и сестра — неотступно были с ним. Надежда Константиновна дежурила у его постели, Мария Ильинична взяла на себя все хозяйственные заботы.

«Со стороны его близких, в лице Надежды Константиновны и Марии Ильиничны, как в периоды тяжелых осложнений, так и в периоды относительного благополучия, было отдано на служение Владимиру Ильичу все, что только у них было,— писал доктор Елистратов, лечивший Владимира Ильича.— Они предупреждали, угадывали все малейшие желания больного, старались всячески облегчить, скрасить и разнообразить его однообразную жизнь. И надо отдать им справедливость, они своим сердечным участием достигали этого и, несомненно, они много облегчили Владимиру Ильичу борьбу его с тяжелым недугом и с угнетавшим его сознанием вынужденного прекращения его деятельности».

3

Вскоре после того, как у Владимира Ильича произошел первый тяжелый приступ болезни, в его жизнь вошел новый человек — крупный ученый, врач, виднейший в то время специалист по болезням сосудов профессор Отфрид Ферстер.

Получив приглашение Советского правительства, которое просило его взять на себя руководство лечением Владимира Ильича, профессор Ферстер, возглавлявший клинику в Бреславле (нынешний Вроцлав), тотчас дал согласие приехать в Россию и около двух лет почти неотлучно находился при Владимире Ильиче, до самой его смерти.

Он познакомился с Владимиром Ильичем, когда тот был тяжело болен, но узнал его так интимно-близко, как может знать человека лечащий его врач. С наблюдательностью врача он следил за каждым его жестом, за каждой переменой настроения или выражения лица. Тем ценнее портрет Владимира Ильича, на-

рнсованный Ферстером в его воспомннаннях, опубликованных год спустя после смерти Владнмнра Ильнча.

«...Он стоит передо мной, как жнвой, со своей коренастой фнгурой, со свонми эластичнымн движениями, со своим велнколепным, закругленным, как своды мощного здання, черепом; из его глаз, которые то широко раскрыты н глядят спокойно и ясно, то полупрнщурены, как будто бы для того, чтобы лучше н точнее взять прицел на мнр, всегда лился нскрящийся поток ума... Его мнмика отличалась сказочной живостью, всякая его черта выдавала постоянную н нитенснвную умственную деятельность, а также глубочайшее внутреннее пережнвание».

Когда профессор Ферстер прнехал в Горкн, Владимнр Ильнч лежал в маленькой темной комнате северного флнгеля. Ферстер решительно потребовал, чтоб он немедленно же перешел в Большой дом. Владнмир Ильич упорно отказывался и дал согласие лншь тогда, когда профессор Ферстер убеднл его, что в комнате, полной света н воздуха, выздоровление пойдет быстрее.

Сначала он лежал в большой комнате на втором этаже. Но, как рассказывала Надежда Константиновна, эту комнату он невзлюбил. Слишком чуждой она ему была, н он потребовал, чтоб его перевели в соседнюю, небольшую, но н в этой комнате ему было не по себе. Профессор Ферстер рассказывает, что несколько раз в особо серьезные перноды болезнн, когда Владимнр Ильнч следовал глубоко скрытым бессознательным внутреннм влечениям своей натуры, он уходил в северный флнгель, мужественно преодолевая, несмотря на паралич, ступеньки его лестницы.

«...На первый взгляд мог бы показаться незначнтельным,— говорнт Ферстер, анализируя поведенне Владимира Ильича.— Однако он нмеет глубокое психологическое значение. В последнее время выработано понятне коммуннстической этикн. Эта этика не только олнцетворялась в Ленне, она была в нем автоматизнрована. В те моменты его болезнн, когда спокойный рассудок, протнвившийся этому вредному н нецелесообразному бегству в маленькую и темную комнату, молчал, аффект и нистинкт, на время освобожденные от его оков, брали верх в этой автоматнческой тяге к

простоте, соответствующей самому внутреннему существу Ленина, и определяли его поступки».

Одно из наиболее выраженных и характерных свойств Владимира Ильича профессор Ферстер видел в его беспримерной энергии и силе воли. Не считая себя вправе судить, в какой мере эти черты являлись важнейшим условием его политических успехов, Ферстер отмечал железную волю, с какой вел Владимир Ильич борьбу против своей болезни, против вызванных ею паралича, утери речи, способности писать: «Восстановление речи, чтения и письма в последние месяцы его жизни было его главной целью, и на пути к этой цели он достиг таких успехов, которые трудно согласовать с точки зрения всех до сих пор бывших научных исследований, с теми тяжелыми разрушениями, которые были обнаружены при вскрытии в его мозгу. Это было возможно только благодаря воле Ленина...»

Владимир Ильич и профессор Ферстер разговаривали между собой на немецком языке. Владимир Ильич говорил по-немецки бегло, и Ферстер часто удивлялся, с какою легкостью и меткостью он находил слова для выражения своих мыслей. В простоте и ясности, отличавших язык Владимира Ильича, Ферстер видел одну из ярких черт его внутренней сущности. Между тем сам Владимир Ильич в анкете Всероссийской переписи членов партии, которую он заполнил за три месяца до встречи с профессором Ферстером, на вопрос, на каких языках, кроме русского, он свободно говорит, ответил: «Свободно ни на одном».

С первого же мгновения своего знакомства с Владимиром Ильичем профессор Ферстер, по его собственному признанию, подпал под влияние его личности. Главным в Ленине он считал его гений, который «в противоположность рассудку, способному только повторять уже пройденное, повторяющему природу, возвышается над природой, обогащая в природе природу, непостижимый, свободный и неуловимый в своем творчестве».

В раскрытые окна врывался горячий запах земли и прогретой солнцем травы. Побывав в поле, Мария Ильинична рассказала, что рожь начала колоситься, и принесла букет белой ромашки и цветущего шиповника.

В иачале июня в болезии Владимира Ильича иаступило улучшеиие: восстаиовилась свобода движеиий, исчезла затрудиеииость речи.

Во второй половиие июия врачи разрешили ему ходить и прииимать близких товарищей, ио поставили условие: иикаких разговоров о политике и о делах.

— При таком условии ие иадо и разрешеиия,— сказал Владимир Ильич, помрачиев.

В эти дии в его иастроеиии произошел глубокий перелом: раиьше ои примирялся с тем, что иужио устроить себе длительиый отдых, теперь ои хотел как можио скорее вериуться к работе. Уже восемиадцатого июия, то есть через три недели после того, как ои заболел, в бюллетеие о состояиии его здоровья говорилось, что ои тяготится предписаииым ему бездействием.

Неделю спустя состоялся врачебиый коисилиум. Владимир Ильич сильио волиовался. Коисилиум подтвердил иеобходимость длительиого отдыха при соблюдеиии строгого режима и полиом отказе от какой бы то ии было умствеииой работы и политических забот.

«Ильич режиму подчииялся,— писала потом Н. К. Крупская,— ио отиосился к требоваиию врачей скептически». «Не могут оии сделать так, чтобы я ие думал»,— сказал ои как-то.

Ухаживавшему за иим доктору А. М. Кожевиикову ои сказал:

— Надо, чтобы мие дали возможиость чем-иибудь заияться, так как, если у меия ие будет заиятий, то я, коиечио, буду думать о политике. Политика — вещь, захватывающая сильиее всего, отвлечь от иее могло бы только еще более захватывающее дело, а его иет.

Ои покорио выполиял предписаиия врачей, лежал иа террасе, бродил по парку. С течеиием времеии прогулки стаиовились все более дальиими, ои уходил в лес или иа Пахру. И, разумеется, думал — и тогда, когда лежал, и когда гулял, и даже когда вел какой-иибудь житейский разговор.

Лето в тот год выдалось перемеичивое, с частыми, ио короткими дождями. В июле иастала жара, проиеслись грозы и ливии. Прошел сеиокос, поспела рожь, иачалась жатва.

Владимир Ильич уже свободио двигался, стал хорошо спать, головиые боли почти исчезли. Трииад-

цатого июля ои радостио писал своему секретарю Л. А. Фотиевой: «Можете поздравить меия с выздоровлеиием. Доказательство: почерк, который *начинает* стаиовиться человеческим».

Письмо это действительио было иаписаио твердым, четким почерком.

Тут же Владимир Ильич просил подготовить ему киигн и составить списки того, что вышло: иаучиой литературы, беллетристики, политической. И добавил в скобках: «...(последиюю позже всех, ибо оиа еще ие разрешеиа)».

Но пришел черед и политике: восемиадцатого июля профессор Ферстер разрешил ему читать газеты — сперва старые, за май, июнь и первую половииу июля, а потом и свежие.

Владимир Ильич этому бескоиечио обрадовался. Надежда Констаитииовиа рассказывала, что, когда ои брал приготовлеииые для иего газеты, у иего дрожали руки. Хотел прочесть все залпом. Увидев ее встревожеииый взгляд, пообещал растяиуть чтеиие иа три дия.

Предупреждая, что Леиии должеи иачать с чтеиия газет месячиой и полуторамесячиой давиости, профессор Ферстер, вероятио, хотел оградить своего пациеита от слишком острых, будоражащих впечатлеиий. Профессор ие зиал и ие мог зиать, что имеиио те газеты, иа которые в первую очередь распространялось его разрешеиие, воскрешают из забвеиия и полузабвеиия самые иапряжеииые, самые драматические события в жизии Леииа.

5

Отправимся же в библиотеку, выпишем из фоида старые газетиые подшивки, раскроем их иа страиицах, которые с такой жадностью и иетерпеиием читал и перечитывал Владимир Ильич.

«1720 вопросов, или «социализм — это учет» — статья А. Гольцмаиа. Как это было тогда в обычае, ей предпослаио краткое редакциоииое резюме:

«Северо-Западиое Промбюро рассылает ежемесячиую аикету иа 1500 чисел миииимум. Да здравствует

героическая производственная деятельность по заполнению анкет!»

Автор описывает одну из таких анкет: целая страница с 67 вертикальными и 30 горизонтальными рубриками. Сколько причиталось? Сколько получено?.. Боясь сами подсчитать, составители анкеты спрашивают: сколько недополучено?

«Поток бумажных дел! — восклицает автор.— Предприятие для статистики! Долой прогресс производства, да здравствует бюрократический каприз!»

Другая статья: Доклад председателя Межрабпомгола (Международной рабочей организации помощи голодающим) Мюценберга. Собрано у заграничного пролетариата 800 миллионов марок, закуплено 20 000 тонн продовольствия...

Далее:

Обвинительный акт по делу правых эсеров.

Гаагская конференция.

Новое предложение Советской России о сокращении вооружений.

Статья А. Гастева «Бьет час!».

«Пора перестать ждать, перестать надеяться на заморское счастье,— пишет Гастев.— Из той рухляди, какая осталась, надо начать делать все своими собственными силами. В разоренной, бедной стране мы ведем себя так, как будто земля стонет под тяжестью амбаров. Нам вовсе не некогда, мы не спешим.

Идемте же на приступ. Жизнь надо перевернуть... Идемте через пни, овраги, ржавые болота, спаленные поля с суровой решимостью новой культурной пахоты... Стройте организации, объединяйтесь — и не пишите длинных положений, инструкций, уставов. Называйте эти организации: «Грабли», «Сапог», «Сено», «Мостовая», «Пропеченный хлеб», «Здоровая книга», «Короткая фраза»... Организуйтесь, будьте портативны. В жизни, как в походе...»

Пленум Исполкома Коммунистического Интернационала...

Суд над эсерами...

Итоги изъятия церковных ценностей на 10 июня. Всего поступило: золота 21 пуд 9 фунтов, серебра 17 961 пуд 11 фунтов, бриллиантов и алмазов 23 706 штук, жемчуга 3839 штук, прочих драгоценных камней 43 711 штук...

Убийство Ратенау! В то время когда германский

премьер-министр Вальтер Ратенау направлялся в свою резиденцию, его машину обогнал автомобиль, в котором находилось несколько хорошо одетых молодых людей. Сначала они бросили в Ратенау ручную гранату, а затем открыли стрельбу из автоматических пистолетов большого калибра. Ратенау убит наповал. Автомобиль со стрелявшими умчался, развив бешеную скорость.

Товарищ Урожай, укрепление финансов и экспорт...

Подписывайтесь на Хлебный Заем!!!

Каширская электростанция открыта. Митинг строителей и работников Каширской электростанции направил товарищу Ленину приветственную телеграмму: «Первый камень величественного здания электрификации заложен. Тысячи рабочих и крестьян шлют Вам, дорогой товарищ Ленин, горячий привет и желают скорейшего выздоровления и возвращения к работе...»

После убийства Ратенау. Возбуждение в Берлине. Рабочие требуют роспуска реакционных организаций, ареста Гинденбурга, Людендорфа, Гальфериха, образования рабочего правительства. Бесчинства националистических головорезов в Мюнхене. Столкновения между националистами и рабочими во многих городах Германии...

И наконец:

Июльские дни 1917 года. К пятилетию событий третьего — пятого июля в Петрограде...

Июльские события застали Владимира Ильича в деревне Нейвола неподалеку от станции Мустамяки. Поздней ночью с третьего на четвертое товарищ, приехавший из Питера, сообщил о волнении, которым охвачены рабочие районы. С первым же утренним поездом Владимир Ильич уехал в город и отправился во дворец Кшесинской. Площадь перед дворцом была запружена рабочими и матросами. Днем революционный Петроград вышел на полумиллионную демонстрацию под лозунгом «Вся власть Советам!». Потом прибыли контрреволюционные воинские части, артиллерия и казаки (с правого берега Невы, где находится дворец Кшесинской, было видно, как они, сверкая на солнце остриями пик, сплошной лавиной двигались от Троицкого моста мимо Летнего сада по направлению к Таврическому дворцу), потом произошел расстрел демонстра-

ции и была выпущеиа гиусиая фальшивка, опубликоваииая предателем Алексииским в чериосотеиной газете «Живое слово».

Пробовали ли вы представить себе, что пережил тогда Леиии?

А дальше — иочиое заседаиие Цеитральиого и Петербургского комитетов партии. По иастояиию Леииа было решеио призвать массы мирио и оргаиизоваиио закоичить демоистрацию и готовить силы для дальиейшей борьбы. После заседаиия ои пошел в «Правду». Совсем поздио вериулся домой, иа Широкую улицу. На заре постучали: это был Яков Михайлович Свердлов, который пришел сообщить, что тотчас после ухода Леииа редакция «Правды» была разгромлеиа ворвавшимися туда юикерами и казаками. С мииуты иа мииуту оии могут явиться сюда, иа Широкую. Надо иемедлеиио же уходить.

Леии переходит с квартиры иа квартиру — от Марии Леоитьевиы Сулимовой к Василию Николаевичу Каюрову; от Каюрова — к Николаю Гурьевичу Полетаеву, от Полетаева — к Сергею Яковлевичу Аллилуеву. С Петроградской стороиы иа Выборгскую, с Выборгской — иа Пески. Чуть ли не каждую иочь иочует в другом месте.

На этот раз сила и победа оказались иа стороие коитрреволюции. Утреиие выпуски буржуазиых газет вышли с аршиииыми заголовками, кричавшими о «ликвидации большевистского заговора», «разгроме вооружеииого восстаиия», «подавлеии тысячеголовой и тысячерукой большевистской гидры». Тут же иа все лады раздувалась клевета, сфабриковаииая Алексииским и его подручиыми. Некоторые газеты поместили иа первых полосах портреты Леииа, ие скрывая, что оии делают это специальио для того, чтобы помочь иапасть иа его след.

Ои прекрасио поиимал всю меру грозившей ему опасиости. Едииствеиную дошедшую до иас записку, иаписаиную в те дии, ои иачииает словами: «Если меия укокошат...»

Это письмо — распоряжеиие, которое ои сделал иа случай своей гибели. Адресоваио оио Л. Б. Камеиеву.

«Entre nous [1],— пишет Леии,— если меия укоко-

[1] Между намн (франц.).

шат, я Вас прошу издать мою тетрадку: «Марксизм о государстве» (застряла в Стокгольме). Синяя обложка, переплетенная. Собраны все цитаты из Маркса и Энгельса, равно из Каутского против Паннекука [1]. Есть ряд замечаний и заметок, формулировок. Думаю, что в неделю работы можно издать. Считаю важным, ибо не только Плеханов, но и Каутский напутали. Условие: все сие абсолютно entre nous!»

Утром шестого июля Ленина, скрывавшегося в это время на квартире М. Л. Сулимовой, снова разбудил Свердлов. Он сказал, что правительственные войска захватили дворец Кшесинской и возможно, что в их руки попали документы, в которых фигурирует имя Сулимовой. Оставаться у нее дольше опасно.

Вместе со Свердловым Ленин ушел на Выборгскую сторону. Провел несколько часов на квартите Каюрова, оттуда пошел на совещание Исполнительной Комиссии Петроградского Комитета партии, происходившее в сторожке завода «Русский Рено». Обсуждался вопрос, как действовать дальше. Некоторые товарищи считали, что на подлую клевету и инсинуации, распространяемые буржуазней о нашей партии и в первую очередь о Ленине, следует ответить призывом к всеобщей забастовке петроградского пролетариата. Ленин решительно с ними не согласился и предложил обратиться к рабочим с воззванием, призывающим их возобновить работу с завтрашнего же дня, то есть с седьмого июля. Предложенне Ленина было принято.

Вечером Владимир Ильич пришел на квартиру Маргариты Васильевны Фофановой там же, на Выборгской стороне, провел узкое совещание членов ЦК партии по поводу июльских событий. Совещание подходило к концу, когда прибежали товарищи из Выборгского райкома партии, чтоб сказать, что на Выборгскую сторону стянуты казаки — более тысячи сабель. Ленину надо снова уходить.

Решено было переправить его в город. Но как это сделать? Все мосты через Неву, кроме Дворцового, были разведены, по улицам Выборгской стороны циркулировали казачьи патрули, задерживали прохожих, проверяли документы, не столько даже проверяли документы, сколько вглядывались в лица.

---

[1] Паннекук А. (Хорнер К.) (1873—1960) — голландский социал-демократ.— *Ред.*

Переправить Ленина было поручено И. С. Ашкенази, который сумел получить на этот день в свое распоряжение заводской автомобиль завода «Русский Рено». Около одиннадцати вечера он заехал за Владимиром Ильичем на квартиру М. В. Фофановой. Чтобы замести следы, машина долго кружила по улицам. Она наткнулась на казачий патруль, но он ее не задержал, так как у Ашкенази имелся надлежащий пропуск.

Еще далеко не доехав до Дворцового моста, они услышали ровный глухой шум. Все подъезды к мосту были запружены автомобилями, экипажами, пешеходами. Вооруженные заставы по нескольку раз проверяли пропуска и документы. Иногда патрульные, не удовлетворяясь проверкой пропуска, отворяли дверцы автомашин и, включив производительный свет карманного электрического фонаря, заглядывали внутрь, чтобы рассмотреть пассажиров.

Процессия двигалась очень медленно. Покамест машина оказалась на мосту, сидевшие в ней успели услышать от находившихся рядом, что два часа назад в Петроград вернулся с фронта Керенский, что он произнес перед встречавшими его у вокзала войсками речь, в которой призывал «в два счета покончить с анархией». В город продолжают прибывать воинские части. Временное правительство отдало приказ об аресте Ленина. Ленин скрывается в Петрограде — и все, что творится здесь, на мосту, имеет целью поимку Ленина. Несколько большевиков уже арестовано, Ленина среди них нет, но раньше или позже он будет схвачен — и тогда уж ему не сносить головы.

В тот вечер, быть может, в тот самый час я вместе с двумя или тремя товарищами шла с Выборгской стороны через Дворцовый мост в город. Было тяжко, душно. Время от времени по низким тучам пробегали короткие отсветы далекой грозы. Под аркой Главного штаба чернели силуэты тяжелых броневиков. На всех углах заставы охраняли входы и выходы. Посреди Невского гарцевали казаки. На Дворцовой площади было полно войска, горели костры, дымились походные кухни, трещали мотоциклы самокатчиков. Все напоминало военный лагерь перед боем.

Несмотря на поздний час, на Невском было полно людей. С трудом пробираясь через толпу, машина, в которой ехал Владимир Ильич, совершила свой

нескончаемый путь. Как рассказывает Ашкенази, Владимир Ильич сидел все время молча и не проронил ни звука.

Владимир Ильич никому, быть может, кроме близких своих, не рассказывал о том, что он пережил в эти дни. И только однажды помянул, как скрывался после июльских событий, но сделал это лишь для того, чтоб с восхищением вспомнить, как рабочий, который укрыл его у себя, по качеству хлеба, отпускавшегося по карточкам, сделал своим пролетарским чутьем правильнейшие выводы о соотношении классовых сил в стране.

И вот теперь, пять лет спустя, когда все было еще так свежо в памяти, Владимир Ильич держал в руках газеты, в которых были напечатаны статьи и воспоминания участников июльских событий. Впервые наша печать так широко отмечала эту годовщину.

Основное из того, что рассказывали товарищи, Ленин знал. Но было в газетах и кое-что новое, ему неизвестное. К этому времени в архивах Временного правительства было разыскано «Дело о событиях 3—5 июля». Ему предпослана была докладная записка прокурора, в которой тот сообщал по начальству, что следственный аппарат и прокурорский надзор проводили расследование со всей энергией, и работали буквально не покладая рук по восемнадцать — двадцать часов в сутки.

А дальше шли показания так называемых свидетелей. И в их числе было названо имя, увидеть которое в такой связи Ленину было больнее всего.

6

Была у Ленина большая, горькая, прошедшая через всю его жизнь несчастливая любовь — любовь к Плеханову.

Размышляя о силе и характере человеческих чувств, один из героев Достоевского заметил: «Есть температура кипения воды и есть температура красного каленья железа». Ленину свойственно во всем именно это «красное каленье железа». И прежде всего в его отношении к людям: тех, кого он любил, он любил страст-

но, безоглядно и, если приходнлось с ними рвать, переживал это неимоверно тяжело. Недаром Надежда Константиновна Крупская говорила, что, если бы Владимир Ильич не был таким страстным в своих привязанностях человеком, не надорвался бы он так рано.

Георгий Валентинович Плеханов занимал в его душе совершенно особое место. Многое тут слилось: и преклонение перед ролью, сыгранной Плехановым в русском революционном движении и развнтии марксизма в России, и благодарность Плеханову за то, что он помог ему, Ленину, найти правильный революционный путь, и восхищение блестящим умом Плеханова, и просто обаяние его личности.

«Никогда, никогда в моей жизни я не относился ни к одному человеку с такнм нскренним уважением и почтением, vénération, ни перед кем я не держал себя с таким «смирением»...» — писал Ленин в трагическом своем письме, в котором рассказывал, «как чуть не потухла «Искра». И, снова и снова возвращаясь к своему чувству к Плеханову, говорил, как влюблен был он в Плеханова, относился к нему, как к «любимому человеку», смотрел на него глазами «влюбленной юности», видел в нем свой «идеал», был ослеплен своей влюбленностью, какой настоящей драмой был для него чуть не происшедший тогда, в период создания «Искры», разрыв с Плехановым, который означал для Ленина разрыв с тем, с чем он «носнлся, как с любимым детищем, долгие годы, с чем неразрывно связывал всю свою жизненную работу».

«Точно проклятье какое-то!» — восклицал Ленин, рассказывая, как после глубокого конфлнкта с Плехановым он и Потресов по настоянию П. Б. Аксельрода решнли пойти все же еще раз к Плеханову. «...Никогда не забуду я того настроения духа, с которым выходили мы втроем: «мы точно за покойником идем», сказал я про себя. И действительно, мы шли, как за покойником, молча, опуская глаза, подавленные до последней степени нелепостью, дикостью, бессмысленностью утраты... Просто как-то не верилось самому себе [точь-в-точь как не веришь самому себе, когда находишься под свежим впечатлением смерти близкого человека] — неужели это я, ярый поклонник Плеханова, говорю о нем теперь с такой злобой и иду, с сжатыми губами и с чертовским холодом на душе, говорить ему холодные и резкие вещи, объявлять

ему почтн что о «разрыве отношеннй»? Неужелн это не дурной сон, а действнтельность?»

Сколько раз потом, на протяженин полутора десятнлетнй, то, о чем Леннну хотелось бы думать только как о дурном сне, оказывалось, увы, доподлннной действительностью! И уход Плеханова к меньшевнкам после Второго съезда партнн, н слова его «Не нужно было браться за оружне», сказанные после пораженя декабрьского вооруженного восстання 1905 года, когда в Москве на снегу еще чернелн лужн кровн расстрелянных дружнннков, н оборончество его во время первой мнровой войны. Но даже в перноды самых острых расхожденнй Леннн храннл в душе глубокую любовь к Плеханову, вннмательно прнслушнвался к каждому его слову, тщательно взвешнвал его аргументы протнв своей познцнн, напомннал товарнщам о заслугах Плеханова, говорнл нм: в Плеханове жнвет подлнннный якобннец, требовал, чтобы онн штуднровалн фнлософскне работы Плеханова.

«С какой радостью он повторял слова Плеханова: «Не хочу умереть оппортуннстом»,— вспомннала Н. К. Крупская.— Даже в 1914 году, когда разразнлась война, Владнмнр Ильнч страшно волновался, готовясь к выступленню протнв войны на мнтннге в Лозанне, где должен был говорнть Плеханов. «Неужелн он не пойнет?» — говорнл Владнмнр Ильнч»..

А сейчас, в Горках, он узнал, что Плеханов дал показанння следователям Временного правнтельства, заннмавшнмся фабрнкацней так называемого дела о связях Леннна с германскнм генеральным штабом.

С точкн зренння холодного рассудка в этом не было, конечно, ннчего особо неожнданного: Леннну нзвестна была познцня нздаваемой Плехановым газеты «Еднncтво» вообще н после событнй третьего — пятого нюля в частностн. Известно было, что Плеханов солндарнзнровался с кампанней лжн н клеветы, направленной протнв большевнстской партнн. Но есть какая-то трудно определнмая, но, безусловно, существующая разннца между самымн крайннмн резкостямн в пылу полнтнческой борьбы н показаннямн, даваемымн судебному следователю, прнобщаемымн к судебному делу, долженствующнмн служнть основаннем для обвнннтельного заключення н фнгурнровать на судебном процессе в качестве доказательств обвннення.

И такне показання дал Плеханов!

Как ни жестоки и неумолимы эти факты, слишком большими людьми были Ленин и Плеханов, чтоб на этом оборвались связывающие их невидимые нити.

Прежде всего это было невозможно для Ленина. Какую бы сильную боль ни причинял ему Плеханов, старое чувство — израненное, истоптанное, окровавленное — продолжало жить.

С. И. Гусев рассказывал, что вскоре после Октября в Петроградский военно-революционный комитет, секретарем которого он был, зашел Ленин. Он очень торопился, передал какие-то срочные распоряжения, подозвал Гусева, попросил, чтоб он его проводил, и на ходу сказал ему, что его крайне тревожит судьба Плеханова, как бы с ним чего не случилось, и он просит Гусева непременно его разыскать и принять меры к его охране.

Легкое ли было это дело — найти в те дни Плеханова! Попытаться разузнать о нем через меньшевиков? Но они тут же поднимут вой, что кровожадные большевики хотят арестовать Плеханова, заточить его в тюрьму, убить.

Помог Гусеву Николай Евгеньевич Буренин — человек, занимавший совершенно особое место в тогдашнем Петрограде; в пятом году он был руководителем большевистской Боевой организации, а в последующие годы продолжал оказывать партии услуги, не являясь формально ее членом. Известный музыкант, друг Горького, он имел широкие связи в самых широких кругах петербургского общества и сумел узнать, что Плеханов живет в Царском Селе.

Результатом всего этого была радиотелеграмма Царскосельскому Совету рабочих и солдатских депутатов, копия которой с собственноручными пометками Гусева хранится в архиве Военно-революционного комитета.

«№ 2363 от 2 ноября 1917 г.

Военно-революционный комитет Центрального и Петроградского Советов рабочих и солдатских депутатов предписывает Царскосельскому Совету р. и с. д. немедленно предпринять экстренные меры к полному охранению спокойствия и безопасности гражданина Георгия Валентиновича Плеханова».

А Плеханов? В эти самые дни Плеханов доказал, что все же не напрасно Ленин пронес через всю свою

жизнь любовь к иему, ие иапрасно называл ои его подлииным якобинцем.

Плехаиов, разумеется, ие знал и ие мог зиать о радиотелеграмме в Царскосельский Совет, послаииой по указаиию Ленина. Но когда иа следующий деиь после посылки этой радиограммы к нему явился Борис Савиików и предложил ему встать во главе правительства после того, как «победоиосиые казаки после битвы при Пулкове войдут в Петроград», Плехаиов ясио и решительно сказал Савиикову:

— Я сорок лет своей жизии отдал пролетариату, и ие я его буду расстреливать даже тогда, когда он идет по ложиому пути.

Уже тогда Плеханов был тяжело болеи. Весиой восемиадцатого года ои поиял, что дии его сочтеиы. Он заговорил с жеиой о смерти. Она, все время поддерживавшая в нем мысль о выздоровлеиии, запротестовала против его слов.

Тогда ои сказал ей:

— Ты обнаруживаешь призиаки слабости. Мы оба, ты и я, старые революциоиеры, и иам иужио держаться вот как!

Он подиял руку и со всей сохраиившейся у иего силой и эиергией сжал ее кулак.

— И затем,— продолжал ои,— что такое смерть? Превращение материи. Посмотри,— сказал ои, обращая свой взор к окиу, выходившему в сад.— Видишь эту березу, которая так иежио прииикла к сосне? Быть может, и я превращусь когда-нибудь в такую же березу. И разве это плохо?

Умирал ои в полном созиаиии. Перед смертью попросил, чтоб иа его могильиом камие были начертаиы слова из поэмы-элегии «Адоиаис», написаиной Шелли иа смерть друга — поэта Джоиа Китса:

«He is made one with Nature!» [1]

— Какая прекрасиая смерть, смерть философа, паитеиста, смерть, достойиая мужей аитичиости, для которых смерть — это слияиие воедиио с природой,— скажут, быть может.

— Какая прекрасиая смерть для философа античного мира, но какая горькая смерть для Плеханова,— скажем на это мы.— Сколько в ней трагического одииочества, ухода и отрешениости от всего, чему при-

[1] «Он слился с природой!» (англ.).

надлежала его жизнь. Ни к кому ои ие обращает слов прощаиия, никому ие оставляет иикаких заветов. Ему иекому их оставить — у иего ие осталось ии партии, ни друзей, ни едииомышлениików. Одии, совсем один...

И если б только такая смерть! Увы, все сложилось неизмеримо ужаснее.

Плехаиов еще лежал на смертиом одре, когда вокруг него уже закружило чериое коитрреволюциоиное воронье, нетерпеливо ожидавшее его смерти, чтобы использовать ее для антисоветской демонстрации. «Хоть день, да наш!»,— каркало оио, устроив иа свой лад похороиы Плехаиова. Кто только ие вылез из подполья, кто только не шел за его гробом: кадеты и октябристы, барышиики и спекулянты, подоики с Невского и всяческие «бывшие» — заводчики, банкиры, биржевые дельцы, землевладельцы, графы и графиии, лейб-гвардейцы и казачьи офицеры. Все оии изображали из себя безутешиых «почитателей» Плеханова.

Кого только там ие было. Но ие было петроградских рабочих. И от кого только ие иесли веиков — даже обвитый лиловыми лентами веиок от видного моиархиста, известного своими антисемитскими и хулиганскими выходками, Владимира Пуришкевича.

Но не было петроградских рабочих.

С. И. Гусев рассказывал:

— После того, как ои устаиовил, что Плехаиов живет в Царском Селе, Лении попросил его иаладить (так, чтоб Плехаиов этого не зиал) передачу ему продуктов и теплых вещей. Делалось это при помощи Буреиииа. Когда Советское правительство переезжало в Москву, Леиии специально иапомиил Гусеву, который оставался в Петрограде, чтоб тот продолжал заботиться о Плеханове.

Вскоре после смерти Плехаиова Гусев был в Москве, виделся с Леиииым. Лении попросил рассказать ему все, что он зиает о последиих днях Плеханова. Слушал страшио бледный. Когда дошло до веика от Пуришкевича, иа глазах Леиииа выступили слезы.

И вот сейчас, когда я пишу эти строки, я думаю: кем же остался Плеханов в памяти и созиаиии Леииа? Революционером или оборонцем? Подлинным якобиицем или же социал-предателем?

Самый простой, услужливо обтекаемый ответ: «И то, и другое», «С одной стороны... С другой стороны...».

Нет, я не верю этому! Ленин не мог так рассудочно, так мертвенно думать о Плеханове. По моему глубокому убеждению, надо всем, что было в Плеханове ложным и неверным, над его ошибками и заблуждениями, для Ленина должно было возобладать то, что было в нем большим, настоящим, благородным, достойным великого человека и великого революционера. И мне кажется, что в памяти Ленина Плеханов сохранился таким, каким запечатлен он в великолепных гравюрах на дереве работы Ивана Павлова, помещенных в вышедшем тогда, летом двадцать второго года, номере журнала «Под знаменем марксизма», целиком посвященном Плеханову: на глубоком черном фоне выступает нанесенное белым штрихом лицо мыслителя с прекрасными задумчивыми темными глазами.

7

Просто удивительно, как все словно сошлось в эти дни для того, чтобы воскресить перед Ленинным самые драматические моменты его жизни.

В каждом номере газет, которые разрешил ему читать Ферстер, были страницы, занятые отчетами о суде над партией правых эсеров. Это был не обычный суд, не обычный политический процесс. Перефразируя Клаузевица, о нем можно сказать, что это было продолжение гражданской войны, но только иными средствами.

На скамье подсудимых сидели активные деятели этой партии — члены ее Центрального Комитета, организаторы боевых дружин, боевики, непосредственно участвовавшие в подготовке убийства Володарского и Урицкого и в покушениях на жизнь Ленина. Ко времени суда часть обвиняемых признала свой политический путь ошибкой и перешла на сторону Советской власти. Другая часть стояла на прежних позициях и не скрывала своих убеждений.

«Ни для кого не секрет,— говорил один из главных обвиняемых, член ЦК [партии] эсеров Тимофеев,— что партия социалистов-революционеров вела и ведет борьбу с Советской властью с самого начала Октябрьского переворота, защищает ту организацию государственной власти, которая была установлена Фев-

ральской революцией. Партия в этом смысле взяла на свои плечи всю борьбу против Советской власти, и, поскольку обвинительный акт инкриминирует нам подобные деяния, все утверждения совершенно неоспоримы...»

На вопрос, признает ли он себя виновным, обвиняемый Либеров ответил: «Я считаю себя виновным в том, что я недостаточно работал для свержения Советской власти». Обвиняемый Берг заявил: «Я виновен в том, что не смог с достаточной силой бороться против большевиков, но надеюсь, что мое время еще не истекло».

Спор шел не о том, вела ли партия эсеров борьбу против Советской власти. Этого не отрицала ни одна из сторон. Спор шел о том, кто начал гражданскую войну? Обвинение утверждало, что это сделали правые эсеры вкупе с теми силами, которые действовали с ними единым контрреволюционным фронтом. Обвиняемые решительно оспаривали это утверждение.

«...Мы не открывали вооруженных действий против Советской власти до разгона Учредительного собрания,— говорил обвиняемый Тимофеев.— Только после этого для нас стало ясно, что других путей, как решительная борьба за нарушенные права народа, быть не может...»

Чтобы установить, на чьей стороне истина — на стороне обвиняемых или же обвинения, Верховный трибунал приступил к тщательному исследованию событий в день пятого января восемнадцатого года — день открытия и так называемого разгона Учредительного собрания.

В учебниках истории этому дню уделяется несколько строк, а то и несколько слов.

Большего он, пожалуй, и не стоит, если глядеть на него сегодня, из исторического далека. Тогда же было иначе. Тогда воздух был насыщен грозой и не было известно, чем кончится этот день, к каким, быть может самым неожиданным, последствиям он приведет.

Все говорило о том, что в этот день будет совершена попытка вооруженного восстания и государственного переворота. Еще с конца декабря контрреволюционные газеты, действуя по тщательно законспирированному плану, выработанному ЦК правых эсеров, стали призывать население Петрограда к тому, чтобы в день открытия Учредительного собрания оно пришло на Марсово поле и противопоставило большевикам свою решимость

отстоять Учредительное собрание. План предполагал, что в то время, когда безоружные толпы будут стягиваться к Марсову полю, вооруженные дружинники по совершенно другому маршруту, минуя Марсово поле, направятся по Литейному проспекту мимо расположенных там полков, увлекут эти полки за собой, создадут вооруженный кулак, займут плацдармы на площадях и возьмут под прицел и подвергнут обстрелу Смольный и прилегающие к нему улицы.

Апофеозом событий этого дня должен был стать момент, когда вооруженные и невооруженные толпы подойдут к стенам Таврического дворца и торжественно провозгласят передачу власти в руки Учредительного собрания и его правоэсеровского большинства. «Рано утром мы собрались в какой-то чайной, чтобы окончательно условиться относительно нашего поведения,— рассказывал депутат Учредительного собрания правый эсер Климушкин.— Было предусмотрено все до мельчайших подробностей, вплоть даже до того, где кто должен сидеть, что говорить и что делать...» В детально продуманный ритуал захвата власти входили даже свечи и булки, которые рекомендовалось припасти героям грядущего переворота на случай непредвиденной задержки победы...

Все эти и многие другие детали были раскрыты только во время суда над эсерами. Тогда, в день открытия Учредилки, известно было лишь то, что контрреволюция мобилизует свои силы. «Правда» вышла в этот день с шапкой: «Сегодня гиены капитала и их наемники хотят вырвать власть из рук Советов... Да здравствуют Советы! Да здравствует коммунистическая рабочая революция!» И когда в четвертом часу дня депутаты Учредилки — большевики и в их числе Ленин, выйдя из Смольного, направились в Таврический дворец, они прекрасно сознавали, что идут в логово зверя, в котором может случиться все.

Бой разгорелся сразу, с первой минуты. Эсер Швецов на правах старейшего члена собрания пытался захватить председательство. Яков Михайлович Свердлов не дал ему это сделать. Объявив от имени Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Учредительное собрание открытым, Свердлов огласил «Декларацию прав трудящегося и эксплуатиру-

емого народа», выразил надежду, что Учредительное собрание к ней присоединится, и предложил избрать председателя. Двумястами сорока четырьмя голосами против ста пятидесяти одного был избран эсеровский вождь Виктор Чернов.

Вспорхнув на председательское место, Чернов начал произносить речь. Он говорил, говорил, говорил. И снова говорил, говорил, говорил... Наконец поток его красноречия на мгновение иссяк. И тут большевики поставили перед Учредительным собранием в упор вопрос, как относится оно к Декларации, оглашенной Свердловым. Собрание заявило, что обсуждать эту Декларацию оно отказывается. Тогда большевики потребовали, чтоб был объявлен перерыв, и удалились на совещание.

Все это происходило под непрерывный шум, свист, топот, возгласы, стук пюпитров на правых и левых скамьях. И словно аккомпанируя этому шуму, с улицы время от времени доносились ружейные залпы и взрывы гранат. Напряжение все время нарастало. Казалось, что эсеры вот-вот кинутся на большевиков и начнется рукопашная. Но нет, они дали им удалиться.

Только во время процесса правых эсеров стали известны причины этой эсеровской нерешительности: как раз в эти минуты по плану эсеровского ЦК победившие дружинники и полки должны были подойти к Таврическому дворцу и вручить эсерам всю полноту власти. Но время шло, а победоносные толпы не подходили. Как рассказали на процессе свидетели Кононов и Наевский, «толп» вообще не оказалось, на улицы вышли лишь небольшие кучки, собравшиеся в жидкую демонстрацию, которая несла белые плакатики с лозунгами: «Все на защиту Учредительного собрания!» Даже кадровые эсеровские боевики уклонились от активных действий.

Эсеровские цекисты, сидевшие в зале Таврического дворца, растерялись. Как говорил на процессе Тимофеев, они «думали, что Учредительное собрание будет чувствовать себя тверже и прочнее». «Может быть,— говорил он,— мы сочли бы возможным не только защитить Учредительное собрание, но и пойти на штурм Смольного, но мы предпочли бы другое — чтобы вы, большевики, двинулись из Смольного».

Повторяю, все это стало известно лишь пять лет спустя. Но Ленин почувствовал это тогда же.

— Товарищи! — сказал он на совещании больше-

вистской фракции, о котором ие сохраиилось стенограмм и протоколов, ио имеются подробиые воспомииания Павла Мостовеико.— Я не стаиу скрывать, что ЦК иашей партии с кое-какой тревогой ожидал сегодняшиего дия. То, что мы видели сейчас в зале, показывает, что мы ошибались. Меиьшевики и эсеры оказались иеспособиы к тому, что иа их месте предприияли бы, коиечио, мы, и заиялись своим обычиым словоизвержеиием. Поскольку оии ие обиаруживают способиости к какому-либо действию, их речи точно так же не опасиы иам сейчас, как оии оказались мало опасиы за мииувший период революции. Поэтому ЦК, обсудив создавшееся положение, постаиовил: предоставить меиьшевикам и эсерам полиую возможиость использовать представившийся им случай «поговорить». Нам иет осиоваиий ии подкреплять своим присутствием их болтовию, ии предприиимать какие-либо шаги в виде, скажем, их разгона. В последием случае мы только совершеиио напрасио создадим в кое-каких кругах для этих жалких болтуиов авторитет «мучеников» или «пострадавших за свою идею». ЦК предлагает фракции большевиков ограиичиться следующим: поручить одному из товарищей прочесть иа собрании иашу Декларацию в том духе, как я говорю, и отказаться от дальиейшего участия в Учредилке.

— А если оии сегодия всего не переболтают? — спросил кто-то.— Если они захотят «добалтывать» завтра, послезавтра и так далее, как мы тогда поступим?

— Пусть себе болтают, сколько влезет,— бросил в ответ Владимир Ильич.— Ясио одио: ожидать от иих чего-нибудь, кроме болтовии, иет оснований...

Так и порешили. Фракция большевиков вериулась в зал. Федор Федорович Раскольииков огласил заявлеиие большевиков, в котором говорилось, что коитрреволюциониое большиистве Учредительиого собрания выражает вчерашний деиь революции и пытается встать поперек дороги рабочему и крестьянскому движеиию, а посему, не желая ни мииуты прикрывать преступлеиия врагов иарода, фракция большевиков покидает это Учредительиое собраиие,— и под сиова подиявшийся шум, свист, крики и рукоплескания большевики подиялись со своих мест и направились к выходу. А контрреволюциоиное большинство, оставшееся в зале, пре-

далось, как и предвидел Ленин, безудержному болтанию, добалтыванию и перебалтыванию и занималось этим, пока не появился начальник караула матрос Железняков и предложил всем присутствующим разойтись, так как караул устал.

Так и кончился этот день, который правоэсеровская печать провозгласила «Днем Веков».

На следующий день, как показал свидетель Кононов, эсеровские и меньшевистские депутаты Учредилки собрались в какой-то гимназии, чтоб решить, как быть дальше. Кое-кто предлагал перейти на Обуховский завод. Большинство с этим не согласилось и решило выехать из Петрограда.

В этот день по фабрикам, заводам и солдатским казармам проводились митинги. Павел Мостовенко, который вместе с двумя другими большевиками — депутатами Учредилки выступал в Семеновском полку, рассказывает в своих воспоминаниях, что они застали в казармах лишь небольшое количество солдат, вовсе не интересовавшихся тем, существует ли Учредительное собрание или уже нет. Такими же были впечатления свидетеля из противоположного лагеря — Бориса Соколова. «Выступали лишь большевики,— писал он.— Меня слушали небрежно и с досадой...»

Так умер естественной смертью этот жалкий призрак. «Разгон» Учредительного собрания — это легенда, никакого «разгона», по сути дела, не было.

Я не стала бы так подробно рассказывать эту историю, если б не один документ, который очень важен для обрисовки личности Ленина.

Выходя из Таврического дворца, Ленин почувствовал враждебность, с которой относился караул к оставшимся во дворце членам Учредилки. И последнее, что сделал Ленин в этот пресловутый «День Веков», было предписание, отданное им, чтоб уберечь от расправы исходивших злобой контрреволюционных болтунов:

«Предписывается товарищам солдатам и матросам, несущим караульную службу в стенах Таврического дворца, не допускать никаких насилий по отношению к контрреволюционной части Учредительного собрания и, свободно выпуская всех из Таврического дворца, никого не впускать в него без особых приказов.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)».

«Не впускать» относилось прежде всего к тем озлобленным против Учредительного собрания анархистским элементам, которые — как это случилось на следующий день в больнице, где лежали члены ЦК кадетов Шингарев и Кокошкин,— могли ворваться в Таврический дворец и самочинно расправиться со всеми, кто там был.

8

На который-то день процесса правых эсеров Верховный трибунал, скрупулезно исследовавший различные стороны антисоветской деятельности партии правых эсеров, подошел к подготовленным ее Центральным Комитетом и совершенным Боевой организацией партии террористическим актам: убийству Володарского и Урицкого и покушениям на Ленина.

В момент совершения этих преступлений — летом восемнадцатого года — следствию удалось установить лишь немногое: убийца Володарского, эсеровский боевик Сергеев, бежал, и его имя стало известно лишь много времени спустя; убийца Урицкого Канегиссер был схвачен, но своих соучастников не назвал, совершившая покушение на Ленина Каплан, согласно партийной директиве, заявила, что это покушение является ее личным, индивидуальным актом, а ЦК эсеров, как и во всех других случаях, отрекся от своих боевиков.

Только во время судебного следствия раскрылось, насколько огромна была сеть заговора, какими богатыми средствами располагали эсеровские убийцы, щедро снабжаемые иностранными резидентами, как разветвленны и многочисленны были их боевые организации.

Решение о подготовке убийства Ленина было принято в середине мая восемнадцатого года, когда обвиняемый Семенов обратился к члену ЦК Донскому с предложением приступить к организации террористических актов и получил на это санкцию ЦК партии. После этого Семенов приступил к организации боевого отряда, в который вошли Федоров-Козлов, Сергеев, Усов, Коноплева, Иванова, а позднее, когда отряд перебазировался в Москву, Каплан.

Чтобы точнее установить, когда и куда выезжает Ленин, Москва была разделена на четыре района. В каждом была создана своя система пятерок, связей, явочных квартир, складов оружия, имелись запасы похожего на размолотый кофе яда кураре, которым

убийцы отравляли надрезанные пули. Для каждого района была установлена его сфера влияния, в которой он вел слежку, наблюдение и подготовку убийства.

Ленина было решено убить в одну из пятниц, когда он, как это было тогда в обычае, будет выступать на массовых митингах в рабочих районах Москвы. На всех более или менее крупных митингах дежурил кто-нибудь из боевиков. Будущий убийца — он именовался «районный исполнитель» — должен был находиться неподалеку от митинга. Как только Ленин приедет на митинг, дежурный боевик должен был сообщить об этом «районному исполнителю», а тот — явиться на митинг и совершить террористический акт. Но потом план был несколько изменен — и некоторые исполнители поджидали прямо на митингах.

Только теперь Владимир Ильич узнал, что эсеровские боевики следили за ним долго и что в пятницу двадцать третьего августа его подстерегали пять исполнителей: убийца Володарского Сергеев, Козлов, Усов — все вооруженные револьверами с отравленными пулями. Сложность для организаторов покушения состояла в том, что они, зная, что Ленин будет выступать в очередную пятницу, не могли проведать заранее, на каком именно митинге он будет.

В ту пятницу двадцать третьего августа Усов поджидал Ленина в Алексеевском Народном доме. Пришел он туда задолго до начала митинга и уселся во втором ряду. Народу собралось тысячи полторы, исключительно рабочие. Разгорелся разговор об Учредительном собрании. Хотя боевикам было запрещено вступать в политические разговоры, но Усов не стерпел и стал защищать Учредилку, однако почти не нашел поддержки.

Вдруг по залу пронеслось:

— Ленин! Ленин приехал! — и Ленин, встреченный общей овацией, поднялся на трибуну.

По своей привычке Ленин, выступая, не оставался за кафедрой, а прошел на авансцену, говорил, энергично жестикулируя, поворачиваясь всем корпусом, подставляя сидевшему в нескольких шагах от него Усову то открытую грудь, то левый бок. Весь дрожа и покрывшись холодным потом, Усов сжимал в кармане рукоятку револьвера, твердя себе, что он должен, должен, должен убить Ленина, что он сейчас это сделает, но дрожал все сильнее и сильнее и выстрелить не смог.

Неделю спустя, в роковой деиь тридцатого августа, Леиин выступал в двух местах: иа Хлебиой бирже и иа заводе, бывшем Михельсоиа. И тут и там его поджидали эсеровские боевики: иа Хлебиой бирже — Козлов, иа заводе Михельсоиа — Новиков, районная исполиительиица Каплаи дежурила иеподалеку от завода Михельсоиа, иа Серпуховской площади.

— У меия был с собой в этот деиь испаиский брауииг,— рассказывал суду Козлов.— Получил я его иа явочной квартире в Сыромятииках. Пули были иадрезаиы и отравлеиы...

Перед тем как Козлову уходить иа убийство, эсеровские руководители, наученные горьким опытом с Усовым, заставили его поклясться, что если ои встретит Ленина, то иепремеиио его убьет. Ои дал клятву... и ие сдержал, ие смог.

С Хлебиой биржи Лении поехал в Замоскворечье, иа завод Михельсоиа. Как только ои туда приехал, дежуривший там старый эсеровский боевик Новиков побежал иа Серпуховку, сказать об этом Каплаи. Когда Лении после выступлеиия выходил из цеха, Новиков иарочио упал иа деревяииой лесеике, чтоб задержать толпу. К Леииию подошла какая-то женщииа, стала задавать ему вопросы. Ои ей ответил, протяиул руку к дверце машииы, подбежавшая сзади Каплаи почти в упор трижды выстрелила ему в спиию. К иему бросился шофер Гиль, вместе с двумя или тремя михельсоиовскими рабочими втащил его в машиию и помчал в Кремль. Когда оии подъехали, Леиии ие позволил иести его иа руках, сказал: «Я дойду сам. Сиимите пиджак, мие так легче будет идти». Опираясь на Гиля, стал подииматься по лестиице. Навстречу им со страшиым криком кииулась Мария Ильииичиа, а ои проговорил иемеющими губами: «Успокойтесь, иичего особеииого... Немиого раиеи в руку».

Доктор Вейсброд рассказывал:

«Мы вместе с доктором Обухом были первыми приглашеиы к товарищу Леииию после его раиеиия... Товарищ Леиии был иа граии между жизиью и смертью; из ранеииого легкого кровь заполияла плевру, пульса почти ие было. У иас, врачей, есть большой опыт с такими

больными, и мы хорошо знаем, что в такие моменты мы можем ждать от них выражения только двух желаний...: «Оставьте меня в покое», или «Спасите меня». Между тем товарищ Ленин именно в таком состоянии попросил выйти из комнаты всех кроме меня и, оставшись со мной наедине, спросил: «Скоро ли конец? Если скоро, то скажите мне прямо, чтобы кое-какие делишки не оставить».

Когда читаешь все это, понимаешь, почему Надежда Константиновна, отвечая на вопрос, что она считает основным в характере Ленина, сказала:

— Смел и отважен...

9

Когда я задумываюсь об отношениях Ленина с людьми из народа, мне всегда вспоминается Надежда Николаевна Воронцова и ее рассказ о том, как она работала у Ленина в Смольном.

Сама я познакомилась с Надеждой Николаевной в восемнадцатом году, когда она была поварихой в кремлевской столовой, в которой варила знаменитую «кашу с ничем», а я работала секретарем Якова Михайловича Свердлова. Завелся у нас тогда такой обычай: по окончании рабочего дня, если время было свободное, мы, девчонки, работавшие в Кремле, забирались к ней на кухню, и она нас угощала кипятком (иногда даже с какой-нибудь заваркой), а больше — своими рассказами.

Рассказчица она была удивительная, историй знала массу, но самая ее любимая была о знакомстве ее с Лениным. После смерти Владимира Ильича кто-то из нас записал этот рассказ Надежды Николаевны, и, если мне не изменяет память, в этой записи он был опубликован в одном из журналов.

Состоял ее рассказ из двух частей: первая — нечто вроде введения, которое она импровизировала каждый раз наново, и вторая — главная, основная, ее Надежда Николаевна пересказывала без каких бы то ни было вариаций, слово в слово.

В первой части она обычно вспоминала свое детство, прошедшее в нищей деревеньке, кажется, Твер-

ской губернин: «Семья наша была семь душ однпх детей, а нзбенка такая, что собака ляжет — хвост протянуть некуда». Вспомннала молодость, как была она в девушках. Обычно в этой части своего рассказа негромко пела деревенскне девнчьн песни: «У меня, у девушки, в думушках весна прошла; всю весну продумала; все лето проплакала: думаю-подумаю, кого полюбить бы мне?..» Как приехал на побывку из Питера, где он работал «в заводе», ее будущнй муж — рассказывая об этой стадин нх отношеннй, она называла его: «залетка». Как онн друг друга полюбнлн — теперь уже она называла его «кровиночкой»,— пожениллсь, она поехала с ннм в Пнтер. Как он ее любнл да миловал, да пел песню: «За что ж мне жену бить, за что сердце крушнть? Жена — дом, жена — стон, жена — радость моя, жена — радость моя н веселье мое, жена — жнткн мои и прожнткн мои...»

А потом произошла революция, и муж — теперь она именовала его «он», «сам»,— несмотря на слезы и мольбы Надежды Нпколаевны, ушел в Красную гвардню, брал Знмннй, воевал под Красным селом, а потом находнлся в охране Леннна в Смольном. И когда узнал, что надо найтн человека, который готовнл бы Леннну еду и убирал его комнату, предложнл взять на эту работу свою жену.

Вот тут н начиналась главная часть рассказа. Переход к ней Надежда Нпколаевна отмечала тем, что поправляла волосы н головной платок, обдергнвала кофточку н усаживалась поплотнее на стуле.

— А ведь мой-то знал, что большевнков я счнтала за антнхристов,— говорила она.— Боялась я их, как чертей, считала нх за дýхов неведомых, а главным нз них Ленина. Он даже в каком-то бронднрованном поезде прнмчался, а может, его бог с неба столкнул.

Вот сам прнехал за мной, чтоб в Смольный взять. Жнли мы на Васнльевском острове. Сказал он это мне, а я стала его ругать. Говорю: ты душу продал антихрнстам, нз-за тебя нам так тяжело н живется, а теперь н меня с днтем продать хочешь.

А он мне говорнт:

— Дура ты. Ты посмотри, какой он, этот антнхрнст.

Это он про Владнмнра Ильнча.

Уговорнл меня, уломал. Известно: муж! И поехали мы в Смольный. Прн мне была моя девочка. Больная:

туберкулез у нее был в кости, ножка в гипсе и девочка на костылях.

Сперва у меня знакомство состоялось с товарищем Горбуновым. Он объяснил мне, какая будет моя служба. А потом Владимир Ильич пришел. Обращается ко мне: «Вы жена товарища Воронцова?» Я ответила ему, не глядя в глаза. А он уже с девочкой: «Как зовут тебя? Что с твоей ножкой?»

Стала я видеться с Владимиром Ильичем по многу раз на день. Ни разу не пройдет так, чтоб не сказать ласковое ребенку, и то шлепнет да конфетку достанет, то из кармана вынет лепешку и скажет:

— Для тебя берег. Ешь, Таня, теперь хоть такую, а будет время, над таким гостинцем смеяться будут.

Мое сердце к нему вроде бы помягче стало, но все еще я думала, а не антихрист ли он?

И тут вышел тот самый случай.

Получила я хлеб на пятнадцать человек, по восьмой фунта на каждого. А барышня по ошибке дала мне не на пятнадцать человек, а на двадцать пять человек. Я это заметила и подумала: ладно, нам хлеба нужно побольше. Вон Владимир Ильич работает день и ночь, а есть почти нечего.

Вот подала я ему чай и хлеб, поболее против обыкновенного, а сама медлю, не ухожу. Думаю своей глупой головой, что он меня похвалит. Он быстро приметил хлеб и говорит:

— Товарищ Воронцова, почему вы подали много хлеба (а было-то его, хлеба, на пол-ладони уложится)? Должно быть все так же: по восьмушке. Где вы взяли?

И так поглядел на меня, что податься некуда. Я и сказала, что барышня ошиблась.

— Да вы не беспокойтесь,— говорю я.— У них много хлеба, все полки заложены. Кушайте себе,— говорю.

А он на это:

— Вы думаете, товарищ Воронцова, что у них только мы да те, о ком вы заботитесь?

И отрезал поданный ему лишек хлеба.

— Снесите,— говорит,— и больше так не делайте.

Как я от него вышла, не помню. Только заключила я теперь, что он святой. И как, бывало, пойду на улицу, так заверну в часовню и поставлю свечку.

— Господи, прости мне, что так думала я о святом,— скажу в часовне.

Когда белых разбили под Петроградом, Владимир Ильич по обыкиовению заходит ко мие иа кухию, чтоб приласкать Таню. Был ои веселый, дал Таие иемыслимую лепешку и говорит:

— Теперь, детка, ты скоро поправишься. Мы тебя в саиаторию поместим.

Я подумала, что вот хорошо-то! Набралась я духу и говорю:

— Вы меия извииите, Владимир Ильич, не сердитесь: я о вас вот как думала...

И рассказала, как раиьше посчитала его аитихристом, а теперь почитаю его за святого и свечки за иего ставлю.

...В этом месте Надежда Николаевиа иногда прерывала свой рассказ и сердито говорила:

— Были бы там вы, так начали б своей партейиостью иа меия: «Гав! Гав!» Ну и я бы тоже ие стерпела и вам бы свое «Гав-гав» ответила. Вот так бы и разгавкались мы с вами...

И снова, возвращаясь к рассказу, продолжала:

— Тут Владимир Ильич горько улыбиулся, положил мие руку иа плечо...

(Ах, это «горько»! Надо же уметь иайти такое удивительиое слово!)

— Вы в этом ие вииоваты. Мало ли вам чего вбивали в голову? Не вы, товарищ Вороицова, вииоваты, иа вас я ие сержусь. Только иа те деиьги, что вы тратите иа свечи, купите лучше что-иибудь вашей девочке. Ее надо получше кормить.

И так добро, внушительно на меня посмотрел. И рассказал мие, как свечами этими попы обмаиывают несозиательных и с того живут...

Вот подлиииый образец того, о чем Леиин говорил: «Понимать массу. Уметь подойти. Завоевать ее *АБСОЛЮТНОЕ* доверие» — и в то же время, как продолжал ои дальше свою мысль, ие потакать ей и ие льстить массе, а подиимать ее...

Имеино поднимать! Непременио поднимать! Всегда и во всем подиимать! Так, как ои поднимал и подиял эту темиую жеищину, то проклииавшую его как аитихриста, то ставившую за него свечи как за святого.

10

И здесь, повинуясь движению глубоких ассоциаций, перед моим умственным взором возникают летняя ночь, гроза, Ленин...

Это было десятого июля восемнадцатого года. Только что закончился Пятый съезд Советов. Тот самый съезд, во время которого левые эсеры, задумав совершить государственный переворот и втянуть Советскую Россию в войну с Германией, убили германского посла графа Мирбаха и подняли мятеж, захватив ряд кварталов в центре Москвы и даже завладев на несколько часов Центральным почтамтом и телеграфом.

Мятеж был быстро подавлен. Меньше чем за сутки все позиции, захваченные мятежниками, оказались в наших руках.

Сейчас многим это покажется простым и само собой разумеющимся. Но тогда все было совсем не просто. Советская Россия была зажата в непрерывно сжимающемся кольце врагов. На севере и на юге, на западе и на востоке скапливались силы империалистических хищников, действовавших вкупе с русскими белогвардейцами. И в такой момент в Москве вспыхнул мятеж!

Понадобилось все самообладание, все уменье поднимать массы и руководить их борьбой, что всегда составляло силу нашей партии, чтобы так быстро справиться с мятежниками. Делегаты съезда, действуя по плану, намеченному Лениным, покинули зал заседаний и отправились на фабрики, заводы, в казармы и совместно с московскими рабочими и красноармейцами восстановили революционный порядок.

Однако положение оставалось напряженным до предела. Тело Мирбаха было отправлено в Германию. Берлин пока молчал, и было неизвестно, чего потребует кайзеровское правительство. В Мурманске и Владивостоке продолжали высаживаться английские, американские, французские и японские десанты. Вдоль транссибирской магистрали разгоралось восстание белочехов.

Но съезд Советов с великолепной уверенностью в грядущем возобновил свою работу, чтобы принять первую в мире Конституцию социалистического государства. Ничто в зале не напоминало об опасности, только что пережитой всеми присутствующими. Спокойно,

деловито, пункт за пунктом зачитывался текст будущей Конституции. Порой вносились поправки и уточнения. Происходил краткий обмен мнениями — и работа шла дальше.

Но вот зачитан последний пункт. Вот проект Конституции поставлен на голосование и единогласно принят съездом. Вот Свердлов приступил к заключительной речи. Вот под аплодисменты всего съезда он провозгласил лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» И тут...

Впрочем, предоставим слово стенограмме.

«*Свердлов:* ...Мы уверены, что наш лозунг... станет открытым, ярким лозунгом всего мирового пролетариата. Все зависит от нас, от той работы, которую мы проделываем. Каждый из вас должен употребить максимум усилий... чтобы Россия, не бывшая до настоящего времени социалистической, к следующему съезду была социалистической. Да здравствует мировая социалистическая революция!

Голос с места: Товарищи, вся русская революция доказала, что, несомненно, единственным гениальным человеком у нас является т. Ленин. Вся русская революция связана с именем т. Ленина, с его прозорливостью и умом. Да здравствует т. Ленин! (В зале поднимается гром аплодисментов, переходящих в шумную овацию.)»

Даже сухая стенографическая запись дает почувствовать необыкновенность этой минуты. Но стенограмма — лишь жалкий слепок с того, что было на деле. В ней нет ни зала Большого театра, слабо освещенного горящими вполнакала лампочками; ни лиц тысяч людей, заполнивших партер, ложи, ярусы, проходы, места в оркестре; ни дорогого всем Владимира Ильича, примостившегося с бумагами на уголке стола и спрятавшегося поглубже во время овации; ни легкой как дыхание паузы, наступившей после речи Свердлова. В ней нет звука этого удивительного голоса — сильного, теплого, прозвучавшего из глубины зала поистине подобно гласу народа и поднявшего всех на ноги, ни всеобъемлющего восторга и тысячекратных возгласов: «Да здравствует товарищ Ленин!», в которых слились и тревога, и надежда, и торжественная клятва выстоять, выдержать, победить, чего бы это ни стоило!

Как долго продолжалась эта овация? Не знаю, не помню.

Но вот делегаты начали выходить — и неожиданно послышался чей-то смех и веселые восклицания.

На улице бушевала гроза, сверкали молнии, неслись летучие облака, раскаты грома перекатывались от края до края небосвода. Хоронясь от шумного летнего дождя, все столпились под колоннадой Большого театра.

Вместе со всеми стоял и Владимир Ильич. Он разговаривал, смеялся, оживленно жестикулировал. Вспышки молний выхватывали из лилового полумрака то его могучую голову, то крепкие, широкие плечи, то руку, протянутую в энергичном броске.

Хороши бывают июльские грозы!

11

Сейчас тоже июль. Я прохожу по аллеям парка в Горках, который так любил Ленин. Я думаю о Ленине.

Здесь все полно воспоминаниями о нем. Под этим могучим дубом он подолгу сидел, читал, думал. Такие же рыжие белки прыгали в ветвях и трещали, переговариваясь и переругиваясь. Здесь он спускался к Пахре. Быть может, рука его касалась этой ивы, низко склонившей к реке ветви с узкой серебряной листвой. Быть может, и тогда от воды шел слабый холодный запах глины, смешанный со сладким ароматом цветущей таволги, и около берега, там, где солнце просвечивает до дна, играли мелкие рыбки, а порой, громко плеснув хвостом, по глубокой воде проплывала большая рыба. Отсюда, с этого высокого откоса вглядывался он в золото созревающих полей.

Словно не вчера даже, а «сегодня, здесь, сейчас» было это все. Но как давно, как бесконечно давно ушла от нас эта горячая минувшая жизнь. Голубые ели в Горках, что растут неподалеку от беседки над обрывом, были тогда небольшими деревьями, едва по пояс одинокой старой сосне; сейчас они поднялись почти вровень с нею. Да и они ль одни?

В парке тихо, тепло. Густые липы накрыли землю душистой зеленоватой тенью. Над Горками поют птицы. Тысячи птиц поют над Горками.

12

Уже миновал июль, наступил август. Овес поспел, крестьяне окрестных деревень приступили к его уборке и к севу озимой ржи. Дни стояли жаркие, знойные, но по ночам бывало прохладно и выпадала обильная роса, а над прудами по вечерам поднимался густой туман.

Владимир Ильич к этому времени окреп, чувствовал себя хорошо. Часто уходил на дальние прогулки — то вдоль капризной, петляющей Пахры к любимой им заводи, где у самой воды в зарослях тростника и осоки цвели большие желтые ирисы; то в сосновый бор, на можжевеловую поляну.

И все больше работал.

Тут врачи были бессильны. Все попытки заставить его отказаться от работы разбивались об упорное сопротивление. Приходилось мириться с компромиссом: работать не больше, чем столько-то часов, гулять и отдыхать не меньше, чем столько-то.

Но разве в количестве часов было дело? За два месяца еще не полностью оправившийся от болезни Владимир Ильич успел сделать столько, что один только перечень вопросов, которыми он занимался, оказал бы честь крепкому, здоровому человеку: тут и проблемы финансовой политики, и внешняя торговля, и работа советского аппарата, и положение дел в Наркомате рабоче-крестьянской инспекции, и отношение к буржуазным специалистам, и вопрос о концессионном договоре с крупным английским промышленником Уркартом, и проведение однодневной переписи советских служащих в Москве, и кооперативная торговля в деревне, и поднятие добычи каменного угля в Донбассе, и организация работы Госплана, и образование Союза Советских Социалистических Республик, и проблемы строительства новой культуры, и даже вопрос о течениях внутри сектантского движения.

Все это наряду с чтением множества книг — среди них два тома Маркса и Энгельса и «Феноменология духа» и «Наука логики» Гегеля, и около полутораста названий русских, немецких, французских, английских и итальянских газет и журналов.

К Владимиру Ильичу приезжали товарищи по работе — иногда для чисто деловых разговоров, иногда

чтоб провести с ним часок-другой, посидеть, погулять, поговорить. В датах его жизни и деятельности, список которых приложен к последнему изданию его сочинений, последовательно названы следующие его посетители за время с одиннадцатого июля по двадцать девятое сентября: И. В. Сталин, Л. Б. Каменев, Н. И. Бухарин, Г. Е. Зиновьев, Л. Д. Троцкий, Г. И. Петровский, Н. Н. Крестинский, Г. К. Орджоникидзе, С. А. Агамали-Оглы, А. С. Енукидзе, М. К. Владимиров, Л. Б. Красин, Н. Л. Мещеряков, Е. А. Преображенский, А. И. Рыков, Х. Г. Раковский, И. И. Скворцов-Степанов, А. И. Свидерский, Д. З. Мануильский, Ф. Э. Дзержинский, М. И. Калинин, Л. М. Хинчук, М. П. Томский, Я. Э. Рудзутак, Г. Л. Пятаков, Г. Я. Сокольников, П. Г. Мдивани, М. С. Окуджава, Л. Е. Думбадзе, К. М. Цинцадзе, А. Ф. Мясников,— даже простое перечисление этих имен показывает, сколь разнообразен и многогранен был круг вопросов, которые должны были быть затронуты даже не в прямо деловых, а как бы в частных беседах. Но большинство этих бесед были именно деловыми.

Однако всего этого Ленину мало: он жаждет вернуться в Москву и с головой уйти в работу. Побывавшему у него пятого сентября М. И. Калинину он говорит, что надеется вернуться к работе в октябре, хотя опасается, как бы врачи не запретили. Вопрос должен решить консилиум, назначенный через неделю.

Консилиум состоялся одиннадцатого сентября. В нем участвовали профессора О. Ферстер, В. В. Крамер и Ф. А. Гетье. После тщательного осмотра больного и долгого обсуждения консилиум разрешил Ленину приступить с первого октября к работе.

Когда Владимира Ильича не стало, некоторые товарищи выражали сомнения в правильности этого решения консилиума и спрашивали профессора Ферстера, не привело ли возвращение Владимира Ильича к работе к ускорению хода его болезни.

«Нет,— отвечал им профессор Ферстер.— Болезнь Ленина была обусловлена в первую очередь внутренними причинами, она развивалась по внутренним законам независимо от внешних факторов, с беспощадной закономерностью... Если бы Ленина в октябре 1922 года и дальше оставляли в бездеятельности, он лишился бы последней большой радости, которую он получал в своей жизни.

Дальнейшим полным устранением от всякой деятельности нельзя было бы задержать ход его болезни. Работа для Владимира Ильича была жизнью, бездеятельность означала смерть».

Это мудрое мнение разделяла и Надежда Константиновна, которая считала, что врачи действовали неправильно, когда запрещали Владимиру Ильичу читать, работать, даже думать. И он сам часто говорил ей: «Ведь они же (и я сам) не могут запретить мне думать».

И все же возвращение к работе, вероятно, ускорило развитие болезни и смерть Владимира Ильича. Но виною тому была не сама работа, а, как мы увидим дальше, совсем иные обстоятельства.

Легко представить себе, с каким нетерпением ждал Ленин наступления заветной даты — первого октября, какую затаенную радость испытывал он, видя приметы приближающейся осени: первую позолоть берез; первый багрянец на вершинах кленов; ярко-красные пятна горящих на солнце осин и бересклета; лилово-бронзовые тона, подернувшие вязы; неприметный отлет трясогузок, ласточек, малиновок, пеночек; гомон суетно сбивающихся в стаи зябликов и чижей.

И вот уже лес и парк оделись в полное осеннее убранство, даже дубы стали червонно-золотыми. Над сжатыми полями закружились стаи галок и ворон, опадающая листва все обильнее покрывала землю и засохшую траву, утренники стали прохладными, а потом начались небольшие приморозки, по утрам трава, мостики и крыши покрывались легким инеем. А в солнечные дни было видно, как в высоком небе летят на юг стаи лебедей.

Осень, осень... И все ближе и ближе первое октября!

Живший в то время в Горках доктор А. М. Кожевников отмечал в своем дневнике, что во второй половине сентября Владимир Ильич чувствовал себя хорошо, бывал очень весел, много смеялся, шутил.

В последние дни перед возвращением в Москву он посылал работникам секретариата Совнаркома записку за запиской, просил их все подготовить так, чтоб он мог сразу полностью включиться в работу.

В воскресенье первого октября написал:

«Я завтра приеду, приготовьте все, протоколы, книги...»

Второго октября Владимир Ильич вернулся в Москву. Если б его спросили, какие чувства он испытывает, наверно, он мог бы ответить словами так любимого им Бетховена: «Я вновь зазеленел!»

«WEITER... WEITER...»

1

На другой же день после возвращения Владимира Ильича в Москву состоялось заседание Совнаркома под его председательством.

Как рассказывает Л. А. Фотиева, «заседание было многолюдным, присутствовало 54 человека. Пришли не только члены Совнаркома, но все, кто имел хотя бы отдаленное право присутствовать на заседаниях СНК. Каждому хотелось поскорее и поближе увидеть дорогого Ильича.

Товарищи предполагали сделать это заседание особенно торжественным. Пригласили фотографа, заготовили приветственные речи. Но все вышло иначе. Владимир Ильич незаметно вошел в зал из своего кабинета, сел на председательское место, открыл заседание и приступил к деловому обсуждению повестки, не дав никому произнести заготовленных речей. Он согласился только сфотографироваться вместе со всеми и то лишь по окончании работы».

В перерыве (после первой болезни Владимира Ильича заседания Совнаркома проводились с обязательным перерывом) Владимир Ильич вышел в канцелярию и увидел там Ольгу Равич, которую знал еще по Женеве, подошел к ней, стал расспрашивать, как она живет, работает, еще что-то. От волнения она не могла говорить, да и плохо понимала, о чем он ее спрашивает, только радовалась, видя его здоровым и бодрым. Потом, справившись с собой, сказала:

— Владимир Ильич! Вы здоровы. Как это хорошо!

А он, наклонившись к ней, тихо, почти шепотом, заговорщически произнес:

— Назло врагам...

Четвертого октября 1922 года в «Правде» появилась небольшая заметка, напечатанная где-то посредине четвертой страницы:

«Тов. Ленин приступил к работе.

Вчерашнее заседание Большого Совнаркома происходило под непосредственным председательством Владимира Ильича Ленина.

В. И. Ленин фактически вернулся к исполнению обязанностей Председателя Совнаркома».

По Москве весть о возвращении Владимира Ильича разнеслась мгновенно. Какой восторг она вызвала! С тех пор как он заболел, вся страна прислушивалась к тому, что происходит в Горках. На собраниях еще задолго до начала стол президиума бывал завален записками, в которых на разные лады задавался один и тот же вопрос: «Как здоровье товарища Ленина? Скоро ли Ильич вернется к работе?» Почта ежедневно в Совнарком приносила пачки писем, авторы которых посылали Владимиру Ильичу «пролетарское слово привета» и желали поскорее выздороветь и вернуться «на пост рулевого Советской России и грядущей мировой рабочей революции».

И вот он вернулся!

Никаких манифестаций по этому поводу не устраивали, но как-то само собой получилось, что к вечеру толпы народа заполнили Красную площадь. Никто не произносил речей, просто было всем очень радостно.

В тот же день четвертого октября в «Известиях» была напечатана снятая после заседания Совнаркома фотография Владимира Ильича: он сидит за письменным столом, держит в руках газету, слегка наклонив голову, глядит перед собой.

Даже сквозь грубую сетку газетного клише проступает затаившаяся в его взоре печаль. Чувствовал ли он, что уход его близок?

Как раз в эти дни его посетил приехавший из Баку А. Н. Серебровский. Он шел к нему уверенный, что Владимир Ильич совершенно здоров, но, едва взглянув в его лицо, понял правду.

Напрягая все силы, чтобы не выдать себя, А. Н. Серебровский старался быть поживее, рассказывал Владимиру Ильичу что-то вроде как веселое, но слезы были у него на глазах.

Это была последняя встреча А. Н. Серебровского с

Владимиром Ильичем. Когда он уходил, Владимир Ильич, прощаясь, поцеловал его в лоб. «Я был тогда крепким, здоровым парнем, но чуть не упал»,— рассказывал потом Серебровский.

Кое-как, держась за стенку, добрался он до двери. Свои бумаги забыл в комнате. Их вынесла Мария Ильинична и толкнула его легонько в спину, чтобы он не рыдал тут, под дверью, а шел бы домой...

Я беру в руки тома Собрания сочинений Ленина, относящиеся к последним годам и в особенности к последним месяцам его жизни и деятельности и вышедшие в таком виде и в таком объеме лишь после Двадцатого съезда партии.

Ни об одном периоде жизни Ленина мы не знали раньше так мало и не узнали в последние годы так много, как об этом. Обнародованы статьи и письма, хранившиеся раньше под семью замками. Восстановлены целые фразы, а то и абзацы и даже страницы, опускавшиеся в прежних изданиях.

Помимо основного ленинского текста иным стал справочный аппарат: примечания, указатели, даты жизни и деятельности В. И. Ленина. Гораздо шире показан круг людей, с которыми общался Ленин. Названы не упоминавшиеся ранее имена. Приведены неизвестные раньше документы. Впервые опубликован ценнейший исторический источник — «Дневник дежурных секретарей В. И. Ленина», который велся с двадцать первого ноября 1922 года по шестое марта 1923 года. Расшифрована стенограмма последней записи этого дневника, сделанная дежурившей шестого марта Марией Акимовной Володичевой и остававшаяся нерасшифрованной вплоть до 1956 года.

Вся эта сложная и ответственная работа, выполненная после Двадцатого съезда партии Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, дает нам возможность хотя и не полностью, с большими пропусками, но все же с относительно большой степенью точности восстановить картину жизни Владимира Ильича в этот трагический период, когда каждый день был полон предчувствием близкой разлуки.

О многом, конечно, мы можем только догадываться. Многое читатель должен понять и продумать сам. Справедливо говорил Бертольт Брехт: единственная форма, в которой мы можем выразить свое уважение к читателю,— вера в его ум и душевное благородство.

2

Пять месяцев, отделяющих возвращение Владимира Ильича в Москву от приступа болезни, окончательно оторвавшего его от работы, делятся на два равных периода.

Первый — со второго октября до шестнадцатого декабря — заполнен напряженнейшей работой, потоком дел. По подсчету, сделанному секретарями, за это так быстро пролетевшее время Владимир Ильич написал двести двадцать четыре деловых письма и записки, принял сто семьдесят одного человека, председательствовал на тридцати двух заседаниях и совещаниях — Совнаркома, Совета Труда и Обороны, Политбюро ЦК, различных комиссий. К этому надо добавить три больших выступления — на сессии ВЦИК, на Четвертом конгрессе Коминтерна и на пленуме Московского Совета.

Второй период — от шестнадцатого декабря по шестое марта. Владимир Ильич был тяжело болен, лежал в постели, но по его категорическому требованию к нему приходили секретари, и он диктовал им свои последние статьи и письма — свое политическое завещание.

Начнем с первого периода. Не будем ставить себе целью охватить его целиком: как он ни короток — всего семьдесят шесть дней,— его описания хватило бы на целую книгу.

Снова Ленин погрузился в поток непрерывно сменяющих друг друга дел. Снова в течение одного какого-нибудь дня он занимался вопросом об объединении Советских республик; и отказом от предоставления концессии английскому финансисту и промышленнику Лесли Уркарту; и выяснением целесообразности выделения из числа действующих каменноугольных шахт Донбасса самых крупных и лучших, чтобы полностью обеспечить в них шахтеров, ассигновав на это часть золотого запаса Республики; и положением на бакинских нефтяных промыслах — и при этом успевал написать в этот же день приветственное письмо редакции комсомольской газеты Бауманского района «Путь

молодежи» и проект письма «Обществу друзей Советской России» в Соединенных Штатах Америки, в котором выражал от имени нашей Республики глубокую благодарность американским друзьям, организовавшим тракторный отряд, который работал в Пермской губернии, в совхозе «Тойкино».

Но были некоторые вопросы, которым в это время он уделял особое внимание, и первый из них — положение советских финансов и прежде всего восстановление рубля.

Тут можно было бы многое сказать об истории бумажных денег во время Великой Французской революции и о бумажных деньгах в нашей революции, что-то сопоставить, что-то противопоставить. Можно было бы вспомнить министра финансов Директории Рамеля, который писал в 1797 году в докладе Совету Старейшин: «Ассигнации сделали революцию; они привели к уничтожению сословий и привилегий; они опрокинули трон и создали Республику; они вооружили и снарядили грозные колонны, пронесшие трехцветное знамя за Альпы и Пиренеи; им мы обязаны свободой»,— и, приведя эту эффектную цитату, высказать что-нибудь столь же возвышенное, но научно более точное по поводу бумажных денег русской революции. Но не будем этим заниматься, ибо в момент, о котором мы сейчас говорим, бумажные деньги из грозного оружия, честно послужившего нашей революции, превратились в свою противоположность, став источником серьезнейшей опасности для ее дела.

Попробуйте прочесть такую цифру:

1.994.464.454.000.000

Не можете? Я тоже не могу. Впрочем, попытаюсь: один квадриллион девятьсот девяносто четыре триллиона четыреста шестьдесят четыре миллиарда четыреста пятьдесят четыре миллиона.

Эта цифра выражает количество бумажных рублей, находившихся в денежном обращении на конец 1922 года [1]. Какое реальное ценностное содержание за ней кроется, я не знаю, думаю, что не знает никто. Не знаю я также, о каких рублях говорит эта цифра: довоенных? в деизнаках двадцать первого года? двадцать второго года? Чтобы перевести одни в другие, надо

[1] По подсчетам автора.

либо убавлять, либо прибавлять по три или пять нулей справа. Суть дела от этого не изменится.

Денежная эмиссия и падение курса бумажного рубля сначала шли в арифметической прогрессии, затем в геометрической, а затем перестали подчиняться каким бы то ни было математическим законам.

При помощи целой системы мер иногда удавалось на время добиться устойчивости бумажного рубля, но потом он снова начинал падать. Было проведено несколько деноминаций — один рубль образца двадцать второго года приравнивался к десяти тысячам рублей старых образцов, а рубль двадцать третьего года — к миллиону прежних рублей. Делая подсчеты в связи с проектом очередной деноминации, Ленин исходил из количества бумаги, которое потребуется для выпуска новых дензнаков и предлагал «дать плохую бумагу, чтобы выпускаемые деньги скорее самоликвидировались».

Так бумажные деньги из денег все больше превращались в бумагу. Правильно хозяйствовать при такой валюте было невозможно. Все расчеты, все сметы летели под откос, заработная плата обесценивалась раньше, чем была получена на руки. Зато для жуликов, мошенников, аферистов создавались неограниченные возможности казнокрадства, принимавшего самые разнообразные формы — начиная с примитивных сделок, в которых какой-нибудь ловкач заключал с советскими органами договор в номинальных советских рублях, а сколько-то времени спустя вносил эти номинальные рубли и благодаря падению денег при этом, как выражались тогда, «брал в свою пользу хвостик» — хвостик миллионов и миллиардов. Но бывали мошенничества посложнее, в которых счет велся уже на триллионы,— вроде тех, что раскрылись на судебном процессе Орехово-Зуевского текстильного треста или в деле «Транс-Унион».

Среди многочисленных дел, в которых взятка, подкуп, жульничество и нэпманское хищничество переплетались в единый грязный клубок, было одно, наделавшее тогда много шуму,— не так масштабами, как необычностью: дело «королей тряпья» Дразниных.

«Короли тряпья»! Неужели этот холеный, бледный двадцатитрехлетний лисенок с длиннейшим ногтем на

мизиице, сидящий иа скамье подсудимых и до удивлеиия смахивающий иа современиых иам подоиков, разве только пиджак другого кроя, иеужели ои может иметь какое-то отиошение к тряпью?

Но ои ведь ие тряпичиик, а король — точнее, наследиый прииц. Король — его отец, старый Дразиии, осиователь фирмы с первым иа России оборотом в тряпичиом деле, в течеиие сорока лет поставлявший тряпье «Экспедиции заготовлеиия государствеиных бумаг».

«Король» еле грамотеи, подстрижеи под скобку, одет в бобры. Узиав о предстоящем аресте, скрылся. Но, охвачеииый безудержиой тревогой за сына, боясь, что его побег отягчит вииу сыиа, сам явился иа суд.

Ои сидит иа скамье подсудимых, вцепившись в сына пламенеюще-восторжеииым взглядом, почти ие сводя с иего глаз, на его лице отражается каждое удачиое или гибельное для его сыиа слово. Свои показания старик иарочито дает каким-то хрипящим шепотом, так что его ие слышио на расстояиии полуаршина, и суд в коице коицов выиуждеи отказаться от допроса.

Суть дела состоит в том, что младший Дразнии пробовал дать взятку в сколько-то миллионов или миллиардов сотруднику Центросоюза за то, чтоб тот заявил, что не может взять иа себя поставку тряпья для Гозиака,— того тряпья, из которого делалась бумага для выпуска бумажиых деиег.

Сыи — по паспорту Михаил, ио, как положеио подонку, имеиующий себя Морицем,— сиачала все отрицает, затем начииает валить вииу иа отца. Отец подтверждающе хрипит, ио допрос свидетелей полностью изобличает младшего Дразииия. Суд удаляется иа совещаиие, затем оглашает приговор: высшая мера иаказаиия — расстрел. И тут король бросается к своему детищу. Куда девался его хрипящий шепот? Он орет, рычит, шлет проклятья, предает большевиков аиафеме...

В декабре двадцать первого года было выпущеио 7.694.186.000.000 рублей иовых деиег, в декабре двадцать второго года уже 515.245.663.000.000 рублей (по счету двадцать первого года). За одии год деиежная масса увеличилась почти в семьдесят раз [1].

[1] По подсчетам автора.

Леиин давио уже бил тревогу, считая положение с бумажиым рублем самым больным, самым слабым, самым уязвимым местом в хозяйственной системе Республики. С прнсущей ему резкостью формулировок ои иастойчиво писал тогдашнему Наркому финансов Г. Я. Сокольиикову, что ежели ои ие сумеет восстановить рубль, а будет вместо этого заииматься перестройками, реоргаиизациями и теоретической лииией, к чему у него есть слабость, то мы «крахием», «околеем», «погибием из-за краха деиежиой системы, разбросав свое вниманне иа иеосуществимые сейчас задачи».

Предостерегая Сокольинкова от всяческих прожектов, в которых ои, Леиии, видел самообмаи, пустую игру и пустое самоутешеиие, ои требовал от Сокольиикова «практики, практикн н практики» — торговлю подиять, иалогн *увеличить* и *собрать* и прежде всего восстаиовнть рубль.

Но как было это сделать?

Только одиим путем: создав новую валюту, не подвержеиную колебаниям курса и являющуюся твердой валютой по отиошеиию к бумажным деньгам.

Так был создаи червоиец, сообщеиие о выпуске которого было одиим из первых правнтельствеиных постановлеиий, подписаниых Леиииым по возвращеннн к работе.

Итересно вспомиить, что падеиие советского бумажного рубля совпало по времеии с еще более безудержиым падеиием другой бумажиой валюты — германскоя маркн. Но как по-разиому происходилн эти два иебывалых событня в фиианеовой истории!

В то время, как из краха бумажных денег в Советской России родилась червоиная валюта, обеспечившая возможиость восстаиовления и развития народиого хозяйства, в Германии падеиие бумажиых деиег привело к тому, что тогда же было прозвано «Ausverkauf» — распродажей страиы.

Тучей рииулось туда чериое вороиье, слетевшееся из Лондоиа, Парижа, Стокгольма, Рима и прежде и больше всего из-за океана, нз Нью-Йорка, Чнкаго, Бостоиа. Бряцая долларами, фунтами стерлингов, франками и кронами, оно шиыряло по магазниам, музеям, частиым кварталам н вывознло что только возможно, скупая за бесцеиок все — от платья и обуви до пронзве-

дений искусства, создававшихся и накапливавшихся веками.

Такова была одна из многих расплат, на которые обрекло германский народ поражение его революции, проданной, преданной и погубленной правыми социал-демократами.

3

Сообщение о выпуске червонца вызвало изрядную панику среди нэповской буржуазии, откликом на которую было стихотворение «Наркомнеудела» Демьяна Бедного, опубликованное неделю спустя в «Правде». Приводим его, опустив некоторые длинноты.

О делах иаркомфиииых, об агицах иэповииных,
о большевнках свирепых н слухах иелепых
...Не каплет, граждаие нэпмаиы, иад вами,
Нэптесь в полиой уверенности,
Что НЭП рухиет не от большевистской «злонамереииости»,
Не оттого, что арестована некая самогоиная баба,
А от революциоиных событий большого масштаба.
— А до тех пор?
— До тех пор:
Одно дело — вас стричь, другое — сиимать шкуру.
Будете иапирать, получнте отпор;
Нэптесь, ио с оглядкой иа рабочую диктатуру...
— Стало быть, последние антннэповские слухн?..
— Выдуманный слои нз иесуществующей мухн.
— Скачки вашего рубля вам ие виушают тревогн?
— Скачет, зиачит имеет ногн.
Уповаю иа широкий итог,
Что не сломает иог.
Авось, Сокольников, чьи мысли полиы
неизречеииой трезвости,
Поубавнт ему резвости:
Дескать, ты все же какой нн есть рубль, а ие блоха.
Впрочем, все дело решат рабочнй молоток
и мужнцкая соха...

Здесь все интересно: и подтекст, показывающий, как широкие партийные и народные круги понимали ленинский лозунг о нэпе: «Всерьез и надолго»; и точно сформулированное отношение к нэповской буржуазии: «Одно дело вас стричь, другое — снимать шкуру»; и образы, символизирующие рабочий класс и крестьянство того времени — топор и соха; и выглядывающее из-за каждой строчки хитрое, прощупывающее рыльце нэпмана.

А что такое был нэпман?

Если верить зарисовкам художников того времени, нечто обязательно брюхатое, мордастое, свиноподобное, утопающее в складках собственного сала.

В подобном изображении нэпмана — нэпача тож,— безусловно, имелся резон: никогда и ни одна группа буржуазии не насчитывала в своих рядах такого высокого процента откормленных туш. Явление это было не столь физиологическим, сколь социальным, и вызывалось склонностью к заглатыванию больших количеств пищи непрожеванными кусками.

Для того чтоб этак разжиреть, нэпачу (если он был не из старых купцов и не сохранил старое богатство, просидев всю революцию на своих сундуках) нужно было время. Начинал он обычно с того, что «клевал по зернышку»: то выпишет счет на перевозку несуществующего товара на несуществующий склад и распишется за несуществующего извозчика. То, будучи служащим в государственной хозяйственной организации, попридержит выданные ему подотчетные суммы, а потом возьмет себе «хвостик» на разнице в денежном курсе. А там дальше — больше.

Какую-то часть нэповской буржуазии составляли различного рода дельцы, жившие целиком в сфере частного оборота: валютчики и спекулянты, кишевшие на Ильинке и на Невском, забегавшие в пивную «Лира» или в кафе «Уют», чтоб, приговаривая: «Товар руки жжет», совершить мгновенный тройной оборот — продать, купить, тут же продать,— за полчаса «наварить» в этой хищной коммерции миллиардный лаж и пуститься в новую комбинацию.

Другая ее часть состояла из мошенников и ловкачей, крутившихся вокруг государственных органов и создававших при помощи взяток и подкупов хитросплетенную сеть хищений, «коммерческого» жульничества, перекачивания государственных средств в собственный карман.

Вся эта распыленная жадная рать, многочисленная и приблизительно одинаковая по отсутствию капитала (миллиард рублей для них был не капитал, за миллиард рублей в то время пуда гвоздей было не купить), остервенело дралась в дикой и жадной свалке, пережидая своеобразный процесс первоначального накопления капиталов, при котором происходил естественный отбор счастливых (ограбивших и раздевших)

и несчастиых (ограблеииых и раздетых). Крупиейшим козырем в этой алчиой игре было получеиие деиежиого аваиса под заказ, какой угодио заказ. Здесь удачиик мог счнтать себя победителем.

Тнпичиой фигурой этого рода был некто Савчик, герой одиого из судебных процессов того времени.

Свою деятельность Савчик иачал с того, что подал в Наркомат виутреиией торговлн заявление с просьбой продать ему три тысячи ведер спирта и, не получив еще никакого ответа, отправился в государствеииое объединенне парфюмериых заводов и предложил ему трн тысячи ведер спирта. Там обрадовались, заключили с Савчиком договор, выдали ему аваис. Затем ои «продал» эти же три тысячи ведер спирта Главхиму за шестьдесят пять тысяч пудов каустической соды. Ордера на эту соду ои «продал» сиачала Иваиово-Вознесенскому, а затем Орехово-Зуевскому текстильиым трестам, попутно заключил с Главсельпромом сделку иа поставку двухсот пятидесяти тысяч пудов кедровых орехов н еще с какой-то оргаиизацией иа продажу пяти тысяч пудов несуществующего мыла. И при этом, конечно, повсюду получал авансы.

Приспосаблнваемость и умеиие применяться к любым условиям, выработаииые иэпмаиом, были понстнне изумнтельны. Если прежинй Тит Тнтыч писал просто: «Вышли партию маиуфактуры расплачусь Макарии», то, ставши нэпмаиом, он шпарил: «Астрахаискнй пролетариат нспытывает острую продовольствениую иужду бархате шлите срочио расплата Нижием после пролетарского красиого октября». Подавая заявление о выдаче разрешеиия на открытие ресторана, ои предварял его преамбулой: «Желая помочь умирающему в Поволжье с голоду пролетариату, прошу разрешить открыть кафе-рестораи с оркестром и продажей внна и пива. Сыи трудового иарода...»

Делеиие нэповской буржуазии иа разиые группы не следует, конечно, поннмать как иечто застывшее, постоянное: это былн сообщающиеся сосуды, между которыми происходило непрерывное взаимопроиикиовеиие, тем более естествениое, что субстаиция и тут и там была одиа, да и цель одиа: барыш!

По замыслу Ленина, в условиях иэпа пролетарское государство должио бнть частиый капитал прежде всего

мощью государственного капитала, иаходящегося в руках пролетариата, производством, цеиами, регулировкой рынка, иаправлеиием кредитов и прибылей, иалоговым обложеиием, фииаисовой политикой.

Вместе с тем Леиин прндавал важиейшее зиачеиие закоиодательиым иормам — и в области уголовиого, н в области граждаиского права — как средству охраиы иитересов пролетарского государства протнв частиособственнической стнхии. Он решительио возражал против мнеиня, что государство ие правомочио коитролировать частиую деятельность кооперативных организаций и проверять обороты и коммерческую деятельиость частиых предприятий. «Неверио!! Откуда сие?» — восклицал он по поводу подобиых утверждеиий.

В докумеитах, иапнсаииых им по этим вопросам, больше, пожалуй, чем в каких бы то ии было других, чувствуется, что по образованию своему Леиии — юрист.

«Мы иичего «частиого» ие признаем,— пишет он Наркомюсту Д. И. Курскому,— для иас *все* в областн хозяйства есть *публично-правовое,* а ие частное. Мы допускаем капитализм только государствеиный... Отсюда — расширить применение государственного вмешательства в «частиоправовые» отиошеиия; расширить право государства отменять «частиые» договоры; примеиять ие corpus juris romani [1] к «граждаиским правоотношеииям», а иаше *революционное правосознание,* показывать систематически, упорио, иастойчиво иа ряде образцовых процессов, *как* это иадо делать с умом и эиергией».

Такие же требоваиия ставит он перед правовой защитой интересов рабочих, работающих иа частных предприятиях.

4

До сих пор мы говорили о нэпмаиах исключительио как о существах, мыслящих животом. Но имелась же у ннх какая-инкакая духовиая сфера? И рождались же у ннх свои, иэпаческие, мыслн и ндеи?

Разумеется, все это было. Но выразителямн этих

[1] Свод законов римского права.

мыслей и идей были не сами нэпачи (куда им этакое при ихнем-то рыле?), а другие люди. И притом люди, почитавшие смертельной обидой и оскорблением, когда кто-нибудь видел в них представителей этой самой нэпманской буржуазии.

Да и мог ли не обидеться, не оскорбиться убеленный сединами старый народник, побывавший в якутской ссылке и начинавший чуть ли не каждую свою фразу словами: «Мы, русская интеллигенция...», когда какой-нибудь сопливый мальчишка, который еще ходил под стол пешком, а он, старый народник, сидя в Доме предварительного заключения и т. д., и т. п.,— когда этот мальчишка объявлял его, старого народника, идеологом охотнорядских торгашей.

Но упрямые факты на стороне мальчишки. Ибо кто, как не охотнорядский или зацепский, а вернее собирательный нэпач, водил рукой достопочтенного старого народника, когда тот писал:

«Как Феникс из пепла, вышла из земли и воскресла в полгода московская торговля... Три дня езжу с Сухаревой в Смоленский и с «Зацепы» на «Трубу» и не могу насытить свои голодные глаза обилием пищи, снова взлелеянной, всхоженной и вынесенной на торжище для человеческой потребы...

Рыба, рыба. Целые севрюги, осетры. Сухие снетки и лещи. Резаные головы наложены грудою.

Свинина, баранина, жирная говядина. На десятичных весах горою навалены телячьи туши, еще целые, в шубах.

А вот и ободранная туша, белая от сала. Пухлые гладкие почки, как женские груди. Сальная рубашка, обтянутая, как трико.

Милый теленок, скажи мне, кто вырастил тебя? Кулак или середняк, партийный или беспартийный? Но ты все тот же, такой же, как прежде. Откормленный телец, взращенный обильной природой для ласковой встречи человеческого блудного сына, обуянного гордыней духа и оголодавшего желудком. Чей ты, теленок?

— Я не кадетский, я не советский,— напевает под ухом назойливый «цыпленок», как будто в объяснение,—

Ах, я куриный, я петушиный,
Я Петька-детка, я курицын сын...

Не знаю, кто вырастил тебя. Но знаю и чувствую, что в тебе воскресла и выросла мистика жизни, мистика

плоти, цветущей и тучной. Жизиь чередуется волнами. Три года войны, четыре — революции, хаос разрушения, кровавые духовиые цветы. И вот возродилась цветущая плоть, от духа родилась плоть...

Ешь и объедайся, душа, до самой дизентерии!..»

Однако мы что-то вновь попали в область мышления животом. Но ведь была же все-таки сфера чистого духа, чистой мысли, «критически мыслящих личностей» и тому подобного.

Была, была. Все было.

И изящное фраицузское: «Tout passe tout change» — «Все проходит, все меняется». В том смысле, что проходит революция, меняется ее облик, исчезает ее преобразующая сила и все возвращается в старые привычные берега.

И пришедшее из керженских лесов словечко «обмирщение», которым раскольники называли общеиие с обычными мирянами, с православиыми, уклонеиие от своего согласа, отказ от строгого соблюдения своих раскольничьих обычаев. Вот иа такое «обмирщеиие коммунизма», когда «от коммуиистической идеи останется одиа терминология» и произойдет «безболезиеиный спуск к реальиой действительиости с утопических высот» и делалась ставка.

И ссылки иа Достоевского, Константина Леоитьева и Константина Аксакова. На Ивана и иа Дмитрия Карамазовых. А также иа Макиавелли с соответствующей цитаткой: «При перемеиах надо сохранить тень прежних устаиовлений, чтобы иарод ие подозревал о перемене. Большиистиво людей больше боятся внешности, чем сущиости».

В конце двадцать второго года наша печать отметила попытки частного капитала, ограничивавшегося до того времеии розницей, проиикнуть в сферу оптового оборота. Одновремеиио с этим в выходившем в Петрограде журиале «Экоиомист», одним из ведущих сотрудников которого был подвизающийся иыие в Соединенных Штатах Питирим Сорокии, появилась серия статей, подвергавших критике новую экоиомическую политику за то, что она представляет собою «одии маниловские мечты, а ие реальиые меры». Авторы этих статей требовали отмены каких бы то ии было ограиичеиий «свободы хозяйствеиного почииа», отказа от «прииципа национализации в области виешиего товарооборота» и предоставлеиия частиому капиталу «возможиости иепосред-

ственно связаться с мировым рынком», а также ликвидации советского рабочего законодательства, ибо «для серьезного промышленника вообще едва ли возможно работать в более крупном масштабе при наличии регулирующих труд и трудящихся правил, связывающих владельца предприятия в отношении найма и расчета рабочей силы».

Так весьма откровенно высказывалась лелеемая в определенных кругах идея капиталистической реставрации и создания того, что они называли «Третьей Россией» — России, хозяином и владыкой которой стал бы всесильный нэпман.

Но вообще нэповская буржуазия в политических вопросах держалась очень осторожно. Когда приехавший в конце октября в Советскую Россию корреспондент английской газеты «Манчестер Гардиан» Артур Рансом задал Ленину вопрос: «Каким образом нэпман не является и не показывает признаков стремления быть политической силой?», Ленин ответил:

«Я думаю, что «нэпман», т. е. представитель растущей торговли при «новой экономической политике», желает быть политической силой, но не показывает никаких признаков этого или показывает их так, чтобы скрыть свои пожелания. Ему необходимо стремиться к сокрытию своих пожеланий, ибо иначе он рискует встретить серьезную оппозицию со стороны нашей государственной власти, а иногда и хуже, чем оппозицию, т. е. прямую враждебность».

И премерзейшее же было это животное, которое вошло в историю под прозвищем «нэпмана» или «нэпача»! Жадное, прожорливое, трусливое, загребущее, оно жило в атмосфере постоянных слухов, страхов, шепота, взлетов и падений, надежд и отчаяний. То оно наглело и требовало, чтоб ему передали «в концессию» — и притом на двадцать четыре года Большой, Малый и Художественный театры. То в панике шарахалось и поспешно распродавало все, вплоть до вставных челюстей с золотыми зубами. То безудержно радовалось и предавалось несбыточным надеждам, истолковывая действия Советской власти как признак ее слабости и близкого падения — как это было, например, в день,

когда был опубликован декрет о преобразовании ВЧК в ГПУ.

— «Слыхали? Чрезвычайку-то упразднили!» — «Слыхал, да не верю ушам своим».— «Так глазам поверите? Эй, мальчик, дай газету! Да не «Коммунистический труд», дай другую. Вот, глядите, читайте: «ВЧК и ее местные органы упразднить!» — «Ох, Христос воскресе!» — «Воистину воскресе!».— «Почем продаете последнего займа?» — «Последнего займа 75. Неотрезанные купоны. А чрезвычайка-то лопнула!» — «Лопнула, как в стакане лопнула. Шведскую крону берете?» — «Как я возьму у вас шведскую крону по 45, когда банк берет ее по 60 с хвостиком?» — «Э, мой родной, теперь не нам банк, а мы банку законы писать будем».— «Волжско-Камские берете? Есть случай!» — «А чрезвычайка-то тю-тю!» — «Воистину тю-тю!»

5

При переходе к новой экономической политике Ленин определил те командные высоты, утерю которых он считал гибельной для дела революции. Одной из этих командных высот являлась монополия внешней торговли.

Между тем ряд руководящих деятелей партии не разделяли этого мнения Ленина. Разногласия существовали уже давно, к моменту возвращения Ленина к работе осенью двадцать второго года они приняли весьма острый характер.

Вопрос этот имел свою историю.

Монополия внешней торговли была установлена декретом Совета Народных Комиссаров в апреле восемнадцатого года. Но в условиях гражданской войны и связанной с ней блокады Советской России этот декрет не привлекал к себе особого внимания. С переходом к нэпу положение резко изменилось. Как рассказывает И. Й. Радченко, который с июля двадцать первого года был членом коллегии Наркомата внешней торговли, многие хозяйственные работники, в том числе коммунисты, «не понимая во всем объеме значения монополии внешней торговли, стремились к самостоятельной купле-продаже за границей для представляемых ими учреждений или организаций».

Узнав об этом, Ленин предложил самым резким

образом подтвердить незыблемость монополии внешней торговли и в то же время уточнить и дополнить действующее законодательство, приспособив его к новой экономической политике и расширению торговых связей с заграницей.

Против сохранения монополии внешней торговли выступили Г. Я. Сокольников, Н. И. Бухарин, Г. Л. Пятаков. Сокольников предложил отменить монополию внешней торговли, заменив ее режимом торговых концессий. И. В. Сталин, Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев высказались за ослабление монополии. Народный комиссар внешней торговли Л. Б. Красин был «ярым монополистом».

Ленин всячески старался убедить товарищей в своей правоте. В письме Л. Б. Камеиеву от третьего марта двадцать второго года он писал:

«т. Каменев! Я довольно долго размышлял о нашем разговоре (с Вами, Сталиным и Зиновьевым) насчет Внешторга и линии Красина и Сокольникова.

Мой вывод — безусловно прав Красин. Нельзя нам теперь дальше отступить от монополии внешней торговли, чем то предлагал и предлагает Лежава в своих тезисах. Иностранцы иначе скупят и вывезут все ценное».

Основным доводом противников сохранения монополии внешней торговли были бюрократизм и волокита органов Наркомвнешторга. Если хозяйственные организации получат право непосредственного выхода на внешний рынок, утверждали они, это придаст нашей торговле необходимую оперативность, эластичность, быстроту.

Нет, возражал на эти доводы Ленин, принять подобное решение означало бы лишь «дублировать» плохой Внешторг плохими внешторгпредами, из коих 90% *купят* капиталисты».

Из недостатков работы Внешторга надо сделать другой вывод: «проверять практику и *школить* за волокиту». Школить жестко и беспощадно.

Если, как это случилось незадолго до того, Московский Губэкосо предложил закупить за границей консервы, а Внешторг две недели тянул и дотянул до того, что сделка была сорвана, то надо поручить прессе «высмеять и тех и других и *оплевать их*. Ибо позор тут именно в том, что москвичи (в Москве!) не умели бороться с волокитой».

А посему Ленин предлагал: «Москвичей за глупость

иа 6 часов клоповника. Внешторговцев за глупость плюс «центрответствеиность» на 36 часов клоповника».

Что же касается монополии виешней торговли, то «ии в коем случае не подрывать моиополии внешней торговли... опубликовать тотчас же (потеряли мы тьму времени) от имеии Президиума ВЦИКа твердое, холодиое, свирепое заявлеиие, что мы дальше не отступаем в экоиомике и что покушающиеся нас иадуть (или обойти монополию и т. п.) встретят террор; этого слова не употреблять, ио «тонко и вежливо намекнуть» на сие».

На этот раз Ленин сумел убедить большинство члеиов Политбюро ЦК. Одиако, иесмотря на решение Политбюро, Г. Я. Сокольиикоп продолжал иастаивать на своей точке зреиия и предлагал разрешить трестам, кооперации и другим организациям закупку продовольствия за граиицей, а заместитель наркома виешней торговли М. И. Фрумкин выступил за ослабление монополии, предлагая оставить в руках государства на осиове твердой монополии лишь оптовую торговлю четырьмя-пятью видами товаров.

Поэтому Ленин, получив от полпреда РСФСР в Германии Н. Н. Крестинского документы, свидетельствующие об отрицательном влиянии внутрипартийной борьбы по поводу моиополии внешией торговли на деловые переговоры с иностраиными предпринимателями, предложил Политбюро ЦК принять постановление, вновь подтверждающее сохранение монополии.

Одновремеино с этим Ленин направил письмо И. В. Сталину и М. И. Фрумкину, в котором указывал, что надо «*формально запретить* все разговоры и переговоры... и т. п. об ослаблеиии монополии виешней торговли».

Под текстом письма В. И. Леиииа имеется ответ И. В. Сталина.

Не возражая против формальиого запрещения шагов в сторону ослабления монополии внешней торговли «на *данной* стадии», Сталии писал, что все же «*ослабление* становится неизбежным».

Двадцать второго мая проект постановления, предложенный Лениным, был утверждеи Политбюро. Только после этого Ленин счел возможным уехать на отдых в Горки.

Однако на этом борьба не прекратилась. Противники сохранения моиополии внешней торговли иастаивали на своем. Шестого октября этот вопрос был вновь по-

ставлен на пленуме ЦК. Ленин, который к этому времени уже вернулся из Горок, по болезни на пленуме не присутствовал. По предложеиию Г. Е. Зиновьева пленум принял постановление, в основе которого лежали тезисы Сокольникова о разрешении свободы ввоза и вывоза по отдельным категориям товаров или в применении к отдельным границам.

Таким образом, пленум ЦК отверг линию Ленина в вопросе, который Леиин считал имеющим «самое коренное, принципиальное значение», в вопросе, неправильная политика в котором «иас погубит», ибо отмена монополии внешней торговли приведет к тому, что «у нас вырвут из рук торговлю», в деревню, как это правильно указывает Красин, «будет искусственно введен самый злостный эксплуататор, скупщик, спекулянт, агент заграничиого капитала, орудующий долларом, фунтом, шведской кроной». И все это обратится против пролетариата, который без сохранения монополии внешней торговли «абсолютно не в состоянии воссоздать своей промышлеииости, сделать Россию промышленной страной». Вместе с тем открытие границы «несет с собою серьезнейшие опасности в отношении валюты, ибо мы попадем практически в положение Германии».

«Это такой коренной вопрос, из-за которого можно и должно побороться на партийном съезде»,— писал Ленин в письме, которое направил И. В. Сталиию для плеиума ЦК.

В политической жизии Ленина не раз уже случалось, что он оставался в ЦК в меньшинстве: вспомним первую стадию профсоюзной дискуссии или дискуссии по поводу Брестского мира.

Когда спор шел не о принципиальных проблемах, Ленин беспрекословно подчинялся партийной дисциплине. Но когда дело шло о коренных вопросах, от правильного или иеправильиого решения которых зависели судьбы революции, ои считал своим долгом бороться до коица, снова и снова апеллируя к ЦК, к партийному съезду, ко всей партии.

Так поступил он в период брестских переговоров, когда ои и его единомышленники остались в ЦК в меньшиистве. Пока была иадежда переубедить сторонников революциоиной фразы, пока не были исчерпаиы все возможиости виутри ЦК, Леиии подчииялся партий-

иой дисциплиие и ни словом ие проговорился о своих разногласиях с большиистиом ЦК. Но когда, в результате гибельиой политики Троцкого и «левых», германско-кайзеровские полчища двииулись на революционный Петроград и иа карту была поставлена судьба Советской власти и социалистической революции, Лении открыто пошел против большинства ЦК. На бурием заседании ЦК ои в ультимативиой форме потребовал прииять германские условия мира и заявил, что, если политика революциоиной фразы будет продолжаться, ои выйдет и из правительства, и из ЦК, ибо отвергиуть сейчас мир — зиачит подписать Советской власти смертиый приговор.

Вот как описывает это историческое заседаиие Н. И. Бухарии, иа которого обрушился гиев Леиииа: «Он бегает по комиате, гиевиый, с суровой решимостью в лице, иа котором подобрались и сжались все мускулы. «Больше я ие буду терпеть ни едииой секунды. Довольио игры! **Ни единой секунды!**» Его: «ии едииой секунды!» произносится с каким-то решительиым, серьезным и вместе с тем глубоко гиевиым присвистом сквозь зубы,— это было характерным признаком того, что Ильич «свирепо» настроеи. И Ильич ставит ультиматум. И Ильич ломает прежиее решение. И Ильич — могучий, грозиый, железиый, всевидящий — спасает революцию от страшных врагов: от революционной фразы и от революционной позы, которые чуть было не выдали республику немецким палачам...»

Так вел борьбу Леиин в дии Бреста, когда был крепок, здоров, полои сил. Так же готов был вести ее теперь, когда он был болеи — и, мы знаем, болеи смертельио.

В вопросе о моиополии виешней торговли Лении уступить не мог. Еще и еще раз пытался ои переубедить члеиов ЦК. Разговаривал с ними. Писал им письма. Виовь и виовь разъясиял свою точку зреиия. Добился того, что прииятие окончательного решеиия было переиесеио иа два месяца, до следующего пленума ЦК, иазиачеииого на середииу декабря.

К этому плеиуму Ленин провел большую работу: оргаиизовал сбор материалов о состояиии виешией торговли и создал комиссию для их изучеиия; предложил обследовать деятельность торговых представительств РСФСР за граиицей. Много раз ои беседовал с члеиами ЦК, с партийиыми, хозяйствеииыми и советскими работниками, убеждая колеблющихся товарищей в иеоб-

ходимости сохраиеиия моиополии виешней торговли, договаривался со сторонниками его точки зрения об их выступлеиии иа пленуме. Через все это проходила мысль, высказаииая им в одиом из его писем того времеии:

— Я буду воевать на плеиуме за моиополию...

6

Тут я позволю себе прервать иа время нить повествования, чтобы рассказать об одиом... не знаю, как правильнее выразиться: случае? разговоре? — происшедшем вскоре после возвращеиия Владимира Ильича в Москву и глубоко врезавшемся в мою память. Но прежде чем приступить к собствеииому рассказу, я попробую уточиить даты и проверить, иет ли ошибок в моих воспомииаииях.

Буду проверять последовательио.

Это было в середиие октября. Я точио помню, что в тот деиь в одиой из центральиых газет появился большой подвал иа тему об отношении рабочего класса к музыке.

Беру комплект «Правды». Нет, здесь иичего иет. Беру «Известия» — и в номере от двенадцатого октября иахожу статью Ф. Капелюша «Музыка для рабочего класса», занимающую чуть ли ие треть полосы.

Второй признак этого дня — то, что в этот день Владимир Ильич принимал Л. Б. Красина и имел с ним беседу.

Раскрываю «Даты жизии и деятельности В. И. Леиииа» и читаю:

«Октябрь, 12. Ленин участвует в заседании Политбюро ЦК РКП(б), иа котором обсуждаются вопросы о заместителях наркома просвещеиия, о решении пленума ЦК по вопросу о виешией торговле, о демобилизации моряков и укреплении боеспособиости флота, о Дальневосточиой республике, о прокурорском иадзоре, о строительстве Земо-Авчальской ГЭС в Грузии, финансовые вопросы и др.

Ленин беседует с И. В. Сталиием о решении, прииятом пленумом ЦК

РКП(б) 6 октября 1922 года по вопросу о монополии внешней торговли. Ленин беседует с Л. Б. Красиным о монополии внешней торговли; затем пишет проект письма в ЦК РКП(б) по этому вопросу и направляет его Красину для ознакомления».

Третий признак этого дня — то, что вскоре после него в Москве состоялось второе исполнение «Реквиема» Моцарта под управлением Вячеслава Сук. Тут мне для проверки снова приходится взять комплекты газет. Нашла! Вот оно, объявление в «Известиях».

«РЕКВИЕМ» Моцарта под управлением Вячеслава Сук. Второе исполнение 15. X — в 5 ч. дня в помещении Лютеранской церкви. Маросейка, Косьмодемьянский пер. Оркестр Большого театра, хор Чеснокова. Солисты: Катульская, Петрова, Богданович, Петров. Орган — проф. Гедике».

Память меня не обманула: все сошлось, и я могу спокойно приступить к моему рассказу.

Накануне этого дня к нам с мамой заехал на минутку Л. Б. Красин. Мама работала с ним в 1905—1906 годах в Первой большевистской боевой организации и они были очень дружны. Красин привез нам из Лондона подарки — разумеется, очень скромные: теплые перчатки, несколько баночек консервов.

Был он в тот вечер очень веселый и, как всегда, необыкновенно красивый, изящный, элегантный. Входя, он сказал:

— А я прямо от Ильича.

— Как он? — спросили мы в одни голос.

— Хорошо,— сказал Красин.— Немного прихворнул было, но теперь снова хорошо.

И чуть озорно добавил:

— Мы с ним вместе затеяли сейчас большую драчку...

Положив на стол сверток с подарками, Красин сказал:

— Я спешу, но мы еще увидимся... У меня для вас небольшой сюрприз.

И протянул маме конверт. Мама его раскрыла: в

ием оказались билеты на закрытую геиеральную репетицию «Реквиема» Моцарта.

Не скрою, что я предпочла бы билеты иа представлеиие «Теревсата» [1]. Но мама так и ахнула: вся Москва была полиа разговорамн о первом исполнеиии «Реквиема» за иесколько времеии до того, билеты иа второе исполнение достать было иевозможио — и тут, так иеждаиио, осуществилась ее мечта.

Договорилнсь встретиться с Красиным прямо в лютеранской церкви. А на следующий день утром, раскрыв «Известия», я увидела статью Ф. Капелюша. Поскольку в ией упомииалось имя Моцарта, я ее прочла и оиа мие запомиилась.

Статья эта очеиь иитересиа. В ией Ф. Капелюш, одии из образоваииейших марксистов в иашей столь богатой образоваииымн марксистами партии, резко полемизировал со взглядами известиого тогда музыкальиого теоретика, пнсавшего под псевдоиимом Уриэль.

Незадолго до того Уриэль выступил с программиой статьей, в которой выражал сожаление о том, что «пролетарской музыки еще иет и ие так-то скоро появятся компознторы, воплощающие в звуках симфоиию фабрик и заводов, увертюры повседиевиого труда, иитродукции станков и машии... Еще ие иародился певец машии, еще нет композитора электрификации и траиспорта...». Ему, Уриэлю, хотелось музыки, в которой слышались бы звуки пилы, ухаиье молота, свист и жужжаиье приводиых ремией,— словом, «музыки производства».

Ф. Капелюш резко возражал Уриэлю:

«Музыка заглядывает в тайники души человеческой,— писал он.— Подъем революции, душу ее, страсть ее, особую психику пролетариата даст в музыке ие рабское фотографироваиие в звуках фабричиой обстаиовки, а уже скорее тот ие укладывающийся в рамки определениых образов титанический пламень, который обуревает «Аппассиоиату». Эта геииальиая музыка может великолепио вдохиовить пролетариат и уж, коиечио, служит ему нсточиником высшего иаслаждения...»

---

[1] «Театр революцнонной сатнры».

Также ие соглашался Ф. Капелюш с оцеиками, что давал Уриэль композиторам прошлого: Бах, Глюк, Гайди — «дальиие отзвуки феодальиой эпохи»; Чайковский — «типичиый выразитель умоиастроений помещичье-дворяиского класса и усадебиого быта»; Шуман, Шуберт, Шопен — «певцы мелкой буржуазии».

«Глубокий, глубочайший Бах — это феодализм? — восклицал Капелюш.— Уж скорее следует считать музыку Баха, Геиделя, Глюка могучими, широкими мазками реформации...»

Правда, к Моцарту Уриэль отиесся милостивее. Противопоставив его «иытику» Шопеиу, Уриэль похвалил Моцарта за «бодрость», считая поэтому его музыкальиые произведеиия «подходящими» для пролетариата и призвал: «Не Шопеи, а Моцарт!»

«Уриэль ошибся как относительно Шопеиа, так и отиосительиио Моцарта,— отвечал иа это Капелюш.— Все эти злоключеиия Уриэля происходят оттого, что он задается целью фильтровать для пролетариата корифеев музыкальной литературы, сделать отбор великих произведений музыкальиой литературы по своему меиторскому усмотреиию, создать «музыкальную хрестоматию для пролетариата», руководствуясь, с одиой стороиы, своим классовым понимаиием музыкаита, с другой — «бодрящим» или «размагиичивающим», унылым характером даиного композитора.

Музыка действует бодрящим или гнетущим образом вовсе ие в зависимости от того, иаписаиа оиа в мажорных или минорных тоиах, будет ли это свадебный или похороииый марш. В чем великое значение Девятой симфоиии Бетховеиа? В том, что в ией из борьбы и отчаяиия в конце концов рождается очищающая, просветляющая, подымающая иас ода к радости. Это происходит ие внешие, наносиым образом, а в муках душевиых, но зато в результате получается такой могучий подъем, какого ие достигиешь иикакими «веселыми» мотивами. Нет лучше средства прогиать тоску, слабодушие и отчаяиие, как иесравиеииое Ларго из Седьмой соиаты Бетховеиа, иаписаииое в самых грустиых, мелаихолических тоиах...

Нет, если вы любите музыку и предаиы пролетариату и верите в него, то давайте ему всю музыку, все сокровища ее, ие подвергайте ее цензуре...»

Я привела столь обширные выдержки из статьи Ф. Капелюша прежде всего из-за ее общего интереса,

ибо она освещает мало исследованную в нашей литературе проблему об эстетических воззрениях представителей старой большевистской гвардии, к числу которых приналлежал Ф. Капелюш. Но для меня эта статья имеет и «частиый» иитерес, так как она сыграла большую роль в формировании моего мировоззрения и сделала тот деиь двеиадцатого октября, о котором я рассказываю, одиой из очень важных вех на моем жизиеиием пути.

Как я уже говорила, в тот день я должиа была пойти на исполиение «Реквиема» Моцарта. Хотя и иельзя сказать, что я разделяла эстетические идеи Уриэля,— вероятнее всего, у меня попросту ие было никаких эстетических идей,— но весь опыт прошлой моей жизни толкал меня к предубеждению против того, что мие предстояло услышать: во-первых, «Реквием» — это нечто похороиное, печальное, что уже плохо. Во-вторых, исполнеиие его будет происходить в помещеиии лютераиской церкви, что вдвойне плохо. В третьих... Впрочем, ие буду продолжать: как говорится, «вопрос ясен».

Если б ие статья Капелюша, то вследствие моей эстетической неграмотиости светлый гений Моцарта мог ие пробиться к моей душе через свиицовую стеиу иепоиимаиия. Но эта статья и, в частиости, отиошеиие Ф. Капелюша к Моцарту, которого он назвал «Рафаэлем в музыке», и к «Реквиему», о котором ои писал как о «светлом произведении моцартовского геиия»,— все это, быть может, неосознанио, иастроило меия иа совершеиио иной лад.

Мы пришли примерно за полчаса до начала. Мама погрузилась в чтеиие программы, я с иитересом рассматривала наполиявшую зал московскую музыкальную и артистическую элиту, для которой и было устроеио это закрытое исполиеиие. Но были среди пришедших люди, которых я никак не ожидала увидеть здесь: иарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин (я ие зиала, что ои был крупным знатоком Моцарта и даже иаписал о ием моиографическое исследование), одетый в штатское Михаил Николаевич Тухачевский.

Леонид Борисович Красин пришел, когда зал был уже почти полои. Он должен был сидеть рядом с мамой, но почему-то захотел сесть рядом со мной. Заиятая

окружающим, я посмотрела на него вскользь, но даже этот рассеянный взгляд уловил в нем какую-то перемену.

— Послушай,— сказал он мне.— Ты помнншь «Моцарта и Сальерн»?

— Конечно,— сказала я.

— Наизусть?

— Да, наизусть,— сказала я. У меня тогда была очень хорошая память и мамины товарнщн это знали.

— И монолог Сальерн?

— Да, и монолог Сальери...

— Прочтн его мне.

— «Все говорят...»,— начала я.

— Нет, не отсюда,— сказал Леонид Борнсовнч.— Начни дальше: «Отверг я рано...»

— «Отверг я рано праздные забавы,— продолжала я,—

Науки, чуждые музыке, были
Постылы мие; упрямо н надменно
От иих отрекся я и предался
Одной музыке. Трудеи первый шаг
И скучеи первый путь. Преодолел
Я раиние иевзгоды. Ремесло
Поставнл я подиожием нскусству;
Я сделался ремеслеиинк: перстам
Прндал послушиую, сухую беглость
И вериость уху. Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп.

Только сейчас, вннмательнее посмотрев на Красина, я поняла то, что почувствовала прн первом беглом взгляде: он был совсем иной, чем вчера,— сумрачный, невеселый, озабоченный.

— Почему вы все время думаете о Сальерн? — не удержалась н спроснла я.

— Не знаю,— сказал он.— Возможно, из-за одного человека, которого встретнл, уходя от Ильнча. Помнншь: «Как мысли черные тебе прндут, откупори шампанского бутылку...» Ну, а как встретншь черного человека, вспомнн фнлософа злобы и зла — Сальерн.

— Вы верите, что он отравил Моцарта?

— Разве это имеет значение? Убийство Моцарта — лншь переведенное на язык драмы «Звукн умертвив...».

Между тем, оркестр уже настронл инструменты. Профессор Гедике занял свое место у органа. Появился Вячеслав Сук. По залу пробежал легкий шум. Сук

поднял дирижерскую палочку, все стихло, раздалось медленное адажно вступленія: «Requiem ae'ternam...» — «Дай нм вечный покой...»

И тут, как никогда, я оказалась во власти той «страшной снлы музыки», о которой говорит Толстой.

7

Но вернемся к нашему повествованию.

Полемика между Ф. Капелюшем и Уриэлем была однпм из отзвуков дискуссии о вопросах культуры, которая развернулась тогда на страницах партийной печати. Формально спор шел между сторонниками и противниками идей «Пролеткульта». По сутн своей это был спор между мнимореволюцнонным догматизмом, узостью, сектантством и гибкой, свободной, творческой гуманистнческой мыслью марксизма.

Инициатнва дискуссии прнпадлежала пролеткультовцам. Двадцать четвертого сентября в «Правде» была опубликована статья председателя ЦК «Пролеткульта» В. Плетнева. В сгущенной, а потому особо выпуклой форме она излагала программные воззрения руководителей «Пролеткульта»: цель и задача «Пролеткульта» — творчество новой пролетарской культуры, не нмеющей ннчего общего с культурой буржуазной. Разрешить эту задачу можно только силами самого пролетарната, нбо классовая пснхологня пролетариата является коллективно-классовой и сознательно-творческой. Пролетарнй имеет дело с совершенно ясными отношениями его к внешней прнроде: он знает, что удар кайла в шахте дает известное количество руды или угля, то н другое вместе дадут в домне чугун, нз домиы не потечет молоко нли вода; чугун даст железо, сталь; последние претворятся в машину, машина даст возможность победнть сопротнвленне материи, а в субботу будет получка.

«Пролеткульт» и является той лабораторней, в которой пролетарий должен творнть собственные культуру и науку, принципнально противоположные культуре и науке всех других классов (которые, видимо, считают, что нз домеи текут молоко и вода?! — *Е. Д.*). Проведение четкой демаркацнонной линии между пролетариатом н другими классами особенно важио в такой некультурной, полубезграмотной стране, как

Россия. Сколько бы ии было у иас пришельцев из буржуазиого лагеря, классовое созиаиие пролетариата остаиется чуждо крестьяиииу, буржуа, иителлигеиту. Перед пролетариатом стоит задача социализации иауки, охватывающей сущиость всех иаук, их метод, форму и масштаб. Отрицая с исторической и иаучиой точки зрения все старые системы иаук, пролетариат создает свою классовую культуру, иовую культуру пролетариата...

Читая эту статью Плетиева, Леиии испещрил поля газеты критическими пометками и в тот же деиь послал вырезку из газеты со своими пометками редактору «Правды» Бухарииу.

«Посылаю Вам сегодняшиюю «Правду»,— писал Владимир Ильич в своем сопроводительиом письме.— Ну зачем печатать глупости под видом важиичающего всеми ученьими и модиыми словами фельетоиа Плетиева? Отметил 2 глупости и поставил ряд зиаков вопроса. Учиться иадо автору ие «пролетарской» иауке, а просто учиться. Неужели редакция «Правды» ие разъясиит автору его ошибки? Ведь это же *фальсификация* исторического материализма! Игра в исторический материализм!»

Леиии в то время готовился к переезду в Москву и ие стал заниматься разъясиеиием ошибок Плетиева. Это сделали другие товарищи: восьмого октября иа первой полосе «Правды» появился ответ Плетиеву, иаписаииый Н. К. Крупской, двадцать четвертого — большая статья «О «пролетарской культуре» и пролеткульте», автором которой был Яков Аркадьевич Яковлев. О том, какое большое зиачеиие придавал Леиии ответу Плетиеву, мы можем судить по тому, что накаиуие публикации статьи Яковлева Леиии его прииял и имел с иим по поводу его статьи продолжительиую беседу.

Таким образом, обе эти статьи были апробироваиы Леииим и мы можем рассматривать их как выражеиие взглядов Леииа по важиейшим вопросам революции.

Первый из иих — отиошеиие пролетариата, взявшего власть, к другим классам. Руководители «Пролеткульта» считали, что пролетариат должеи противопоставить себя всем другим классам, хотя бы это были и трудящиеся, изолировать себя как высший класс общества,

отгородиться от всех остальных, создать свою белосиежио пролетарскую культуру.

«Мы считаем такие взгляды сектаитскими, иепролетарскими, и потому боремся с иими»,— отвечала на это Н. К. Крупская.

«Для чего ои (пролетариат.— *Е. Д.*) брал... власть?..— спрашивала оиа.— Чтоб угнетать другие классы? Конечно, иет. Ои взял власть, чтобы уничтожить всякую эксплуатацию, всякое угнетеиие, перестроить общество по-своему, уничтожить делеиие общества на классы и тогда перестать существовать, как класс... Пролетариат думает ие о том, как бы ему обособлеиио устроиться в классовом обществе, выработать свое обособленное мировоззреиие, свое обособлеиное искусство. Пролетариат видит свою миссию ие в этом, а в уиичтожеиии классового общества, в... оргаиизации общества, в которой не будет ни пролетариата, ни буржуазии».

То или иное понимание вопроса об отношеиии пролетариата к другим классам выходило далеко за пределы проблем, связаиных с пролеткультовскими ретортами и пробирками, в которых выращивалась так иазываемая «пролетарская культура»: им определялись самые животрепещущие стороиы практической политики, в частиости политики в области школы. Н. К. Крупская всегда самым настойчивым образом боролась против «классового» прииципа приема в школу. Вспомииая Черныишевского, оиа спрашивала: «Что же, выходит, что мы ие приняли бы его в школу, как сыиа попа?»

Это было мнение ие одиой Надежды Констаитиновны. Уважаемейший всеми как великолепиый марксист и человек редкостиой предаииости партии Иваи Иванович Скворцов-Степаиов писал:

«Не от детей зависит выбор родителей. С этой точки зреиия мне простят, если я признаюсь, что у меня щемит сердце, когда я слышу о том, как детям бывших помещиков и буржуев отказывают в приеме в школы первой ступеии. Не скрою, что для меня бесконечно привлекательна практика 1918—1920 гг., которая в детском питаии ие проводила классового пайка... Пролетариат, в особеииости в эпоху далеко ие законченной борьбы, должен создать **единую** школу, **обязательную для всех**... Только близорукая политика стала бы **устранять** детей буржуазии из такой школы. Напротив, иадо постараться провести через нее **всех детей**,

чтобы до последней степени сократить возможные молодые пополнения лагеря наших противников».

Кое-кто из современных молодых людей, быть может, зевнет, скучающе читая эти строки. Но как глубоко отзовутся они в сердцах многих из тех, кому сегодня сорок — пятьдесят лет!

Вторым «узлом» в полемике с «Пролеткультом» была проблема отношения пролетариата к буржуазной культуре.

«Пролетариат начисто отвергает всякую буржуазную культуру!» — утверждали пролеткультовцы.

«Вы говорите вздор! — писал по этому поводу Я. А. Яковлев.— В нашей отсталой стране мы должны бороться за «буржуазную культуру», за то, чтоб аккуратно исполнять свои обязанности; выходить вовремя на службу, не класть под сукно приносимые бумаги, не отписываться бюрократическими отговорками; разъяснять посетителю, что он должен сделать для решения своего дела; приучить граждан РСФСР, в том числе коммунистов, не относиться к взятке, как к неизбежному слабительному при запоре в нашем аппарате, работать так, чтоб коммунист не превращался в удобное прикрытие для вороватого служащего,— словом, работать не по разгильдяйски-советскому образцу, а хотя бы по буржуазно-европейскому или американскому образцу, уменьшить безграмотность, научить крестьянина культурному хозяйничанью...»

И «узел» третий и последний: о науке, об ученых, о людях из других классов.

Тут спор шел не об общественных науках: совершенно очевидно, что оценка общественных явлений у буржуазии и пролетариата различна. Спор шел о точных науках. По убеждению пролеткультовцев, в них также преобладающим принципом являлся классовый: даже для физической культуры они не делали исключения и полагали, что пролетариат «должен создать свою пролетарскую физическую культуру».

Все, уже сказанное выше, позволяет нам предугадать, как относились к подобным утверждениям противники идей «Пролеткульта».

«Точные науки покоятся на многовековом опыте

человечества в области овладеиия силами природы,— пнсала Н. К. Крупская.— Данные этих наук провереиы опытом, ежедиевио подтверждаются практикой и дают человеку громадиую, по сравиеиню с прошлыми веками, власть иад природой, и выбрасывать за борт эти достижеиия иауки было бы смешно и дико». (Слышите, академик Лысеико: смешио и дико! —*Е. Д.*)

«Имеются иа Западе огромные группы учеиых, подлииных материалистов по тому делу, которое они делают,— продолжал те же мысли Я. А. Яковлев,— людей, обогащающих человеческое зиаиие крупиейшими открытиями — в то же время искреиио верующих в бога. (Вроде столь иеиавистиого вам монаха Меиделя, академик Лысеико.— *Е. Д.*) Мы были бы слепышами, если бы из-за буржуазиых кликуш... продающих свои перья буржуазии, просмотрелн ту огромиую работу в области естествознания, которая идет на Западе часто вопреки корыстиым целям и иитересам буржуазни».

Поскольку в этом вопросе, который абсолютио ясен для всякого человека, зиающего и поинмающего Леиина, было совершеио множество аитиленинских ошибок, чтоб не сказать резче, я позволю себе привести отрывок из воспомииаиий Михаила Николаевича Покровского — заместителя наркома просвещения, ведавшего высшей школой,— «Чем была для Леиина высшая школа».

«Отношеиие Леиииа к высшей школе,— писал М. Н. Покровский,— было образчиком такой мудрой простоты. Рассуждеиий иа ту тему, что в пролетарской школе все должио быть по-особеииому — даже и химия ие та, и геометрня ие та, что в буржуазиой школе,— таких рассуждеинй Ильич оргаиическн ие переиосил. Первый совет, который я от иего услыхал, звучал совсем по-староверчески, до иеприличия коисервативио, можио сказать: «Ломайте помеиьше!» Это было в те горячие днн, когда колнчеством лома иекоторые горячие товарищи меряли достоииство советского работиика. А Ильич говорнл: «Чем меиьше иаломаешь, тем лучше». ...Леини ценил в иауке, коиечио, ие ее буржуазиую оболочку, а ее пролетарскую сущиость. В противоположность людям, которые убеждеиы, что пролетариат должеи выдумывать «свою» науку, Лении считал весь буржуазный иивентарь, включая и иауку, достоянием победителя — пролетариата. Умей использовать этот нивентарь, н высшая школа будет твоя; а как пользо-

ваться — присмотрись к старым хозяевам; они инвентарь построили и знают все его секреты: умей в них проникнуть».

Вот так-то, Трофим Денисович!

«Пролеткульт» явился в данном случае скорее поводом к полемике, чем основным противником, против которого был направлен удар. Этот основной противник действовал на гораздо более широком фронте, чем всяческие студии и драматические кружки, в которых выращивалось «пролетарское искусство». То, что в «Пролеткульте» было подлинно талантливо, от него ушло, остальное — распалось. Но питавшие его догматизм, начетничество, узколобость, сектантство оказались весьма живучи. Поэтому, хотя приведенные мною цитаты и по количеству, и по размерам давно вышли за пределы лимитов, допускаемых самыми снисходительными литературными канонами, я позволю себе привести еще одну обширную цитату.

Это — выдержка из резолюции Двенадцатой Всероссийской партийной конференции, происходившей в августе двадцать второго года, последней партийной конференции, в подготовке решений которой принимал непосредственное участие Ленин.

В резолюции конференции по вопросу «Об антисоветских партиях и течениях» сказано:

«Более, чем когда бы то ни было, партийным организациям в настоящее время необходимо проявить дифференцированное отношение к каждой отдельной группе (или даже отдельному лицу) представителей науки, техники, медицины, педагогики и пр. и т. п. По отношению к действительно беспартийным элементам из среды представителей техники, науки, учительства, писателей, поэтов и т. д., которые хотя бы в основных чертах поняли действительный смысл совершившегося великого переворота, необходима систематическая поддержка и деловое сотрудничество».

И шестидесятилетние, и пятидесятилетние, и сорокалетние о многом подумают, многое вспомнят, когда прочтут эти строки, когда узнают, что Ленин требовал: партия должна делать все, что от нее зависит, для того чтобы помочь кристаллизации тех течений и групп, которые обнаруживают действительное желание помочь рабоче-крестьянскому государству. На-

чиная от столицы и кончая уездным городом, партия должна терпеливо, систематически и настойчиво проводить эту линию...»

Разумеется, это относилось к людям, которые не вели активной борьбы против Советской власти. Тем, кто эту борьбу продолжал, пролетарская диктатура не могла не давать отпор. Но если человек честно сложил оружие, ему давали жить, работать, не преследовали, не корили прошлым.

Даже о тех, кто так недавно поднял опаснейший для Советской власти мятеж, Ленин сказал: несчастные кронштадтцы весны 1921 года...

8

Когда год за годом, месяц за месяцем я перебираю прошлое, осень двадцать второго года встает в моей памяти как один из самых светлых и счастливых периодов во всей моей жизни.

И это не потому, чтоб мне или окружающим жилось легко и спокойно. Трудностей всяческих оставалось до черта. По-прежнему дома отапливались в основном «буржуйками». По-прежнему важнейшую часть пищевого рациона составляла «жареная H_2O». По-прежнему в зимние холода мы одевались по принципу «капусты»: кофта на кофте, рубашка на рубашке, «сорок одежек и все без застежек». По-прежнему существовали «язвы нэпа». По-прежнему в Москве и других городах имелись «улицы человеческого горя», где на биржах труда тысячи и тысячи безработных месяцами ждали хоть какой-нибудь работы.

Только что был взят Владивосток и окончательно завершена гражданская война. Но почти в тот же день в Италии власть перешла к Муссолини — черному дуче, рядом с которым несколько лет спустя вырос коричневый фюрер. Деревня стала оправляться от голода, «Помгол» (Комиссия помощи голодающим) был ликвидирован и вместо него создан «Последгол» (Комиссия по борьбе с последствиями голода). Но отовсюду приходили сообщения, что голод и разорение дали резкий толчок процессу дифференциации крестьянства. В канун нэпа деревня была в основном середняцкой, теперь в ней отчетливо обозначились два полюса — кулаки и беднота.

Жизнь, как всегда, шла в сталкивающихся и набегающих друг на друга противоречиях. Но над всем этим господствовала та глубокая уверенность в будущем, которая составляет один из важнейших компонентов человеческого счастья. И огромнейшую роль в создании такого настроения играло, конечно, то, что Владимир Ильич вернулся к работе: мы ведь не знали и не понимали характера его болезни и нам казалось, что он будет с нами если и не вечно, то необозримо долго.

И такое же светлое чувство возникает у меня, когда я читаю и перечитываю газеты того времени.

В них интересны не столько статьи, сколько очерки, зарисовки, репортерские заметки, сообщения с мест, в которых свежо и остро чувствуется все своеобразие той неповторимой эпохи,— приветственная телеграмма конгрессу Коминтерна от граждан села Розы Люксембург, Интернациональной волости Калужского уезда, той же губернии; виды на урожай в деревне Декабристов, бывшей Язва; призыв: «Слушайте, слушайте симфонию труда», сопровождаемый расшифровкой звуков, из которых слагается эта симфония: звон топоров, удары молотков, песня пилы, шипение раскаленных заклепок, шорох приводных ремней, конское ржанье и скрип телег, перестук каблуков каменщика, взбегающего с «козой» по строительным лесам.

Корреспондент, побывавший в деревне, начинает свой очерк словами: «Над страной стоит веселый запах — запах дегтя, овчины, навоза и широких полей». В письме из Каширы рассказывается, как во время строительства электростанции, когда захудалые крестьянские лошаденки перестали справляться с подвозом материалов, было решено пригнать из калмыцких степей табун диких коней, и как коммунист Эглит вместе с товарищами проделал тысячеверстный путь, таща на арканах этих злобных, кусающихся, лягающихся, брыкающихся дьяволов.

Сколько неожиданного и удивительного открывают страницы старых газет! Вот заметка: «Внимание лечебницам воздушных коней». Что это за кони? Оказывается, самолеты и речь идет о создании ремонтных мастерских. Другая заметка: «Проложим путь для железных коней». На этот раз конь — автомобиль и автор заботится о прокладке и починке шоссейных и грунтовых дорог. Коням (к сожалению, не столько тем, что в поле и на конюшне, а тем, что в метафорах)

вообще везет: их вспомииают по всем и всяческим поводам — и комсомольцы, обобщая философию эпохи, распевают во всю силу молодых глоток:

Скачут дни галопом, галопом,
Мы наших дней кучера, кучера.
Нынче мы на скачках с Европой,
Наш конь «Сегодня», ее — «Вчера»...

И тут же о том, что открывает пути в будущее и что казалось тогда уже осуществлеииым чудом.

Об авиации.

«Первый воздушиый рейс Петроград — Москва и обратио. В наш век экоиомии времени, при все повышающихся требованиях ускореиия средств сообщеиия... Несомиеиио, что иаши дети будут «крылатые люди»... Четыриадцатого и семиадцатого июия был совершен исключительный по своим результатам перелет Москва — Петроград и обратио... В семь часов одиу минуту самолет поднялся на Ходынском аэродроме... После трех часов пятидесяти четырех минут иепрерывиого полета благополучио опустился в Петрограде... Семиадцатого июия с теми же лицами подиялся в Петрограде и после четырех часов двадцати трех миут сел иа Ходыиском аэродроме... Расход бензина на пассажира, считая по рыиочиым цеиам, составил всего лишь одиниадцать миллионов рублей».

О радио.

«Центральной радиотелефоииой стаицией разослана следующая радиотелеграмма: «Всем, всем, всем! Настройтесь иа волиу 3000 метров и слушайте. В воскресеиье 17 сеитября в три часа дия по декретному времеии состоится первый радиокоицерт. В программе арии из опер, скрипка, флейта, виолоичель. Коицерт будет демоистрироваться перед съездом физиков, который происходит сейчас в Нижнем Новгороде».

«Вчерашний радиоконцерт можио было слушать через радиоаппарат (видимо, речь идет о репродукторе), устаиовлеииый иа площади Свердлова. Публики собралось масса. Все были поражены и удивлены, спорили: слышно ли в Африке?»

В одиой из статей того времеии, размышляя о первых шагах советской промышленности, Г. М. Кржижаиовский вспомиил паровоз Стефеисоиа, который с точки зрения техники паровозостроеиия давио уже стал поря-

дочным уродцем, но тем не менее этим уродцем открылся тот поворот к паровому транспорту, который создал целую новую эпоху отношений между людьми и странами. «Хозяйственное строительство Советской России,— писал Кржижановский,— совершает свой подъем в гору с кучей разнообразных дефектов и в обстановке гигантских вредных сопротивлений. Но именно это строительство является той гранью старого мира и тем провозвестником мира нового, которому уже в наши дни выпало на долю быть «центром энергетики» всего мирового пролетариата».

Какими уродцами с точки зрения сегодняшнего дня выглядят те фыркающие, хрипящие, сопящие, оставляющие позади себя шлейф вонючего черного дыма чудовища, которые тогда в речах и в газетах любовно называли «первыми ласточками советского автомобилестроения»! Завод «Амо» (ныне имени Лихачева) выпускал ежемесячно шесть таких машин и к концу двадцать второго года должен был довести их до десяти. Для того чтобы пустить завод в Филях, который к моменту национализации в восемнадцатом году представлял собой неостекленную каменную коробку, заводские рабочие свезли в Москву с разных концов страны оборудование, закупленное еще до революции и застрявшее в портах и на железнодорожных станциях, перевезли на лошадях, а то просто перетащили волоком от станции до завода (почти за пять верст) около четырехсот тысяч пудов разного груза, сами сконструировали трансмиссии, установили и наладили станки, пустили завод. И когда первый автомобиль был готов, на торжества по этому случаю приехали М. И. Калинин, главком С. С. Каменев, представители многочисленных хозяйственных и рабочих организаций. Был устроен митинг, а после него рабочие завода и гости с этим автомобилем впереди пошли через весь город на Красную площадь.

9

Принося огромные жертвы, обливаясь собственной кровью, российский рабочий класс, в жилах которого текла кровь пугачевцев и разинцев, дедов и прадедов которого секли на барских конюшнях или гнали с бубновым тузом на спине по Владимирке на каторжные ра-

боты в Сибирь, в невиданно короткие сроки поднялся из мрака варварства и самодержавия до положения авангарда человечества. Подобно герою русского народного эпоса, сумевшему поймать жар-птицу и конька-горбунка и завоевать любовь красной девицы со звездой под косою, он завоевал Советскую власть, отстоял ее в героической борьбе, повернул хозяйство на мирные рельсы. И в день седьмого ноября двадцать второго года он вышел на улицы страны, чтоб отпраздновать пятилетие со дня Великой Октябрьской социалистической революции.

С вечера Москву заволокло туманом, но утро встало свежее, светлое, прихваченное легким морозом. Красная площадь была убрана по-новому: в центре ее установлена каменная трибуна, рядом с ней — огромная статуя рабочего у наковальни, с молотом в руке.

Сначала состоялся парад, потом на площадь вступили районы. Они шли с портретами своих героев: Рогожско-Симоновский с портретом замечательного рабочего Сафонова; Хамовнический нес портреты слесаря Брянской железной дороги Шломина, в дни Октября перевозившего оружие из Хамовнических казарм и расстрелянного юнкерами; Красная Пресня несла мемориальную доску с надписью: «Вечная память борцам за революцию».

Было что-то особенное, необыкновенное в этой демонстрации, но что же? Количество участников? Нет, не количество участников, хотя ни одна октябрьская демонстрация не была столь многолюдной. Радостное возбуждение? Тоже нет, хотя никогда не было так весело, так радостно, как в этот раз.

Так что же? Пожалуй то, что почувствовала тогда же наша печать, назвавшая эту демонстрацию «Седьмое ноября перед лицом нэпа».

В этот день рабочий класс своим участием в демонстрации выразил свое отношение к новой экономической политике — этому мудрому маневру, проведенному партией и Советской властью. Он сказал о нем словами, которые начертал на плакатах: «Не сдадим крупную промышленность акулам капитала», «Плечом к плечу с крестьянином — к победе коммунизма», «Нэп-то нэп, да не будь слеп!», «Да здравствует смычка рабочих и крестьян!»

Каждое предприятие, каждый завод — и это тоже

было новым, необычным,— несли эмблемы своего производства: торфяные машины, модель дирижабля, мельницу с вертящимися крыльями, паровоз, пускавший дым, броненосцы, вагоны, печатные машины, белые булки, огромные карандаши. А над всем этим возвышались два огромных парохода с надписями: «Привет штурману мировой революции — товарищу Ленину!»

Демонстрация показала, что рабочие доверяют коммунистической партии защиту своих интересов перед лицом нэпа и убеждены, что она приведет их к победе.

Всем была хороша демонстрация, но было в ней одно темное облачко: Владимир Ильич в этот день был болен и на Красную площадь прийти не смог.

Так грустно думать о том, как он лежал в своей комнате в Кремле, форточка, наверно, была открыта, через нее с Красной площади доносился веселый гул, а у него не было сил, чтоб встать и пойти туда, где ему так хотелось быть!

Уже на другой день, восьмого ноября, Ленин снова весь в работе. Рабочие Стодольской суконной фабрики в Клинцах прислали ему приветственный адрес и отрез на костюм; он выражает им «самые лучшие благодарности и приветы и пожелания», но «по секрету» добавляет, что подарков ему посылать не следует и об этой секретной просьбе просит пошире рассказать всем рабочим. Готовится к докладу на Четвертом конгрессе Коминтерна «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции».

Подготовка эта была сопряжена с особыми трудностями: Владимир Ильич собирался выступать по-немецки. Поэтому он затребовал немецкое издание стенограмм Третьего конгресса Коминтерна и своей брошюры о продовольственном налоге, встретился с германскими коммунистами, побывал у Клары Цеткин в общежитии работников Коминтерна, где она тогда жила.

То смеясь, то плача от счастья, Клара забросала Владимира Ильича вопросами по поводу его здоровья. Он коротко ответил, что чувствует себя вполне хорошо, болеть больше не хочет, да и некогда болеть,

и перешел к разговору о германских делах. Потом со своим прежним веселым смехом, в котором звучало так много доброты, рассказал Кларе про письмо, которое ему прислали ребята из какого-то детского дома: они прилежно учатся, каждое утро умываются и моют руки перед едой.

— Вот видите, милая Клара, мы делаем успехи во всех областях, серьезные успехи. Мы учимся культуре, мы умываемся, и даже каждый день... У нас даже дети в деревнях участвуют в воссоздании Советской России. И при этих условиях должны ли мы бояться, что победа будет не на нашей стороне?

Несколько дней спустя Клара слушала доклад Ленина о русской революции, доклад, который запечатлелся в ее памяти как доклад человека, проникнутого железной волей к жизни и творческому созиданию.

Ленин сказал, что после долгой болезни он не в состоянии сделать большого доклада и из обширной темы «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции» берет только небольшую ее часть — вопрос о новой экономической политике, который является важнейшим теперь вопросом («важнейшим, по крайней мере, для меня,— сказал он,— ибо я над ним сейчас работаю»). Принесла ли новая экономическая политика хорошие результаты, или плохие, или же неопределенные?

«*Мы одни, без чужой помощи вылезаем*»,— заметил Ленин и с обычной своей прямотой сказал, что «трудности *очень велики, еще несколько лет.*

Глупостей масса. Да. Новость пути.
Никакой помощи, напротив.
Аппарат чужой».

Но тут же показал то положительное, что достигнуто благодаря новой экономической политике, и прежде всего упрочение союза между рабочим классом и крестьянством.

«...Крестьянство за один год не только справилось с голодом, но и сдало продналог в таком объеме, что мы уже теперь получили сотни миллионов пудов, и притом

почти без применения каких-либо мер принуждения...— говорил он.— Крестьянство довольно своим настоящим положением...».

Общий же вывод, к которому приходил Ленин после полутора лет новой экономической политики, состоял в том, что первый успех налицо.

А отсюда следовало:

«...значит, успех возможен...
Система не произвольна, не путаная,
практически испытана...
Поэтому
перспективы превосходны.
И будут еще лучше, если
и мы следующее пятилетие возьмем **главным образом** на учение...»

Утром тринадцатого ноября, когда должен был выступать Ленин, зал заседаний конгресса был переполнен. Между высокими колоннами Андреевского зала собрались представители пятидесяти восьми коммунистических партий, международных профсоюзных, женских и молодежных организаций.

— Да, мы будем помнить день, когда Ленин говорил с нами! — восклицает присутствовавший на конгрессе немецкий писатель Артур Голичер.

Ленин вошел через боковой вход и пробрался к трибуне.

— Поспешно поднявшись на трибуну,— вспоминает Голичер,— он вынул свои записи, вытащил платок, отер лоб, с нетерпением посмотрел на зал, ожидая, когда кончится овация.

Германские делегаты, недвижимые, бледные, стояли стеной. Потом запели «Интернационал».

— Я никогда не слышал подобного исполнения нашей старой боевой песни,— пишет Голичер.— Слова, много раз слышанные, много раз петые, неожиданно наполнились новым смыслом...

Мгновение спустя «Интернационал» пел уже весь зал, на всех языках мира.

Наконец Ленин смог начать говорить.

Во всей полноте ощущали мы непреодолимую мощь его слов, вспоминает Франсиско Пинтос, делегат конгресса от Уругвая, несмотря на усталость и общее физическое недомогание, подчеркиваемое всем его видом,

его голос и жесты были полны необычайной силы и бодрости.

Ленин говорил легко, свободно. Лишь изредка ему не хватало нужного слова, тогда он быстро спрашивал его у товарища, стоявшего у подножия трибуны. Порой ему подсказывали из первых рядов зала, но он почти не пользовался посторонней помощью и сам искал и находил острые выражения, ясно и точно формулировавшие его мысли.

«У него нет привычки некоторых знаменитых ораторов говорить словно в воздухе, не обращаясь ни к кому,— писал Голичер.— Он говорил для каждого отдельного человека, будто он хочет получить дружеский отклик от каждого в отдельности... Отсвет радости, довольства хорошими сторонами жизни внезапно пробегает по его лицу. Это веселое выражение лица знакомо каждому, кому приходилось слушать Ленина».

Неделю спустя Владимир Ильич выступил с речью на пленуме Моссовета. Последней своей речью.

В корреспондентском отчете, напечатанном в «Правде», говорится, что появление на сцене Большого театра В. И. Ленина, который приехал на заседание, когда повестка дня была исчерпана, встретили горячими аплодисментами, перешедшими в долго не смолкавшую овацию. Со всех сторон снова и снова неслись восклицания: «Да здравствует вождь мировой революции!», «Да здравствует товарищ Ленин!»

В зале присутствовала Екатерина Михайловна Ямпольская, работавшая в то время в Московском комитете партии. Ей досталось место в оркестре, как раз напротив трибуны, с которой выступал Ленин, так что она видела его совсем близко и могла следить за каждым его движением, за каждым изменением в выражении лица.

Много раз уже она его слушала — и сейчас ее поразило, что Владимир Ильич, так не любивший оваций, в этот раз был счастлив. Не перелистывал, как обычно это делал, свои бумаги, не поглядывал на часы, не выражал всем своим существом нетерпения. Нет, он с радостью смотрел на зал блестящими глазами глубоко счастливого человека. А потом заговорил — страстно, сильно, убежденно.

Это была та самая речь, которую Ленин закончил пророческими словами:

«Из России нэповской будет Россия социалистическая!»

О, если б воспоминания товарищей, слышавших тогда речи Леиииа, были бы только рассказом о проявленном им величии ума, духа, воли!

Увы, это ие так! Человек, к которому, как писала Клара, «смерть уже беспощадно простирала свои костлявые руки».

Фраисиско Пиитос, слова которого мы уже приводили, рассказывает: «...У него был вид человека, перенесшего серьезиую и длительную болезнь; давала себя знать усталость, и крупиые капли пота показывались на лбу и иа висках».

В памяти Екатериины Михайловны Ямпольской тоже сохраиилась мучительиая картииа: мелкий бисер пота, который непрерывио проступал на лбу и на лице Владимира Ильича во время его выступления в Московском Совете и скатывался крупными каплями, иапоминавшими слезы.

И в таком состоянии он произиес речь, о которой слышавшие ее в один голос говорят, что она была «исключительио жизнерадостной, воодушевляющей, оптимистичной»!

Впрочем, тут ие иужны ничьи свидетельства, достаточио самому перечитать последние речи Леиииа.

Мы видели глазами современников, каким был Леиии во время своих последиих выступлений тринадцатого и двадцатого иоября, видели, как ои устал, как был болен. Но, несмотря на это, ои продолжал работать: председательствовал иа заседаниях СТО и Совнаркома, провел совещание Бюро делегации нашей партии на IV коигрессе Коминтерна, имел миожество встреч и бесед с товарищами по самым разиым вопросам, прииял уполиомочеиного АРА полковника У. Гаскелла, уезжавшего в США, передал через иего благодариость американскому иароду за помощь голодающим.

В эти дни его в последний раз видел В. П. Милютин. Было это то ли иа заседании Совиаркома двадцать первого ноября, то ли на заседаиии СТО двадцать четвертого иоября. Владимир Ильич иа нем председательствовал, ио почувствовал себя нехорошо и передал председательствоваиие кому-то из товарищей, а сам отошел к окиу, около которого стоял Милютин.

Продолжая следить за ходом прений, Владимир Ильич несколько раз повторил: «Weiter... Weiter...» — «Дальше... Дальше...» Милютиину казалось, что эти его слова отиосятся к вопросам, которые стоят на обсуждеиии. Но вот заседание закоичилось, участиики его стали расходиться. Владимир Ильич по-прежнему стоял у окна, сиова несколько раз повторил: «Weiter... Weiter...»

Только теперь Милютин понял, что Владимир Ильич думает ие о том, кому передать десять тракторов, не о повышении железиодорожного тарифа. Ои думает о жизии, которая идет «Weiter... Weiter...» — дальше, дальше...

К коицу иоября Владимир Ильич иастолько переутомился, что врачи предписали ему неделю абсолютиого отдыха.

Это предписаиие ои ие выполиил. Не выполнил потому, что как раз в это время подготавливались к окончательиому решению два вопроса, которым ои придавал исключительиое зиачение для всех дальиейших судеб страиы. И уехать в такое время ои ие мог.

Первым из иих был уже известный нам вопрос о монополии виешней торговли, который должеи был быть рассмотреи плеиумом ЦК, назначенным иа середииу декабря.

Вторым — так иазываемый «грузиискиий вопрос», иепосредственно связаиный с вопросом об «автоиомизации».

О том, иасколько сильио волиовал этот вопрос Ленина, можио судить по следующим его словам:

«Я, кажется, сильио виноват перед рабочими России за то, что ие вмешался достаточио эиергичио и достаточио резко в пресловутый вопрос об автоиомизации, официальио иазываемый, кажется, вопросом о союзе советских социалистических республик.

Летом, когда этот вопрос возиикал, я был болен, а затем, осеиью, я возложил чрезмериые иадежды на свое выздоровлеиие и на то, что октябрьский и декабрьский плеиумы дадут мие возможиость вмешаться в этот вопрос. Но, между тем, ии на октябрьском плеиуме (по этому вопросу), ии иа декабрьском мне ие удалось быть, и таким образом вопрос миновал меия почти совершеиио».

Как и всякий вопрос, он имел свою историю.

Весной двадцать первого года, когда образовались советские республики Кавказа — Азербайджанская, Грузинская, Армянская, Дагестанская, Горская,— Ленин обратился к коммунистам этих республик с письмом, в котором выражал надежду, что их тесный союз «создаст образец национального мира, невиданного при буржуазии и невозможного в буржуазном строе».

Подчеркивая всю необходимость установления на Кавказе национального мира, Ленин в то же время писал: «Но как ни важен национальный мир между рабочими и крестьянами национальностей Кавказа, а еще несравненно важнее удержать и развить Советскую власть, как переход к социализму». И так как Закавказские республики — страны еще более крестьянские, чем Россия, то коммунисты этих республик обязаны проявлять мягкость, осторожность, уступчивость по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно к крестьянству.

Снова и снова пишет Ленин в этом письме об особой осмотрительности и осторожности, которые требуются от коммунистов Кавказа для успешного перехода к социализму, о том, что они не должны копировать тактику русских коммунистов, а самостоятельно продумывать причины ее своеобразия, применять у себя не букву, а дух, смысл, извлекать для себя уроки. Только так можно похоронить прошлое, возродить край, добиться национального мира, укрепить переход к социализму.

И такой же и, пожалуй, еще большей обдуманности каждого шага требовал Ленин от центрального советского и партийного аппарата, когда дело шло о национальных республиках.

10

Ленин стремился найти такое решение национального вопроса, при котором создавалось прочное единство, сплочение, содружество наций.

«Мы хотим *добровольного* союза наций,— подчеркивал он,— такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой,— такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии».

Такой союз, говорил он, нельзя осуществить сразу, «до него надо доработаться», действуя с величайшим терпением и осторожностью, чтобы дать изжить недоверие, оставленное веками национального гнета. Налет, наскок, нажим в подобном вопросе не могут принести ничего, кроме тяжкого вреда.

Между тем Сталин, который и как генеральный секретарь ЦК партии, и по традиции, сохранившейся с тех времен, когда он был наркомом по делам национальностей, больше, чем кто-либо другой, был причастен к национальной политике партии, вел в этом вопросе линию, которую Ленин охарактеризовал как «торопливость» и «администраторское увлечение».

Первые трещины, разделившие Ленина и Сталина в этом вопросе, пролегли уже давно. Еще в конце двадцать первого года, когда возникла идея федерации Закавказских республик и Сталин всячески форсировал ее претворение в жизнь, Ленин, считая эту федерацию «принципиально абсолютно правильной» и «безусловно подлежащей осуществлению», в то же время полагал ее «в смысле немедленного практического осуществления преждевременной», требующей «известного периода времени для обсуждения, пропаганды и советского проведения снизу». Практике административных решений Ленин противопоставлял энергичную пропаганду идеи федерации и вынесение вопроса на широкое обсуждение рабочих и крестьянских масс.

Сталин сказал, что он согласен с доводами Ленина. Более того, излагая историю этого вопроса в своем докладе на Двенадцатом съезде партии — первом в годы Советской власти съезде партии, в работах которого не участвовал Ленин, Сталин представил дело так, как будто бы именно он предлагал не торопиться с этим, подождать.

Однако в августе двадцать второго года, когда Ленин находился в Горках, комиссия, созданная Политбюро для разработки вопроса о взаимоотношениях РСФСР и независимых национальных республик, приняла предложенный Сталиным проект, в основе которого лежала идея «автономизации» независимых национальных республик, то есть превращения их из независимых в автономные, входящие в состав Российской Федерации.

Этот проект вызвал протесты со стороны ЦК Компартий Украины и Грузии. Но комиссия Политбюро ЦК,

заседавшая под председательством В. М. Молотова, приняла проект «автономизации».

Хотя Сталин на протяжении августа и сентября не раз бывал у Ленина, он не счел нужным поставить Ленина в известность об этом важнейшем вопросе. Лишь после того как Ленин прислал ему записку с просьбой сообщить, как в ЦК решается вопрос о взаимоотношениях между советскими республиками, и после решения комиссии, принявшей проект Сталина об «автономизации», Ленину были посланы материалы по этому делу.

Ленин увидел в идее «автономизации» грубое попрание интересов и прав независимых национальных республик и проявление великодержавного шовинизма. Получив материалы комиссии, он провел ряд бесед со сторонниками и противниками идеи «автономизации» — с Сокольниковым, Сталиным, Мдивани, Орджоникидзе, М. Окуджавой, Думбадзе, Цинцадзе, А. Мясниковым.

Итогом этих бесед и размышлений было письмо, которое Ленин направил Л. Б. Каменеву для членов Политбюро:

«По-моему, вопрос архиважный,— писал он в этом письме.— Сталин немного имеет устремление торопиться...

Одну уступку Сталин уже согласился сделать. В § 1 сказать вместо «вступления» в РСФСР —

«Формальное объединение с РСФСР
в союз советских республик Европы и Азии».

Дух этой уступки, надеюсь, понятен: мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, «Союз Советских Республик Европы и Азии».

Как видно из этого письма, Ленин надеялся, что со Сталиным можно будет договориться. Однако Сталин на следующий же день после встречи с Лениным разослал членам Политбюро ЦК письмо, в котором квалифицировал позицию Ленина как «национальный либерализм» и возражал против образования союзного Центрального Исполнительного Комитета. Понимая, что ЦК партии поддержит Ленина, он все же переработал проект комиссии, внес в него поправки в духе предложений Ленина, но тут же оговорил, что этот новый проект представляет собой лишь «несколько измененную, более точную формулировку» старого.

К этим дням относится следующий обмен записками:

Каменев — Сталину: Ильич собрался на войну в защиту независимости.

Сталин — Каменеву: Нужна, по-моему, твердость против Ильича.

Ленин чувствовал продолжающееся сопротивление Сталина и предполагал, что на пленуме ЦК вопрос будет рассмотрен, как он любил говорить, «до самого донышка». Но он не смог присутствовать на пленуме, у него страшно разболелся зуб. О том, каково было его настроение в эти дни, говорит его записка на имя Л. Б. Каменева:

«Т. Каменев! Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами».

Пленум ЦК полностью поддержал позицию Ленина — и в конце декабря на Первом Всесоюзном съезде Советов был образован Союз Советских Социалистических Республик.

Идея «автономизации» была похоронена. Но, как и всякое проявление великодержавного шовинизма, она вызвала обострение местного национализма. Особенно резкие формы это обострение приняло в Грузии и привело к возникновению так называемого «грузинского вопроса».

Размышляя о том, как и почему «грузинский вопрос» приобрел чрезвычайную остроту, Ленин писал: «Видимо, вся эта затея «автономизации» в корне была неверна и несвоевременна... Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма». Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль».

Положение осложнялось тем, что в споре были не правы обе стороны — и Сталин, и грузинские коммунисты, что обе стороны проявляли озлобление и взаимное ожесточение.

После советизации Грузии Ленин в письме коммунистам советских республик Кавказа предупредил их о необходимости особо осторожной политики в условиях — и внутренних, и международных,— в которых им приходится действовать.

Некоторые грузинскне коммунисты поняли эту осторожность весьма расшнрнтельно. Так, например, таможенная граница в Грузии проходила не там, где государственная, то есть не на линин, отделяющей Советскую Грузию от капнталистического мнра, а на границах между Грузней н другими советскими республиками. В грузинских же портах был объявлен портофранко, то есть право свободного ввоза ннностранных товаров с пониженной таможенной пошлиной.

В итоге в Советской Грузии свободно действовали иностранные коммерческне фирмы типа «Сосифрос» («Societé Franco Russe»), названне которого острословы расшифровывали, как «Соси Франция Россню».

Политика тогдашнего грузинского партнйного руководства, возглавляемого Мдивани, способствовала развнтию сепаратистских н антисоветскнх настроений. Чтоб создать ей противовес, Леннн внес предложение о созданин Закавказской федерации.

«Важно, чтобы мы не давали пнщи «независимцам»,— пнсал Ленин,— не уннчтожалн нх *независимости,* а создавалн еще *новый этаж,* федерацию *равноправных* республик».

Однако после пленума ЦК, на котором было принято решение о созданин СССР, стороннпки Мдивани потребовали, чтобы Грузия входила в СССР не через Закавказскую федерацию, а непосредственно. Ленин в телеграмме в Заккрайком н ЦК КП Грузни решительно выступил протнв этой позиции. «Я был убежден,— писал он,— что все разногласня исчерпаны резолюциямн пленума *Цека* при моем косвенном участни н при прямом участни *Мдивани».*

Как н всегда в таких случаях, политические разногласия сопровождалнсь резкнм обострением личных отношеннй — прежде всего между сторонниками Мдивани и тогдашннм секретарем Заккрайкома Г. К. Орджоннкидзе. Ленин самым резким образом осуднл «брань против *Орджоникидзе»* и назвал весь тон, которым разговарнвала группа Мдивани, «неприличным». В то же время Орджоникндзе — человек горячнй, пылкий,— сталкнваясь с националистическнми нскаженнямн линни партни, не проявил должной гибкости, тактичности, осторожностн в проведенин нацнональной политики партин в Грузии. А Сталин, который, как генеральный секретарь ЦК, обязан был поправить Орджоникндзе, наоборот, еще больше его подогревал.

В итоге дошло до того, что Орджоиикидзе, оскорблеииый одиим из стороиииков Мдиваии, ударил его, в ответ иа это большиистио ЦК КП Грузии, поддерживавшее Мдиваии, подало в отставку.

Отставка эта была приията Заккрайкомом. Дело перешло в ЦК партии. ЦК решил создать комиссию под председательством Ф. Э. Дзержиискоого для разбора заявлеиия членов ЦК КП Грузии.

На следующий деиь дежуриый секретарь Н. С. Аллилуева записала в дневиике:

«Владимир Ильич нездоров... Мария Ильиничиа [Ульяиова] сказала, чтобы его иичем не беспокоить — если сам запросит об ответах — то запросить кого следует. Приема иикакого, поручеиий пока никаких. Есть два пакета от Сталииа и Зииовьева — об иих ни гу-гу, пока не будет особого распоряжения и разрешеиия».

11

В последующие дни, как это видио из записей дежурных секретарей, Владимир Ильич продолжал много работать, ио большую часть времеии дома, а ие в кабииете, куда ои заходил по два-три раза в деиь, ио оставался иедолго, по часу, по полтора.

Вечером тридцатого иоября Владимир Ильич позвонил В. В. Адоратскому и позвал его к себе. Ои хотел посмотреть переписку Маркса и Эигельса, которую Адоратский готовил к печати.

Адоратский пришел к иему около восьми вечера. В зале заседаний Совиаркома горела одиа лампа, и зал был пуст, там ие было никого, кроме дежурной сотрудиицы секретариата. В кабииете Владимира Ильича было светло. Ои сидел иа своем обычиом месте за столом, на вид был бодрым и оживлеииым, но с грустью сказал, что ои теперь полуиивалид и ие может уже работать, как прежде.

При этом он сделал движеиие сжатой в кулак правой рукой, ладоиью кверху, словио держа в руках вожжи и правя, потягивая их к себе. Эиергия этого движеиия иаходилась в некотором противоречии со словами Владимира Ильича.

Потом разговор перешел на литературные дела. Адоратский показал чистые листы переписки, Владимир

Ильич пробежал глазами заключительную часть вводной статьи и весело смеялся по поводу письма Энгельса, который советовал Марксу пить вино, чтобы сохранить свой пыл...

В эти дни Владимир Ильич несколько раз спрашивал секретарей, не слышно ли о возвращении Дзержинского, выехавшего в Тифлис, с нетерпением ждал его возвращения. Чувствовал он себя неважно. Врачи требовали, чтоб он уехал на несколько дней в Горки, но он все откладывал отъезд.

Примерно в это время у него побывала Мария Федоровна Андреева.

Владимир Ильич всегда восхищался ею, называл «Феномен», переписывался с ней. Особенно тесной была их дружба в годы, когда Мария Федоровна, которая была тогда женой А. М. Горького, жила вместе с Горьким на Капри.

«Я пришла к нему говорить о кинематографе,— писала М. Ф. Горькому, рассказывая о последней своей встрече с Владимиром Ильичем,— он очень интересовался этим и считал важным вопросом наладить производство у нас.

По обыкновению я волновалась, горячилась, он долго что-то слушал, а потом вдруг говорит: «Какая вы еще, Мария Федоровна, молодая! Даже румянец во всю щеку от волнения... Краснеть не разучились. А вот я — уставать стал. Сильно уставать». И так мне жалко его стало, так страшно.

Мы крепко обнялись с ним, и я почему-то заплакала, а он тоже, отирая глаза, стал укорять меня и убеждать, что это очень плохо.

Так, значит, больше и не пришлось увидеться...»

Видно, не случайно именно в эти дни Ленин попросил своего библиотекаря Шушанику Никитичну Манучарьянц оставить на полке книгу Энгельса «Политическое завещание».

Вечером седьмого декабря Владимир Ильич уехал в Горки. Каждый день звонил оттуда — передавал запросы, поручения секретарям. Утром двенадцатого вернулся в Москву. В тот же день принял приехавшего из Тифлиса Дзержинского.

Комиссия Дзержинского признала политическую линию Заккрайкома правильной и сочла необходимым

отозвать из Грузии Мдивани, Махарадзе, Кавтарадзе и Цинцадзе.

Ленин работой комиссии остался недоволен. «Из того, что сообщил тов. Дзержинский, стоявший во главе комиссии, посланной Центральным Комитетом для «расследования» грузинского инцидента, я мог вынести только самые большие опасения»,— писал он потом. Будучи не согласен с выводами комиссии, он считал необходимым «доследовать или расследовать вновь все материалы комиссии Дзержинского на предмет исправления той громадной массы неправильностей и пристрастных суждений, которые там несомненно имеются. Политически-ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию,— писал он,— следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского».

Дзержинский пробыл у Владимира Ильича с шести вечера до шести часов сорока пяти минут. От него Владимир Ильич узнал о грубости, допущенной Орджоникидзе (потом он называл этот поступок Орджоникидзе то «инцидент», то «биомеханика»). Это произвело на него самое удручающее впечатление. Особенно горько было ему потому, что он очень любил Серго Орджоникидзе, которого знал и по заграница, и по работе в России.

После Дзержинского Владимир Ильич принял нашего торгпреда в Германии Б. С. Стомонякова и разговаривал с ним о монополии внешней торговли.

В восемь часов пятнадцать минут он ушел из своего кабинета. Ушел в последний раз.

Утром тринадцатого декабря Владимир Ильич почувствовал себя плохо. В этот день у него опять был приступ болезни.

Месяца полтора спустя он сказал Л. А. Фотиевой:

— Накануне моей болезни Дзержинский говорил мне о работе комиссии и об «инциденте», и это на меня очень тяжело повлияло.

12

Утром тринадцатого декабря к Владимиру Ильичу были вызваны врачи, которые категорически потребовали, чтоб он немедленно же бросил всякую работу. Он никак с ними не соглашался, спорил.

«С большим трудом,— записано в истории болезни

Леннна,— удалось уговорнть Владимнра Ильнча не выступать ни в какнх заседаннях н на время совершенно отказаться от работы. Владнмнр Ильнч в конце концов на это согласнлся н сказал, что сегодня же начнет лнквднровать свон дела».

Но дав такое обещанне, он в этот день, в который у него было два прнступа болезни, продиктовал:

пнсьмо в ЦК РКП(б) с вторнчным протестом против решення Политбюро от 7 декабря об актнвном меньшевнке Н. А. Рожкове, которому Политбюро разрешнло прожнвать в Москве, с чем Леннн был категорнческн несогласен н настанвал на том, чтоб Рожков оставался жнть в Пскове;

пнсьма М. И. Фрумкину, Б. С. Стомонякову н Л. Д. Троцкому о предстоящем обсужденнн на пленуме ЦК РКП(б) вопроса о монополнн внешней торговлн;

пнсьмо Л. Б. Каменеву, А. И. Рыкову н А. Д. Цюрупе, которые должны былн замещать его во время его болезнн в работе Совнаркома н СТО, о распределении их обязанностей;

пнсьмо И. В. Сталнну для пленума ЦК РКП(б) о монополии внешней торговлн.

Уже сам этот перечень показывает, что вопросом, который нанболее остро волновал Леннна в этот день, был нзвестный нам вопрос о монополнн внешней торговлн.

Как мы помннм, после октябрьского пленума ЦК Леннн предложнл отсрочить окончательное решение этого вопроса до следующего пленума. Н. И. Бухарнн продолжал настанвать на отмене монополнн. Г. Е. Зиновьев заявил, что он «решительно протнв пересмотра решення, прннятого пленумом», н голосует «протнв всякого пересмотра». И. В. Сталнн писал членам ЦК: «Пнсьмо тов. Ленина не разубеднло меня в правильностн решення пленума Цека от 6/X о внешней торговле... Тем не менее, ввнду настоятельного предложения т. Леннна об отсрочке решения пленума Цека нсполненнем, я голосую *за* отсрочку с тем, чтобы вопрос был вновь поставлен на обсужденне следующего пленума с участием т. Ленина».

В итоге опросом членов ЦК решено было отложнть вопрос до следующего пленума.

«Я буду воевать на пленуме за монополню»,— пн-

сал Леиии в одном из своих писем того времеии. Вследствие болезии, трагически совпавшей с каиуиом плеиума ЦК, ои лишеи был возможности принять участие в работе пленума. Но как бы ни требовали врачи, чтоб он прекратил работу, отказаться от борьбы ои не мог.

Преодолевая мучительную головиую боль, он продиктовал трииадцатого декабря большое письмо Сталину для плеиума ЦК. Пункт за пунктом опроверг доводы, выдвигавшиеся Н. И. Бухариным против монополии, и показал как практическую, так и теоретическую несостоятельность позиции Бухарина, который считал, что вместо монополии внешней торговли нужио устаиовить режим таможениых тарифов. «Бухарин ие видит,— писал Лении,— это самая поразительная его ошибка, причем чисто теоретическая,— что никакая таможеиная политика не может быть действительной в эпоху империализма и чудовищной разницы между странами иищими и странами иевероятно богатыми».

Свое письмо Леиин направил И. В. Сталину для плеиума ЦК, а также Л. Д. Троцкому и В. А. Аванесову. В сопроводительной записке Варлааму Александровичу Аванесову, который был сторонником сохранеиия моиополии внешней торговли, Леиии писал: «...обдумайте получше, что добавить, что убавить, *«как поставить борьбу»*». В письме Троцкому, предлагая ему выступить в защиту «точки зрения о безусловной необходимости сохраиеиия и укрепления монополии внешней торговли», Леиин подчеркнул, что «в этом вопросе уступать нельзя».

В тот день, трииадцатого декабря у Ленина был двухчасовой разговор со Сталиным. Как видио из писем Ленина к Аваиесову и Троцкому, Сталин держался прежней своей точки зрения. Но два дия спустя Сталии написал членам ЦК письмо, в котором сообщил об измеиеиии своих взглядов: «Ввиду накопившихся за последние два месяца новых материалов...— писал ои,— говорящих в пользу сохраиения моиополии виешией торговли, считаю своим долгом заявить, что снимаю свои возражения против монополии внешней торговли, письменно сообщеииые миою членам Цека два месяца назад».

Но Леиии, видимо, не был твердо уверен в том, что его мнение восторжествовало, ибо уже после заявления Сталина он послал ему письмо для членов ЦК, в котором снова подчеркивал, что он «решительио против

оттяжки вопроса о монополии внешней торговли. Еслн из каких бы то ни было предположений (в том числе и нз предложений, что желательно участие на этом вопросе мое) возннкнет мысль о том, чтобы отложнть до следующего пленума, то я бы высказался самым решительным образом протнв, нбо уверен, что Троцкий защитит мон взгляды нисколько не хуже, чем я, это — во-первых; во-вторых, Ваше заявленне и Зиновьева н, по слухам, также Каменева, подтверждает, что часть членов ЦК изменили уже свое прежнее мнение; третье, н самое главное: дальнейшне колебання по этому важнейшему вопросу абсолютно недопустимы и будут срывать всякую работу».

Так кончился день пятнадцатого декабря, третий день болезнн Владнмнра Ильнча.

Он делал все, что было в его силах, чтоб окружающие не замечали его состояния. Л. А. Фотнева в этн днн дважды записала в «Дневнике дежурных секретарей», что настроенне Владимира Ильича «по внешностн хорошее, шутнт и смеется».

Но это было только «по внешностн». Его мучилн ужасные головные болн. Не помогали ни лед, ни холодные компрессы. После бессонных ночей ему бывало особенно плохо. Чтоб скраснть себе тяжелые утренние часы, он попроснл приводнть нрландского сеттера Айду — веселого, лохматого рыжего щенка, с которым он нграл и которого очень любил.

Врачн настаивалн на том, чтоб он уехал в Горкн. Он уезжать не хотел. Объяснял это тем, что дорога на аэросанях утомнтельна, а на автомобнле ехать нельзя. Потом согласнлся уехать.

Пятнадцатого чнсла кроме письма о монополии внешней торговли он написал письмо И. В. Сталину для членов ЦК РКП(б):

«Я кончил теперь лнквндацню свонх дел и могу уезжать спокойно. Кончнл также соглашение с Троцким о защите моих взглядов на монополню внешней торговли. Осталось только одно обстоятельство, которое меня волнует в чрезвычайно снльной мере,— это невозможность выступить на съезде Советов. Во вторник у меня будут врачи, и мы обсудим, имеется лн хоть небольшой шанс на такое выступленне. Отказ от него я счнтал бы для себя большнм неудобством, чтобы не сказать снль-

нее. Конспект речи у меня был уже напнсан несколько дней назад... Такая речь ннсколько не помешает речи моего заместнтеля (кого бы Вы ни уполномочилн для этой целн), но, думаю, будет полезна н полнтнческн и в смысле личном, нбо устраннт повод для большого волнения. Прошу нметь это в внду н, еслн открытне съезда еще затянется, нзвестнть меня заблаговременно через моего секретаря».

Владнмир Ильнч кончнл днктовать это письмо в девять часов вечера и отпустнл секретаря.

Ночью у него пронзошел новый приступ болезнн. Но н после этого Владнмнр Ильнч нспользовал утро до прнхода врачей, чтобы продиктовать Надежде Константнновне пнсьмо своим заместителям в Совнаркоме н в СТО, в котором рекомендовал вести краткую стенографнческую запнсь всех решений, чтобы обеспечить согласованность работы н возможность позже продумывать решення, прннятые на ходу.

Потом прншлн врачн. А вечером этого дня Надежда Константиновна позвоннла от именн Владимира Ильнча Л. А. Фотневой и попросила сообщнть И. В. Сталнну, что выступнть на съезде Советов Владнмир Ильнч не сможет. Кроме того она попросила Л. А. Фотневу позвонить по порученню Владимира Ильича Емельяну Ярославскому н проснть его, чтобы прн обсужденнн на пленуме вопроса о монополнн внешней торговли он записывал речи протнвнников монополнн — Бухарнна и Пятакова, а по возможностн н другне.

Л. А. Фотнева спросила, как чувствует себя Владнмнр Ильич. Надежда Константиновна ответнла, что по виду средне, но вообще сказать трудно.

Восемнадцатого декабря состоялся пленум ЦК. Он прнзнал незыблемость принципа монополни внешней торговлн и решнл довестн свое постановленне до сведения Леннна — еслн это разрешат врачн.

Но и после пленума ЦК что-то в этом вопросе, внднмо, тревожнло Ленина, нбо двадцать первого декабря он продиктовал Надежде Константнновне письмо Троцкому. Выражая свое удовлетворение тем, что «удалось взять позицию без единого выстрела простым маневренным движением», он предлагал «не останавлнваться н продолжать наступленне», поставнв вопрос на партийном съезде.

Двенадцатый съезд партин, как то предлагал Ленин, подтверднл незыблемость монополни внешней торговли.

13

Миновала неделя болезни Владимира Ильича. Поздний вечер. В кремлевской квартире тишина. Владимир Ильич лежит в своей комнате, лампа прикрыта газетой.

Надежда Константиновна у себя. Перед ней груда писем. Дверь отворена. Прислушиваясь к каждому звуку в комнате Владимира Ильича, она просматривает письма. От кого ж это письмо, написанное словно бы знакомым, но давно забытым почерком? От Меркулова, от Николая Меркулова, члена петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», на чьей квартире без малого тридцать лет тому назад собирался рабочий марксистский кружок, которым руководил Ленин!

Как же нехорошо получилось, что это письмо пролежало, ожидая ответа, чуть ли не месяц...

«Дорогой товарищ,— пишет Надежда Константиновна,— я теперь совершенно потеряла способность писать письма. На своем веку я их написала не одну тысячу, а теперь нужны совершенно исключительные обстоятельства, чтобы я ответила на письмо. Живешь, как на вулкане...»

В эту минуту в комнате Владимира Ильича слышится легкий шорох. Надежда Константиновна приподнимает голову. Нет, ничего...

«Но Ваше письмо,— продолжает она,— пришло в момент, когда работа не клеится, а поэтому берусь за перо.

Да, с того времени, как мы с Вами встречались, целая жизнь прошла, да притом еще жизнь в такую эпоху, когда месяц можно за год считать. Чего только с тех пор не случилось! Нашу жизнь вы, вероятно, знаете: тюрьма, ссылка, эмиграция, два года жизни в Питере, потом опять эмиграция и, наконец, пять лет революции».

И словно продолжая раздумья над прожитой жизнью, вечером двадцать второго декабря — в тот самый вечер, которому суждено было стать последним рубежом этой прошлой жизни,—она пишет О. К. Витмер, своей старой знакомой еще по временам молодости:

«Почему вы меня жалеете? Мне совсем не плохо жить. Напротив, я очень счастлива, что мне пришлось пережить революцию, очень люблю свою теперешнюю работу, мне очень хорошо жилось в личном отношении.

А если бывают тяжелые минуты, то у кого их нет. Жизнь кипела все годы и била через край. Нет, мне жаловаться не приходится. И если бы начинать жить сначала, я немногое хотела бы изменить в ней, так, мелочи».

Как это произошло? Донесся ли из комнаты Владимира Ильича стон? Настала ли там тревожная, страшная тишина?

В ночь с двадцать второго на двадцать третье декабря состояние Владимира Ильича резко ухудшилось. Когда он проснулся, оказалось, что он не может двигать ни правой рукой, ни правой ногой.

То, о чем полгода назад он говорил Григорию Ивановичу Петровскому: «Болезнь у меня такая, что я или стану инвалидом, или меня не станет»,— надвинулось вплотную. И тут же возвратилась мысль, которую он тогда высказал Петровскому:

— Но только смотрите, чтобы вождями в ЦК были выбраны такие, которые не допустят раскола партии, обеспечат ее единство. Наше дело верное. К социализму пойдут и другие страны, но если будет раскол в нашей партии, то может быть беда.

Когда к Владимиру Ильичу пришли врачи, первое, о чем он заговорил, была просьба, чтоб ему разрешили продиктовать стенографистке одну вещь, на что нужно пять минут. Его очень волнует один вопрос, сказал он, и он боится, что не заснет. Все это было высказано с таким волнением, что врачи дали согласие.

Владимир Ильич, вызвав М. А. Володичеву, сказал: «Я хочу Вам продиктовать письмо к съезду. Запишите!» Диктовал быстро, но болезненное состояние его чувствовалось.

На следующий день Владимир Ильич выразил желание продолжать диктовку. Врачи запротестовали. Тогда он поставил вопрос ультимативно: либо ему будет разрешено ежедневно, хотя бы в течение короткого времени, диктовать его «дневник», как назвал он свои записи, либо он совсем откажется от лечения.

Врачи вынуждены были уступить: они разрешили Владимиру Ильичу диктовать стенографистке по пять — десять минут в день. Потом, когда он стал чув-

ствовать себя несколько лучше, время диктовки было увеличено до тридцати — сорока минут в деиь.

14

Так в тот самый день, когда смерть коснулась его ледяиым дыханием, Лении приступил к одному из величайших подвигов своей жизни: ои иачал диктовать свое политическое завещание.

Рассказывать об этом бескоиечно трудно. Посидим минуту, помолчим, подумаем...

Попробуем представить себе, как это было. Четыре стены, в которых он был заперт. Медленную смеиу зимних дней и ночей. Узкую кровать. Запах лекарств. Затеиенную тишиу. И мертвенную иеподвижность правой руки — той руки, которая всю жизнь делала вместе с ним его работу, умела все: и быстро, размашисто проноситься по листам бумаги, набрасывая планы и записывая речи, и необычайно четко нанизывать буковку за буковкой, цифру за цифрой, когда надо было составлять таблицы, шифровать письма, идущие подпольиой почтой, движения этой руки так точно и верно продолжали мысль, высказанную им вслух, то подчеркивая ее отрывистым, рубящим взмахом, то завершая стремительиым, зовущим вперед броском. А сейчас эта рука лежала холодиая, иеподвижиая — и лишь слабое биение пульса и легкое покалывание иапоминали, что она жива.

В сером свинцовом потоке времени было лишь несколько минут, в которые он мог диктовать. Ради этих миiут он теперь жил. Все его силы были напряжены во имя того, чтоб не потерять ни единого драгоценного мгиовения, найти самые точные слова и сказать имении то, что необходимо.

Все это требовало от иего особого усилия еще и потому, что он никогда не диктовал свои статьи, а писал их сам. После одиой из диктовок, пробегая взглядом расшифрованный текст, он сказал Володичевой, что стенографы всегда его не удовлетворяли, он привык видеть рукопись перед глазами, остаиавливаться, обдумывать место, где ои «увяз», привык ходить по комнате, даже просто убегать куда-нибудь погулять. Ему и теперь часто хочется схватить карандаш и писать самому или виосить исправлеиия.

При этом он вспомнил, как еще в восемнадцатом году пытался диктовать свою статью стенографу Троцкого и при этом, чувствуя, что «вязнет», в смущении «гнал» все дальше и дальше с «неимоверной» быстротой, и как это привело к тому, что ему пришлось всю рукопись предать сожжению, после чего он сел писать сам и написал «Ренегата Каутского», которым остался доволен.

В глубине души он и сейчас, наверное, надеялся, что, быть может, поправится, а пока что старался диктовать так, чтобы сразу же как можно совершеннее выразнть свою мысль.

Записи «Дневника дежурных секретарей» велись в делопроизводственной книге для регистрации исходящих бумаг. В ней были сделаны четыре графы: число и время, чье дежурство, поручення, отметки об исполнении.

И сама книга, и расчерчнвающие ее графы, и запнси, сделанные разными почерками, и сдержанный, порой даже суховатый стиль этих запнсей — все это выглядит сугубо обыденно, даже канцелярски. Но когда пытаешься своим внутренним зреннем увидеть эту книгу, вчнтаться в то, что стонт за каждой ее буквой, то словно слышишь бессмертные слова, которые звучат из-за выцветших чернильных строк.

Намедии ночью
Бессоннница моя меня томнла,
И в голову пришли мне две, трн мыслн.
Сегодня нх я набросал...

Та мысль, которая так томнла Ленина, что,— как он сказал врачам,— он не мог заснуть, пока ее не запишет, была забота о мерах, которые увеличили бы прочность и устойчивость нашей партии и облегчили бы для нее борьбу средн враждебных государств. В первую голову Ленин счнтал необходимым увелнчнть число членов ЦК до нескольких десятков и даже до сотни человек. «...Я думаю,— говорил он, диктуя первую часть «Пнсьма к съезду»,— что такая вещь нужна и для поднятия авторитета ЦК, и для серьезной работы по улучшению нашего аппарата, и для предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех судеб партии».

Первая диктовка была короткой: она продолжалась всего четыре минуты. Владнмир Ильич формулировал свои мысли, чтобы вернуться к ним снова, что он и сделал на следующий день.

На следующий же день после первой диктовки Владнмир Ильич предупредил М. А. Володичеву: продиктованное вчера (23 декабря) и сегодня (24 декабря) является абсолютно секретным. Подчеркнул это не один раз. Потребовал все, что он диктует, хранить в особом месте под особой ответственностью и считать категорическн секретным.

Вообще он был крайне озабочен надежностью хранения н соблюденнем полной секретностн всего, что он диктовал. М. А. Володичева впоследствни рассказывала, что все статьи н документы, которые были им продиктованы с двадцатых чисел декабря 1922 года до начала марта 1923 года, по желанню Владимира Ильича переписывались в пяти экземплярах: один для него, три для Надежды Константиновны, один в его секретариат (строго секретно). Все это он просил хранить в запечатанных сургучной печатью конвертах, отметив на ннх, что вскрыть их может только В. И. Леннн, а после его смерти — Надежда Константиновна. Но М. А. Володичева не могла себя заставить сделать такую надпись и слова «а после его смерти» на конвертах не надписывала.

15

Тревога о предотвращении раскола и сохраненин единства партии, которой полны были все думы Владимира Ильича Ленина во время его болезни, началась давно, еще накануне Десятого съезда партии. Уже тогда Ленин противопоставил раскольнической фракционностн оппозиций высокую идею партийного единства.

Внутрипартийная борьба, так разгоревшаяся во время профсоюзной дискуссии, едва начиналась. Предвидя все опасности и беды, которые могут принести партии трещины в ее единстве, Владимир Ильич возлагал огромные надежды на Контрольную комиссию партии, видя в ней учреждение, которое можно «действительно сделать... настоящим органом партийной и пролетарской совести». Поэтому он предложил Полнтбюро, чтоб не позже, чем через два дня, было выпущено заявле-

ииe о Контрольной комиссии партии — «очень обстоятельиое и торжествеииое».

Два дня спустя, точно в срок, предложенный Лениным, в газетах появилось обращение ЦКК ко всем члеиам партии, подписаииое одиим из старейших рабочих-большевиков, М. К. Мураиовым:

«Мы призываем вас, товарищи, к дружиой работе над самым крупиым пролетарским сокровищем — над партией, которую любит, за которую страдает душой, за которую сражается и иногда умирает сознательиый коммунист, революциониый пролетарий».

Кто-то тогда подсчитал, что на каждого коммуииста, состоявшего в то время в партии, приходится другой коммунист, погибший за ее дело в царских тюрьмах и на каторге, расстрелянный белыми, убитый на фронтах гражданской войны. На каждого живого — одии мертвый. Половину своих члеиов отдала партия за два десятилетия грозной борьбы.

Сколько красоты, героизма, бескорыстия, бесконечиой предаиности своему делу скрывается за каждой страиицей истории нашей великой партии, подлинно самого крупного сокровища, созданной поколениями цельных людей, для которых иет и не может быть противоречия между словом и делом!

Эту партию вырастил, выпестовал Ленин. Как прекрасио сказал В. А. Карпинский, ои не только любил ее, он был в иее влюблен. Бесконечио высоко оценивал роль «того тоичайшего слоя, который можно иазвать старой партийной гвардией», и считал, что его громадным, безраздельным авторитетом определяется пролетарская политика партии. Дорожил молодыми партийиыми поколеииями, с удовлетворением отмечал, что «мы за это время иакопили много геройских людей, которые закрепили безусловио перелом во всемирной истории».

При этом для Ленина существовали ие «прослойка вообще», не «поколение как таковое»,— ему дорог был каждый коммуиист, каждый член партии, как и каждый гражданин социалистического общества и каждый трудящийся. Будучи абсолютно непреклонным в принципиальных вопросах, он с бесконечиым терпением разъясиял товарищам их заблуждения и убеждал их в своей правоте.

В своих воспомииаииях о Владимире Ильиче Мария Ильинична Ульянова говорила, что ои «умел бывать и снисходительным к ошибкам товарищей, если их ошибки

и промахи вызывались не злой их волей или нерадением, а особым несчастным стечением обстоятельств. И тогда потерпевший товарищ находил всегда поддержку Ильича и защиту от требовавших более суровых кар по отношению к виновному... И при виде этого новые силы находишь в себе и от ошибок избавляешься лучше, чем при применении строгостей и взысканий,— лучше потому, что такой метод не вызывает озлобления, не приводит к подавленности человека, который и сам сознает свою ошибку».

Одним из выразительнейших примеров этого рода может послужить отношение Владимира Ильича к Михаилу Александровичу Ларину.

На протяжении полутора десятилетий М. А. Ларин был меньшевиком самого ярого толка, в годы реакции активно проповедовал ликвидаторство, стоял на самом правом меньшевистском фланге. В нашу партию он пришел после июльских дней,— это делает ему большую честь, ибо, чтоб объявить себя в то время большевиком, надо было быть настоящим революционером, обладающим огромным мужеством.

Отличительной его особенностью как работника была совершенно неудержимая фантазия, бившая из него ключом, делавшая его инициатором часто самых невероятных проектов (это по его фантастической идее в конце двадцатых годов была введена в наших учреждениях «непрерывная неделя», превратившая их в совершенный бедлам). Прохаживаясь по его адресу, товарищи вспоминали совет Козьмы Пруткова: «Если у тебя есть фонтан, заткни его, ибо и фонтану отдохнуть надобно». При этом он был умен, остроумен, талантлив. Некоторые мысли его были блистательны. Но и в теории, и в практической работе он был способен так запутать дело, как никто другой.

Владимир Ильич ругал его нещадно. То называл его «отцом» чудовищной путаницы бюджета. То вышучивал на Одиннадцатом съезде партии его неудержимую фантазию: «...я бы сказал так, что, если бы весь запас фантазии Ларина разделить поровну на все число членов РКП, тогда бы получилось очень хорошо».

Так он говорил о Ларине под смех и аплодисменты съезда (заметим в скобках, что ловкие цитатмахеры умудрились выкроить из этих блещущих иронией слов Ленина вполне нравоучительную цитату: «Фантазия

есть качество величайшей ценности») — и в то же время как берег он Ларииа, как заботился о нем! Когда Ларии, который был очень больным человеком, отдохнуть и полечиться поехал в Лоидои, Леиии писал тогдашнему торгпреду в Аиглии Л. Б. Красиву:

«1. Держите его в Лоидоне *как можно дольше.*

2. Если поверите хоть одной его цифре, прогоиим со службы.

3. Берегите его здоровье, лечите лучше, иазиачьте *ответственного* врача.

4. Займите его *длительной литературной* работой по *немецким* и *английским* материалам (если ие зиает, выучите английскому языку).

Пуикты 1, 3 и 4 провести особо строго и *особо тактично.*

Пуикт 2 — втройие строго».

А в другом письме — иа имя секретаря ВЦИК Авеля Софроиовича Енукидзе — говорил в связи с очередиой «иапутаиицей» Ларииа: «Хороший парень,— как поэт, как журиалист, как лектор. Но мы, дураки, ставим его к законодательиой работе, и этим портим, *губим* и его и работу».

И иикогда — ии в самом большом гневе, ии в яростиейших спорах, ие напомнил, не попрекиул Ларииа его меиьшевистским прошлым!

Быть может, этот экскурс в область отиошеиия Леиииа к М. А. Ларину слишком простраиеи, ио ои позволяет нам явственио ощутить, как цеиил Ленин каждого коммуниста и как дорого было ему единство и сплочение партии.

Призыв к едиистиу партийиых рядов, к обеспечеиию полного доверия между членами партии, к работе действительио дружиой, действительио воплощающей едиистио аваигарда пролетариата властио прозвучал в решениях Десятого съезда партии и в обращеиии «Ко всем членам партии», прииятом виовь избраииым иа съезде Цеитральиым Комитетом.

«Специальиым постановлением съезда,— говорилось в этом обращеиии,— распущены все обособлеииые группы, которые, независимо от желания их участиików, могли бы при дальнейшем их существоваиии превратиться в отдельные фракции. Съезд был непреклоиеи

в своем стремлении положить конец всякой фракционности...

Центральный Комитет призывает всюду на местах немедленно прекратить фракционную борьбу. При выборах и назначениях, при передвижке товарищей с места на место организации должны руководиться только преданностью партии данного товарища, его способностями, его умением подходить к массам.

— *«К массам!»* — вот главный лозунг X съезда.

А для этого, прежде всего,— старая испытанная большевистская сплоченность и дружная работа всех до единого членов партии на основе решений X съезда Российской Коммунистической партии».

Год спустя, подводя итоги работы партии и итоги ее Одиннадцатого съезда, Ленин говорил:

«...за этот год ЦК с полным правом может сказать, что партия пришла на съезд менее фракционной и более единой, чем в прошлом году. Я не хочу хвастаться, что все фракционное в нашей партии исчезло. Но что этой фракционности стало меньше — это самый бесспорный факт, уже доказанный».

Таково было положение накануне первого приступа болезни Ленина и его длительного отъезда в Горки. Но когда он вернулся в Москву, он столкнулся с новыми фактами — мы не знаем, с какими и вряд ли это вообще можно узнать,— которые заставили его в первом же письме к партийному съезду поставить вопрос о мерах для обеспечения устойчивости нашей партии и ее Центрального Комитета.

16

Второй день диктовки Ленин начал словами:

«Под устойчивостью Центрального Комитета, о которой я говорил выше, я разумею меры против раскола, поскольку такие меры могут быть приняты».

Напомнив, что белогвардейцы в их игре против Советской России ставят ставку на раскол нашей партии и видят возможность этого раскола в разногласиях внутри партии, Ленин говорит, что он рассматривает в данном письме устойчивость как гарантию от раскола, с точки зрения ряда «соображений чисто личного свойства».

«Личным свойствам» людей Ленин придавал боль-

шое значение и задумывался над этими свойствами руководящих деятелей партии уже не раз. Г. М. Кржижановский рассказывает, что в последние месяцы своей работы Владимир Ильич «как бы с учетом своего надвигающегося отсутствия» не раз беседовал с ним не о делах, а о лицах и в этих беседах поражал Кржижановского «удивительно отчетливой характеристикой многих из окружающих его лиц».

О людях, их характерах, их взаимоотношениях глубоко задумывался Ленин тогда, когда диктовал свое политическое завещание. Больше всего тревожили его некоторые личные качества Сталина и Троцкого, способные «ненароком привести к расколу».

«Я думаю,— писал он,— что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут...»

«...Троцкий,— продолжал он,— как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела».

Мы знаем, что Ленин не любил напоминать и почти никогда не напоминал людям об их прошлых политических ошибках. В этом своем «Письме к съезду» он специально подчеркнул, что небольшевизм Троцкого, как и октябрьская ошибка Зиновьева и Каменева, мало могут быть ставимы им в вину лично. Однако, давая характеристику личных качеств Троцкого с точки зрения опасности раскола, он отступил от своего принципа и вспомнил о той борьбе, которую Троцкий вел против ЦК во время профсоюзной дискуссии.

Почему он так поступил?

Видимо, потому, что в этой дискуссии помимо чисто политических моментов раскрылись личные качества Троцкого, которые Ленин считал в высшей степени опасными для партийного руководителя и которые он тогда же, во время дискуссии, отметил в конспекте своей речи «О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого»:

«Не мир, а обострение борьбы», «Позиция Троцкого объективно = поддержке *худшего,* предрассудков, дур-

ных привычек в *военной коммунистической* среде, *а не лучшего»*, «теоретические неверности», «бюрократическое дерганье»...

О Сталине в своем «Письме к съезду» Ленин сказал:

«Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью».

Как долго Сталин был к тому времени генсеком? И сколько времени понадобилось ему, чтобы «сосредоточить в своих руках необъятную власть»?

Всего только восемь месяцев!

Он был избран генеральным секретарем ЦК (такой пост был тогда учрежден впервые) в апреле двадцать второго года. Этому событию никто не придал особого значения. О нем не упомянули газеты, не говорили на партийных собраниях. Больше того, по мысли Ленина, Сталин, став генсеком, должен был по-прежнему оставаться народным комиссаром Рабоче-крестьянской инспекции.

Когда Сталин вступил в должность генсека, Ленин был уже болен и готовился к отъезду. Лето он провел в Горках. Правда, Сталин не раз к нему приезжал. Но по-настоящему наблюдать его как генсека Ленин смог только в те два осенне-зимних месяца, когда вернулся в Москву.

Как часто, наверно, бессонными ночами Ленин думал о Якове Михайловиче Свердлове! Вот человек, способный не поддаться обаянию власти, чуждый мелких личных чувств, человек, который, как никто, способен был сплотить партию, пробудить все лучшее, что есть в людях, поднять их на решение величайших исторических задач. Быть может, это был единственный из партийных руководителей той эпохи, кому Ленин спокойно вверил бы руководство самым крупным сокровищем рабочего класса — Коммунистической партией.

«Мне день и ночь покоя не дает...»

Четвертого января Владимир Ильич продиктовал известное добавление к «Письму к съезду»:

«Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, комму-

нистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение».

В «Дневнике дежурных секретарей» об этой диктовке не упомянуто ни единым словом.

Три недели спустя в статье «Как нам реорганизовать Рабкрин» Ленин вновь вернулся к вопросу о месте, которое должен занимать генсек в нашей партии.

Предлагая провести реформу ЦКК, пополнив ее значительной группой испытанных рабочих, Ленин писал:

«...Члены ЦКК, обязанные присутствовать в известном числе на каждом заседании Политбюро, должны составить сплоченную группу, которая, «не взирая на лица», должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет, ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК, не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел».

Эта статья Ленина печаталась во всех изданиях Собраний его сочинений. Как нетрудно догадаться, в тех изданиях, которые вышли в годы культа личности Сталина, слова «ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК» неизменно выбрасывались...

Но вот факт, от которого даже после всего, что мы знаем, по коже проходит мороз: они, эти слова, были выброшены из статьи Ленина уже в первой ее публикации — в газете «Правда» двадцать пятого января двадцать третьего года. И это тогда, когда Ленин был жив и напрягал все силы, чтоб продиктовать свое политическое завещание партии!

Предложения Ленина, содержащиеся в записи от двадцать третьего декабря и развитые в его статьях «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше», легли в основу выработанной Центральным Комитетом партии к Двенадцатому съезду РКП(б) резолюции по организационному вопросу. В соответствии с предложениями В. И. Ленина съезд расширил состав ЦК и создал объединенный орган ЦКК — РКИ, установив таким образом тесную связь между руководящими органами партийного и государственного контроля.

Что же касается записей от двадцать четвертого — двадцать пятого декабря тысяча девятьсот двадцать второго года и четвертого января 1923 года с характеристикой членов ЦК, то, согласно воле Ленина, они были переданы Н. К. Крупской Центральному Комитету партии уже после кончины Владимира Ильича, за несколько дней до открытия Тринадцатого съезда партии. В протоколе о передаче этих документов Надежда Константиновна писала: «Владимир Ильич выражал твердое желание, чтобы эта его запись после его смерти была доведена до сведения очередного партийного съезда».

Пленум ЦК, состоявшийся двадцать первого мая тысяча девятьсот двадцать четвертого года, заслушав сообщение комиссии по приему бумаг В. И. Ленина, постановил произвести оглашение письма Ленина к съезду по делегациям и установить, что эти документы воспроизведению не подлежат.

Оглашение письма Ленина было произведено членами комиссии по приему бумаг В. И. Ленина. При этом Сталин, выступая перед делегациями, говорил, что признает характеристику, данную ему Лениным, правильной и обещает партии, что он исправит свои недостатки и не допустит впредь ни грубости, ни нелояльности по отношению к кому бы то ни было.

Делегаты съезда поверили Сталину. Как писал потом Григорий Иванович Петровский, «тогда никто не мог предполагать, что Сталин не выполнит своих заверений и будет грубейшим образом нарушать ленинские нормы партийной и государственной жизни».

Тяжкой ценой заплатили народ и партия за то, что делегаты Тринадцатого съезда, доверившись обещани-

ям Сталина, не вняли тому, о чем писал Ленин в своем «Письме к съезду».

Были, однако, товарищи, которые считали, что завещание Ленина должно быть, безусловно, выполнено. Было имя, которое называлось как имя человека, способного сменить Сталина на посту генсека, имя Михаила Васильевича Фрунзе.

Каждый, кто присутствовал на Восьмом съезде Советов, наверняка запомнил минуту, когда перед докладом Ленина на сцене появился невысокий, плотно сбитый военный в потертой солдатской шинели, легкий, простой, улыбающийся пленительной доброй улыбкой и как сначала военные делегаты съезда, а за ними весь зал поднялся, бурно приветствуя командующего Южным фронтом, героя Перекопа и Сиваша Михаила Фрунзе.

В чем был источник его обаяния? Почему, когда он погиб, над гробом его прозвучали слова: «Ты был нашей гордостью, нашей надеждой, нашей защитой и нашей радостью»? Почему его так любили, так уважали, так ему верили? Прежде всего потому, что дар выдающегося военачальника сочетался в нем с цельностью характера и талантом товарищества, создававшим вокруг него отрадную атмосферу благородного содружества.

«Пепел Клааса стучит в мое сердце...»

Страшной ценой заплатили народ и партия за то, что делегаты Тринадцатого съезда, доверившись обещаниям Сталина, не вняли совету, который дал Ленин в своем «Письме к съезду». Но мы помним и будем помнить всегда, что коммунизм — это Ленин, это Свердлов, это Фрунзе, это люди самой чистой совести и самых высоких идеалов, какие только могут быть на Земле. Воскрешая в своей памяти чудовищную трагедию тридцать седьмого года, мы видим не только великого инквизитора и презренных палачей, но прежде всего тех, кто был их жертвами — коммунистов и советских людей, чью веру в партию, чью преданность коммунизму не могли сломить ни пытки, ни плаха.

Да будет мера их мужества и верности делу партии, наравне с героическим подвигом, совершенным нашим народом в борьбе против фашизма, мерой того, какими должны быть люди, взращенные партией великого Ленина.

17

В сосредоточенном раздумье последних статей и писем — весь Ленин: его ум, его сердце, необыкновенная ясность мысли, конкретность и связь великой теории с живой действительностью. Тот Ленин, который, написав у Гегеля: «Известные формы мысли» — важное начало, «безжизненные кости скелета», тут же делает примечание: «Нужно не безжизненные кости, а живая жизнь»!

Сугубо конкретные предложения и брошенные им словно вскользь замечания являются контурами огромного философского замысла. Казалось бы, совершенно частный вопрос о реорганизации одного из восемнадцати народных комиссариатов вырастает в программу партийного и государственного строительства на годы и десятилетия. Проблема отношения к кооперации, с которой было связано прочно установившееся представление о мещанском социализме, становится ареной борьбы творчества против догмы, борьбы, в которой творчество неотразимо доказывает, что кооперация и есть тот единственный путь, на котором каждый мелкий крестьянин сможет участвовать в построении социалистического общества.

Несмотря на трудности, сопряженные с диктовкой вместо привычного письма, последние статьи Ленина сохраняют присущее ему своеобразие разговорной речи, насыщенной афоризмами, долго звучавшими потом в языке нашего поколения: «Лучше меньше, да лучше», «не взирая на лица», «необходимое и достаточное», «прикрыть свои походы, подходы», «пересесть... с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой... на лошадь крупной машинной индустрии».

Ни словом, ни звуком не выдает Ленин бесконечную горечь прощания с жизнью, которую он так любил. Как и всегда, его духовный взор устремлен в будущее, в завтрашний день истории, который, пророчески предвещает он, будет «днем, когда окончательно проснутся пробужденные угнетенные империализмом народы и когда начнется решительный долгий и тяжелый бой за их освобождение».

В этом своем духовном завещании Ленин словно распростирает над партией, страной, трудовым человечеством свое могучее и теплое крыло и ставит перед ними еще более великие, еще более грандиозные задачи, чем те, которые уже достигнуты и разрешены.

Зачастую мы не можем проникнуть в побуждения внутренней работы Ленина. Почему в холодном ноябре двадцатого года он попросил библиотекаршу достать ему «только на 1 неделю» воспоминания Авдотьи Головачевой-Панаевой? Чем было вызвано летом двадцать первого года его желание перечитать стихи Гейне и гетевского «Фауста» — и притом непременно по-немецки?

Но бывает и так, что мотивы, которыми рождены те или иные желания, ясны. Это относится, в частности, к выраженной им двадцать четвертого декабря двадцать второго года просьбе взять для него в библиотеке книгу Суханова «Записки о революции», тома третий и четвертый.

К этому времени у Владимира Ильича сложился план статей, которые он намерен был продиктовать. Как истый диалектик, он стремится рассмотреть поставленные в них вопросы, как они существуют в живой жизни — в раскрытии противоположных, взаимоисключающих тенденций, противопоставляя свою концепцию, которая дает ключ к «самодвижению», к «скачкам», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового, иной концепции — враждебной ей по духу, мертвой, бледной, сухой концепции меньшевизма.

Выразителем этой второй концепции являлся Суханов. О нем можно было бы сказать словами, которыми великий Данте говорит об ангелах, не принявших участия в восстании Люцифера против бога: «Эти духи не возмущались против бога, но и не были ему верны: они оставались в стороне. И вот их гонит небо, чтобы они не осквернили его своим пребыванием там, но их не признают и глубины ада, ибо осужденные не приобрели бы никакой славы от их присутствия среди них».

Как ненавистны были Ленину с его безбоязненной веселостью бойца эти мелкие души, способные лишь на то, чтобы выводить прихотливые узоры запутанной мысли «нетовыми цветами по пустому полю»! С каким презрением говорит он о трусливости, педантизме, непонимании революционного духа марксизма, его революционной диалектики, обнаруживаемыми всеми героями Второго Интернационала, в том числе Сухановым. Как издевается он над мнением этих «ученых» господ, утверждавших, что российский пролетариат не должен был брать в свои руки власть, ибо в России

еще не было экономических предпосылок для социализма.

«Если для создания социализма,— отвечал на это Ленин,— требуется определенный уровень культуры... то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы».

18

Шаг за шагом, вопрос за вопросом разбирает он, выясняя, что же нужно сделать для того, чтоб «двинуться догонять другие народы». Если свести все эти его мысли к некоему единому знаменателю, то этим знаменателем будет: поднять культуру, культуру населения, культуру работы, культуру государственного аппарата и государственного управления.

«Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе...» — писал Ленин.

«...Наша задача состоит в культурной работе для крестьянства. А эта культурная работа в крестьянстве, как экономическая цель, преследует именно кооперирование. При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве».

«Мы должны свести наш госаппарат до максимальной экономии. Мы должны изгнать из него все следы излишеств, которых в нем осталось так много от царской России, от ее бюрократическо-капиталистического аппарата».

И тогда, заканчивал он свою мысль, «мы будем в состоянии удержаться не на уровне мелкокрестьянской страны, не на уровне этой всеобщей ограниченности, а на уровне, поднимающемся неуклонно вперед и вперед к крупной машинной индустрии.

Вот о каких высоких задачах мечтаю я...».

Вот о каких высоких задачах мечтал смертельно больной Ленин.

Мечтал вопреки бесконечным страданиям, причиняемым ему болезнью.

Мечтал, хотя понимал, что с каждым днем приближается к рубежу, за которым кончается жизнь.

— Вот, говорят, и Мартов тоже умирает,— сказал он в один из этих дней Надежде Константиновне. «Тоже»! Значит, Ленин знал, что он умирает.

Мечтал, несмотря на то, что были в его тогдашней жизни обстоятельства, бесконечно усугубившие страдания, связанные с болезнью и сознанием близкого конца.

Двенадцатого февраля Л. А. Фотиева записала в «Дневнике дежурных секретарей»:

«Владимиру Ильичу хуже. Сильная головная боль. Вызвал меня на несколько минут. По словам Марии Ильиничны, его расстроили врачи до такой степени, что у него дрожали губы. Ферстер накануне сказал, что ему категорически запрещены газеты, свидания и политическая информация. На вопрос, что он понимает под последним, Ферстер ответил: «Ну, вот, например, Вас интересует вопрос о переписи советских служащих». По-видимому, эта осведомленность врачей расстроила Владимира Ильича. По-видимому, кроме того у Владимира Ильича создалось впечатление, что не врачи дают указания Центральному Комитету, а Центральный Комитет дал указания инструкции врачам».

19

В декабре, когда Владимир Ильич заболел, пленум ЦК специальным постановлением возложил на И. В. Сталина персональную ответственность за соблюдение режима, установленного для Ленина врачами. Неделю спустя, когда Владимир Ильич потребовал, чтоб ему разрешили хотя бы в течение короткого времени диктовать его «дневник», на совещании И. В. Сталина, Л. Б. Каменева и Н. И. Бухарина с врачами решено было предоставить Владимиру Ильичу право диктовать ежедневно пять — десять минут, но так, чтоб это не носило характера переписки и чтобы на записки Владимир Ильич не ждал ответа. Свидания запрещаются. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы

этим не давать материала для размышлений и волнений.

Возможно, что для обычного больного такой режим суровой изоляции был целесообразен. Но оправдан ли был он для такого человека, каким был Ленин?

Все, что мы знаем о том, как относился Владимир Ильич к установленному для него режиму, свидетельствует, что он считал этот режим неправильным и даже вредным. Свидетельством тому — его ультимативное требование о разрешении диктовки, иначе он откажется от лечения, упорно делавшиеся им (порой небезуспешно) попытки обойти режим и что-нибудь разузнать, отчетливая зависимость его состояния от удач и неудач в получении информации и от надежд на ослабление «режима».

Из записи Л. А. Фотиевой в «Дневнике дежурных секретарей»:

«3 февраля. Владимир Ильич вызывал в 7 ч. на несколько минут. Спросил, посмотрели ли материалы... Спросил, был ли этот вопрос на Политбюро. Я ответила, что не имею права об этом говорить. Спросил: «Вам запрещено говорить именно и специально об этом?» — «Нет, вообще я не имею права говорить о текущих делах». «Значит, это текущее дело?» Я поняла, что сделала оплошность...».

В этом разговоре речь идет о материалах по «грузинскому вопросу», которые Владимир Ильич за неделю до того поручил Л. А. Фотиевой запросить у Дзержинского или Сталина и детально изучил совместно с М. И. Гляссер и Н. П. Горбуновым. Когда Л. А. Фотиева спросила о них, Сталин ответил, что без Политбюро дать их не может.

Сталин спросил Фотиеву, не говорит ли она Владимиру Ильичу чего лишнего, откуда он в курсе дел? Например, его статья об РКИ указывает, что ему известны некоторые обстоятельства.

(Это та самая статья «Как нам реорганизовать Рабкрин», из которой при публикации ее в «Правде» еще до разговора Сталина с Фотиевой были выкинуты слова «ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК».)

Фотиева ответила, что нет, она Ленину ничего не говорит и не имеет оснований думать, что он в курсе дел.

Затем Л. А. Фотиеву вызвал Владимир Ильич. Спросил об ответе Сталиина. Сказал, что будет бороться за то, чтоб материалы были выданы.

Когда вопрос стоял на Политбюро, между Сталиием и Каменевым произошел обмен записками.

Каменев Сталину: «Думаю, раз Владимир Ильич настаивает, хуже будет сопротивляться».

Сталин Каменеву: «Не знаю. Пусть делает по своему усмотрению».

И тут же попросил освободить его от обязанности наблюдения за ходом лечеиия Леиина. Политбюро ответило отказом.

Вечером того же дня Владимир Ильич вызвал к себе Фотиеву. Она сообщила ему, что Политбюро разрешило выдать материалы. По его указаиию она составила список вопросов, на которые следует получить ответы при работе над этими материалами:

1. За что старый ЦК Грузии обвииили в уклонизме?
2. Что им вменялось в вину, как иарушение партийной дисциплины?
3. За что обвиняют Заккрайком в подавлении ЦК КП Грузии?
4. Физические способы подавлеиия («биомеханика»).
5. Линия ЦК РКП в отсутствие Владимира Ильича и при Владимире Ильиче.
6. Отношеиие комиссии. Рассматривала ли оиа только обвинения против ЦК КП Грузии или также и против Заккрайкома? Рассматривала ли оиа случай биомехаиики?
7. Настоящее положение (выбориая кампания, меньшевики, подавление, национальная рознь).

Затем Владимир Ильич добавил:

— Если бы я был иа свободе...

(Передавая этот разговор, Л. А. Фотиева поясняет: «Сначала, видимо, оговорился, а потом повторил, смеясь...»)

Итак, Владимир Ильич повторил, смеясь:

— Если бы был на свободе, то я легко бы все это сделал сам...

Что-то невесело звучит этот смех. Что-то похоже скорей на то, что Владимир Ильич не оговорился, а проговорился о том, что было у него на душе.

В первой половине февраля Владимир Ильич стал чувствовать себя несколько лучше. Мария Игиатьевна

Гляссер, которая пятого февраля видела его в первый раз после болезни, записала в «Дневнике секретарей»: «Выглядит, по-моему, хорошо и бодро, только несколько бледнее, чем раньше. Говорит медленно, жестикулируя левой рукой и перебирая пальцами правой». М. А. Володичева, записав на следующий день рассказ Владимира Ильича о том, как он попробовал когда-то диктовать свою брошюру «Ренегат Каутский», добавила: «Обо всем этом Владимир Ильич говорил очень весело, смеясь своим заразительным смехом. Такого настроения я еще у него не наблюдала». Седьмого февраля постоянно наблюдавший за Владимиром Ильичем доктор А. М. Кожевников сказал, что в здоровье Владимира Ильича громадное улучшение. Он уже двигает рукой и сам начинает верить, что будет владеть ею.

Но уже на следующий день произошло ухудшение. Диктуя М. А. Володичевой статью «Лучше меньше, да лучше», Владимир Ильич в одном месте остановился и, когда М. А. Володичева сказала, что он скоро сам сможет писать, ответил: «Ну, это когда еще будет». Голос был усталый, с болезненным оттенком. Десятого февраля Л. А. Фотиева записала: «Вид усталый, говорит с большим затруднением...» Вечером четырнадцатого февраля он вызвал Фотиеву, снова был усталый, затруднялся речью. Говорил о своих поручениях. Прежде всего о том, которое его особенно волновало,— о грузинском вопросе.

Запись Л. А. Фотиевой от десятого февраля.

«Указания Владимира Ильича: намекнуть Сольцу [1], что он (В. И. Ленин.— *Е. Д.*) на стороне обиженного. Дать понять кому-либо из обиженных, что он на их стороне.

3 момента: 1. Нельзя драться. 2. Нужны уступки. 3. Нельзя сравнивать большое государство с маленьким.

Знал ли Сталин? Почему не реагировал?

Название «уклонисты» за уклон к шовинизму и меньшевизму доказывает этот самый уклон у великодержавников.

Собрать Владимиру Ильичу печатные материалы».

---

[1] А. А. Сольц — секретарь партколлегии ЦКК.— *Ред.*

В этот день Владимир Ильич сказал Л. А. Фотиевой, что болезнь его нервная и такова, что иногда он бывает совершенно здоров, то есть голова совершенно ясна, иногда же ему бывает хуже. Поэтому секретарям с его поручениями надо торопиться, так как он хочет непременно провести кое-что к съезду и надеется, что сможет. Если же секретари затянут и тем загубят дело, то он будет очень и очень недоволен.

Еще одна запись Л. А. Фотиевой в «Дневнике дежурных секретарей»:

«12 февраля. Владимиру Ильичу хуже. Сильная головная боль. Вызвал меня на несколько минут. По словам Марии Ильиничны, его расстроили врачи до такой степени, что у него дрожали губы. Ферстер накануне сказал, что ему категорически запрещены газеты, свидания и политическая информация. На вопрос, что он понимает под последним, Ферстер ответил: «Ну, вот, например, Вас интересует вопрос о переписи советских служащих». По-видимому, эта осведомленность врачей расстроила Владимира Ильича. По-видимому, кроме того, у Владимира Ильича создалось впечатление, что не врачи дают указания Центральному Комитету, а Центральный Комитет дал указания врачам...»

Во второй половине февраля Владимир Ильич чувствовал себя плохо. Однако, как рассказывал доктор Кожевников, старался использовать те редкие минуты улучшения, которые дарила ему судьба, чтобы хоть немного поработать.

Двадцатого февраля он попросил отчет о Десятом съезде Советов. Надежда Константиновна обещала его принести, но Мария Ильинична посоветовала этого не делать, так как, сказала она, «чтение отчета отрицательно скажется на состоянии здоровья Владимира Ильича».

Почему Мария Ильинична так думала? Что в отчете Десятого съезда Советов могло привести к ухудшению состояния здоровья Владимира Ильича?

Единственное объяснение: та небывалая в истории нашего государства выходка, которую позволил себе тогда Сталин.

На Десятом съезде Советов Сталин делал доклад об образовании СССР. Это был первый его доклад на Съезде Советов и вообще первый доклад на Всероссий-

ском и Всесоюзном съезде — как советском, так и партийном.

Отчет о докладе Сталина появился в газетах так, как это делалось тогда со всеми отчетами обо всех докладах и выступлениях в прениях: в том самом месте, где ему было положено быть по порядку, без выделения из всех остальных отчетов.

Этим местом оказались третьи или четвертые полосы газет.

Вдруг два дня спустя отчет об этом самом докладе Сталина был снова опубликован в газетах, притом на первых полосах. И при нем примечания от редакций — не вполне совпадающие у «Правды» и «Известий» — что вследствие спешки... небрежности стенографов... и так далее, и так далее... вкрались ошибки... а посему...

Допустим, что все это так, хотя сличение первой и второй публикаций речи Сталина не обнаруживает никаких особенно значительных расхождений текста.

Но мы знаем, как часто Ленин негодовал по поводу искажений, с которыми печатались отчеты о его речах.

Как в письме к Е. Варге, готовившему сборник его произведений, он просил «никогда не цитировать» его речей, так как «текст их всегда плохо, всегда неточно передан».

Как в следующем письме тому же Варге он предупреждал его о речи, газетный отчет о которой не успел еще прочесть: «Вполне вероятно, что в печати все страшно искажено».

Как, посылая Варге стенограмму своей речи при закрытии Одиннадцатого съезда партии, он писал: «Это ***единственная*** речь, которую я предварительно ***написал*** (и, несмотря на это, наши ослы не могли перепечатать без ошибок!!). Так что теперь это ***единственная правильно*** переданная (после исправления) речь».

При всем этом Владимир Ильич не только никогда не требовал вторичного печатания своих речей, но ни разу не напечатал ни одной к ним поправки.

И он, так проницательно читавший в душах людей, в этом беспрецедентном поступке Сталина сразу рассмотрел бы те черты, развитием которых стал культ личности Сталина.

В субботу третьего марта Л. А. Фотиева передала Владимиру Ильичу составленную ею и работниками секретариата Совнаркома докладную записку и заключение о материалах комиссии Политбюро по «грузинскому вопросу».

Пятого марта, около полудня, Владимир Ильич вызвал к себе М. А. Володичеву и продиктовал ей два письма: первое — Троцкому, которого он просил взять на себя защиту «грузинского дела» на ЦК партии. Троцкий, сославшись на болезнь, ответил, что не может взять на себя такого обязательства.

Второе письмо было адресовано Сталину (копии Каменеву и Зиновьеву).

Узнав каким-то образом, что двадцать первого декабря Надежда Константиновна написала под диктовку Владимира Ильича письмо Троцкому по поводу монополии внешней торговли, Сталин грубо накинулся на Надежду Константиновну, обвинив ее в том, что она якобы сделала это вопреки запрещению врачей (на деле врачи дали ей разрешение). При этом Сталин угрожал Надежде Константиновне, что передаст дело о ней в Контрольную комиссию партии.

«Я в партии не один день,— писала в связи с выходкой Сталина Н. К. Крупская.— За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина».

Надежда Константиновна просила оградить ее «от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз».

«В единогласном решении Контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь,— писала она,— но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности».

Все это произошло еще в декабре, но Владимиру Ильичу стало известно пятого марта. Он тотчас вызвал Володичеву и продиктовал ей письмо Сталину:

«Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен

через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения».

В «Дневнике дежурных секретарей» М. А. Володичева отметила, что Владимир Ильич чувствовал себя нехорошо. Письмо Сталину он попросил пока отложить, сказав, что сегодня у него что-то плохо выходит.

Затем к нему зашел доктор Кожевников. Он обратил внимание на то, что Владимир Ильич крайне взволнован. Но Владимир Ильич не хотел этого признать и сказал, что продиктованные им письма были чисто деловые.

Вскоре у него появился озноб, что всегда было признаком надвигающегося ухудшения.

Утром шестого марта Владимир Ильич вызвал М. А. Володичеву. Прочитал свое письмо Сталину и попросил передать его лично из рук в руки и получить ответ. Затем продиктовал телеграмму:

«Мдивани, Махарадзе и другим.

Дорогие товарищи... Готовлю для вас записку и речь. Ваш Ленин».

Как записала в «Дневнике» М. А. Володичева, чувствовал он себя в этот день плохо.

Вскоре после ухода Володичевой в его состоянии наступило резкое ухудшение. Температура резко поднялась. Паралич частично распространился на левую сторону. Отнялась речь. Этот приступ и еще один такой же, происшедший несколько времени спустя, были настолько тяжелыми, что, как рассказывал потом пользовавший Владимира Ильича доктор Елистратов, были серьезные опасения за исход в самом близком будущем.

Выполняя волю Владимира Ильича, М. А. Володичева передала его письмо Сталину. Мария Ильинична позднее писала, что Сталин извинился перед Надеждой Константиновной. Мы не знаем, стало ли это известно Владимиру Ильичу, но, как это видно из «Дат жизни и деятельности В. И. Ленина», за последний год жизни Владимира Ильича у него в Горках побывал ряд товарищей, но со Сталиным он больше никогда не встречался.

20

Он лежал, прикованный к постели смертельным недугом, а статьи его, те статьи, что составляли его духовное и политическое завещание, печатались на страницах наших газет — одни сразу же после того, как он их продиктовал, другие с большой задержкой: статья «О кооперации» 26 и 27 мая, статья «О нашей революции» 30 мая, четыре с лишним месяца спустя после того, как они были продиктованы.

Нам неизвестны причины этой задержки, но, каковы бы они ни были, благодаря этой задержке последней статьей Владимира Ильича, опубликованной при его жизни, была статья «О нашей революции», в которой он делится мыслями, вызванными чтением «Записок о революции», принадлежащих перу Н. Н. Суханова.

Высмеивая «наших» отечественных и не наших Сухановых, Ленин напоминает изречение Наполеона: «On s'engage et puis... on voit» — «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет», и говорит:

— Вот мы и ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидали такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или нэп и т. п. И в настоящее время уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу...

Начетчики, которые мнят себя марксистами, утверждают, что надо, как тому учит Каутский, сперва «дорасти» до определенного уровня производительных сил и лишь после этого можно думать о социалистическом преобразовании общества.

«Слов нет,— усмехается Ленин,— учебник, написанный по Каутскому, был вещью для своего времени очень полезной. Но пора уже все-таки отказаться от мысли, будто этот учебник предусмотрел все формы развития дальнейшей мировой истории. Тех, кто думает так, своевременно было бы объявить просто дураками».

Как это замечательно вышло, что последним, что услышали от живого Ленина наша партия, народ, международный рабочий класс, были слова, что те, которые

считают, что революция должна развиваться по законам мертвой догмы, и не верят в избранный нами путь,— просто дураки!

Почти год нечеловеческой трагедии, о которой можно только догадываться. Но с полным правом мы можем сказать: Ленин умер в бою, выполнив до конца свой последний революционный долг...

21

Весь последний год жизни Владимира Ильича партия, народ, страна жили в смене тревог и надежд. Снова перед докладчиками белели груды записок: «Как здоровье Ильича?» Снова почта приносила мешки писем, резолюций, обращений с Рязанщины и Орловщины, с Украины и Средней Азии, с Путиловского завода и завода Гужон, от крестьян села Слободского Юровской волости Смоленской губернии и от крестьян села Правые Ламки Лево-Ламкинской волости Тамбовской губернии, авторы которых сообщали, что «письмо писали все беспартийные, все малограмотные, мы хотя и беспартийные, но сердце и дух наш коммунистические, мы поняли, что в данный момент действительно власть трудящихся». И во всех письмах, в каждом на свой лад, говорилось о любви и доверии к Ленину и выражались пожелания, чтобы он, «наш путеводитель», «первый мировой пролетарий», «передовой вождь русского рабочего крестьянства», как можно скорее выздоровел и «снова встал у руля мировой революции».

Мы привыкли смотреть на эту народную любовь к Ленину как на нечто само собой разумеющееся, безусловное, естественное. Но попробуем, говоря словами Гоголя, взглянуть на нее «свежими очами».

Вспомним встречу Ленина у Финляндского вокзала — бушующие волны огромной толпы, броневик, звуки «Интернационала» и «Марсельезы». Почему так не встречали никого, даже Плеханова,— никого, кроме Ленина?

Вспомним, как вздрогнула и застонала страна, когда раздались выстрелы на заводе Михельсона, вспомним эту страшную ночь, в которую было неизвестно, дожи-

вет ли Владимир Ильич до утра, и предрассветный час, когда отряды, отправлявшиеся на Восточный фронт, беззвучно, на носках, проходили мимо Кремля, прощаясь взглядом с окиами, за которыми лежал ранеиый Леиин. Вспомиим горшочки с маслом и завериутые в холстину круглые деревенские хлебцы, присылавшиеся «болеющему от предательской пули с покушением на жизиь товарищу Леиииу».

Как же это произошло, что в доведеииой до полной разрухи страие, в которой почти не ходили поезда, почти не издавалось газет, не работала почта, не существовало радио, как в этой страие имя Ленина, слово Ленина, идеи Ленина в иеслыханно короткое время проникли в самые глухие, самые отдаленные углы?

Вспомним начало двадцать второго года, первые признаки перелома в междуиародной обстановке, послание, полученное Советским правительством от устроителей конфереиции в Геиуе, приглашавших его прислать свою делегацию во главе с Лениным, и вызваниую этим предложеиием бурю протестов: «Мы ие можем молчать по поводу приглашения иашего верного проводника великих пролетарских завоеваний Владимира Ильича иа Геиуэзскую конференцию министрами и королями международного капитала... Если у вас так велико стремление видеть его и выслушать от него отцовские наставления, пожалуйте к нам в Москву — дорога открыта, а к вам мы его ие пустим, потому что мы вам не верим...» «Если нужно, мы иа своих плечах перенесем конфереицию в Москву и обещаемся дать представителям капиталистических держав надежиую охрану их жизни и безопасиости...»

И вспомиим дни, когда, по горестному народному выражеиию, «Россия осиротилась Лениим» и в самых глубинах рабочего класса родилась идея ленинского набора, леиинского призыва тысяч и тысяч беспартийных рабочих в ряды нашей партии, чтоб возместить понесенную ею безмериую утрату.

Как, чем завоевал Леиин это великое, иеостывающее чувство?

И тут мы сиова возвращаемся к раздумьям о Ленине, о тех чертах его духовного и душевного склада, которые в сочетании с остальиыми его качествами политического

борца сделали его вдохновителем и вождем величайшей в истории народной революции.

В середине тридцатых годов видный теоретик Второго Интернационала Хендрик де Ман в книге «Die socialistische Idee», называя Ленина «последним из самых великих», писал:

«Для колоссального влияния личности Ленина на русские народные массы совсем, конечно, не безразлично было то, что он в своей частной жизни мог жить в шалаше и в своей внешности обнаруживал абсолютное безразличие ко всем признакам буржуазного хорошего тона. Его портреты вряд ли занимали бы место старых русских икон в русских рабочих жилищах и крестьянских хижинах, если бы он носил вместо своего простого рабочего костюма и рабочей кепки приличный чиновничий костюм немецкого партийного вождя или роскошное одеяние министра или дипломата во фраке и звездах. Конечно, и этот костюм, и рабочая кепка нисколько не прибавили бы к его популярности, если бы они были только позой, то есть если бы они, как и его язык и его мимика, не воспринимались бы как естественное самовыражение человека, который сознает себя носителем и исполнителем высокой идеи и для которого буржуазно-изысканная одежда значит так же мало, как и украшения буржуазной риторики».

Сказано умно, хотя в действительности все было намного содержательнее, тоньше, богаче. Ленин был близок народу своим простым костюмом и рабочей кепкой прежде всего потому, что, убедившись в ошибке, совершенной центральными партийными или советскими органами, он мог сказать: «Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко» в такой-то вопрос. Что, придя на рабочее собрание, на котором резко ругали работу Советской власти, присаживался в уголке и внимательно выслушивал все, что говорится, а потом отвечал не по форме, а по сути дела. Словом, что он не для других только, а прежде всего для самого себя считал непреложными принципы, выполнение которых необходимо для установления правильных отношений между партией, Советской властью, с одной стороны, и народными массами — с другой: жить в гуще рабочей жизни, знать эту жизнь вдоль и поперек, уметь безошибочно определить в любой момент по любому вопросу настроения массы, ее стремления и мысли, уметь за-

воевать безграничное доверие массы товарищеским отношением к ней, заботливым удовлетворением ее нужд.

Уметь все это и в то же время не льстить массе, не потакать ее отсталости. Без тени фальшивой идеализации, ясно видя степень сознательности и силу влияния тех или иных предрассудков, неуклонно поднимать ее на уровень более и более высокий.

Никогда Ленин не считал, что партия должна опрощаться, опускаться к народу,— в этом он видел прежде всего неуважение к народу. Даже в тех случаях, когда речь шла о людях, которых надо учить с азов, он требовал «учить не «полунауке», а *всей науке*». В беседе с Кларой Цеткин об искусстве говорил, что искусство «gehört dem volne... Sie muss von diesen verstanden... werden» [1] — «принадлежит народу и должно быть понято массами».

«Не льстить массе, не отрываться от массы». Именно в этом соединении был источник силы Ленина как вождя революции и секрет того абсолютного доверия, с которым относились к нему массы.

«Он на редкость был откровенен в совершенных ошибках, писал о нем В. И. Каюров, человек, о котором Владимир Ильич отзывался как о «великолепном питерском рабочем». Почему, в самом деле, Ильич, до 1917-го года малоизвестный большинству рабочих и крестьян в России, в самый короткий срок завоевал себе их симпатии? Ведь Ильич не отличался ни мягкостью, ни ласковостью, ни прочими подобными качествами в обращении с рабочими, и не раз мы уходили от него оскандаленные и осмеянные?.. Потому что его прямота и исчерпывающие ответы на труднейшие вопросы удесятеряли веру в вождя даже после «бани» Ильича.

Вот отличительная черта Ильича от других...»

---

[1] В широко распространенном переводе воспомнинаний, иаписаиных Кларой об этой беседе, это место переведено: «Оно должио быть поиятио массам», что ие только ие соответствует совершеиио точио сформулироваиному тексту Клары, но не соответствует всему отношеиию Леинна и к иароду, и к искусству.— *Е. Д.*

22

Когда пишешь о Ленине, самое неверное и самое вредное — впасть в никому не нужную, наспех приметанную дидактику, превращающую живого, движущегося, думающего, так нужного нам «сегодня, здесь, сейчас» Ленина в застывшую в своей неподвижности икону, подобно тому как это не раз случалось с великими революционерами прошлого, о которых Ленин писал в «Государстве и революции», что «после их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы», и, вернувшись к этому образу в «Заметках публициста», разъяснял: «...на икону надо помолиться, перед иконой можно перекреститься... но икона нисколько не меняет практической жизни, практической политики».

А он всегда хотел именно менять практическую жизнь и вторгаться в практическую политику. И недаром уже в первой своей книге «Что такое «друзья народа»...» он сочувственно приводил стихотворный эпиграф, взятый Каутским для его книги об экономическом учении Маркса: «Мы хотим, чтобы нас меньше почитали, но зато прилежнее читали!»

Он не выносил оваций, чествований, славословий. Ни по отношению к другим, ни по отношению к себе. По отношению к себе больше, чем по отношению к другим. И когда старый его друг Федор Аронович Ротштейн в статье «Моя исповедь», рассказывая о своем пути к большевизму, заговорил о Ленине и выразил уверенность, что Ленин войдет в историю в качестве величайшего революционера всех времен, потому что ни у кого не сочетались в такой степени и гармонии революционная энергия с революционной мыслью и прозорливостью,— когда Ротштейн написал это, он, словно почувствовав недовольное движение Ленина, парировал его восклицанием: «Пусть Ленин не сетует на меня: он — общественный деятель, и он должен уметь переносить как нападки, так и похвалы».

Ротштейн писал свою «Исповедь» в Лондоне. Было это в июле восемнадцатого года. Он прислал ее в Москву. Ленин познакомился с ней и просил ее не печатать. Товарищи нарушили этот запрет, когда Ленин лежал между жизнью и смертью после ранения право-эсеровскими пулями, и в начале сентября опубликовали «Исповедь» Ф. А. Ротштейна в газетах.

«При его жизии я и не решился бы все это написать — из-за искренней ненависти Ильича ко всяким подобным излияниям чувств и чествованиям»,— такими словами начал Петр Иванович Стучка свой рассказ о том, как он «один раз пытался устроить Ленину маленькую овацию, но был наказан по заслугам».

Было это в Совнаркоме в день годовщины «Апрельских тезисов» семнадцатого года. Известно, какое впечатление произвели на всех эти знаменитые тезисы, в которых Ленин провозгласил идею перехода к социалистической революции. И не только на соратников Ленина. Уж на что Суханов с рыбьей кровью, но и он, описав в своих «Записках о революции» встречу Ленина у Финляндского вокзала, бушующие волны огромной толпы, Ленина на броневике, звуки «Интернационала» и «Марсельезы», под которые Ленина повезли во дворец Кшесинской, речь Ленина во дворце, в которой он изложил свои тезисы, получившие название «Апрельских», даже Суханов восклицает:

«Я никогда не забуду эту молниеподобную речь. Я никогда не забуду этой речи, потрясшей и поразившей не только меня, еретика, случайно находящегося там, но и всех правоверных. Я утверждаю, что никто не ожидал ничего подобного. Двинулась стихия, и дух всеразрушающий, не знающий ни сомнений, ни преград, ни человеческих затруднений, витал в зале Кшесинской...»

П. И. Стучку поразило историческое совпадение: Ленин выступил со своими «Апрельскими тезисами» ровно через четыреста лет после того, как Мартин Лютер в 1517 году приколотил к дверям дворцовой церкви в Виттенберге свои 95 тезисов против догматов католической церкви, и эти тезисы Лютера, о которых Энгельс сказал, что они «оказали то же действие, как удар молнии на бочку пороха», послужили сильнейшим толчком к развертыванию буржуазной революции.

И вот в апреле восемнадцатого года П. И. Стучка решил произнести на заседании Совнаркома речь, в которой сопоставил и противопоставил тезисы Лютера и тезисы Ленина, показал колебания, противоречия, затемненность схоластическими формулировками тезисов Лютера и единство и целеустремленность тезисов Ленина.

Пока Стучка говорил о Лютере, Ленин, несколько недоумевая, слушал его с интересом. Но когда он заговорил об «Апрельских тезисах» и Ленин понял, куда он клонит, он оборвал Стучку и, пользуясь своей властью председателя, предложил Совнаркому перейти к очередным делам.

Роль Ленина в партии никогда не определялась парадами, шумихой, фанфарами, обязательными эпитетами типа «гениальный», «непревзойденный» и им подобными. Суть была в действительной мудрости, действительном богатстве интеллекта, которое чувствовали все, кто с ним соприкасался.

— Все это хорошо,— быть может, скажет читатель.— Но вы, если не считать Суханова, все время приводите отзывы о Ленине, принадлежащие его соратникам и единомышленникам. Совершенно естественно, что эти люди находились под обаянием его исключительного интеллекта и соответственно с этим формулировали свое представление о нем. Но были ли они объективны?

Обратимся к свидетельствам людей, абсолютно далеких Ленину, к тому же относящимся ко времени, когда Ленин был не главой Советского правительства, не человеком со всемирно известным именем, а революционным эмигрантом, которого знали лишь в сравнительно узком кругу.

Свидетельства, которые мы приведем, принадлежат к числу тех, которые наиболее ценны с точки зрения своей исторической достоверности: это не статьи, не воспоминания, не литературные произведения, а записи в дневниках, сделанные тогда же, под непосредственным впечатлением от услышанного, и не предназначенные для публикации.

Первое из них принадлежит Евгению Багратионовичу Вахтангову.

В последних числах декабря тысяча девятьсот десятого года молодой Вахтангов, незадолго до того окончивший театральное училище, поехал в Париж вместе с Леопольдом Антоновичем Сулержицким, который был приглашен театром Режан, чтобы поставить «Синюю птицу».

Вахтангов никогда еще не бывал за границей и очень хотел там побывать. Особенно влек его к себе Па-

риж. Времени было мало, увидеть хотелось бесконечно много. В кармане у него лежала записная книжка, в которую он телеграфным языком, чаще всего укладываясь в одно слово, заносил увиденное, только регистрируя, ни звуком не упоминая о своих впечатлениях. С этой точки зрения все записи его походили одна на другую:

«30 декабря 1910 г. Приезд в Берлин. Городовые. Фридрихштрассе. Зоологический сад. Не ели до вечера. Гостиница «Россия».— 31 декабря 1910 г. Музей Королевский. Национальная галерея (беглый обзор: иконы, итальянские мастера. Скульптура древних. Не успели картины). Памятники. Замок. Тиргартен (Аллея победителей). Статуи. Рейхстаг. Переезд через границу Бельгии. Никакого осмотра. Снег. Солнце. Тоннели. Фабричные трубы. Фламандское и Валлонское. Приезд в Париж. Метро. Латинский квартал.— 4 (17) января 1911 г. Пантеон. Стенная живопись (Жизнь св. Жанны д'Арк). Люксембургский музей. Две скорби — скульптура Родена из цветного мрамора, вне света».

И вдруг среди этих предельно лаконичных, «однословных» записей под датой 5(18) января, то есть на пятый день после приезда Вахтангова в Париж, мы читаем:

«Вечером лекция Ленина»

Больше ни слова. Что за лекция — неизвестно.

Но берем соответствующий том Собрания сочинений Ленина, раскрываем календарь дат его жизни и деятельности. Находим пятое января. Читаем:

«Январь 5(18). Ленин в Париже читает реферат о Л. Н. Толстом».

Так вот на какой лекции Ленина побывал Вахтангов.

Могут сказать: «Невелико дело. Попал русский в Париж, кто-нибудь из знакомых затащил его на эту лекцию. Ведь вы ничего не знаете о впечатлениях, вынесенных Вахтанговым о лекции Ленина и о самом Ленине. А голому факту, что он слушал эту лекцию,— цена грош».

Это, может, было бы так, если б восемь дней спустя в записной книжке Вахтангова не появилась такая запись: «13 января... Реферат Ленина не состоялся».

Значит, тринадцатого января Вахтангов снова ходил слушать Ленина. Заметим, что нигде, ни в одной кар-

тинной галерее, ни в одном театре, ни в одном исторически примечательном месте Парижа Вахтангов не бывал дважды, а слушать Ленина пошел во второй раз. Заметим также, что был Вахтангов до того занят, до того закручен Парижем, что лишь на другой день после несостоявшегося реферата Ленина посетил Лувр, увидел Венеру Милосскую, побывал на Эйфелевой башне.

Вспомним и другое. Вспомним, что дело происходило вскоре после трагического ухода Льва Толстого из Ясной Поляны и его смерти. Что Сулержицкий был очень близок с Толстым и не мог не разговаривать о Толстом с Вахтанговым. Вспомним также, каким тонким, взыскательным художником был Вахтангов.

Как сильно должно было быть впечатление, произведенное на Вахтангова Лениным, если после лекции его о Толстом он пошел слушать его во второй раз.

Автором второго упомянутого нами свидетельства является человек из совершенно чужого нам мира — французский посол в царской России Морис Палеолог.

Осенью тысяча девятьсот четырнадцатого года Палеолог жил в Петербурге. Внимательно следил за всем происходящим в России. Вел дневник, который впоследствии опубликовал в Париже: «Царская Россия в годы войны». Имел тайных осведомителей в самых различных слоях русского общества, в том числе и некоего В., вхожего в революционные круги.

17 октября 1914 года Палеолог занес в свой дневник разговор, который был у него в тот день с этим самым В. по поводу Ленина, чья антивоенная деятельность стала известна господину Палеологу.

— Скажите,— спросил Палеолог своего собеседника,— не является ли Ленин немецким провокатором?

— Нет,— ответил тот.— Ленин человек неподкупный. Это — фанатик, но необыкновенно честный, внушающий к себе всеобщее уважение.

— В таком случае он еще более опасен,— заключил Палеолог.

Не можем не признать справедливость вывода, сделанного господином послом.

Очевидец того времени, человек, который был тогда очень далек от нас, записал по свежей памяти свой разговор с провинциальным партийным работником — делегатом Одиннадцатого съезда партии, очень хорошо сказавшим, чем был Ленин для партии.

— Я приезжаю на съезд, чтобы послушать Ильича,— говорил этот товарищ.— После года напряженной работы в провинции с проведением продовольственных и топливных кампаний, с преодолением каждодневных мучительных трудностей приезжаешь сюда, в Москву, усталый безмерно, даже разбитый физически и душевно, нередко сбитый с толку противоречивой сутолокой хозяйственного строительства, со смутным осадком сомнений и недоумений на душе. И речь Ленина успокаивает, бодрит, исцеляет. Ленин дает мне все, что нужно для работы: учет прошлого опыта, сил и возможностей, понимание очередных задач, политическую осмысленность и внутреннюю душевную ясность. Я ухожу со съезда освеженный, бодрый, успокоенный, с нормальным запасом сил, энергии и уверенности для работы на целый год.

Словно вся жизнь прошла с тех пор, словно вчера это было — зал Большого театра, празднично убранный ко Второму Всесоюзному съезду Советов, черные траурные полотнища, прикрепленные к алым знаменам, одетая в траур Москва, бесконечная человеческая лента у Дома союзов, протяжные прощальные гудки, минуты расставания с Владимиром Ильичем. И голос Надежды Константиновны, обращенный к партии, народу, России:

— Я говорю к представителям республик трудящихся, к близким, дорогим товарищам, которым предстоит строить жизнь на новых началах, то поэтому, товарищи, думается, я не должна связывать себя никакими условностями... За эти дни, когда я стояла у гроба Владимира Ильича, я передумывала всю его жизнь, и вот что я хочу сказать вам. Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным. Никогда этого он не говорил сам, да и я бы, вероятно, не сказала этого в другую, менее торжественную минуту... Товарищи, умер наш Владимир Ильич, умер наш любимый, наш родной...

«Большая у меия просьба к вам: не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитаиие его личиости. Не устраивайте ему памятиików, дворцов его имеии, пышиых торжеств в его память и т. д.— всему этому ои придавал при жизии так мало зиачеиия, так тяготился всем этим. Помиите, как миого еще иищеты, неустройства в иашей стране... И самое главиое — давайте во всем проводить в жизнь его заветы»,— писала иесколько дией спустя Надежда Коистаитииовна в «Правде».

И самое главиое — давайте во всем проводить в жизиь его заветы. «Weiter... Weiter...» — дальше, дальше!

ОБ АВТОРЕ И ЭТОЙ КНИГЕ

Летом 1918 года в сражавшемся с белочехами отряде, сформированном нз молодых коммунистов н комсомольцев-москвнчей, ходнла по рукам брошюра — тезнсы Маркса о Фейербахе. Ее зачитывалн до дыр, заучивалн наизусть... В обстановке фронтовых будней, где великое н ннзкое, трагическое и обыденное тесно сплеталнсь между собой, «высокий слог» Маркса звучал как-то по-особому значнтельно.

Боец Елнзавета Драбкина вступила в большевистскую партию в апреле 1917-го шестнадцати лет от роду. И когда однажды она рассказала командиру отряда Ивану Кудряшову свою бнографию, тот задумчиво, как глубоко осознанное н пережитóе, процитировал Маркса по памяти: человеческая сущность не есть абстракт, прнсущнй отдельному инднвиду. В своей действительностн она есть совокупность всех общественных отношеннй...

Об этом эпнзоде Драбкнна вспомнила в книге «Черные сухари».

И в самом деле, роднсь она в другой семье, а не в семье профессионального революцнонера-большевнка Сергея Гусева, кочевавшего по тюрьмам, ссылкам н эмнграцнн, а главное — появись она на свет в другое время, то н жнзнь наверняка сложилась бы по-иному. Впрочем, н она была бы уже не она, а кто-то другой, какой-то совсем иной «инднвндуум».

А так... Она актнвно участвовала в Октябрьской революцнн 1917 года в Петрограде и в Ноябрьской

революции 1918 года в Германии. Сражалась пулеметчицей на фронтах гражданской войны. Штурмовала Кронштадт в 1921-м. «Мне выпало счастье,— писала Драбкина,— быть свидетельницей событий необыкновенных. Я знала людей, чьи имена и деяния навеки вошли в историю человечества».

Когда она была совсем маленькой, с ней играла Роза Люксембург и «сам» Карл Каутский гладил ее по головке. А потом...

Не раз бывала она в гостях и беседовала с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной. Работала секретарем у Якова Свердлова. Встречалась с Феликсом Дзержинским, Анатолием Луначарским, Александром Цюрупой, Александрой Коллонтай... Даже «Реквием» Моцарта она слушала в 1922 году вместе с Георгием Чичериным и Михаилом Тухачевским. Да знакомства хотя бы с одним из этих людей вполне хватило бы другому, чтобы писать об этом всю жизнь.

Это были поистине удивительные люди. «История давно уже показывала,— говорил Ленин,— что великие революции в ходе своей борьбы выдвигают великих людей и развертывают такие таланты, которые раньше казались невозможными». Так было и в России. И не случайно острый на глаз американец полковник Раймонд Робинс, находившийся в Петрограде в самой гуще революционных событий, записал в своих мемуарах, что Советское правительство — Совет Народных Комиссаров — «по своей культуре и образованности был выше любого кабинета министров в мире».

Мы много писали о революционной работе и политической деятельности этого поколения революционеров. И гораздо меньше — о их нравственном облике. А ведь одно от другого неотделимо. XXVII съезд КПСС напомнил всем нам о том, что коммунисты должны быть не только политическим, но и моральным авангардом народа, то есть напомнил ту ленинскую мысль, что партия — это не только ум, но и честь, совесть эпохи. И с одним умом, в котором вряд ли

откажешь и нашим противникам, с одним умом — без чести и совести — партия никогда бы не смогла, как выразился Ленин, «убедить Россию».

Еще в юности Владимиру Ильичу глубоко запали в душу слова Чернышевского о том, что в России «всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером». И, действительно, порядочные люди шли в революцию не ради славы или карьеры, а потому, что чужая боль воспринималась ими как боль собственная. Они и вступали на тернистый путь борьбы именно для того, чтобы избавить людей от этой боли.

Освобождение угнетенных и обездоленных, слабых и униженных составляло нравственную суть российской революционной традиции. «Это — великое дело,— писал Ленин,— и на такое дело не жалко и всю жизнь отдать».

Марксизм, для которого человек является не средством, а единственно достойной целью борьбы, лишь упрочил эту традицию, создав те высочайшие морально-этические нормы, которые проявляли себя и в выборе методов борьбы, и в нравственном облике самих пролетарских революционеров. На этой традиции воспитывались и новые поколения борцов.

Проходили годы, и партия, считавшая ранее свои ряды на тысячи и десятки тысяч, стала насчитывать уже сотни и сотни тысяч. В дни Февральской революции 1917 года из подполья вышло 24 тысячи большевиков. К Октябрю их было около 350 тысяч. К 1920 году — около 612 тысяч, к 1921-му — свыше 732 тысяч, а к 1925-му — более 800 тысяч. Теперь, пожалуй, и Елизавету Драбкину с ее дооктябрьским стажем вполне можно было относить к «старым большевикам».

Но было в этом стремительном росте и то, что настораживало Владимира Ильича.

В 1922 году Ленин писал: «Если не закрывать себе глаза на действительность, то надо признать, что в

настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией».

Да, тонок был этот слой. И его «безраздельный авторитет» опирался не на занимаемые посты, а на признававшуюся всеми идейную, политическую, нравственную прочность и чистоту. Они и занимали-то свои посты именно в силу этого авторитета. Вот в чем заключалась сила влияния «старой партийной гвардии». Она определяла общую атмосферу, существовавшую в партии, точнее, те моральные устои, которые создавали эту атмосферу.

Это не была мораль религиозной секты или монашеского ордена, отделяющая «посвященных» от прочей «греховной черни». Это была глубоко народная, по сути своей, нравственная традиция, воспринимавшаяся массами не только как справедливая, но и как единственно возможная для коммуниста норма поведения.

В этой книге Драбкина приводит малоизвестное письмо Н. К. Крупской старому русскому педагогу и писателю И. И. Горбунову-Посадову, написанное в конце 1917 года: «...теперь, когда живешь с массой, часто переживаешь такое чувство, точно присутствуешь при тайне одухотворения, очеловечения жизни масс. И мне ужасно жаль, что нет художника настоящего, который мог бы в художественном произведении отразить этот процесс».

Эта народная масса, поднимавшаяся и «одухотворявшаяся» революцией, предъявляла высочайшие требования и к самим революционерам. Им, взвалившим на себя гигантский груз исторической ответственности, не прощали ни слабости, ни корысти. И партия стремилась не обмануть этих надежд и ожиданий.

Было, конечно, немало мерзавцев и мздоимцев, подлецов и бюрократов — иначе откуда появились бы у Ленина «комчванство» или «комсволочь»,— но не они определяли облик партии. Новые поколения коммуни-

стов, вступая в ее ряды, стремились к тому, чтобы нравственная максима «старой гвардии» стала нормой и их поведения.

Лишь один эпизод из этой книги...

Зимой 1921/22 года, когда после засухи в Поволжье начался страшный голод, Елизавета Драбкина получила из Самарской губернии послание. Писал Флегонтыч — красноармеец, бывший у нее ездовым при штурме Кронштадта. В своем прощальном письме он рассказывал, что семья его уже «ушла в смертную дорогу», что близок и его час, но, «как коммунист, он не позволяет себе слечь, а работает и будет работать до последнего...».

Собрав все, что было, она бросилась туда — в самое пекло...

И вот в деревне Таволожка, что недалеко от города Пугачева, она увидела человека, который брел посредине улицы...

Его желто-серое лицо, будто налитое водой, было сглажено сплошным отеком в тугую, плоскую маску. Он шел негнущимися ногами и качался словно колос на ветру. Но оставалось в его шатающемся теле что-то от воинской выправки — быть может, прямизна спины, быть может, руки, слабо взмахивавшие в такт шагу...

Он роздал по деревне все, что ему привезли, но не уехал: «Разве ж я могу своих односельчан бросить? Ведь я ж один на наше село живой коммунист остался».

Не уехал и... умер.

Он поступил так, потому что был истинным коммунистом. И хотя партстаж его был невелик — всем своим нравственным обликом Флегонтыч становился в один ряд с бойцами старой ленинской гвардии.

Как же надо было беречь эту гвардию... Продолжая мысль о том, что именно этот «тончайший слой» определяет пролетарскую политику партии, Ленин писал: «Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком

случае ослаблен настолько, что решенне будет уже завнсеть не от него».

Как же надо было беречь этих, да и не только этих, людей....

Но н они не берегли себя, н сама жнзнь не щадила их. Не пощаднла она н Елнзавету Драбкину.

В 1932 году она выпустнла первую свою кннгу-роман «Отечество». Голова ее была полна самымн разлнчнымн планамн, надеждами... Но следующая книга Драбкиной — «Черные сухарн» стала печататься лншь через 25 лет, уже после XX съезда партнн. А в промежутке — арест, ссылка... И еслн уж было в нашей нсторнн, как теперь говорят, «н то и другое», то она сполна хлебнула н «того» н «другого».

Помню, как в середнне 50-х годов онн возвращались из ссылкн... Пожалуй, более всего поражала нх несломленность, нерастраченность того ндейного, нравственного, эмоционального заряда, который дала этому поколенню революция. Лучшнй тому пример — Елизавета Драбкнна, автор этой кнnги.

Вернувшнсь, она не стала пнсать романов. Теперь она рассказывала читателям о Ленннe, о своей молодостн, о тех замечательных людях, с которымн ей довелось встречаться в те далекие и легендарные революционные годы. Ее «Черные сухари» стали печататься в 1957 году н сразу же нашлн свою благодарную аудиторию.

В 1968 году «Новый мир» начал публикацню первой частн «Знмнего перевала». Была напнсана и вторая часть. Но наступнло уже другое время...

Нашлнсь горе-спецналнсты, которым медведь наступил не только на ухо. Музыка революции — живая, яркая, наполненная интереснейшимн людьми исторня — никак не укладывалась в нх сухне, безжнзненные и безлюдные схемы. И к общему стыду нашему, усилня этих «специалистов» увенчалнсь успехом. Публнкацня «Зимнего перевала» была прекращена. Потребовалось еще почтн 20 лет, чтобы книга увндела свет. Отрадно,

что предлагаемое читателю второе издание значительно пополнилось за счет новых материалов, обнаруженных Политиздатом в личном архиве Е. Я. Драбкиной. Это главы «На кронштадтском льду» и «Путешествие в нэп», неизвестные страницы о жизни В. И. Ленина и его окружения. Новые материалы заметно обогатили книгу, полнее раскрыли благородный замысел автора.

Трудно определить жанр этой книги. Это не «чистые» мемуары, ибо Елизавета Драбкина пишет не только как очевидец, но и как художник. Пишет не только о том, что происходило с ней и чему она была свидетелем. Но и о том, чего сама не видела, что происходило без нее.

Конечно, в центре этой книги — Ленин. Драбкина рассказывает о нем и его делах с той удивительной человеческой нежностью, с которой относились к нему соратники и товарищи по борьбе, широчайшие массы трудового народа. Она вновь и вновь перечитывает и вдумывается в его последние работы, приводит воспоминания современников, прессу и документы тех лет. Но все это Драбкина как бы пропускает через свою память и свое восприятие того удивительного времени, которое навсегда осталось для нее временем и ее юности и молодости нашей республики.

Может быть, именно такое «личное» восприятие и создает тот особый аромат эпохи, то общее ощущение правды, которое возникает при чтении «Зимнего перевала». И дорогого стоят слова Елизаветы Драбкиной, когда, пройдя через все испытания, она пишет в этой книге о том времени: «Жизнь, как всегда, шла в сталкивающихся и набегающих друг на друга противоречиях. Но над всем этим господствовала та глубокая уверенность в будущем, которая составляет один из важнейших компонентов человеческого счастья».

Эта книга — своего рода эстафета от того поколения «старой партийной гвардии»... Эстафета нам, продолжающим дело Великого Октября сегодня.

Впрочем, сегодня в адрес нашего поколения

раздаются порой упреки в «иетерпимости», «фаиатизме», «излишией жестокости»...

Недостаток миогих наших сегодияшних споров зачастую состоит в том, что мы высокомерно или с состраданием взираем на прошлое и расставляем отметки за поведение имея багаж опыта, зиаиий и представлений дия иынешиего. А может быть, стоит перед тем как судить, а тем более — осуждать, попытаться взглянуть иа это прошлое глазами его совремеиииков, поиять те коикретиые и реальные условия, которые составляли самое существо того времеии...

Когда Лев Толстой выступил со своей знамеиитой статьей «Не убий иикого», Г. В. Плехаиов ответил ему: «Эта мысль,— представляющая собой, по выражеиию гр. Л. Н. Толстого, подтверждение, а по-моему, самое простое повтореиие весьма древиего «закона»,— сама по себе совершеиио правильиа. Но эта сама по себе совершеиио правильная и очень, очеиь древняя мысль до сих пор еще везде далека от своего осуществлеиия,— и особеиио далека оиа от иего в России... Стало быть, вопрос не в том, правильиа ли сама по себе эта очеиь, очеиь древияя мысль, а в том, где лежат препятствия, мешающие ее осуществлеиию, и какими средствами могут быть устраиеиы эти препятствия?» Иными словами, когда речь идет о жестокости и насилии, иадо каждый раз ие только «судить», ио и аиализировать конкретные обстоятельства, породившие их.

Миогие революции проходили через полосу кровавого иасилия и граждаиской войиы, когда в созиании людей мир раскалывался надвое и через человеческое сообщество проходила линия баррикад, делившая всех иа красных и белых, «своих» и «чужих».

Елизавета Драбкииа без колебаиий сделала свой выбор. Но важно поиять, что при такой жестокой дифферепциации личиый выбор вообще крайие ограиичеи. Вам могут ие иравиться чем-то ни те, ии другие. Одиако лииия баррикад ликвидирует какое-то иное — «третье пространство» и вы выиуждены встать либо по ту, либо

по эту сторону. И история гражданских войн не только в России, но и во многих других странах изобилует духовными, человеческими, политическими драмами и трагедиями, возникавшими в силу такого рода ситуаций.

Именно такой трагедией обернулась гражданская война для многих субъективно честных людей, оказавшихся «по ту сторону», как обернулся трагедией и столь ярко описанный Драбкиной Кронштадтский мятеж, объективно отбрасывавший его участников, независимо от их личных намерений и побуждений, в лагерь контрреволюции.

Важно наконец понять и то, что причины такого рода жестокой конфронтации крылись не в «фанатизме» тех или иных учений или политических деятелей, а в реальной многовековой борьбе богатых и бедных, эксплуататоров и эксплуатируемых. «Каждая ранняя и новая жестокость господина была записана его рабами в книгу мщения, и только кровь его могла смыть эти постыдные летописи. Люди, когда страдают, обыкновенно покорны, но если раз им удалось сбросить ношу свою, то ягненок превращается в тигра, притесненный... платит сторицей, и тогда горе побежденным...» Это написал совсем молодой Лермонтов задолго до 1917 года.

Да, революция — это тот предел, когда кончается терпение и покорность угнетенного человека, не желающего более мириться с рабством и нечеловеческим существованием. Ну а когда угнетатели не хотят мирно расстаться с властью и своими привилегиями, вот тогда и начинается гражданская война. «Самая борьба с эксплуататорами,— говорил Ленин,— взята нами из опыта. Если нас иногда осуждали за нее, то мы можем сказать: «Господа капиталисты, вы в этом виноваты. Если бы вы не оказали такого дикого, такого бессмысленного, наглого и отчаянного сопротивления, если бы вы не пошли на союз с буржуазией всего мира,— переворот принял бы более мирные формы».

А война есть война. Она бесчеловечна, ибо на ней людей убивают. У нее своя логика и свои законы. Ее нельзя ни поэтизировать, ни романтизировать, ибо всякое насилие над человеком есть зло.

Когда в конце 1918 года Ф. Э. Дзержинский составлял инструкцию об арестах врагов революции, он написал: «Лишение свободы повинных людей есть зло, к которому в настоящее время необходимо еще прибегать, чтобы восторжествовали добро и правда. Но всегда нужно помнить, что это зло...» Это было написано не в «философских тетрадях» и не в письмах к жене, а в служебной инструкции.

Как-то в разговоре с Горьким Ленин сказал ему: «Вынужденная условиями жестокость нашей жизни будет понята и оправданна. Все будет понято, все».

«Все будет понято...»

Драбкина рассказывает, как однажды, когда Ленин был еще вполне здоров, веселая стайка молодежи встретила его на одной из кремлевских площадей. И в конце недолгого разговора, глядя с какой-то внутренней теплотой на возбужденные и радостные лица комсомольцев, Владимир Ильич напомнил им слова Гёте: «Достигни сам того, что ты унаследовал от своих отцов. Только тогда оно будет твоим».

Доктор исторических наук
В. Логинов

СОДЕРЖАНИЕ

Сентябрь — октябрь 13
Зимний перевал 43
На кронштадтском льду 77
В марте двадцать первого 133
Путешествие в иэп 147
Черная година 173
Всерьез и надолго 191
Раздумья в Горках 245
«Weiter... Weiter...» 293
Об авторе и этой книге 386

Драбкина Е. Я.

Д72 Зимний перевал.— 2-е изд., доп.— М.: Политиздат, 1990.— 396 с., ил.

ISBN 5—250—00715—5

Эта книга — о тех годах, которые, по словам автора, «иазывают годами перехода к иовой экоиомической политике и которые являются последнями годами жизии Владимира Ильича Леиииа». Написаииая в 60-е годы, до чнтателя она дошла только в конце 80-х н получила его прнзнаиие за глубииу н честность освещения политических, экоиомических, иравствениых проблем.

Второе издаиие киигн значительно дополиено за счет иовых материалов, обиаруженных в личиом архиве писательиицы.

Адресована шнрокому кругу читателей.

Д $\frac{0103020000—020}{079(02)—90}$ 26—90 ББК 13.51.

Елизавета Яковлевна Драбкина

ЗИМНИЙ ПЕРЕВАЛ

Редактор Л. С. Макарова
Младшие редакторы С. В. Вершинская, Н. Ю. Качина
Художник Б. А. Макин
Художественный редактор О. Н. Зайцева
Технические редакторы Т. Н. Полунина, Т. А. Новикова

ИБ № 8435

Сдано в набор 15.08.89. Подписано в печать 26.01.90. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21. Усл. кр.-отт. 22,05. Уч.-изд. л. 20,15. Тираж 100 000 экз. Заказ № 151. Цена 1 р. 10 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

осуществит выпуск в 1989—1991 гг.:

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине

В 10 томах.

Одна из задач издания — познакомить читателей с нензвестными или забытыми воспоминаниями о В. И. Ленине, восполнить недостающие звенья в ленинской биографии, уточнить многие ее факты, преодолеть ранее созданные стереотипы, расширить наше представление о целой плеяде революционеров, которые вместе с Лениным шли на штурм самодержавия, устанавливали и отстаивали власть Советов, закладывали фундамент соцнализма.

Читателн впервые познакомятся с воспоминаниями Н. И. Бухарина, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, В. Н. Каюрова, Н. Н. Крестинского, К. А. Мехоношина, Н. Осинского (В. В. Оболенского), К. Б. Радека, Ф. Ф. Раскольникова, А. И. Рыкова, И. Т. Смилги, И. А. Теодоровича, И. С. Уншлихта, А. Г. Шляпникова, Б. З. Шумяцкого. В издание включены воспоминания российских социал-демократических деятелей, которые расходнлись с Лениным и идейно и организационно, например Ю. Мартова, Н. Суханова и других.

Новое издание «Воспоминаний о Владимире Ильиче Ленине» предпринято по многочисленным просьбам читателей. Оно воссоздает живой образ Ленина — ученого, революционера, партийного и государственного деятеля, публициста, оратора.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

готовит к выпуску в 1990 году:

Старцев В. И. ЧЕТЫРЕ ДОРОГИ ВРОЗЬ

Ленин, Мартов, Потресов, Струве. Эти люди стояли у колыбели Российской социал-демократической рабочей партии. Поначалу казалось, что все они шли одним или близкими путями. Первые трое были издателями «Искры», Струве написал Манифест I съезда РСДРП в 1898 году, помогал сторонникам Ленина печататься в легальных изданиях. Но жизнь развела этих людей по разным дорогам.

Главный герой предлагаемой книги — Ленин. Автор ее, доктор исторических наук, впервые в нашей литературе правдиво и интересно рассказывает также о Мартове, Струве и Потресове, отмечает их заслуги перед российским пролетариатом, указывает на ошибки, отход от идей революции.

1 р. 10 к.

Ей было всего шестнадцать,
когда вскоре после
Февральской революции
она вступила в партию большевиков.
Ее убеждения формировались
под воздействием ленинских идеалов,
непосредственного общения
с соратниками В. И. Ленина.
И вся нелегкая судьба
Елизаветы Яковлевны Драбкиной
(1901—1974 гг.) —
пример служения делу партии,
верности ленинским заветам.
Советским людям хорошо известно
ее имя по книгам «Черные сухари»,
«Навстречу бурям»,
«А. И. Ульянова-Елизарова»,
рассказам и эссе,
в которых писательница стремилась
реалистически воссоздать любимые ею
образы революционеров.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ